

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ

*

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Михаил Задорнов

Серия основана в 2000 году

С июня 2003 г. за создание «Антологии Сатиры и Юмора России XX века» издательство «Эксмо» — лауреат премии международного фестиваля «Золотой Остап»

*

Редколлегия:

Аркадий Арканов, [Никита Богословский], Владимир Войнович,

Игорь Иртеньев, проф., доктор филолог, наук Владимир Новиков,

Лев Новоженков, Бенедикт Сарнов, Александр Ткаченко,

академик Вилен Федоров, Леонид Шкурович

Главный редактор, автор проекта Юрий Кушак

Дизайн переплета Ахмед Мусин

Фотоматериалы — из личного архива автора

Я никогда не думал...

Я родился в городе Юрмале, под Ригой. И до сорока лет не думал, что родился за границей.

Вообще в детстве я очень радовался, что появился на свет в послевоенное мирное время. И не думал, что когда-нибудь войну, которую мы знали только по художественным фильмам, будем смотреть по телевизору как некий сериал с продолжением. Я наивно полагал, что все эксперименты с человечеством закончились Второй мировой войной и что нам-то навсегда хватит Великой Отечественной!

Учась в школе, я был уверен, что живу в самой большой, спокойной, лучшей стране мира. Я никогда не думал, что в далеком будущем, за границей, на вопрос «Откуда вы?» — буду отвечать стесняясь: «Из России». Мол, извините, так получилось... И тут же буду добавлять: «Но я — не мафия».

Да, я никогда не думал, что в моей жизни будет так много того, о чем я никогда не думал.

Например, в студенческой общаге, когда в честь победы наших футболистов, стоя под звуки нашего гимна, мы хлебали водку из майонезных банок, я не думал, что когда-нибудь у нас не будет ни сборной, ни гимна...

А когда в стройотряде мы, не зная, как подступиться к нашим девушкам, всю ночь с отмороженными ногами пели у костра «Милая моя, солнышко лесное...», мы не думали, что когда-нибудь можно будет без лишних хлопот заниматься любовью по Интернету, «посылать» друг друга по электронной почте, а Моцарта и Бетховена по нескольку раз в день слушать по телефону — в паузах, пока тебя соединяют с абонентом. Я думаю, сами Моцарт с Бетховеном не думали, что они идеально пишут для будущих телефонных аппаратов. А Чайковский не предполагал, что его «Лебединое озеро» так пригодится потомкам для замены телепрограмм во времена путчей и похорон.

Позже, работая в секретной лаборатории над созданием секретной форсунки для секретного двигателя секретнейшего космического корабля, из которого в Парке культуры недавно сделали ресторан «Буран», я даже не подозревал, что принимаю участие в создании самого секретного ресторана в мире.

Да еще я не думал, что лауреатом Нобелевской премии человек может стать не создавая, а разрушая. Для этого надо разрушить как минимум державу. И тогда есть все шансы получить Нобелевскую премию. Конечно, при жестком условии, что у тебя есть смокинг.

Помню, после работы, сидя в кинотеатре на каком-нибудь западном фильме, я возмущался тем, что наша цензура вырезает из их фильмов те самые места, из-за которых я пришел смотреть их фильм. А по вечерам мы пытались стрельнуть лишний билетик, чтобы попасть хоть в какой-нибудь театр. Пускай даже на откидное место, с которого видно сцену, только если встать на это откидное. Нас приводил в юношески-эротический трепет даже вид сорокалетней пионерки-травести, у которой галстук лежал на груди параллельно полу. Никто из нас не думал тогда, в нашем темном прошлом, что когда-нибудь, в нашем светлом будущем, согласно новым веяниям режиссуры Чайка будет наркоманкой, Отелло — «голубым», Дездемона — его мужиком, из трех сестер две — проститутками, одна представлять секс-меньшинство, а голый король Лир на нудистском пляже через слово станет вскрикивать: «Во, блин, буря разыгралась!»

Еще помню, как на Пасху мы ходили тайком наблюдать за крестным ходом. Я с завистью смотрел на тех, кому даже в то время было во что верить. И никак не думал, что когда-нибудь наши молодые священники станут говорить «о'кей», а за валюту освящать всё и вся согласно установленным ценам, как в меню: бампер у «Жигулей» — 20 долларов, капот у «Волги» — 40 долларов (он больше, на него требуется больший расход святой воды). «А у вас иномарка — с вас 1000 долларов». — «Почему так дорого?» — «Неправославная машина!»

Да, я никогда не думал, что мы проживем две совершенно разные жизни. И тем более не думал, что я, как сатирик, особенно подсоблю этому скоростижному скачку из периода застоя в период отёка. Поэтому, когда я боролся, как мне казалось, своей беспощадной сатирой за демократию, я, ей-богу, не думал, что демократия в России — это строй, при

котором все зависит от одного, главного демократа. Я радовался, как и многие в августе 91-го, грядущим переменам, не предполагая, что у нас не надо говорить «гоп», пока не увидал, во что впрыгнул.

Не думал, что воровство мы будем называть бизнесом, хамство — демократией, предательство — консенсусом, невыдачу денег — сиквестром, войну — зачисткой... А то, что не можем объяснить словами, — харизмой. Словом, которое очень напоминает харю после катаклизма.

Не думал, что самым страшным проклятьем в России будет фраза: «Чтоб твои дети стали шахтерами!» Что дети станут оставлять родителям записки: «Не волнуйтесь, в школе подложили бомбу, ушел смотреть». Не думал, что в московском метро человек с кольцом в ухе может вызвать подозрение у пассажиров: не граната ли у него в организме? И они будут зорко следить, чтобы никто случайно не дернул его за ухо, пока они не выйдут.

Не думал, что еще при нашей жизни молодое поколение, которое выберет пепси, «Макдоналдс» и заботу о тамагочи, будет путать Самсона с «Самсунгом», Рериха с Рюриком, Рембрандта с Риббентропом, а Сару Бернар с сенбернаром. Не думал, что на кассете с фильмом «Три поросенка» будет написано: «Детский боевик», а на ценнике романа «Анна Каренина» — «Эротический триллер». Не думал, что благодаря телепередачам некоторые слова в нашем языке настолько изменяют свой первоначальный смысл, что сантехник будет стесняться, предлагая хозяйке поменять прокладки, ибо за такое предложение хозяин может устроить ему зачистку всей его харизмы.

В детстве я вскакивал ночью с постели, потому что мне снились Вселенная, бесконечность, время и другие неконкретные философские сны. Я никогда не думал, что в пятьдесят лет буду вскрикивать по ночам оттого, что благодаря нашей рекламе мне будут сниться конкретно мои зубы, которые днем еще ничего, а вот к вечеру их начинает разъедать кариес, а в особо критические дни они покрываются перхотью от тети Аси.

И, наконец, однажды я проснусь в холодном поту оттого, что мне приснится самая западающая в душу наша реклама: героиня моего сказочного детства Снегурочка, которая прыгает через костер, тает... и от нее остается одна прокладка «Allways», над которой горько плачут старик со старухой. Этот сон станет для меня особой страшилкой, потому что наше поколение напоминает мне что-то вроде прокладки между растаявшим прошлым и будущим из того же прошлогоднего снега.

1977–1980

Обманули!

Такси не останавливались. Я так замерз, что готов был оплатить двойной счетчик, лишь бы меня скорее отвезли домой, в тепло. И вдруг... Словно из-под земли вынырнуло свободное такси и остановилось возле меня. Я кинулся к нему, но предложить двойной счетчик не успел, потому что из машины вышел водитель, открыл мне дверцу и сказал:

— Садитесь, пожалуйста! Замерзли, наверное?

— Что вы сказали? — не понял я и даже слегка отпрянул.

— Садитесь, говорю, скорее, — он мягко улыбнулся, — а я печку включу. Если вам этого будет мало, дам плед — ноги закутаете.

Я посмотрел на машину. Огонек, шашечки... Вроде такси.

— Но ведь мне в Чертаново! — неуверенно сказал я.

— В Чертаново так в Чертаново! — еще мягче улыбнулся водитель. — Куда пассажирам, туда и нам. Будьте любезны!

Насторожившись, я влез в машину.

— Если не возражаете, я провезу вас кратчайшей! — предложил водитель.

— Не надо кратчайшей. — Я решил быть начеку. — Поехали обычной.

— Не волнуйтесь, отдыхайте, — застенчиво засмеялся шеф, — все сделаем как надо.

По ногам сладко потянуло горячим. А по транзистору, что был подвешен к зеркальцу, заиграли Шопена. Но хорошее настроение не приходило.

«Зачем он заманил меня к себе в машину и теперь везет незнакомой дорогой? — Что есть силы я прижал портфель с сосисками к груди. — Надо было садиться на заднее. Там безопаснее. У меня все-таки жена. Дети-близнецы... Старший уже в школу пошел!»

Первым нарушил молчание шеф.

— Вам какой вальс Шопена больше нравится? — спросил он.

— Чего? — переспросил я, но тут же, чтобы он не заметил моего смущения, спохватился: — Мне... Все! А вам?

— А мне «До диез минор», — сказал шеф.

«Что же ему от меня надо? — лихорадочно начал я перебирать в уме всевозможные варианты. — Набивается на хорошие чаевые? Но почему так нагло?»

Шеф рассказывал мне о жизни Шопена на Балеарских островах. Иногда, увлекаясь собственным красноречием, он переходил на английский, но потом спохватывался и снова возвращался на литературный русский.

«Откуда он все это знает? — подумал я. — Разве у таксиста есть время про это читать? Нет! А у кого есть? И где? Неужели?! — Страшная догадка мелькнула в голове. — В тюрьме!!!

Вот где времени много! Значит — беглый! Поэтому и ведет себя так, чтобы не заподозрили. А сам, наверно, настоящего водителя оглушил, спрятал... теперь деньги гребет. За границу удрать хочет. Говорят, такие случаи бывают. Точно! Потому и английский выучил. Лет десять, значит, сидел. Ай-ай-ай! Во влип! Так и быть, рубль сверху дам. Лишь бы не убивал!»

— Приехали! — радостно известил вдруг шеф.

Я посмотрел в окно, потом на счетчик. Действительно, мы стояли у моего парадного, а на счетчике было на сорок копеек меньше привычного.

«Рецидивист! Убийца! Халтурщик!» — подумал я и осторожно протянул шефу трешник, мечтая как можно скорее выбраться из машины. Однако дверца... не открывалась! А на улице, как назло, мы были одни...

— А она и не откроется, — ласково сказал шеф, — пока...

— У меня больше нет! Одни сосиски! — закричал я и приготовился к обороне портфелем.

— ...пока не возьмете сдачу! — перебил меня шеф и протянул рубль с мелочью. Потом встал, обошел машину, открыл дверцу с моей стороны и сказал: — Будьте любезны! Вот вы и дома. Желаю вам сначала приятного аппетита, потом — спокойной ночи, затем — счастливых сновидений. Ну и, конечно, доброго утра! А если я что не так сделал, то извините великодушно. Если сможете!

В растерянности я застыл на тротуаре. Я понимал, что меня обманули. Но в чем — не понимал.

Из оцепенения меня вывел какой-то запоздалый прохожий, который подбежал к моему таксисту и бойко спросил:

— Шеф, до Медведок дотрясешь?

— Будьте любезны! Садитесь, пожалуйста! — сказал шеф, вышел и открыл перед ним дверцу.

Человек смутился, стушевался, кинул беспомощный взгляд в мою сторону, но все-таки влез в машину. Она тронулась, а я подумал: «Еще один попался!» И мне стало легче.

«Лапа»

С начала все шло хорошо. На первом курсе я учился так плохо, что в деканате решили пойти на хитрость и сделали меня старостой.

— Может, хоть это заставит его почувствовать ответственность за свою учебу! — сказал начальник курса.

— Похоже, что у него где-то есть «лапа»! — решили однокурсники.

Слухи дошли до деканата.

— Тем более мы поступили правильно! — утвердилась в своем мнении администрация.

Но она ошиблась. С моим назначением старостой я стал учиться еще хуже, а вся наша группа стала учиться еще хуже меня. Тогда меня сняли с поста старосты, а чтобы не обидеть «лапу», выбрали профоргом. При всем моем таланте заваливать любое дело работу профорга я завалить не мог, потому что нельзя завалить то, чего нет...

Мое философское безделье в течение трех лет на этом посту очень понравилось председателю профбюро нашего факультета. Как я узнал позже, он тогда обо мне сказал: «Хоть и дурак, а без инициативы!» И я стал его заместителем.

Но он ошибся. Очень скоро все поняли, что заместителем я быть не могу, так как не умею ничего делать. Зато могу быть самым председателем. Снова выплыл слухок о «лапе», которую уже начинали уважать. Так что председателем я проработал недолго. Через полгода декан сказал: «Я видеть его больше не могу на нашем факультете!» Но, как человек неглупый, понял, что у него только два способа избавиться от меня: подать самому в отставку или перекинуть меня куда-нибудь с повышением. Боясь первого, он так настойчиво требовал второго, что все призадумались: «А «лапа»-то, видать, у него здоровая и волосатая!»

Чтобы пустить под гору работу всего месткома, пришлось пойти на крайние меры и сменить репутацию дурака без инициативы на репутацию дурака с инициативой.

«Страшный человек!» — сказал ректор и лично взялся избавиться от меня институт. Он пробил мне место в горкоме профсоюзов. Теперь мне стали приписывать уже самые видные в стране знакомства. Поэтому, когда я на новом месте быстренько наломал дров, мне тут же дали отдел в ВЦСПС. Теперь у меня свой кабинет, две секретарши, три телефона: местный, городской и прямой.

А «лапу» все называют уже вполне конкретно и только шепотом. Честно говоря, я думал, что на этом моя карьера закончилась, потому что наступило время такого застоя, что заваливать было уже нечего. Но, слава богу, объявили пятилетку ускоренного качества, и мне было поручено стать проводником ее идей в жизнь. Так что скоро, чувствую, снова пойду на повышение.

В ногу со временем

За завтраком он съел шесть калорий по новой диете из журнала «Здоровье». Сначала пожевал две редиски по калории за каждую, потом отгрыз от сухаря четыре калории, седьмую оставил на ужин. Согласно рекомендациям журнала «Здоровье». Запил все это столовой ложкой пустого чая строго без сахара и без заварки. После чего почувствовал необыкновенную легкость в теле, тяжесть на душе и сосание под ложечкой.

— Ну, может, хоть яичницу можно, а? — с надеждой спросила она. — Я б мигом... А потом

бы к Лене поехали, позагорали, покупались...

— Нет, — строго ответил он. — Я не имею права так безрассудно проводить воскресенье. Воскресенье — единственный день, когда можно по-настоящему заняться аутогенной тренировкой и успокоиться после трудовой недели.

Когда она уходила, он лежал на диване с широко закрытыми глазами и по методу гималайских йогов следил за путем вымышленной букашки, которую усилием воли заставлял ползти от большого пальца правой ноги к подбородку.

— Я уйду, — сказала она, — не забудь сходить в магазин, а то останемся без еды на вечер... Слышишь?

Он не ответил, потому что в это время букашка доползла до живота и он внушением пытался подавить начинающуюся щекотку. Щекотка не проходила, а даже, наоборот, усиливалась, как будто уже не одна, а несколько букашек ползали по груди.

— Ты хоть мух-то сгони! — сказала она на прощанье. Но он не слышал, потому что ему было не до нее.

Когда вечером после купания в озере и прогулки по лесу она вернулась домой, он все еще тренировался: сидел в кресле в позе кучера с глазами таксиста, с которого требуют сдачу.

— Как есть хочется! — сказала она, проходя на кухню. — Ничего вкусенького не купил?

— У меня не было ни секунды времени! — нервно отозвался он из позы кучера, недовольный тем, что у него никак не отнимаются ноги. — И вообще, не мешай. Дай сосредоточиться!

— Бог с тобой! — перебила она его, накрывая на стол. — Мне Леночка на всякий случай пирогов завернула с котлетами...

— Слабый ты человек! — не на шутку рассердился он, проглатывая слюну. — Мало того, что ты меня все время нервирешь, так еще и ешь на ночь. Учти, с такой никудышной силой воли тебя нельзя будет взять с собой в будущее!

— Поешь, дурачок! — ласково перебила она его, отправляя в рот чудовищный бутерброд в сто сорок калорий.

Она заснула сразу, как легла. Он же долго ворочался, считал до тысячи (согласно последним рекомендациям японского журнала для тех, кто не спит), мысленно чертил на стене концентрические окружности, запускал букашек, прижимался голодным животом к холодной стенке... Наконец, измучившись и обессилив, под утро скорее забылся, нежели заснул. Но тут ему привиделась букашка с глазами гипнотизера. Она наползала на него с Гималайских гор, быстро увеличиваясь в размерах и ласково называя по-японски «калорийным».

— Ольга! На помощь! — закричал он и очнулся в холодном поту.

— Тебе чего? — спросила она, тоже просыпаясь от его крика.

— Ты здесь?

— Здесь, милый, здесь... — Она ласково погладила его по голове. — Спи, голубок!

Засыпая, он думал о том, что с завтрашнего дня надо будет во что бы то ни стало усилить занятия эзотерикой. А то нервы что-то совсем расшатались...

Загадка голубой планеты

Брок смотрел в иллюминатор на приближающуюся планету:

— Вот она — загадка Вселенной!

Пять автоматов-планетоходов посылались уже на эту планету, где, по всем расчетам, должна была существовать цивилизация. «Разгадать!» — таково было решение Высочайшего совета, такова была и мечта Брока.

Стукаясь о выступы гулкой головой, к иллюминатору подплыл Роберт. Железный человек стального характера — последняя новинка техники. С ним Брок не боялся опасностей. Роберт был почти неуязвим. В его схеме было только одно слабое звено — уши. При соединении их могло произойти короткое замыкание, и тогда он мог превратиться просто в грудку сверхтяжелого металла. Но этого Брок не боялся, так как расстояние между его ушами при сборке он тщательно выверял сам.

— Ну что, будем садиться? — вопросительно телепнул Броку Роберт.

— Да, глуши замедлители! — приказательно оттелепнулся от него Брок, на всякий случай надевая шапку-невидимку. — Садиться будем в районе гибели предшественников.

...Монтесума, Каланча, Сивый и Фантик делали вид, что играют в прятки.

— Неужели больше не прилетят? — первой нарушила молчание Милка Каланча.

— Инвариант замороженного времени врать не может! — сказал Гоша Фантик, малолетний вундеркинд, и поправил очки, сваливавшиеся с похудевшей от волнения головы.

— Кончай моросить, а то получишь по кумполу! — угрюмо отрезал Сивый, ревнуя Фантика к Каланче.

— Молчать! — приказала Милка.

И все сразу замолкли, боясь гнева рослой второгодницы.

Монтесума уныло сидел за кустом, сжимая в руках грабли. Сегодня ему должно было попасть от родителей, потому что сегодня — первый вторник месяца — в их семье был день профилактической порки младшего сына.

— Четыре, три, два, один... — отсчитал Фантик, и все вздернули головы. На голубом небе красовалась желтая точка!

— Ты гений! — сказала Милка и по-товарищески дала Гоше подзатыльник.

За такие мгновения Фантик был готов на все. Пред-вкушая победу над пятым «А» по сбору металлолома, дети разбежались по кустам.

В последний раз сверкнув в вышине чубкинского неба огнями своих замедлителей, межпланетный корабль одиноко булькнул в одной из многочисленных луж околицы, обдав лепешками грязи сидевших за кустами детей.

«А ведь где-то есть другой мир! — подумала Милка. — О котором мы ничего не знаем...»

От корабля потянуло уже знакомым детям горячим.

— Все на тридцать третьем летают, — заметил Сивый, на нюх не переваривающий спиртного. — Как от отчима воняет...

«Эх, слетать бы туда! — подумала Милка. — Да мать теперь одну оставлять нельзя».

Люк корабля приоткрылся, и из него высунулся серебряный язычок трапа. Ребята ахнули разом. Отряхиваясь от невесомости, на лужайку увесисто сошел огромный робот.

— Вот это да! Шагающего прислали! — восхитился Сивый. — Небось тонны три будет! И не унесем-то...

— Раз шагающий, значит, до весов сам дойдет! — догадалась Милка.

— Сплав УКК ШПД-84, — радостно провозгласил Фантик. — Два электровоза, три тачки, пять дверных ручек и очень много нашлепок на джинсы.

— Ура! — подхватили пионеры. — Мы перевыполним план на три года вперед! И пятому «А» никогда уже не обогнать нас!

Один Монтесума молчал. Ему было все равно. Он думал, как бы навсегда исключить из календаря первый вторник каждого месяца.

С криками «Дядя! Дядя! Какой ты хорошенький! Откуда ты такой прилетел?» дети наперегонки бросились к роботу.

— Милые вы мои! — Завидовавший людям робот всегда жалел, что у него не может быть детей. Он разом подхватил всех на руки вместе с Монтесумой и его граблями. — Ну,

рассказывайте!

— А что рассказывать? — угрюмо ответил Сивый. — Ругали нас вчера на дружине...

Но его перебил Фантик:

— А правда, дядя робот, что если ваши уши соединить, то коротает?

— Верно, — добро засмеялся Роберт. — Есть у меня такое... А ты откуда знаешь?

— А он у нас гений! — ответила за смутившегося Гошку Милка, и ей вдруг стало невыносимо жалко этого доброго дядю. Именно о таком отце мечтала она всю жизнь. Ведь и не пьет, наверное, и специальность хорошая. Да только мамке не до него сейчас...

— Дядя, а на вашей планете любовь есть?

— Есть, но тебе об этом знать рано, — серьезно сказал вдруг пришелец.

«С теми, первыми, было легче», — подумал Сивый. Они не ходили, не брали на руки, не разговаривали... Их в поле волоком тащить приходилось. Взгрустнулось и Фантику...

Первой, как всегда, взяла себя в руки Милка. Она представила себе, как через месяц в областной стенгазете появится их фотография. Пятикратные чемпионы Чубкинской области по сбору утиля! Путевки в «Артек» и Гран-при — кукла с расчесывающимися волосами, которую мамка никак не может ей купить.

— Дядя, покатай нас! — сказала Милка, напоследок прижавшись раскрасневшейся щекой к холодному нержавеющей уху пришельца.

— С удовольствием, милые вы мои! — С каждым словом металлический акцент робота пропадавал. — А далеко ли?

— Недалече. — Сивый тяжело вздохнул. — До лавки, где «Утиль» написано.

«План есть план! — подумала Милка и впервые поняла, что обстоятельства сильнее ее. На спине у робота она заметила дощечку с обратным адресом. — Это деревянненькое, это не нужно. Оторвем после».

Незаметно для всех Монтесума граблями царапал на спине у пришельца: «5-й «Б»...

Брок плюхнулся в кресло, включил ускорители и тогда только снял шапку-невидимку. За эти полчаса он постарел на пятьсот лет. Перед его глазами все еще стояла лавка утильсырья на окраине зеленой деревушки, падающий на допотопные весы его друг Роберт да обуглившиеся грабли мрачного ребенка планеты. Брок и представить не мог, что во Вселенной может существовать такая враждебная по отношению к другим мирам цивилизация. Больше он сюда не вернется никогда!

Планета быстро уплывала из-под ног. Брок включил телеэкран и на прощанье поймал одну из программ телевидения ненавистной ему планеты. «Вероятность того, что во Вселенной существуют другие цивилизации, равна единице, — сказал человек с серебряными, как обшивка корабля, волосами, — потому что Вселенная бесконечна! Мы, ученые Земли, прикладываем максимум усилий, чтобы найти их и установить с ними контакт. Не удастся нам — удастся нашим детям! Мы верим в это!..»

Брок выключил экран. Он понял, что загадку голубой планеты ему не разгадать никогда.

Первый тамбур

Бывают в жизни моменты, когда хочется, чтобы время остановилось. У меня такое чувство появляется каждое утро за несколько минут до того, как прозвенит будильник.

Сначала я ставлю чайник и только потом иду мыться. Машинально, почти на ощупь, подхожу к плите, зажигаю ее, одной рукой переставляю чайник с подоконника на зажженную горелку, другой в это время выбрасываю спичку. Все это я делаю с закрытыми глазами, но спичка летит точно в ведро, потому что повторяю я это каждое утро в течение нескольких лет. Первое время попадал не всегда, поэтому иногда приходилось подметать. Шли годы — броски становились точнее.

Принимаю душ и ем я тоже с закрытыми глазами. Доедая, начинаю одеваться. Заканчивая одеваться, выбегаю на улицу, где и просыпаюсь.

Весна!

Утреннее солнце расплущилось о множество окон новеньких домов нашего микрорайона. Кажется, что оно посылает на землю не лучи тепла и света, а лучи хорошего настроения. Люди весело прыгают через первые ручьи, бегущие поперек тротуаров, заслоняются сумками и портфелями от проезжающих мимо автомашин. На дверях почти всех домов повесили объявления, что скоро дадут горячую воду, которую на неделю отключили в начале зимы.

Весна!

Как всегда, как каждый день, я еле-еле успеваю добежать до первого тамбура первого вагона своей электрички. С разбегу впрыгиваю в него. В первый тамбур первого вагона можно впрыгнуть только с разбегу. В нем давка особенная, потому что на конечной остановке он ближе всего к метро. Выигрыш времени даже по сравнению со вторым тамбуром при входе в подземный переход почти две минуты! Утром по дороге на работу всем хочется выиграть две минуты. А особенно мне. Мне опаздывать на работу никак нельзя. На проходной время прибытия отмечает автомат! Это не человек. С ним не договоришься. Его не разжалобишь.

После окончания института первое время я ездил на электричке, которая уходит с моей станции за восемь минут до этой. Но потом за год, благодаря точным расчетам времени на все переходы в метро, перебежки по эскалаторам, я уменьшил время в пути на восемь минут,

стал ездить на следующей электричке и вставать на целых восемь минут позже! Поэтому теперь для меня каждое утро главное — успеть добежать до первого тамбура.

Когда двери электрички за мной закрываются, я, как всегда, как каждое утро, здороваюсь со всеми пассажирами первого тамбура. Не здороваться нехорошо. Мы все здесь уже давно знаем друг друга. Редко пробивается к нам новичок. Мы стараемся никого не пускать в наш тамбур, кричим: «Куда вы лезете? Тут и так много народу!» Словом, представляем собой настоящий спаянный, дружный коллектив, в котором всех объединяет общая выгода — сэкономленные почти две минуты. Пробиваются к нам, как и в любой другой сложившийся коллектив, только самые напористые. Только сильнейшие из сильнейших получают прописку в нашем тамбуре. Вскоре и они начинают здороваться при входе. А мы начинаем их уважать за напористость и умение добиваться своего в жизни.

•

○ *

Вообще-то я уверен, что между всеми, кто ездит в первом тамбуре, есть много общего, несмотря на то что у всех разные профессии. Например, девушка, которая всегда стоит передо мной и всегда читает книжку, положив ее на спину стоящего перед ней высокого мужчины. Мужчина всегда стоит твердо, держится рукой за потолок и похож на преданный пюпитр. На первый взгляд в этой девушке нет ничего общего со всеми, кто ездит в первом тамбуре. Ее лицо всегда замкнуто. И сосредоточено на том, что она читает. Она никогда ни с кем не разговаривает. Я никогда не видел, чтобы она улыбалась. Из электрички она всегда выходит, словно из мерседеса. О ней я знаю только то, что летом ей идут и распущенные волосы, и забранные в пучок, зимой — и маленькая вязаная шапочка, и пушистая лисья. Вообще я заметил, что ей к лицу черный цвет, белый, зеленый, красный, коричневый, желтый и синий. Также песочный. Не говоря уж о розовом, голубом и бирюзовом. Наверное, это признак красоты, когда идет все. Но тут я не могу быть объективным. Эта девушка уже давно нравится мне. А тот, кто нравится, всегда кажется красивым. С тех пор как она появилась в нашем тамбуре, я стал с гораздо большим удовольствием ездить на работу. Шутка ли? Уже скоро два года, как я с удовольствием ездю на работу.

Каждый раз, когда я впрыгиваю в тамбур, мне кажется, что именно сегодня произойдет что-нибудь необычное, неповседневное, и мы познакомимся с этой незнакомой мне девушкой. Познакомимся ненавязчиво, само собой... Например, она уронит книжку, я подберу и... Но в первом тамбуре уронить книжку невозможно. Поэтому вот уже два года, как ничего не происходит. Она по-прежнему читает, «пюпитр» преданно стоит, двое курят в разбитое окошко, пятеро, не боясь упасть, спят стоя, остальные обсуждают вчерашний матч. Ничто так не сближает людей по дороге на работу, как вчерашний матч. Но девушка вряд ли увлекается футболом. Поэтому мне каждый день приходится тупо представлять себе, что могло бы произойти, если б она уронила книжку. А в метро, когда ей налево, а мне направо, — фантазировать, как здорово было бы поехать совсем в другую сторону! Но воспоминания о безжалостном автомате на проходной никогда не дают вволю развернуться фантазии. Поэтому я просто, когда читаю какую-нибудь книгу, представляю ее героиней этой книги, а себя, конечно, героем. Хотя на героя я похож только в собственном воображении и когда не

смотрю на себя в зеркало.

И все-таки, несмотря на то что эта девушка кажется случайным человеком в нашем тамбуре, я твердо уверен, что между нами гораздо больше общего, чем просто боязнь опоздать на работу и сэкономить две минуты. Например, у нас сходятся литературные вкусы. Это я знаю точно. Книжки, которые она всегда читает по утрам, мне тоже нравятся, и я их тоже всегда с интересом читаю через ее плечо. Единственное, меня огорчает, — что она, по-видимому, читает еще и на обратном пути. В результате уходит так далеко, что на следующее утро я не все понимаю.

На этот раз я огорчаюсь особенно. Вчера мы подъехали к Москве на самом интригующем месте в романе. На таких местах обычно режиссеры обрывают серии своих многосерийных телевизионных эпопей. Я, как никогда, увлекся вчера ее романом. И — на тебе! За день она ушла на девяносто страниц вперед! Неужели она читает еще и на работе? У меня было ощущение, что я пропустил самую интересную серию.

— Извините, но я не понял: судьи признали его виновным или нет? — спрашиваю я неожиданно для самого себя.

Девушка поворачивается и с удивлением смотрит на меня.

Это первое выражение на ее лице за два года.

— Вы что, тоже читаете этот роман?

— А как же... Каждое утро, вместе с вами.

Она смотрит на меня хоть и снизу, но свысока, словно я к ней пристал. Потом, насколько позволяет давка первого тамбура, пожимает плечами и говорит:

— Странно... Что-то я вас здесь раньше никогда не замечала.

И она, и я, и вообще все в тамбуре знают, что это неправда. В спаянном коллективе все должны знать друг друга хотя бы в лицо.

— Ну хорошо, если не хотите отвечать, признал его суд виновным или нет, давайте ездить с вами после работы тоже вместе! — Я никогда не ожидал от себя такой смелости и тем более находчивости. Да и никто в нашем тамбуре не ожидал.

— Зачем? — так же надменно спрашивает она.

— Чтобы и на обратном пути тоже вместе читать этот роман.

— К завтрашнему дню я уже закончу этот роман.

— Тем лучше, начнем новый.

Болельщики и те перестали говорить о футболе и, не подавая виду, с удовольствием прислушиваются к нашему разговору. По-моему, даже проснулись несколько спящих.

Мне все время кажется, что девушке хочется улыбнуться, настолько нелеп и глуп наш разговор. Но ей нельзя выходить из образа. Тем более в нашем тамбуре, куда она попала якобы случайно. Поэтому она продолжает разговаривать со мной свысока, надменно и коротко. Наш разговор напоминает игру в настольный теннис.

— У меня нет привычки встречаться с незнакомыми мне людьми, — сильно бьет она справа в левый, неудобный для меня угол.

Но я успеваю среагировать. У меня всегда была хорошая реакция.

— А мы познакомимся. Юра.

Мяч для нее тоже неудобный, низко летит над сеткой. Ей приходится подумать, прежде чем взять его. И тут... она находит совершенно неожиданное для меня решение:

— Судьи признали его виновным!

Этот мяч я пропускаю. У меня еще недостаточно опыта, чтобы взять его. Я ведь начинающий игрок в настольный теннис. Один-ноль в ее пользу. Но моя подача!

— Скажите, а вы когда-нибудь улыбаетесь?

Уже проснулись и остальные спящие. Настоящий матч со своими болельщиками. Еще в детстве, играя в прятки, я знал, что я азартный. Но что до такой степени, даже не предполагал. Пока мы идем по подземному переходу в метро, счет все время меняется то в ее, то в мою пользу. В метро ей, как всегда, налево. А мне, как всегда, направо. Но мне жаль прерывать встречу. Тем более что счет пошел на «больше-меньше». И я поворачиваю налево.

— Вам же совсем в другую сторону! — говорит она, спохватывается и краснеет. Мой самый сильный удар она все-таки не взяла! Теперь даже она понимает, что я понимаю, что она не в первый раз видит меня. Первый сет ею явно проигран. Однако я благородно не заостряю на этом внимание и предлагаю передышку:

— Просто я подумал, что вы будете читать и в метро тоже. А мне интересно: суд и ее тоже признает виновной?

Она послушно открывает книжку, и мы читаем с ней дружно, как будто делаем это вместе каждое утро. Правда, я ничего не понимаю из того, что читаю. На каждой странице мне мерещится автомат на проходной. Тем не менее каждый раз, когда мы заканчиваем читать страницу, она спрашивает меня:

— Вы прочитали?

Я отвечаю:

— Да, давно. Очень интересно!

Она переворачивает страницу, и я, тупо глядя на новую страницу, продолжаю думать об автомате.

Когда мы выходим из метро, она начинает второй сет:

— А вы на работу не опоздаете?

— Я нигде не работаю.

— Только пристаёте к незнакомым девушкам?

— Да, это единственная профессия, которой я владею в совершенстве.

— Я вижу. Вы, наверно, учились этому? Интересно, у вас среднее образование или высшее?

— Высшее. Сейчас собираюсь в аспирантуру.

— Понятно. Стажируетесь. По утрам...

К ее работе мы подошли ровно во столько, во сколько автомат на проходной пробил первый в моей жизни прогул.

Она работала в скромном строительном управлении. Все оказалось прозаичнее, чем я предполагал. Правда, я не предполагал ничего конкретного. Но ее замкнутое лицо, гордая походка... И вдруг — маленький дощатый домик, со всех сторон сдавленный большими домами. Он напоминал школьника, случайно попавшего в первый тамбур. При этом вызывал одновременно чувство жалости и загадочности, потому что в него сразу входило столько женщин, что непонятно было, где они все в нем размещаются. Или у него был подземный ход.

— До свидания. Спасибо, что проводили. Я всегда завидовала тунеядцам.

— И все-таки, как вас зовут?

— Зачем?

— Чтобы завтра в нашем тамбуре мне обращаться к вам интеллигентно по имени. А не: «Эй, вы!»

— Завтра я поменяю этот тамбур, несмотря на то что потеряю при этом несколько минут...

Впервые я вижу, как она улыбается. Это обнадеживает.

— Тогда я буду ждать вас здесь после работы.

В какой-то глупой книжке я читал, что незнакомую девушку легче напугать тем, что будешь ждать ее возле работы.

— Ой нет! Только не здесь. Обещайте мне, что не будете, если я скажу, как меня зовут?

Оказывается, не такая уж глупая книжка.

— Обещаю.

— Лена.

— А меня Юра.

— Очень приятно. Это я уже слышала. Вы начинаете повторяться.

Второй сет был начисто мною проигран. Лена нырнула в поток женщин, текущий в строительное управление, а я снова подумал, что пришла весна! Не астрономическая, а реальная, земная. Какие-то люди с жуткими проклятиями в адрес прохожих скидывали последний снег с крыши пятиэтажного дома. Утреннее солнце уже пригревало настолько, что можно было сидеть на скамейке в сквере. Делать мне было нечего. Поэтому я присел и стал думать: что мне делать? Зачем я сюда приехал? И вообще, где я сейчас нахожусь? Все ли у меня в порядке с умом? Не сдвинулся ли я ни с того ни с сего? Не пойти ли мне сразу к врачу, раз уж день все равно потерян? Иногда я подставлял лицо солнцу, и тогда все мысли приятно пропадали. Даже о палаче-автомате.

Трудно сказать, сколько времени я так просидел, порой поглядывая на дверь строительного управления. Мне казалось, что она вот-вот откроется и из нее выйдет Лена.

Вдруг дверь открылась, и из нее вышла Лена. Ее спортивная сумка потяжелела, как будто в ней была уже не одна книжка, а собрание сочинений.

— Теперь я верю, что вы нигде не работаете, — сказала она, увидев меня сидящим на скамейке и подставляющим лицо солнцу.

— Никуда не берут.

— Тем лучше. Тогда вы сможете меня проводить. Заодно и поможете донести сумку.

— А вы куда?

— В командировку. Заезжала на работу, чтобы забрать кое-какую документацию. Не ожидала, что ее будет так много.

— Вы хотите, чтобы я вас проводил в командировку?

— Нет, что вы! Только на вокзал. Я уезжаю на один день в город, который вы наверняка не знаете. Шесть часов на поезде от Москвы. Мы там строительство ведем...

Я взял у нее сумку, поймал такси. Когда мы сели в него, Лена благодарно предложила помочь мне устроиться на работу. Возобновлять матч нам уже не хотелось, поэтому всю дорогу до вокзала просто с удовольствием говорили о тунеядцах, аферистах, повесах и распущенных нравах современной молодежи...

— Счастливого пути! До встречи в электричке! — крикнул я Лене вдогонку и вскочил на подножку следующего вагона.

— Вы что, опоздавший? — строго спросил старичок-проводник.

За определенную мзду он согласился не поднимать шума. Сначала не соглашался, но потом, узнав, что в соседнем вагоне едет моя невеста, что завтра у нас свадьба и что я должен сделать ей неожиданный сюрприз, согласился:

— Ну, раз такое дело... — развел он руками и... принял мзду!

В купе Лена сидела одна. Вообще поезд был такой грязный и изо всех окон так дуло, что создавалось впечатление, будто никто не хочет в нем ехать.

— Ваши билеты? — Я открыл дверь и вошел в купе.

— Это вы?! — Она выронила книжку. — Я начинаю вас бояться.

— Не надо меня бояться. Просто я вдруг подумал, что вы книжку наверняка с собой в командировку возьмете. А мне интересно: судьи ее сыща тоже признают виновным?

— Удивительный вы все-таки человек. — К сожалению, в ее голосе было больше досады, чем восхищения. — Вас же высадят на первой станции без билета да еще оштрафуют или в милицию отведут, узнают, что нигде не работаете... Мне неудобно за вас будет. Вы обо мне хоть подумали?

— Ваши билеты? — В купе вошел старичок-проводник. — А-а, это вы, молодой человек, — узнал он меня. — Девушка с вами?

— Нет, она с билетом.

— Ну ничего, ничего, не буду вам мешать. — Он понимающе подмигнул мне.

— И все же, кто вы? — ошарашенно спросила Лена, когда он вышел.

— Трудно сказать, — ответил я, не зная, что сказать.

Мы продолжили прерванную беседу о тунеядцах, аферистах, браконьерах, повесах и распущенных нравах современной молодежи. На одной из станций я решил переменить тему разговора, вышел на перрон и принес Лене маленький букет первых подснежников.

— Нет, все-таки я устрою вас на работу! — не зная, чем меня отблагодарить, в порыве

вдохновения сказала Лена, и мы вернулись к начатой ранее теме, словно были приговорены к ней навечно.

В маленький провинциальный городишко мы приехали поздно вечером. Лена получила номер по брони в гостинице на третьем этаже, а я его вообще не получил. Но я не волновался. Еще в поезде я догадался, что мы едем в город, где живут мои дядя с тетей, но Лене ничего не сказал. Еще в одной глупой книжке я читал, что в мужчине все должно быть загадочным, если он хочет понравиться женщине.

— Как же вы? — Впервые в голосе у Лены появилась забота обо мне.

— Я нигде не пропаду. У нас, тунеядцев, всюду свои люди!

Лена немного подумала, потом сказала:

— Позвоните мне, когда все уладится, а то я буду волноваться.

•
○ *

— Кого это черт принес в такую пору? — ворчала за дверью заспанная тетя Нюра. — Юрка! Ты ли это? А ну, заходи скорее, холоду напустишь. Уж не случилось ли чего-нибудь?

— Нет, тетя, все в порядке. Я в командировку.

— Предупредил бы хоть. Встретили бы. Поди, забыл, как до нас добираться-то?

— Я бы предупредил, если бы знал, куда я еду... То есть, понимаете, — спохватился я, — меня случайно послали, в последний момент, словом, не успел.

— Понимаю, все понимаю. — Она захлопотала у стола.

— А ну-ка, сынку. Экий ты стал! — Из соседней комнаты вышел дядя Коля.

Я позвонил Лене.

— Ну, как вы устроились?

— У родственников.

— У чьих родственников?

— Как «у чьих»? У своих, конечно.

— И вы думаете, я вам поверю? Едете неизвестно куда, неизвестно с кем, а останавливаетесь у родственников?

Мы договорились о завтрашней встрече.

— Спокойной ночи. И помните: я не верю ни одному вашему слову!

За столом с тетей и дядей пили наливку, чай, смотрели семейные фотографии, вспоминали былые времена и каким я был маленьким.

В провинцию тепло приходит позже, чем в столицу, но и здесь весна уже растопила снег на мостовых. Лепешки слякоти летели из-под колес автомашин и шлепались прямо на заборы. Зато здесь не было толкучки, метро, приезжих, а был свежий, словно вкусный сок, воздух, который хотелось вдыхать в себя как можно глубже. На реке мальчишки прыгали с одной льдины на другую. А в Москве в это время безжалостный автомат пробил мне второй в моей жизни прогул.

Когда еще учился в школе, на лето всегда приезжал сюда. Тогда это была деревня. У меня здесь была знакомая девочка, первая любовь, которая теперь в памяти перешла в раздел «увлечения молодости». За десять дней до конца четверти начинал собираться в деревню. Не терпелось. «Наконец-то, — думал, — каникулы. Целых три месяца! Конца отдыху не видно». С тех пор прошло десять лет. И теперь это не деревня, а город.

Когда мы встретились, я пригласил Лену к себе в гости, как и обещал своим.

— К вымышленным родственникам? — спросила она.

— А вы что, боитесь?

— Я имею на это право. — Лена пожала плечами, но пошла.

Тетя очень обрадовалась.

— Зовите меня просто тетя Нюра, — сказала она Лене, конечно, принимая ее за мою невесту.

— Удивительный вы все-таки человек, — сказала Лена в третий раз за два дня, увидев, что у меня действительно есть родственники в незнакомом городе.

— Вы тоже в командировку? — спросила тетя Нюра. — Или просто так, за компанию?

— Я? Да-да!..

— Пойдемте в комнату, — успел я не дать спросить Лене: «А кто еще?»

— И тоже по этим всяким космическим делам? — продолжала интересоваться тетя Нюра.

Я попытался ей незаметно подмигнуть. Все это заметили, кроме тети.

— Нет, я строитель. А вы, значит, по космическим делам? — спросила она у меня.

— А вы не знали?! — удивилась тетя Нюра. — Ну, он вообще бука; в детстве, знаете ли, был такой же: стеснительный и молчаливый. Бывало, слова за весь день не дождешься.

— Вы про кого, про Юру говорите? — уточнила Лена спокойным тоном, чтобы не вызвать лишних подозрений.

— А про кого же еще? Он у нас в семье один такой. Бука! Слова не вытянешь. Так все и звали его — «сухарь». Одного только — очков на носу не хватало.

Никакие подмигивания уже не могли спасти меня. Накрывая на стол, тетя Нюра даже не смотрела в мою сторону.

— Я еще тогда говорила, — продолжала она, — что из него толк будет. Накаркала. Ишь ты! Что рожи корчишь-то? Ладно, ладно, молчу. — Она вышла на кухню.

«Кто больше представляет интерес для женщин, — думал я тогда, — мужчина с загадочным прошлым, большим будущим или разгаданным настоящим?»

— Так, значит, вы не безработный? Стеснительный и молчаливый? — не без иронии спросила Лена.

Я промолчал.

Если верить еще одной не менее глупой книжке, то, к сожалению, всем приличным молодым женщинам и девушкам нравятся мужчины с загадочным прошлым. А в мужчин с большим будущим влюбляются только женщины с сомнительным прошлым.

— Вы действительно скоро защищаетесь?

— Да. — Я попытался смутиться.

— И по какой специальности, если не секрет?

— Секрет.

Меня выручил дядя Коля — тем, что пришел с работы.

За столом пили наливку, чай, смотрели семейные фотографии, вспоминали былые времена и каким я был маленьким.

В гостиницу мы пошли дальней дорогой. Мимо реки. Река была черной. Только осколки льдин сверкали в лунном свете. Казалось, что к вечеру снова наступила зима. От реки дышало холодом. Зато снег лепился чертовски здорово! Раньше в кинофильмах я терпеть не мог сцен, в которых молодые люди гоняются друг за другом по берегу реки или, еще хуже, по березовой роще. А уж когда влюбленные начинали на экране играть в снежки, я просто всегда выходил из зала. Разве мог я когда-нибудь предположить, что сам буду этим заниматься? И что все это мне будет нравиться.

Впрочем, скорее всего, мне это нравилось потому, что от Лениной замкнутости и надменности не осталось ничего, кроме гордой походки, которая на скользкой дороге ее то и дело подводила. Она постоянно шлепалась. Шлепалась так смешно, как могут шлепаться только очень серьезные клоуны.

А потом мимо нас проехала телега. Я договорился с ее хозяином, и он согласился нас довести до гостиницы без всякой mzды. Разгоряченные, мы сидели на телеге, болтали ногами и разговаривали о звездах, пришельцах, бесконечности, экстрасенсах и охране окружающей среды...

На ступеньках гостиницы остановились, и я показал на луну:

— Смотрите, завтра ветреный день будет!

— Откуда вы знаете?

— Видите, вокруг луны матовое пятно?

Она подняла голову, а я поцеловал ее в щеку.

— И вправду, странная луна, — сказала Лена. — А теперь пора по домам. Завтра к поезду рано вставать.

Как в самом низкопробном кинофильме, я бежал по дороге, лепил снежки и запускал ими в фонарные столбы. Если б это было в кино, на этом месте я бы точно вышел из зала.

Дядя с тетей пришли проводить нас. Автомат с улыбкой пробил третий в моей жизни прогул. Весеннее небо нахмурилось и перестало посылать на землю лучи хорошего настроения.

В первом тамбуре наверняка уже обеспокоены нашим отсутствием.

— Приезжайте еще, — сказала тетя, — будем рады.

Дядя Коля помахал нам, словно мы уезжали в свадебное путешествие.

Поезд оказался значительно лучше прежнего. Из окон почти не дуло. Наверно, поэтому он был туго набит пассажирами. В купе с нами ехала пожилая пара. Ехали издалека. Потому очень обрадовались новым собеседникам. Разговор завязывался сразу и обо всем. Говорили о погоде, летающих тарелках, бермудском треугольнике, пирамидах, евровидении и ценах на чешское пиво.

Когда все проблемы были решены, перед самой Москвой мы вышли с Леной передохнуть из купе в коридор. Чем ближе поезд подходил к Москве, тем более замкнутым становилось ее

лицо. Москва обязывала.

— Ну вот и все! — сказала она, когда поезд пересек границу Москвы. — Смешная получилась командировка.

— Особенно для меня, — согласился я.

— Да, для вас особенно. Товарищ тунейдец... по космическим делам. Интересно, что вы скажете на работе?

— Скажу честно: очень интересный роман оказался!

Удивительно, из окон поезда никогда нельзя представить себе лицо города, в который въезжаешь. И в самых красивых городах поезд пробирается к вокзалу какими-то огородами, свалками, складами, о которых не имеешь понятия, даже если живешь в этом городе.

— Знаете, скоро мы уже приедем. — Лена вдруг повернулась ко мне и сказала мягко и серьезно, положив руку мне на плечо: — Мне хочется вам сказать, Юра, что тогда в нашем, как вы говорите, первом тамбуре, вы сначала очень раздражали меня своей самоуверенностью. Потом, в метро, начали забавлять. В поезде я к вам уже привыкла. А сейчас мне жаль, что моя командировка кончилась.

— И мне жаль, — честно сказал я. — Тем более после ваших слов.

Я признался ей, что уже два года, читая книжки, представляю ее героиней, а себя — героем.

Она даже улыбнулась от этого признания. Наверно, представила меня Печориным или Онегиным, последним из Могикан. Хотя ни на одну из этих ролей я не гожусь. Разве что на роль Акакия Акакиевича.

•
○ *

А потом была Москва. Шумная, деловая, с цветами, встречающими... Мы, словно два аквалангиста, надышавшиеся кислородом и налюбовавшиеся красотами тихого подводного мира, вынырнули на городском пляже.

— А теперь ничему не удивляйтесь, — сказала Лена, выходя из вагона.

И я послушно не удивился, когда на перроне ее встретил молодой человек, похожий на Печорина.

— Знакомься, Володя: это Юрий Николаевич, наш... прораб! — неожиданно представила она меня.

Чтобы ее не выдать, я даже распрямил спину, думая, что так больше похож на прораба.

— А где же... — Она оглянулась. — А где же девчонки?

— Они сказали, что их кто-то будет встречать. Может быть, на такси пошли... — Я многозначительно пожал плечами.

— Опять убежали! — с досадой сказала Лена. — Не хотят они с тобой знакомиться, Володя.

— Ну, тогда пошли? — Он взял у Лены ее сумку без документации.

— Юрий Николаевич, — тон у Лены был деловой, — значит, мы с вами обо всем договорились.

— Да, конечно. Завтра утром вы мне принесете набросок отчета. Ну и, может быть, через недельку-другую придется еще раз съездить в командировку. Посмотрим, какие будут результаты.

— До свидания.

Мы с Володей пожали друг другу руки.

— Очень рад был с вами познакомиться, — соврал я.

— И я очень рад, — сказал Володя, но я ему не поверил.

Он хоть и свысока смотрел на меня, потому что был выше на голову, но ревниво. Все же прораб!

— Да, и не забудьте, Елена Анатольевна, — мне хотелось чем-то задеть ее за то, что она представила меня прорабом, — посоветуйтесь с Володей. Может быть, все-таки согласитесь перейти в другой отдел — сто шестьдесят как минимум!

Лена удивленно и испуганно посмотрела на меня, как режиссер на актера, который на премьере перепутал текст.

Они пошли по направлению к метро.

У входа в метро мне показалось, что Лена оглянулась, но толпа тут же скрыла ее от меня.

•
○ *

...Свой дом я вижу еще из окна электрички. Неизменно темное окошко моей комнаты. «О! А моя уже вернулась», — говорит сосед, с которым мы часто возвращаемся вместе, и указывает на светящееся окно по соседству с моим темным. Я очень завидую ему в этот момент. Мне тоже хочется кому-нибудь сказать: «А моя поехала в детский сад. Сегодня ее очередь забирать оболтуса. Все-та-ки это ужасно, когда детский сад так далеко от дома...»

И снова утро! Как всегда, я еле-еле успеваю добежать до первого тамбура первого вагона электрички. С разбегу впрыгиваю в него и, как всегда, как каждый день, оказываюсь рядом с красивой девушкой, которая давно уже нравится мне. Видимо, она, так же как и я, впрочем, как и все вокруг, боится опоздать на работу и поэтому ездит в первом тамбуре первого вагона. Самый жесткий график времени у тех, кто ездит в первом тамбуре первого вагона. Поэтому я уверен, что между мной и этой девушкой обязательно должно быть много общего.

Но меня еще в детстве все звали сухарем, букой. У меня до сих пор не хватает смелости заговорить с Леной. Хотя она, скорее всего, и не Лена. Поэтому самое большее, что я себе позволяю, — это представлять «Лену» героиней романов, которые я читаю. И иногда фантазировать: «А что будет, если я вдруг наберусь смелости и?..»

Но смелости я никогда не наберусь. Да и времени у меня совсем нет, как у человека, который хочет многого достичь в жизни. Да! У меня совсем нет времени! На носу — защита, на проходной — автомат, дома — будильник... Мне очень хочется как можно скорее защититься. Мне кажется, что, когда я защищусь, у меня все сразу изменится. Я не буду таким букой, сухарем... У меня появятся уверенность в себе и время. Я буду читать, ходить в театры, буду смотреть на светящееся окно своей квартиры.

Как и все в первом тамбуре, я живу надеждой на лучшие времена.

А пока нельзя! Пока: автомат — будильник — первый тамбур. Равнобедренный треугольник. Замкнутый, как лицо девушки, которая уже давно мне нравится и которая к тому времени, как я защищусь и приобрету уверенность в себе, перестанет ездить в первом тамбуре. От этой мысли мною овладевает тревожная безысходность, подобная безысходности ребенка, который впервые задумывается о бесконечности времени и Вселенной.

И я не выдерживаю... Я не знаю, что со мной сегодня, но я не выдерживаю... Наверное, весна!

— Простите, но я не понял: суд все-таки признал его виновным или нет?

Девушка оборачивается и с удивлением смотрит на меня:

— Вы что, тоже читаете этот роман?

— А как же... Каждое утро...

Настоящая подруга

Воскресное утро. Поджав под себя ноги, я сижу в кресле и читаю книжку, от которой меня то и дело отрывают телефонные звонки.

— Старуха, привет!

Это Ольга. В школе мы сидели с ней за одной партой и считали себя незаменимыми подругами: я ей записки от мальчишек передавала, она у меня контрольные списывала. С тех

пор прошло много лет, а мы все так же незаменимы друг для друга!

— Как дела? — спрашивает Ольга.

Во-первых, у меня по-прежнему нет никаких дел, которые могли бы ее заинтересовать; во-вторых, она это прекрасно знает; в-третьих, я знаю, что она знает; в-четвертых, она знает, что я знаю, что она знает. Поэтому спрашивает она меня не для того, чтобы я отвечала, а чтобы переспросила:

— Ничего, а как твои?

— Уй, чего расскажу...

Ольга с пятого класса рассказывает мне о том, как кто-то сделал ей предложение. Сначала это были одноклассники, потом пошли студенты, затем два почти профессора, а теперь — итальянец!

С Ольгой легко разговаривать. На ее вопросы не надо отвечать. Достаточно просто удивляться.

— Ну, ты даешь! — изо всех сил удивляюсь я.

— Здорово, правда?! — радуется Ольга. — Ладно, буду держать тебя в курсе... Чао, бамбино!

Она вешает трубку, а я возвращаюсь к книжке.

Но не успеваю прочесть даже один абзац.

— Алло, Люси?

Это моя подруга по институту, томная Валерия. Она всегда говорит проникновенно томно растягивая слова, и от этого представляется всем, кто ее не знает, и в первую очередь своим родителям, ласковой тихоней — подарком будущему супругу.

— Люси, милая, если тебе позвонят мои «пэрэнтс», скажи им, что я только что от тебя ушла, и, пожалуйста, перезвони на «флят» Сержу. Нет, не тому, что с бородой, а тому, что с видешником... Кстати, если бы ты хотела, я бы тебя тоже взяла какой-нибудь фильм посмотреть. Но тебе всегда некогда. Целую, Люси! Ты настоящая подруга!

Все родители спокойны, когда их дочери со мной. Я скромная, начитанная, в очках... Значит, если их дочь пошла с Люсей, уже ни один мужчина к ним ни за что не подойдет. Нет, эти звонки вымотают мне всю душу!

— Алло, Люсь? Ты? Когда ты наконец починишь телефон у себя на даче? Тебя совсем не слышно!

С кафедры. Совместительница. Наша Маша. Самая красивая среди совместительниц. Она так

кричит, что я держу трубку в полуметре от уха.

Машина мама гордится своим дворянским происхождением. Считает, что ведет род от одного известного в свое время декабриста. Правда, сама она вышла замуж за простого учителя математики, чем, как ей кажется, слегка подпортила не только родословную, но и бюджет. Теперь не хочет, чтобы Маша повторила ее ошибку. Поэтому Машу с детства готовили к достойному браку, как спортсмена к рекорду: обучали вязать, играть на рояле и говорить по-французски. Но, несмотря на это, два года назад Машу угораздило влюбиться в человека без будущего и без родословной, правда, с необыкновенной профессией — башневеда. Никому не известный, не очень красивый, зато — единственный! Единственный в стране, кто с такой страстью повсюду ищет и изучает башни. Поэтому, когда Маша кричит в трубку про мою дачу, это значит, что, во-первых, у нее в соседней комнате мама, которая должна слышать наш разговор, а во-вторых, они с Костей опять куда-то собрались искать башни.

— Как ты себя чувствуешь, Люсенька? Что? Хуже? Тридцать восемь и восемь?! Опять воспаление легких?! Тяжелое? И ты одна? Лежишь? На даче? А продукты откуда?

— От верблюда! — отвечаю я ей, так как ей совершенно все равно, что я отвечаю.

— Да что ты говоришь?! — возмущается она так, что слышно наверняка уже не только в другой комнате, но и у соседей. — Значит, ты еще и голодная! Сейчас же к тебе выезжаю! И не упорствуй. Продуктов накуплю уйму. На такое дело даже родители денег дадут. Вот и мама пришла, головой кивает... Это ничего, что далеко, я у тебя останусь!

Если бы у нас присваивалось звание заслуженного больного, родители Маши, безусловно, присудили бы его мне. Ведь за два года ее дружбы с башневедом я уже двенадцать раз болела воспалением легких: пять раз у себя на даче, четыре — в Крыму... и три — на Карпатах.

Далее следует мой разговор с Машиной мамой, в течение которого она, бедная, тоже кричит, как и Маша, а я, отвечая, зажимаю рукой микрофон трубки. Уже сорванным голосом я благодарю Машину маму за сочувствие и обещаю во что бы то ни стало «хотя бы на полчаса сегодня же отправить Машечку в лесочек подышать. А на ночь прикрыть форточку в ее комнате». После такого трудного и напряженного разговора я с удовольствием возвращаюсь к индейской притче, в которой рассказывается о том, как самая уродливая девушка одного племени, попадая в плен к другому племени, становится там самой красивой. А где мне взять такое племя?

«Может быть, отключить телефон и спокойно дочитать книжку?» — думаю я и снова снимаю трубку.

— Люсяшка! Это я — Володька!

Он мог бы и не представляться, потому что все равно никто из ребят мне больше не звонит. Его родители дружат с моими и считают, что лучшей жены, чем я, ему не найти. Я всегда волнуюсь, когда разговариваю с ним. И даже вождя индейского племени только что

представляла в его образе. Но этого, слава богу, никто не знает. Мы с ним просто хорошие друзья.

— Люсяшка, позвони моим, а? Скажи, что у тебя сегодня день рождения. Как? Уже был? Семь раз в этом году? А именины? Всего два? Все равно много. Ну неужели никакого праздника сегодня нет? Что? Первое мая по старому стилю?! Отлично! Пойми, позарез в одно местечко выбраться надо. На свадьбу? На чью? На твою?! Нет. Мои тогда на себя руки наложат! Да и неправдоподобно... То есть я хотел сказать... неожиданно! Лучше уж Первое мая по старому стилю — вроде как новая традиция, да? Ну спасибо, Люсяша! Должник на всю жизнь. Все, что хочешь, для тебя за это сделаю. Хочешь, приеду и... полы натру, окна вымою, бутылки сдам! Эх, любила бы ты меня, я бы точно на тебе женился! Но ты же выше этого. Завидую! Молодец! Пока...

После Вовкиного звонка мне уже не хочется возвращаться к книжке. Я просто сижу и долго смотрю на себя в зеркало напротив. Вот уж кто действительно похож на индейского вождя, так это я.

«Полы натру...» — усмехаюсь я, а рука сама тянется к телефону, чтобы отключить его. Но в последний момент я отдергиваю ее. Все-таки воскресенье. Может, еще кто-нибудь позвонит...

Крохотные звезды

Из отпуска Алена вернулась к себе на кафедру загорелая и загадочная.

— Ой, девочки, мне так повезло! — гордо сказала она с чувством восстановленного за отпуск женского достоинства. — У нас была гениальная компания! Сплошные знаменитости!

Да, не зря она так долго готовилась к этому отпуску: худела, шила платья, доставала солнечные очки и купальники, в которых не стыдно показаться на престижном пляже.

«Назовусь актрисой!» — мечталось ей на примерках дома перед зеркалом и на горном перевале, ведущем к прибрежной турбазе «Мечтатель», куда профком выдал путевку за самодеятельность. Внизу, в объятиях мысов, как в лапах темно-коричневого краба, пригрелся на синем солнце залив, а среди прибрежной зелени и карабкающихся на горы краснокрыших мазанок искрилось здание турбазы. Стекло и алюминий — мечта Чернышевского!

Номер Алене дали двухместный, с лоджией и видом на горизонт. Когда она вошла, первое, что увидела, — мольберт. Стоял он посередине комнаты, в которой пахло масляными красками. К мольберту была прикреплена начатая картина — картонка с неровной линией горизонта, что виднелась за лоджией. Рядом в раздумье и балахоне из мешковины сидела худая девушка. Когда она повернулась, раздвинув руками длинные прямые волосы, точно занавеси поутру, у Алены отлегло. Не так уж красива. Во всяком случае, не лучше ее самой.

— Марта, — сказала девушка. — Художница. Располагайся.

К вечеру они выяснили, что говорят примерно на одном языке. Конечно, интереснее отдыхать на «точке», но родители «зажимаются», а ехать с кем-то? Нет, обе они не ханжи, но зачем связывать себя? И так-то за зиму устаешь от этих постоянных ухаживаний. Обeim, оказывается, многие предлагали, но обе отказались. Надоело все это. Захотелось наконец-то одиночества, солнца и воды...

— Юрий Лимонов! — Невысокий человек с маленькими, как запятые, глазами и большой окладистой бородой, скрывающей возраст, а также неудачную нижнюю часть лица, встав из-за стойки бара, поцеловал Алене руку.

Да, Марта уже рассказывала ей про него. На вид неказист, но писатель. Фамилию слышать не могла, потому что он еще ничего не написал... то есть не напечатал. Работал на время. Сейчас не поймут. Народ в массе своей не созрел. Но среди понимающих и идущих впереди времени ценился необыкновенно и считался одним из самых-самых!

Лимонов сам угадал в Алене актрису. В нем, безусловно, было что-то симпатичное!

Весть о том, что на турбазу приехала будущая знаменитость, снявшаяся уже в шести фильмах, из которых четыре прикрыли, а два вот-вот должны выйти на экраны (если, конечно, не прикроют), живо облетела отдыхающих. Долгожданный отпуск начался! Нет, она не боялась разоблачения. Всех известных режиссеров Алена знала по имени-отчеству, кто на ком женат, сколько раз... Словом, в искусстве разбиралась, понимала его и любила.

— Мой бабушка бил русской актрисой! — сказал с навязчивым прибалтийским акцентом сын канадского миллиардера, знакомясь с Аленой. — Каждый дворец в вашей стране кажется мне родительский дом.

Через два дня, проснувшись, Алена поняла, что влюблена.

Вот бы подруги лопнули от зависти, если б узнали — в кого. Да-а, было в Тиме что-то такое, чего не было в мужчинах отечественных. Особенно далеко до него было, конечно же, Петру, бросившему ее зимой.

— Все эти актрисы замуж за иностранцев метят, — говорили на пляже одни.

— Мода, — соглашались другие.

Ах, какое все-таки счастье, когда о тебе говорят! Какое счастье весь день валяться на пляже и видеть, как проходящие мимо тебя мужчины втягивают в себя животы... Какое счастье — отпуск! Музыка неслась от их богемы-элиты из-под полотенца, которым укрыли приемник, топча волны и прыгая по ним в сторону заграницы.

Оказывается, у Тима был свой вычислительный центр. Самый центральный во всей Канаде! И еще бензоколонка где-то на Ванкувере. Но это уже так — мелочи.

Подолгу в первые дни знакомства стояли они вечерами на парапете набережной, как настоящие влюбленные. Благо родители теперь вмешивались в ее личную жизнь только письмами: ешь фрукты, не верь мужчинам, купайся, но не перекупивайся... В эти вечера усыпанная множеством звезд темнота казалась Алене ее загадочным будущим. Вот одна, крохотная, оторвалась от него, чиркнула по небосводу, но не зажглась, а тут же погасла...

В такие минуты она рассказывала Тиму о тех ролях, которые «уже сыграла», и о тех, которые хотела бы еще сыграть: Джульетту, Маргариту булгаковскую, Бесприданницу... Петр бы даже слушать ее не стал. Ах, как далеко ему было до Тима!

Вместе ходили на весь день в соседние бухты с призрачными названиями: «Бухта радости», «Залив счастья». И действительно, в эти дни Алена чувствовала себя и радостной, и счастливой. Катались на лодках, а на ночь нередко уходили в горы, где в лунном свете Тим напоминал Алене картину Тышлера. Шутка ли?! Лицо его красиво вытягивалось, и даже нос уже не казался такой картошкой, как днем.

Однажды Алена рассказала о своем открытии Марте. Оказалось, что и той Юрочка в лунном свете напоминает картину. Только Шагала. А ведь шедевры волновали обеих еще в Москве. Бесспорно, отпуск удался как никогда!

Но ничто не вечно: ни любовь, ни жизнь, ни даже отпуск с присоединенными за работу в дружине отгулами.

Первым уезжал Тим. Алена очень просила его задержаться. Но он не мог. Потому что без него, по его словам, в Канаде все могло пошатнуться. А с бензokolонкой просто могла произойти беда. И допускать этого он не имел никакого права.

— Жизнь — это тоже отпуск! Только с того света! — утешал Алену Лимонов.

Никогда еще ни от кого она не слышала столько гениального, сколько за этот месяц от него, бегущего впереди времени.

Даже море, обычно зеленое, в день отъезда Тима посерело и сморщилось, словно постарело. Ветер лихо промчался по нему и проскочил в комнату, взвив к потолку белую занавеску.

— Зайчик ты мой! — сказала Алена, глядя в медные глаза Тима и отражаясь в них, словно в старинном, давно не чищенном бабушкином самоваре. — Рыбонька! Неужели никогда больше не увидимся?!

— Наши с тобой жизни, как две непараллельные прямые, — преодолевая рыдания и акцент, выдавил на прощание из себя Тим. Он никогда не говорил так много по-русски сразу. — Они всего один раз пересеклись и больше никогда не встретятся!

Алена чувствовала себя такой несчастной, что была счастлива. Тем более что Лимонов обещал написать об их безысходном романе роман. Он, опережающий время, даже пробежался чуток за поездом, увозящим в плацкартном вагоне через Литву прямо в Канаду

миллиардера-канадца.

— Тимоха! В этом году буду в Вильнюсе — обязательно позвоню, еще кутнем! — крикнул он вдогонку, но Алена этого не слышала и не хотела слышать.

Вечером проводили писателя.

В эту последнюю ночь на турбазе в их с Мартой номере печально пахло собранными вещами, морским воздухом и прощальным рислингом. Запах масляных красок за эти дни выветрился окончательно, а горизонту на картонке по-прежнему не хватало моря, неба и гор...

«Вот и все! — Долго не могла заснуть Алена. — И снова кафедра с ее серыми сплетнями, обязательной общественной работой и ежедневными вставаниями по будильнику. Да, но ведь и снова шитье нарядов, снова подготовка к отпуску, авитаминоз от перехудания, а потом снова отпуск и... снова крохотные, отпадающие от темного будущего звезды...»

— Один канадец, очень богатый, даже сделал мне предложение! — рассказывала Алена обступившим ее подругам про отпуск, увидев, что в комнату заглянул Петр. — Все хотел увезти. Вычислительным центром заведовать предлагал... И еще бензоколонкой.

— Ну а ты?

Дверь за Петром противно захлопнулась.

— А что я? — Алена пожала плечами. — Не ехать же из-за бензоколонки...

1981–1984

Опасная профессия

Извините, товарищи, я тут немного дергаться буду и порой даже чесаться. Это все производственные травмы. Опасная профессия у меня. Я испытателем работаю. Испытываю товары народного потребления. Да, очень опасная профессия!

Видите, шишка на лбу? Это я испытывал первую отечественную дверь на фотоэлементах. Нет. Сотрясения мозга нет. В наш отряд испытателей только таких набирают, у которых сотрясения чего-чего, а мозга быть не может.

Недавно, например, новую советскую люстру испытывал. Мраморную. С плафонами из гранита. Много наших на этом испытании полегло!..

Почему передних зубов нет? Плавленные сырки испытывал. А голова дергается — это я от нервного тика успокаивающее проверял. Очень эффективное оказалось! Всего две таблетки принял, сразу глаз дергаться перестал — голова задергалась. Глаз застыл намертво.

Вот такой я в молодости сорвиголова был... Даже лекарства отечественные и те испытывал.

После испытания нашего медицинского пластыря на отрываемость — пересадку пятки перенес. От радикулита тоже какое-то средство три месяца в спину сам себе втирал. По часовой стрелке. Теперь на пляже раздеться стыдно. Оказалось, фармацевты что-то напутали, наполнили тюбики стимулятором роста усов. Такие усы между лопатками выросли! Сзади на пляже — вылитый Буденный.

Да, чего я только за свою жизнь не испытывал... Электробритвы с ножами от сенокосилки, пельмени замедленного действия, конфеты украинские «Сало в шоколаде»... Мышеловки, которые один оборонный завод для плана выпустил. С боеголовками. А я должен был кусочек мяса зубами достать, без рук...

Даже первые отечественные баллончики с парализующим газом от хулиганов — и те я испытывал. На всю жизнь запомнил. Дело ночью было. Стою за углом, жду хулиганов с баллончиком. Идут трое... Еще даже пристать не успели, я им прямо в глаза как прысну! Оказалось, наши опять что-то напутали и струя бьет в обратную сторону. Но все равно здорово помогло. Самого так парализовало, что потом совсем не больно было, когда били...

Одно жалко — опыт передать некому. Детей у меня быть не может. Зря я тогда согласился при входе в метро турникет-автомат испытать, в который фотоэлементы забыли поставить.

Вот такая нужная людям профессия! Опасная, но нужная. Потому как если бы не я, у вас самих детей не было!

Я только одного не пойму: вы над кем смеетесь? Я что здесь, один испытатель? Вы что, никогда сами в Черном море не купались? Не ездили по автодороге, похожей на стиральную доску, в машинах с выхлопной трубой, заведенной в салон? Не ели в «Аэрофлоте*» куриц небритых с сырками, плавленными в тринадцатом году в мартеновской печи?

Так что вы тоже испытатели! Мы народ такой — испытателей! Недаром нам все время говорят одну и ту же фразу: «Тяжелые испытания выпали на долю нашего народа».

Задание выполнено!

Детективная история в трех частях

1. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

«Я агент иностранной разведки Джон Кайф. Родился по заданию ЦРУ. В совершенстве владею четырнадцатью языками, телепатией, йогой, каратэ, самбо, борьбой нанайских мальчиков, дзю-до и дзю-после... Умею соблазнять женщин на расстоянии. Фотографирую левым глазом, правым проявляю микроплёнки. Плевками сбиваю вертолеты и тушу пожары. Стреляю из любой пуговицы, причем из всех четырех дырок сразу. Усилием воли могу вызывать землетрясения, цунами и такси.

Меня шестнадцать раз расстреливали, тридцать два раза топили в Атлантическом океане. Я выкрал одиннадцать президентов. Сорок семь пограничных собак загрыз насмерть.

Тридцати трем шахам с их гаремами наставил рога.

Год назад я получил свое главное и, к сожалению, последнее задание!

Я должен был: незаметно проникнуть на территорию СССР, пересечь на трамвай и, устроившись под видом молодого специалиста, выведать, сколько человек работают и что вышускают в научно-исследовательском институте
НИИВТОРСЫРЧЕРТМЕТБРЕДБРАКМРАКСНАБСТЫДСБЫТ-ЗАГРАНПОТАВКА.

Благодаря отлично оформленным документам я действительно быстро устроился на работу. И в первые дни моей потерей были лишь самострельные пуговицы, которые мне сразу же оторвали в трамвае...

А дальше началось нечто непонятное.

Первую неделю мне, как молодому специалисту, не поручали никакой работы. Тогда я сам потихоньку начал расспрашивать служащих о том, что они проектируют. Но они лишь пожимали плечами и переспрашивали: «Тебе-то зачем? Шпион, что ли?»

Это меня насторожило. Тогда, чтобы не вызывать лишних подозрений, я решил воспользоваться телепатией и перехватить мысли главного инженера. Но он весь день разгадывал кроссворд и мучительно думал, что за птица из пяти букв, которая живет в Южной Баварии, яиц не несет, но из них выводится. Причем думал он так напряженно, что сеанс закончился перенапряжением моего мозгового телепатического центра и я навсегда потерял способность к телепатии. Хотя точно знал, что эта птица — петух! От отчаяния стал ходить по комнатам: хотел посчитать служащих; но это оказалось бесполезным, потому что все остальные служащие тоже ходили по комнатам, и к вечеру я их насчитал до восьмидесяти тысяч. Тут я был встречен начальником своего отдела, который вдруг сказал:

— Хватит без толку шляться по коридорам! Пора заниматься делом! Завтра поедешь на картошку!

Я спросил, что это значит: «поедешь на картошку»?

Он на меня очень удивленно посмотрел и переспросил:

— Ты придурок или из Америки приехал?

Я так испугался, что сразу сказал:

— Я — придурок!

И срочно связался с шефом, который меня успокоил. Он объяснил, что «поехать на картошку» в СССР условно обозначает сельскохозяйственные работы, во время которых колхозники помогают работникам умственного труда собирать урожай.

Поскольку, учась в разведшколе, я ни разу на «картошку» не ездил, я очень боялся, что мое

неумение обращаться с ней вызовет подозрение у тех, кто обучался этому много лет в различных высших учебных заведениях. Поэтому я очень старался, работал без перекуров, за что в первый же день был избит коллегами по полю. Их было пятнадцать человек. Я хотел применить против них семь приемов «моаши» и восемь «йока-гири», но не успел... Как только я встал в боевую стойку, тут же сзади ко мне был применен неизвестный прием, который один из нападавших назвал «рессора от трактора «Беларусь». С тех пор я стал прихрамывать на обе ноги, перестал владеть приемами каратэ, начал трясти головой и навсегда позабыл «морзянку».

По окончании сельскохозяйственных работ я снова не смог приступить к выполнению задания, потому что меня тут же послали на строительство институтской подшефной недостройки, где я проработал два с лишним месяца вторым исполняющим обязанности третьего ученика четвертого мастера по укладке кирпичей шестого сорта со Знаком качества.

Невероятным усилием воли я взял себя в руки и даже попытался, не тратя понапрасну время, выяснить секрет новой бетономешалки с программным управлением и сложнейшей коммутационной перфокартой. Я спросил мастера-наладчика о порядке ее работы, на что он мне ответил:

— Слухай сюды! Положь колдобину со стороны загогулины и два раза дергани за пимпочку. Опосля чего долбани плюхалкой по кувывалке и, кады чвокнет, отскочь дальшее, прикинься ветошью и не отсвечивай. Потому как она в это время шмяк... ту-дыть, сподыть, ёксель-моксель, ёрш твою медь... Ш-ш-ш! И ждешь, пока остынет. Остыло — подымаеся, вздыхаешь... Осторо-о-ожненько вздыхаешь про себя, шобы эта быдла не рванула! И бегишь за угол за поллитрой. Потому как пронесло!

Записанный мною за мастером порядок работы бетономешалки был немедленно передан мною в центр. Восемь недель опытейшие шифровальщики бились над ним, но так и не смогли разгадать, что означает научный термин «ёрш твою медь!».

Я тоже не успел этого выяснить, потому что прямо со стройки меня послали на курсы английского языка, с которых я был отчислен за неуспеваемость, потому что преподавательница не понимала моего чистого английского произношения. Однажды она меня спросила, где я обучался английскому языку. Я ответил честно: в английской спецшколе. На это она ответила, что, оказывается, всегда не доверяла английским спецшколам и что, согласно последней инструкции ВЦСПС, звук «the» надо произносить совсем не так, как это делаю я.

За остальные три месяца пребывания на работе я пять раз посещал овощную базу и четыре раза — народную дружину. Там сначала мы ловили хулиганов, а после того, как мы их поймали, они нас начали бить.

За время работы я в принудительном порядке стал членом добровольного общества бега босиком по снегу под названием «Стопами Суворова!» и членом общества осеннего сбора желудей в помощь голодающим свиньям. Кроме того, принял участие в 18 самодеятельных

концертах в качестве первого крайнего группы скандирования, где и сорвал себе голос на словах: «Спартак — чемпион», «Канадиенс-профи — конюшня!».

От такого количества общественной работы у меня начались невыносимые головные боли. Но больничный лист врач мне не выписал, так как, прослушав мою грудную клетку, живот и голову, установил диагноз: «Плоскостопие!» После чего надел на меня ортопедические сапоги, в которых я не могу ходить даже с костылями.

Я пытался покончить жизнь самоубийством. Лег на рельсы неподалеку от Ярославского вокзала. Но поезд из Владивостока опаздывал на 18 часов. Я так замерз, что вынужден был пойти в гастроном, чтобы согреться на семь рублей, оставшихся у меня от последней зарплаты после уплаты всех членских взносов.

Выпив в гастрономе, я рассудил трезво. Поскольку я потерял все средства к существованию, не выполнил ни одного пункта задания, позабыл все знания, полученные мною в разведшколе, у меня оставался только один выход — сдаться!

Выпив для храбрости еще немного, я подошел на перекрестке к первому попавшемуся милиционеру и сказал ему, что я иностранный резидент. На что он мне ответил:

— Раз ты резидент, то мы тебя сейчас и отправим в резиденцию!

И отправил меня... в вытрезвитель, где я сейчас и нахожусь. И пишу эту объяснительную записку, в которой настоятельно прошу учесть главное: я иностранный резидент, хочу добровольно сдаться, поэтому меня надо срочно переправить в соответствующее заведение...»

2. РЕЗОЛЮЦИЯ ДИРЕКТОРА ВЫТРЕЗВИТЕЛЯ

НА ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКЕ

«Гражданин, называющий себя иностранным резидентом, действительно попал к нам не по адресу. Был переправлен нами тут же в соответствующее заведение, где и пребывает теперь в полном спокойствии в одном номере с Наполеоном, Александром Македонским и астронавтом с Альфа-Центавра, который прилетел к нам на летающей тарелке, чтобы купить пленки с записями песен Бюль-Бюль-оглы».

3. ПРИКАЗ

«Всем гражданам, умело сыгравшим роли — научных сотрудников, колхозников, строителей, а также врача-ортопеда и учителя английского языка, — за создание невыносимых условий работы и жизни опаснейшему разведчику объявить благодарность!!!

Наградить машиниста скорого поезда «Владивосток — Москва» именными песочными часами, а также повысить в звании старшего лейтенанта, так убедительно сыгравшего роль рессоры трактора «Беларусь».

Задание выполнено! Кайф пойман! Если и дальше будем так работать, мы их всех изведем, товарищи!»

Девятый вагон

Я должен был из Риги вечерним скорым поездом номер 15 выехать в Ленинград. Пришел на вокзал. У меня был билет во второй вагон. Подхожу к поезду — а первых трех вагонов в составе нет! Человек девяносто в растерянности ходят по перрону с чемоданами, сумками и билетами, выданными в первые три вагона. Многие уже по нескольку раз прошли вдоль всего состава, пересчитав его вагоны. Но тщетно! Первых трех вагонов нет ни в начале, ни в конце, ни в середине состава. Не могут найти и бригадира поезда. Никто из проводников не знает, где он.

Как человек, имеющий отношение к клубу «12 стульев» «Литературной газеты», я пошел к начальнику вокзала и гневно спросил:

— Где бригадир пятнадцатого поезда?

Он мне ответил:

— В первых трех вагонах.

Тогда мне этот ответ даже не показался смешным. Начался нешуточный скандал. Часть пассажиров кое-как расселили по остальным вагонам, другой части поменяли билеты на следующий поезд. С грехом пополам все добрались до Ленинграда.

Когда я вернулся из Ленинграда в Москву, гнев мой не остыл, как часто бывает в таких случаях по прошествии времени, — и я написал фельетон в «Литературную газету». Через месяц из Риги поступил ответ с извинениями и перечнем фамилий людей, получивших выговоры за эту «накладку».

Но самое интересное, что из Киева пришло письмо от одного возмущенного читателя: «Это все ерунда по сравнению с тем, что произошло со мной и моей женой на железной дороге. Прошу срочно выслать корреспондента. Не пожалеете!»

Поскольку ничего конкретного он не написал, корреспондента высылать не стали. Подобных писем в редакцию ежедневно приходит множество. Но когда я по делам поехал в Киев, я все-таки захватил с собой это письмо и как-то вечером зашел к его автору. Чем, думаю, черт не шутит. Все-таки он написал: «Не пожалеете». И я не пожалел!

Если в Риге не было трех вагонов, то к составу в Киеве присоединили два девятых вагона! Пассажиры, у которых были билеты в девятый вагон, естественно, сели в первый из них. Потому что все нормальные люди с детства знают: девятый вагон тот, что сразу после восьмого. И никому в голову не может прийти, что после девятого вагона окажется снова девятый. Одним словом, состав трогается, удивленная проводница второго девятого вагона идет к бригадиру поезда и говорит:

— Мой вагон пустой!

— Какой вагон? — спрашивает бригадир.

— Девятый.

— Странно. Наверное, опять что-то в кассах напутали! — удивляется бригадир и дает на следующую станцию радиограмму: «Продать билеты в девятый вагон».

На следующей станции поезд стоит три минуты. Пассажиры, которым продали билеты в девятый вагон, тоже оказались людьми нормальными и, как только объявили посадку, дружно ринулись в первый девятый (он ближе всего к вокзалу)... Проводница, у которой уже все пассажиры попили чаю и легли спать, в ужасе от такого количества двойников, никого не пускает и говорит:

— Тут какая-то ошибка, товарищи! У меня только два свободных места. Остальные бегите к бригадиру поезда. Он в первом вагоне. Пускай он вас расселяет по другим вагонам. Причем бегите скорее, а то поезд сейчас тронется.

С сумками и чемоданами, возмущенные пассажиры наперегонки бегут к первому вагону, в котором их встречает очень удивленный бригадир.

— Вы откуда, товарищи, в таком количестве?

— Из девятого вагона. Там все — двойники.

Бригадир понимает, что он чего-то не понимает. Но не понимает, чего именно он не понимает. Впрочем, разобраться некогда. К тому же у людей законные билеты.

Поэтому он быстренько расселяет всех в первые вагоны на свободные места, после чего облегченно вздыхает и дает разрешение поезду трогаться.

В это время проводница второго девятого вагона, который по-прежнему пустой, идет к бригадиру и говорит:

— Мой вагон пустой.

— Как?! — спрашивает бригадир, думая, что он сходит с ума.

Вместе с проводницей он идет вдоль состава и обнаруживает, что у него два девятого вагона! Тогда бригадир понимает, что произошло. Он опять с облегчением вздыхает, возвращается в свое купе и дает на следующую станцию радиограмму: «Отцепить девятый вагон».

Дело было ночью! Те, кто отцеплял, тоже оказались людьми нормальными, умеющими считать до девяти. Поэтому, повозив состав по частям туда-сюда, они отцепили первый девятый вагон и отвезли его на запасной путь. О чем немедленно сообщили бригадиру. Бригадир в третий раз вздохнул с облегчением, дал команду отправлять поезд и стал

готовиться ко сну.

В это время проводница второго девятого вагона, который по-прежнему пустой, снова идет к бригадиру и говорит:

— Мой вагон пустой!

Я не знаю, попал в сумасшедший дом после этого рейса бригадир поезда или нет. Мне эту историю рассказывал пассажир, ехавший с женой в первом девятом вагоне.

Поздно ночью он вышел в тамбур покурить. Покурил. И думает: «Что-то мы долго стоим?» Выглянул в окошко — а ни спереди, ни сзади вагонов нет. Не говоря уж об электровозе. Вокруг степь. Голая. И холодно освещает запасной путь полная луна.

Пока он рассказывал мне эту историю — как он будил пассажиров, как все они повыскакивали в чем были, как вместе пытались сообразить, что случилось и где они сейчас, — я так неприлично хохотал, что рассказчик обиделся и сказал:

— Я не вижу в этом ничего смешного. Мы все в этом вагоне ехали по туристической путевке в Болгарию!

Телевизионная программа на завтра

8.00 — Утренняя гимнастика. Прямой репортаж из Московского метрополитена.

9.00 — «Кем быть?» — так называли авторы свою новую передачу о раздумьях выпускников технических вузов. 2-я серия — для тех, кто пошел работать по своей основной специальности, — «Как жить?».

10.00 — «Очевидное-невероятное». Рассказ о досрочном сборе урожая.

11.00 — «Мир и молодежь». Речь пойдет о судьбах советской молодежи, в частности о трагической судьбе молодой советской актрисы, которая вышла замуж за сына канадского миллионера, а он так полюбил ее, что решил навсегда остаться в Москве и никогда не возвращаться на родину.

12.00 — «В рабочий полдень». В гостях у станкостроителей Москвы на этот раз будут модельеры Центрального дома моды. Они покажут свою новую коллекцию, созданную специально для рабочих горячего цеха. Вы увидите, с каким вкусом украшены их спецовки вологодскими кружевами, хохломской росписью, каслинским литьем, гусь-хрустальненским дутьем, уссурийским собольем.

13.15 — Учебная программа «Мнимые числа». Передача из Госплана.

14.10 — «Слияние города и деревни». Репортаж из залов ГУМа.

15.00 — Дню работников торговли посвящается. «Камера смотрит в мир».

16.00 — «Навстречу продовольственной программе». Рассказ о переименовании в городе Москве улицы Нижняя Масловка в Верхнюю Маргариновку.

17.00 — Кинопанорама. 1-я страничка кинопанорамы на сей раз будет полностью посвящена западному кино. Вы увидите отрывки из фильмов, которые никогда не увидите. После чего известные критики расскажут вам о безнравственной сути этих картин, о том, как противно им было смотреть их за границей.

19.00 — «Клуб кинопутешественников». Мы побываем с вами в Сибирском этнографическом музее, где посмотрим избу крестьянина-бедняка прошлого века на четыре комнаты, с отдельным курятником, коровником, свинарником, гаражом на две телеги и темным сырым погребом, где бедняга вынужден был хранить сало, колбасы, молочные и другие продукты, которые ежедневно спасали его от голодной смерти.

20.00 — «Спокойной ночи, малыши!» На вопрос Хрюши и Степашки: «Что такое Агропром?» — еще одну сказку о нем расскажет Владимир Ухин под именем «тетя Володя».

23.00 — Для тех, кто уже не может спать. Праздничный эстрадный концерт. Как всегда, в праздничном эстрадном концерте вас ждут интересные встречи: с потомственной дояркой колхоза имени 127-го км Можайского шоссе; со знатной мотальщицей челночно-прядельной фабрики имени Триумфа сбора озимых в период гниения яровых; с дочерью пионера Павлика Морозова. И закончит наше эстрадное представление мать-героиня из Средней Азии. Она приедет в студию с шестнадцатью своими детьми — все они сыновья знатных хлопкоробов.

Народ умельцев

Многие сетуют на то, что наши товары ни на что не годятся. Это не совсем верно.

Например, мы выпускаем лучшие в мире деревянные перьевые ручки! Лучшие в мире, потому что никто в мире их больше не выпускает. Правда, у нас ими тоже никто не пишет. Но все равно люди их покупают. Оказывается, эти ручки очень хорошо использовать как пробки для стенных дырок. В них шурупы мягко входят. Так что наши товары тоже кое на что годятся. Только надо точно знать: какие и на что.

Например, подсвечник подарочный годится дня самообороны. Одеколон «Гвоздика» отбивает у комаров охоту жить.

У них там за границей гораздо всё примитивнее. Написано на ценнике «пылесос» — значит, это пылесос и есть. Лопата — это лопата. Средство от головной боли помогает только от головной боли. У нас же: принял таблетку от головной боли — началась чесотка. Стал втирать каждый день в голову жидкость для волос — развились мускулы, волосы стерлись.

Кстати, поэтому у них за границей и нет такого полета мысли! Там никогда не увидишь американца, заклеивающего окна медицинским пластырем. Немца — под мерседесом, из которого искра ушла навсегда. Итальянку, которая по верх лака для ногтей наносит еще слой

клея «БФ-6», чтобы этот лак не сразу облупился. Ни одна француженка не додумается отложить порванные колготки, чтобы потом надеть их под брюки на субботник!

А какой Карден или Диор догадаются, что можно разрезать пополам женский лифчик и сделать из него модные накладные плечи?!

Ни одна нация в мире такой сообразительностью не обладает. Попробуйте нашему командированному не дать в гостинице уют. Он положит брюки под матрац и будет всю ночь спать не шевелясь.

Именно это сочетание приобретенной находчивости с врожденной неприхотливостью делает наш народ практически неуязвимым в любой ситуации.

Прокладки для окон промышленность не выпускает — не беда! Поролоновые матрацы раскупили, разрезали и проложили. Пуха для подушек не достать — тоже не страшно: ветоши полно, стеклотары. Наконец, дубленки — дефицит? Пограничные тулупы научились оторачивать мехом. «Антимоль» не достать — догадались класть в шкаф свежие газеты. Моль исчезает! Не знаю, в чем эффект. Видимо, со смеху дохнет, когда читает, что в них написано.

Между прочим, на Западе кое-кто уже понял, насколько они отстали от нас по смекалке. Первыми сообразили международные террористы, закупив у нас партию наших цветных телевизоров. Они своим врагам их дарят. Телевизоры взрываются и разносят вдребезги все, что надо...

Американцы умоляют продать для магазина «Розыгрыш» наши надувные матрацы, которые, как только на них за буюк заплываешь, сразу сдуваются.

А племя таратайцев в Тихом океане закупает уже вторую партию мужских трусов в цветочек: для ритуальных танцев... и отпугивания по ночам злых духов. Оказалось, когда духи их видят — уходят в горы навсегда. Им очень страшно видеть трусы, которые могут вытираться на коленках.

Так что это кощунственно — заявлять, будто наши товары ни на что не годятся. Мало того, что они уже начали экспортироваться, они еще делают наш народ смекалистым, как ни один другой народ в мире!

У нас любой ребенок понимает, что значит поставить «жучок».

Вся страна знает, что орехи лучше всего колоть дверью.

Наконец, любая женщина, если испортится фен, сможет высушить голову в духовке газовой плиты. Француженка, к примеру, в этой духовке задохнется. А наша женщина подрумянится — ив гости. Румяная, с халой на голове, живая и счастливая, как и все мы, — несмотря ни на что! 70

Замечательный день

Украшенная разноцветными лентами «Чайка» остановилась у подъезда. Сначала из дома вышли довольные родители; за ними — сами виновники торжества; наконец, нарядные друзья, родственники. Кавалькада машин во главе с «Чайкой» торжественно потянулась к загсу.

В загсе пришлось ждать. Но это не огорчало. Слишком долгожданным был для них этот день. Нарядная и торжественная хозяйка зала регистрации встретила их профессионально приветливо.

— Уже по вашим лицам, — сказала она, — я вижу, что решение, к которому вы пришли, не случайное. Я не сомневаюсь в подлинности ваших чувств. Пускай же этот день запомнится вам на всю вашу жизнь! И он запомнится вам! Я уверена в этом! День вашего развода!

Волнению не было предела. Три месяца назад он сделал ей это предложение — развестись! Как она обрадовалась! Тут же позвонили родителям — обрадовали стариков. Радостное событие решили отпраздновать, поэтому уже на следующий день подали заявление. Однако желающих было много. Пришлось ждать, готовиться, считать дни.

— А теперь, — хозяйка зала регистрации обратилась к ней, — согласны ли вы развестись с вашим мужем?

Она немного подумала, потом счастливо ответила:

— Да, согласна!

Как и подобает настоящему мужчине, он ответил сразу, не думая.

— Тогда, — обратилась женщина уже к нему, — снимите кольцо с руки вашей бывшей супруги и бросьте его на это серебряное блюдечко.

Кольцо не снималось. С тех пор как они были здесь в прошлый раз, она носила его постоянно. От бесконечных стирок, мытья посуды, уборок квартиры пальцы изменились. Особенно в суставах.

Кто-то из гостей пошутил: мол, ничего страшного, волнуется, все-таки в первый раз снимает. Еще научится!

Наконец ее кольцо звонко упало на серебряное блюдечко. Рядом послушно легло его кольцо. В зале раздались аплодисменты! Женщина-регистратор торжественно объявила их брак расторгнутым навсегда. Когда выходили из зала, оркестр играл марш Мендельсона в миноре. В соседней комнате пили шампанское, били бокалы и рвали фотографии. Особенно быстро рвал их местный фотограф.

После загса, по их обоюдному желанию, кавалькада машин двинулась по городу. Им в последний раз захотелось вместе взглянуть на те улицы, по которым гуляли столько лет, на магазины, где в первые годы супружеской жизни покупали все для новой квартиры.

Долго смотрели на город с Ленинских гор.

— Ты такая красивая сегодня! — сказал он. — Это платье, оно так идет тебе. Я никогда не думал, что ты можешь быть такой красивой.

— А я никогда не думала, что ты можешь быть таким веселым, предупредительным и заботливым? — улыбнулась она и поправила руками разметавшуюся от ветра вчерашнюю трехчасовую прическу, из-за которой сегодня ей пришлось спать сидя.

Дома их уже ждали накрытые столы.

Первый тост по традиции говорили свидетели:

«Да, они действительно холодно жили последнее время. Его ничего не интересовало, кроме своей работы. За три последних года всего раз сходили в кино. Два раза были в прачечной. Но там им нагрубили. С тех пор вовсе перестали выходить в свет вместе. Дома он всегда чувствовал себя одиноким, а у нее не было времени помочь ему в его одиночестве: после работы крутилась по хозяйству, ходила при нем непричесанной, в стоптанных тапочках и заношенном халате. Чтобы не раздражаться, он и вовсе перестал замечать ее, словно она постоянно была при нем в шапке-невидимке...»

Тост был долгим, поэтому «Сладко!» гости кричали особенно громко.

Под дружеские и продолжительные аплодисменты они по-товарищески пожали друг другу руки.

— У тебя потрясающие духи! — сказал он, садясь обратно за стол. — Откуда?

— Как-то с аванса купила. Мне года три назад зарплату повысили. Вот решила купить! — Она заботливо положила ему в тарелку салат. — Попробуй... Этот рецепт я изобрела сама!

— Замечательно! — одобрил он. — Раньше ты такой не готовила...

— Повода не было. Праздника какого-нибудь ждала. Вот еще тарталетку возьми.

— Спасибо, спасибо... — поблагодарил он. — И что, намного повысили?

— Что?

— Зарплату...

— Как всегда после защиты...

— Ты — кандидат наук?!

Тарталетка выпала из рук и шлепнулась на пол по закону тарталетки — пашетом вниз.

— Опомнися... Не поднимай, я потом уберу. Возьми другую. Вот эту... Я уже докторскую заканчиваю!

Их разговор прервал его отец тостом, который был обращен к ее матери.

— Наконец-то я никогда больше не увижу вас в своем доме! — сказал он. — Какое счастье!

Развеселившиеся гости им тоже кричали «Сладко!». И они на радостях жали друг другу руки гораздо дольше своих детей.

— Когда-нибудь я буду гордиться тобой! — сказал он, когда тост окончился.

— А я — тобой! Говорят, ты получил отдел. Это правда?

— Ну, это уже давно... Скоро мне второй дадут!

— Вот видишь! Я еще до свадьбы в тебя верила, говорила. Далеко пойдешь!

— В таком случае у меня есть предложение, — сказал он. — Давай выпьем за нас с тобой. Все-таки десять лет... Почти не ссорились. Оба столько успели... Словом, есть за что! Верно?

— Верно! — согласилась охотно она.

— Ты что больше любишь? Шампанское или вино? Я что-то забыл...

От выпитого шампанского их еще больше потянуло на разговор:

— Ну а что бы ты хотела в будущем?

Они разговорились. Она рассказала ему о своих мечтах. Оба со смехом отметили, что мечтают примерно об одном и том же. Это показалось им очень забавным. Снова выпили шампанского.

— Какой сегодня замечательный день! — сказала она. — Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

— И мне! Пойдем потанцуем?

Расходились гости поздно. На прощанье снова кричали им «Сладко!» и заставляли жать друг другу руки. Хохотали до колик. Завидовали: мужчины — ему, женщины — ей... Благодарили за чудесный вечер, забирали подарки, подаренные к свадьбе... Желали хорошей последней брачной ночи...

— Ну, ты довольна? — спросил он, когда они остались одни среди груды невымытой посуды.

— Очень! Сегодня был лучший день в моей жизни! — сказала она, поднялась на цыпочки и

дружески поцеловала его в щеку.

От этого поцелуя он осмелел и обнял ее.

— Ты что? — удивилась она. — Зачем тебе все это?

— Выходи за меня замуж!

— Мы слишком мало с тобой еще знаем друг друга! — Она попыталась отстраниться.

— Неправда! То, что я узнал сегодня о тебе, мне очень нравится, и я уверен, что мы подходим друг другу!

— Все равно, один день — это слишком мало, чтобы делать столь серьезное предложение. Мы уже не в том возрасте... Надо все обдумать.

— Что тут думать?! Я люблю тебя, ты любишь меня. Я это видел сегодня по твоим глазам. — Он снова сделал попытку поцеловать ее.

— Нет, нет... Только не это! — Она вырвалась из его объятий и от смущения стала поправлять окончательно развалившуюся прическу.

— Ну почему же?

— До свадьбы нехорошо! — сказала она и пошла мыть накопившуюся за вечер посуду, предварительно надев на себя заношенный халат...

Вундеркинды

Здравствуй, дорогая редакция!

Мне три года. Я девочка. Помогите! С тех пор как я несколько раз подряд дирижировала по телевизору Большим симфоническим оркестром, со мной перестали играть во дворе все девчонки и даже мальчишки. «Хиляй, — говорят, — отсюда, вундеркиндка несчастная!»

А когда я их спрашиваю, что такое «вундеркиндка», они отвечают: «То же самое, что жила и задавака!»

За что? Я же просто дирижировала. Я вообще больше всего в жизни люблю дирижировать. Это отвлекает от иностранных языков, греческой философии и ядерной физики. И потом — с чего бы мне задаваться, когда у меня всего одна кукла, и та вся обтрепалась. А новую мама не покупает. Говорит: «Ты вундеркинд, поэтому не должна быть похожа на остальных детей». Недавно, когда после очередных дразнилок во дворе я категорически заявила ей, что никогда больше не буду дирижировать по телевизору, они с папой поставили меня в угол. И потом долго еще ругали! «Неужели, — говорили, — тебе хочется жить так же, как твои родители?»

А я не понимаю: чем они плохо живут? У обоих два раза в месяц получка! Поэтому четыре раза в месяц мы едим пирожные...

Я долго думала: что делать? Даже, стоя в углу, перечитала Чернышевского. Но ответа у него не нашла. Тогда и решила написать вам. Потому что наша соседка после ссоры с моими родителями всегда пишет в редакцию. Конечно, если вы опубликуете мое письмо, меня снова поставят в угол. Но потом, я уверена, они поймут меня. И больше не будут заставлять меня дирижировать по телевизору Большим симфоническим оркестром. Тем более что до большого, если начистоту, я еще не доросла. Только до малого. А то, что вы видели по телевизору, — это хитрость. Дирижировала на самом деле не я, а Глеб Васильевич. За моей спиной. И ему не три года, а четыре. И он согласился выручить меня, потому что единственный в жизни, кто по-настоящему меня понимает. Ведь его во дворе тоже все обзывают «знаменитостью» и обещают ему за это расквасить нос и переломать все дирижерские палочки. И мне его тоже жалко, потому что он ни во что больше не верит...

Зато, если вы нам поможете и мы больше не будем дирижировать по телевизору, к нам сразу вернется доверие всего двора! И тогда... тогда девочки, может быть, снова разрешат мне поиграть с их куклами, а Глеба мальчишки поставят на ворота.

Дорогая редакция! На этом заканчиваю, так как в соседней комнате меня ожидают приехавшие с радио корреспонденты, а я еще не причесалась и не приняла рыбий жир. Мама говорит, он улучшает цвет лица. Вот только я не понимаю — зачем он мне? На радио все равно не видно.

P. S. Дорогая редакция! Очень прошу вас, если не сможете нам помочь, то сделайте хотя бы так, чтобы рыбий жир продавался в таблетках.

1985–1987

Благодарность

Уважаемый товарищ Генеральный секретарь!

Пишут Вам благодарные жители города, в котором Вы побывали с деловым визитом. Правда, Вы только за три дня сообщили нашим городским властям о своем приезде, но даже за эти три дня они успели сделать для нашего города больше, чем за все годы Советской власти.

Во-первых, были покрашены все дома со стороны улиц, по которым предполагался Ваш проезд. Но потом кто-то сказал, что Вы любите отклоняться от намеченного маршрута. И наши власти были вынуждены покрасить и остальные дома. Причем так старались, что некоторые покрасили вместе с окнами.

Во-вторых, все улицы к Вашему приезду были освещены, заасфальтированы, озеленены... В ночь перед Вашим приездом в городе было вырыто 365 подземных переходов. В магазинах появились продукты, которые мы в последний раз видели лет двадцать назад, когда неподалеку от нашего города, в нейтральных водах, затонул английский рефрижератор,

везший эти продукты голодающим Африки.

В-третьих, строителями наконец был достроен мост, о торжественной сдаче которого Вам рапортовали еще в прошлой пятилетке, но который, когда грянул оркестр и комиссия обрезала ленточку, осел и отчалил от берега вместе с комиссией.

Наконец, дорогу из аэропорта комсомольские работники пропылесосили собственными пылесосами. А профсоюзные — подмели лес в окрестностях этой дороги, покрасили в свежий зеленый цвет листья на всех дорогах и помыли югославским шампунем все памятники в городе. Причем памятник Менделееву был отмыт настолько, что оказался памятником Ломоносову.

Более того, боясь Вашего гнева, многие руководители сдали государству свои личные дачи. В некоторых из них открылись за эти дни ясли и детские сады. Их всегда так не хватало нашему городу! Дача управляющего делами обкома была переоборудована под новое здание аэровокзала. А грядка из-под огурцов на его огороде забетонирована под взлетную полосу для «Ил-86».

Встряхнулись и изменились в лучшую сторону и остальные наши руководители. Поскольку все знают, что прежде всего Вы цените в руководителе его личное мнение, наши руководители три дня заседали на горкоме, вырабатывая личное мнение каждого, после чего утверждали его на обкоме.

Все также знают, насколько хорошо Вы разбираетесь в животноводстве. Поэтому был собран консилиум научных работников по вопросу: «Сколько дойных сосков у коровы?» Оказалось, четыре, а не семь, на которые давался план раньше, с тех самых пор, как пролетариат был послан в деревню проводить коллективизацию.

Конечно, не обошлось без перегибов. Например, в ночь перед Вашим приездом зачем-то были проведены учения по гражданской обороне. Однако поскольку сигнал тревоги испортился, а все противогазы, как оказалось, работают только на выдох (на вдох их надо каждый раз снимать), то в три часа ночи после истошного крика начальника гражданской обороны города: «Внимание, ядерный взрыв! Ложись!» — все выбежали из домов и попадали на землю, от излучения тщательно прикрыв ладонями лица, а от радиации плотненько застегнувшись на все пуговицы. В результате половина населения на следующий день опоздала на работу, ожидая отбоя.

Еще была выпущена подарочная книга о нашем городе с четырьмя фотографиями новостроек нашего города, а точнее — единственного нового дома, снятого с четырех сторон. А вдоль пути Вашего следования по улицам все время перевозился один и тот же ларек с овощами.

Наконец, прошел слух, что во всех городах Вы любите посещать музеи и смотреть, как они содержатся. Тут же по приказу заведующего отделом культуры, который занял этот пост сразу после окончания ПТУ при кирпичном заводе, экскаватором был снесен старый, ветхий домик, в котором жил Антон Павлович Чехов, а на его месте построен новый дом, в котором он жил. В скверике перед музеем был поставлен памятник Антону Павловичу. Он сидит на

скамеечке с газетой в руках и с одобрением в глазах читает Ваш доклад на последнем Пленуме.

Но мы за эти перегибы на наших руководителей не обижаемся. Мы же понимаем, как им нелегко сейчас. Вы им сказали: надо быть личностями — а инструкций и памяток, как ими стать, не дали. Сказали, что надо перестраиваться, а сроков не указали. И они, наши руководители, никак не могут понять, когда им докладывать Вам о том, что они перестроились досрочно. Более того... Вы все время говорите, что надо идти вперед, а где перед, не объясняете. А сами они этого не знают.

У нас в городе как всегда было? Те, у кого были способности к искусству, пошли работать в искусство. У кого к науке — в науку. У кого к производству — в производство... А кто в молодости ленился и у кого никаких способностей так и не обнаружилось, пошли работать в комсомол, в профсоюз и в партийные организации. Там стали руководить теми, у кого эти способности были, пока они у них тоже не исчезли благодаря их руководству.

Одним словом, спасибо Вам за Ваш визит! Наш город стал красивым, зеленым, благоустроенным! В соседние колхозы стали летать самолеты. И наконец была восстановлена телефонная связь с другими городами, которую еще немцы обрезами при отступлении.

Конечно, после того как Вы уехали, из наших магазинов снова исчезли все продукты. Но за то время, что Вы у нас были, мы набрали их на три года вперед. Поэтому очень просим Вас — через три года приезжайте к нам еще!

Уже облупится краска на наших домах, загрязнятся памятники, снова отчалит от берега мост, народятся новые дети, которым понадобятся новые ясли... Конечно, мы понимаем, что Вы очень заняты. У Вас еще много таких городов, как наш. Все к Вам в очередь стоят. Но если сможете приехать, сообщите заранее нашим властям, что приезжаете. Тогда от их подготовки к Вашему визиту и нам что-нибудь снова перепадет.

Уважаемый товарищ Генеральный секретарь! Очень просим Вас: если не трудно, пускай кто-нибудь из Ваших людей перед Вашим следующим приездом пустит слух, будто Вы лично очень любите ходить по всем домам и проверять, есть ли горячая вода... Очень хочется помыться!!!

Не понимаю!

Должен сознаться, что чем старше я становлюсь, тем больше я не понимаю.

Например, я не понимаю, как люди попадают в пассажирские фирменные поезда, если за одиннадцать дней билеты на них не продаются ни в одной кассе, а за десять дней все билеты в этих кассах уже проданы.

Не понимаю, почему после сокращения штатов количество работников в учреждениях увеличивается.

Я не понимаю — еще хоть в одной стране женщины жалуются одновременно на то, что нет продуктов и что они не могут поддеть?

Еще я не понимаю многих наших названий. Например, что это за название у конфет — «Радий»? Или торт «Отелло»?! А пряники «Комсомольские»?! Их что, можно разгрызть только в комсомольском возрасте? И я не понимаю, какой запах должен быть у одеколona «Спорт-клуб»?

Но это далеко не все, чего я не понимаю. Иногда я не понимаю такого, о чем вообще лучше говорить шепотом.

Например, я не понимаю, почему у нас гегемоном считается пролетариат. В то время как у нас гегемон — сфера обслуживания. Причем чем дальше, тем гегемонистее!

И я не понимаю, почему мы все должны перестраиваться. Те, кто работал плохо, я понимаю, должен перестроиться и работать хорошо. А кто работал хорошо? Должен теперь работать плохо?

И я никак не могу понять, почему у нас всегда народ страдает от тех постановлений, которые издаются ради него. А те, против которых эти постановления направлены, живут еще лучше.

Кстати, я не понимаю, можно в наше время говорить то, что я говорю, или нет. Я вообще не понимаю, кто-нибудь понимает, что можно говорить в наше время, а чего нельзя?

Я искренне хотел это понять, начал смотреть телевизор, слушать по нему речи местных руководителей, но тоже ничего не понял. Потому что они через слово говорят: «так сказать», «в общем-то» и «где-то». А я не понимаю, что значит «так сказать, социализм», «в общем-то, перестройка» и «где-то гласность»...

Еще я не понял, как руководителями на местах могут работать люди, которые неграмотно говорят, несмотря на то что они называют себя «верными ленинцами». Я вообще не понимаю, что значит выражение «верный ленинец». Я понимаю так: если человек ленинец, то, значит, уже верный. А если говорят «верный ленинец», имеют в виду, что где-то есть неверный ленинец?

Словом, я понял одно: если бы я понимал, о чем говорю, то лучше было бы помолчать. А поскольку я не понимаю, то могу сказать. Но на всякий случай — все-таки шепотом.

Я не понимаю, зачем нужен профсоюз. Нет, я понимаю, что нужен профсоюз, который защищает интересы трудящихся. Но я не понимаю, зачем нужен профсоюз, который защищает свои интересы от трудящихся.

И не понимаю, чем занимается комсомол. Кстати, я не понимаю — они сами понимают, чем они занимаются?

Я ничего не понимаю в нашем народном хозяйстве! Например, я не понимаю, почему соцсоревнование — это хорошо? И как может конвейер по выпуску носков на правую ногу

соревноваться с конвейером по выпуску носков на левую ногу?!

Еще я не понимаю, почему перевыполнение плана укрепляет нашу экономику. И что делать с ручками для дверей, если их выпустят втрое больше, чем дверей? Можно их, конечно, поставить на кастрюли. Может, поэтому мы и покупаем порой стиральные машины с авиационными двигателями, при включении которых создается ощущение, что сейчас взлетишь; пылесосы — в корпусах от бронебойных снарядов; портфели — с замками от сараев. А недавно, говорят, один завод выпустил чайники с милицейскими свистками. Теперь владельцы машин по утрам, когда закипает чайник, спросонья вынимают трещник.

И я совсем не понимаю, как один наш автомобильный завод выступил с лозунгом: «Станем законодателями мод в мировом автомобилестроении!» В то время как на прошлой международной выставке на последней модели этого завода посетители повесили плакат: «Вы бы еще лошадь выставили!»

Кстати, я вообще не понимаю многих наших лозунгов. Например, что это за лозунг: «Перестройка неизбежна!» Это что — наказание?!

А теперь скажу совсем шепотом, чтобы слышали только те, кто со мной согласен. Я не понимаю, почему у нас перестройка проводится людьми, которые довели страну до перестройки.

Еще я не понимаю: может, это и хорошо, что я всего этого не понимаю?! Ведь с кем ни поговоришься, они этого тоже не понимают. Или понимают, что лучше этого не понимать.

Вот когда понимаешь, сколько людей понимают, что этого лучше не понимать, становится понятным, откуда у нас столько непонятного!

Нас это не касается

Товарищи! Слушайте меня внимательно...

Субботник мы будем проводить с вами во вторник, потому что в субботу мы работаем по среде, которая была присоединена к прошлым праздникам. Считалось, что это было сделано по просьбам трудящихся. Поэтому сама среда считалась воскресеньем. Поскольку в воскресенье мы работали за 8 Марта прошлого года, когда все праздники были совмещены, считались Новым годом и праздновались по 23 февраля включительно. Кроме одной субботы, когда мы работали, — естественно, по просьбе тех же трудящихся. Помните, тогда еще один наш товарищ отравился в нашей столовой, которая первой в стране перешла на безотходное производство?

Но нас это не касается. На субботнике мы будем с вами разгребать снег, который пойдет по накладным и будет считаться как опавшая листва. Поскольку эти накладные остались у нас от неотработанного субботника шестьдесят второго года. Помните, когда его вдруг заменили на встречу высокого гостя из Индии, который оказался высоким гостем из Канады. Но ничего страшного не произошло. Мы все равно встречали его с флагами ГДР, которые у нас

остались от встречи высокого гостя из Японии. Но тоже все обошлось. Мы стояли не на той улице, по которой он ехал. И не в тот день, когда надо было.

Но нас это тоже не касается. На субботнике завтра по спискам нас будет тысяча двести человек. Но! Минус — начальство, общественные активисты, самодеятельность, доноры, женщины, считающие себя беременными... Словом, в субботнике будут принимать участие семь человек. Как и в прошлом субботнике. Помните, после которого мы праздновали с вами антиалкогольную свадьбу? Она еще считалась антиалкогольной, потому что на столе не стояло ни одной бутылки водки, а все перепились пивом, которое считается безалкогольным напитком. Поэтому все запивали им самогон, который был налит в супницы, разливался по тарелкам половником и назывался куриным бульоном. Этот бульон еще, помните, не пил только один человек. Он пил настоящий куриный бульон. Поэтому, дурачок, единственный, кто отравился...

Но нас это тем более не касается. Приказ о проведении субботника пришел к нам сверху, но мы, поскольку у нас теперь демократизация, будем считать, что проводим его по нашей инициативе снизу. Как принято считать в случае очередного подорожания продуктов, — по просьбам трудящихся!

Кто «за»? Никого? Но нас это тем более не касается. Будем считать — единогласно!!!

Инструктаж

Товарищи туристы! Вы выезжаете в туристическую поездку по странам Западной Европы. Вести себя в этой поездке вы должны культурно и не позорить нашу страну. Причем начинать вести себя культурно вы должны прямо с поезда, в котором поедете. Не надо, как в отечественных поездах, курить в купе, сорить в коридорах, открывать пиво зубами, выбрасывать из окна пустые консервные банки с грязной бумагой и радоваться, видя, что все это залетает в окна следующих вагонов. Не надейтесь, что при этом вас примут за иностранцев. Нашего человека легко можно узнать в любом поезде мира по спортивному костюму, батону колбасы и бутылке водки, которую он сразу же выпивает, надев спортивный костюм.

Теперь о гостиницах. Предупреждаю: как показала практика, в гостиницах на Западе особый интерес у наших туристов вызывают стеклянные автоматические двери на фотоэлементах. Не надо, товарищи, экспериментировать — успеют они открыться или нет, если вы разбежитесь.

Когда заходите в свой номер, расспросите горничную, что в нем для чего предназначено. А то один наш турист разделся, залез в ванную, а потом стал нажимать на все кнопки подряд, желая включить душ. В том числе нажал на кнопку аварийной противопожарной системы. Его из штуцера в потолке обдало пеной из огнетушителя. Правда, сам турист был необычайно счастлив, он тут же начал растираться мочалкой и потом долго еще рассказывал, какой у них там сервис: вода подается сплошной стеной с потолка вместе с бадусаном. Причем бадусан такой крепкий, что с груди смылась даже наколотая картина «Иван Грозный убивает своего сына».

Далее о главном: не забывайте, товарищи, что вы выезжаете в туристическую поездку для осмотра шедевров мирового искусства. Почитайте хоть немного о шедеврах, чтобы потом не позорить нашу страну своими вопросами, как это сделал один уроженец Нечерноземья, спросив экскурсовода в Лувре, сколько нынче центнеров озимых снято с Елисейских полей. А другой все время интересовался: правда ли, что Мопассан работал гидом? В один из вечеров вы посетите концерт органной музыки в Кёльне. Предупреждаю, перед концертом выпитесь хорошенько, чтобы потом не засыпать на футах Баха, через каждые пять минут стучаясь головой о затылок впереди сидящего. И тем более не надо ходить на концерт тем, кто во сне храпит.

Теперь о свободном времени. Предупреждаем, что согласно инструкции 36-го года отдыхать за границей наши граждане должны строго по пять человек. Поэтому, если вас пригласят в гости, не отказывайтесь, у нас сейчас демократия, но скажите: «Со мной будут еще четыре человека. Но они есть не будут, будут слушать».

За столом ведите себя культурно, помните, за границей принято есть ножом и вилкой. Кто не запомнил, запишите. Коньяк заедается лимоном, а не запивается пивом. Сухое вино подается ко второму, а не для того, чтобы его уносили с собой. Вилки с двумя зубьями предназначены для лимона, а не для выковыривания пищи из зубов. И думайте, отвечая на провокационные вопросы. А то одному нашему товарищу сказали: «У нас увеличили пособия безработным». А он ответил: «А у нас — оклады инженерам». Другой товарищ на вопрос, почему у нас нет публичных домов, где люди отдыхают, ответил: «Зачем нам публичные дома? У нас есть дома отдыха, где люди отдыхают не хуже. И все процедуры получают за счет профсоюза».

И еще об отдыхе. Мы понимаем, что главным образом наши туристы отдыхают за границей по магазинам. Имейте в виду, там у них очередей нет. Поэтому не надо приходить в магазин к шести утра с заранее свирепым выражением лица и барабанить в дверь с криком: «Откройте, скоро девять». Когда идете в кафе, выучите хотя бы несколько слов по разговорнику, чтобы потом не говорить официанту: «Мне, плиз, ван кофе и ту булочка, а бутерброд дорогой, поэтому, плиз, его на фиг». И не надо искать магазины с дешевыми товарами. А то один увидел в витрине очень дешевые белые рубашки, зашел, говорит продавщице: «Обмерьте мне, пожалуйста, шею, я хочу себе одну взять». А это оказался магазин похоронных принадлежностей. А он еще добавляет: «Только хорошенько обмерьте, чтобы потом не натирало». Продавщица отвечает: «Сколько лет здесь работаю, пока еще никто не жаловался». Товарищ говорит: «Тогда давайте я еще одну рубашку тестю возьму. И нет ли у вас еще чего-нибудь для подарка товарищу, который меня в эту поездку оформлял?» Продавщица отвечает: «Есть. Пиджак — с застёжкой на спине».

Наш турист вернулся домой и подарил товарищу, который его в поездку оформлял, пиджак с застёжкой на спине. Тот говорит: «В следующий раз за границу поедешь после того, как меня в этом пиджаке увидишь».

Мужчины, не вздумайте влюбляться в иностранных гражданок. Как бы они ни признавались вам в любви, не верьте им. Помните, влюбиться в нашего мужчину за границей может только агентка ЦРУ по очень специальному заданию. Все остальные женщины знают, что от

нашего мужчины за границей можно добиться только юбилейного значка «150 лет городу Сызрань» и набора цветных открыток «Козлы Алтая».

Теперь распишитесь, что вы прослушали наш инструктаж, дабы мы не были потом виноваты, когда вы, мужчины, все равно будете продавать черную икру, чтобы закупить своему старшему сыну на всю жизнь галстуков. Вы, женщины, после банкетов и официальных приемов будете собирать со стола остатки еды в полиэтиленовые пакеты, чтобы потом доесть это все утром в гостинице и сэкономить еще хоть немного денег на колготки для взрослеющей дочери. А кто-то до того наэкономится на еде, что начнет в три часа ночи в своей кастрюльке варить отечественный суп из пакетика — типа: рыбный, протертый, за 17 копеек, — не закрыв дверей своего номера. И произойдет международный скандал, потому что все решат, что русские взорвали бомбу со слезоточивым газом. Одним словом, счастливого возвращения с полными сумками впечатлений!

Воспоминания о будущем

Из записных книжек

Мне жалко археологов далекого будущего. Сколько же перед ними встанет загадок, если они будут вести раскопки на территории нашей страны?!

Например, откопают в каком-нибудь древнем миллионном городе Доску почета. Очень долго бедные потомки будут разбираться, почему у людей на фотографиях такие лица, будто их на кол посадили. Не дай бог, если не сотрется надпись: «На этой доске вывешены портреты тех, кто в нашем городе хорошо работает». Вот будет загадка! Как существовал город, в котором хорошо работали только двадцать человек?

Если же при раскопках где-нибудь откроется фрагмент стены с портретами наших руководителей, выстроенных в два ряда, археологи решат, что это был древний тир.

Много, много перед ними встанет загадок. Но самой непонятной будет для них надпись на надгробии могилы Иосифа Сталина с эпитафией: «Умер в 1953 году. Похоронен в 1962 году». Загадка из загадок! Где это он шатался все это время?

Одно радостно: никогда не вестись этим раскопкам и никогда мы не опозорим себя рассуждениями о нас потомков. Потому что наше государство вечно! Ведь цивилизация погибает только после расцвета культуры...

Спасибо за все!

Из записных книжек

Недавно вышло постановление партии и правительства об усилении заботы о людях. Спасибо! Очень своевременно — на семидесятом году Советской власти. Мы давно этого постановления ждали. Партийные комитеты на местах тут же на него, как всегда, откликнулись.

Кто-то в связи с этим постановлением предложил даже благоустраивать очереди, чтобы людям в них приятно было стоять.

Отличная идея! Предлагаю ее развить следующим образом: для стоящих в очередях поставить кресла, чтобы человек мог книжку почитать, вздремнуть часок-другой; я предложил бы еще артистам перед очередями выступать, чтобы для человека пойти в магазин стало радостью; массовик-затейник в каждой очереди должен сидеть, песни с народом разучивать. Представьте, сидит человек целый день в очереди и гордо поет: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек...» Для него уже не имеет значения, что в этой стране нет зубной пасты. Потому что он «другой такой страны не знает».

Кстати, недавно еще одно постановление вышло: «Усилить антиалкогольное воспитание трудящихся». Народ на него тут же с энтузиазмом откликнулся. В Крыму виноградники под корень вырубил. В некоторых школах по рекомендациям обкомов выбросили из учебников литературы стихи Пушкина: «Выпьем, няня! Где же кружка?» Верно! Что же себе позволяет поэт в свете последнего постановления? Какой дурной пример подает он советским детям, спаивая свою няню!

Но нельзя и на этом останавливаться. Говорят, готовится постановление по борьбе со СПИДом. Считаю, что немедленно надо убрать из учебников строчки того же окончательно разбуянившегося поэта: «Я помню чудное мгновенье!» Потому что мгновенье, может быть, и чудное, а бог знает, чем оно может закончиться.

Теперь о перестройке. За нее нашим верхам — особое спасибо. Даже от детей наших. В школах, с тех пор как перестройка началась, вместо уроков первого сентября проводится День мира, после которого дети дерутся. Директора школ первоклашкам в этот день о перестройке докладывают, о ее успехах. Неплохо, конечно, но мало! Надо еще в яслях политинформации проводить. В родильных домах — диспуты. В отделениях для грудничков — Доску почета новорожденных повесить. Когда мать кормит грудью ребенка, должна ему сказки рассказывать о том, как наш народ активно включился в перестройку.

Чуть не забыл... В районных поликлиниках тоже очереди немалые. Люди очень в них мучаются. Как справиться? Спасибо правительству — согласно постановлению об усилении обмена опытом между коллективами! В свете этого постановления врачи же ездят в колхозы, когда колхозники со своей работой не справляются? Значит, надо, чтобы колхозники к врачам с ответным визитом приезжали. Пусть поработают в поликлиниках месячишко-другой: одни — терапевтами, другие — урологами. Можно запустить на зиму пару колхозных бригад в зубо-врачебный кабинет, план им дать: по два мешка зубов с одного гектара.

С любой проблемой справиться можно. Потому что на любую проблему наше правительство всегда откликается своим постановлением. Только надо правильно, по-партийному это постановление использовать. Например... Хотим, чтобы, согласно вышеупомянутому постановлению, очереди вообще исчезли? Надо перестать завозить в магазин товары!

Хотим, согласно продуктовой программе, чтобы у каждого в доме холодильник ломился от продуктов? Надо выпускать только маленькие холодильники.

Хотим, чтобы министры за свои поступки отвечали? На этот счет тоже постановление есть: «Об усилении мер ответственности». Хорошее постановление. Давно пора бы министра легкой промышленности приговорить к высшей мере наказания: всю жизнь ходить в костюмах фабрики «Большевичка», сшитых по французским лекалам из наших тканей. Причем, если бы французы эти ткани видели, ни за что бы свои лекала не дали нам.

А министра МПС надо периодически приговаривать ездить в плацкартном вагоне на сыром белье, с отечественным кондиционером, загоняющим угарный газ в вагоны, на верхней полке валиком с двойником, наевшимся чеснока и лука, до Владивостока и обратно, без права выхода из поезда на всех станциях.

Далее, с гражданским строительством проблемы? Зато есть и постановление — «Об улучшении качества строительства». Правда, никакого толку! В результате получают люди новую квартиру и первым делом переклеивают обои, потолки выравнивают, сантехнику меняют. А где же партийная смекалка? Хотим постановление выполнить, качество улучшить? Не надо стен, не надо потолков, не надо строителям клеить обои. Даем адрес: улица Веселая, дом 8, этаж 10. И стройте сами как хотите.

Не надо бояться парадоксальных решений. Мы — народ парадоксов.

Говорят, американцы хотят к нам спутник запустить из космоса, чтобы на наши телевизоры передавать свои программы. Таким образом развратить наш народ: фильмы ужасов показывать, секс, которого у нас, слава богу, нет. А у нас, между прочим, спасибо правительству, есть постановление об усилении пропаганды социалистического принципа жизни. Мы американцам, согласно этому постановлению, можем свой спутник запустить, который будет им, американцам, наши программы показывать. С утра «Сельский час» по всем их каналам, а на ночь Белянчикову с ее «Здоровьем»! Вот где ужас будет... Самим никакого секса не захочется.

Ей-богу, спасибо нашему правительству, что оно столько постановлений выпускает. Зато любую проблему решить можно. Даже, извините, с путанами, о которых сейчас пишут все журналы и все газеты: где они работают, в каких ресторанах, гостиницах, сколько зарабатывают. До того дописались, что молодые девушки, прочитав это, уже не хотят идти учиться в ПТУ или МГУ.

Разве статьями с этим явлением справишься? Надо в свете постановления об организации повсюду хозрасчетных предприятий на социалистической основе организовать публичные дома на кооперативных началах. Только по всем правилам нашего производства: план им сверху спустить, соцсоревнование организовать, чтобы каждая работница взяла на себя повышенные обязательства. Гос-премии ввести, наставничество в свете последних решений. Субботники, чтобы всем коллективом отрабатывали по своему профилю в Фонд мира. И чтобы шефскую работу в колхозах проводили! Лучших наградить Доской почета. За особые услуги разрешать работу на дом брать.

Вот если все это дело на такую государственную основу поставить, то никому уже заниматься этим не захочется!

А вы слышали?

Монолог телефонного аппарата

Во раззвонились! Кончай звонить. Никого дома нет...

Ну вот... наконец-то хоть немного отдохну, пока хозяева не вернулись. Как вернутся, минуты свободной у меня не будет. Одна хозяйка после работы по три-четыре часа разговаривает. И такую чушь несет! Мембрана вянет...

— А вы слышали? Ледник обратно идет! К 2000 году будет на станции метро «Пушкинская»!

А ей в ответ:

— А вы слышали? Снежный человек на снежной бабе женился!

И вот всю эту ерунду я с утра до вечера слушать должен. А ведь я помню, как меня на заводе собирали на редчайшем импортном оборудовании! Какие мы с коллегами хорошенькие с конвейера сходили! Все со Знаком качества! Благодаря мне, думал, в «Скорую помощь» позвонить можно. Я города соединять могу, страны. Буду помогать людям друг другу в любви объясняться!.. Какое там!

Только хозяйка трубку положит, уже бабуля тянет меня к себе:

— Никитишна, ты слыхала? Говорят, в моду вошли женские стеганые пальто из одеяла с пододеяльником.

Бабуля наговорится — дедуля тут как тут:

— Пантелеич, ты слыхал? Говорят, изобретен новый вариант кубика Рубика. В форме шарика. Называется «шарик Дурика»!

Во в семейку попал! Кота домашнего до того довели, что, когда дома никого нет, он трубку лапой снимает, важно так говорит:

— Мур!

Там сразу трубку вешают — думают, в МУР попали.

Разве о такой жизни я мечтал, когда с конвейера сходил? Другие мои коллеги по распределению на заводы попали, на предприятия. Все эти годы настоящим делом занимаются. А я? А по мне 1 апреля люди друг друга дурачат. На прошлое 1 апреля какой-то шутник на всех столбах объявление развесил: «Кто хочет записаться на французский спальный гарнитур под названием «Варфоломеевская ночь» — звонить с трех до пяти утра».

И мой номер приписал.

Вы моего хозяина представляете? Когда его в три ночи разбудили с вопросом: «Вы не могли бы мне устроить «Варфоломеевскую ночь»?» — он ответил: «С удовольствием! И не только «Варфоломеевскую ночь», но и «Утро стрелецкой казни!»» И как даст мне со всей силы трубкой по голове.

А когда его через пятнадцать минут тем же вопросом разбудили, в его ответе приличными словами только предлоги были... И снова как даст мне трубкой по голове!

А при чем тут я? Ну хорошо, я техническая интеллигенция: так воспитан, что, когда меня бьют, ответить не могу. Но нельзя же меня только поэтому каждый раз козлом отпущения делать!

Но самое страшное — это когда хозяйка со мной на руках на кухне готовить начинает. А ей в это время сообщают, что какой-нибудь известный артист женился... У нее сразу все из рук валится. Пятнадцать раз меня на пол роняла. А в последний раз в борщ уронила. У меня Знак качества и отлетел! Вместе с куском от корпуса. Она не заметила, хозяину за обедом этот кусок в тарелке подала. Тот вилок тыкал-тыкал, потом спрашивает:

— Из чего это у тебя сегодня борщ?

— Как всегда, — отвечает, — из косточки.

— Надо же, — удивляется, — до чего дошли! Косточки, и те со Знаком качества продавать стали!

И вот так с утра до вечера!

— А вы слышали: у нашего шефа новый видеоманитофон японской фирмы «Сикосинакоси»?

— Это что! А у нашего шефа наш видеоманитофон фирмы «Накося-выкуси»!

Вот времечко! Раньше друг к другу в гости ходили, книги читали, письма писали. Много красивых завидных слов в этих письмах было. Потом у некоторых они даже издавались. А теперь что издавать? Телефонные разговоры?

Ну разве о такой жизни я мечтал, когда молодым был?

А как хозяин со своим другом конспирируются, когда о завтрашнем дне договариваются? Это же только я слышу!

— Ну что, Саня, в субботу вечером в библиотеку идем? Как в какую? В загородную, конечно. Она до двух ночи работает, и у нас там знакомый библиотекарь есть. Помнишь, который в прошлый раз с подносом упал и все книжки между столиками разлил? Я ему уже звонил. Попросил приготовить три брошюры о Петрове-Водкине.

— Ты с ума сошел, Петь, — три брошюры о Петрове-Водкине на двоих! Это же какие мы с тобой начитанные оттуда уползем! К тому же я теперь, сам знаешь, ничего, кроме Сухово-Кобылина, не читаю.

— Сень, ты чё? Сухово-Кобылина вместе с Петровым-Водкиным читать нельзя. Это все равно что сказки Ершова! Наутро будешь чувствовать себя коньком-горбунком!

Как вы думаете, может моя утонченная мембрана каждый день такое слушать? Не ухо ведь человеческое!

Никто мою мембрану не жалеет. Недавно хозяин вообще в таком начитанном виде домой вернулся, что в радиосеть меня включил. В это время вечернюю сказку для детей передавали. Он трубку снял, к уху приложил... А ему женский ласковый голос говорит:

— Здравствуй, дружок!

Он сразу заулыбался.

— Кто это? — спрашивает.

А она еще ласковее:

— Сегодняшний вечер мы проведем с тобой, дружок, да?

Ну, он совсем разомлел, трубку рукой прикрыл, шепотом спрашивает:

— А где мы с тобой встретимся?

Она говорит:

— В тридесятм царстве, в тридевятм государстве!

Он как закричит:

— Да вы знаете, кто с вами разговаривает?

Она отвечает:

— Иванушка-дурачок!

Туг он сообразил, в чем дело, — как даст мне опять трубкой по голове. У меня корпус и треснул. А хозяин смотрит и говорит:

— Совсем наш телефон старый стал... Пора его на свалку!

Ну вот, думаю, уже и на свалку. Значит, вся жизнь так в пустых разговорах и прошла: «А вы слышали? А вы слышали? А вы слышали?»

— А вы слышали, Муму откачали? Что? Не знаете, кто такой Муму? Ну вы и темнота! В школе надо было учить Пушкина!

— Сами вы темнота! Не слышали небось, наш Сидор Матрасыч фиктивный брак заключил. У него от этого фиктивного брака уже двое фиктивных детей растут!

В общем, теперь, когда дни мои сочтены, честно скажу: лучше бы я тогда с конвейера не по профилю работать пошел. В сферу обслуживания. Телефонном-автоматом. Может, и пользы тоже не много принес, зато всегда бы при деньгах был! Конечно, обругали бы меня пару раз, может быть, даже по физиономии съездили... Но денег от этого не уменьшилось бы...

О! Хозяйка с работы вернулась. Опять меня на кухню тянет. Боже мой! Только бы ей снова не сообщили, что кто-то женился! Так еще жить хочется!!!

Мы живем хорошо!

Мы с женой живем хорошо!

У нас замечательный телевизор! У него трубка по японской лицензии сделана в Финляндии. Правда, все остальное сделано у нас. Поэтому вторая программа рябит, а третья не работает. Но когда приходят гости и мы включаем первую программу, они искренне завидуют тому, какие не наши цвета у нашего телевизора!

Машина у нас последней доступной нам престижности. «Москвич», который наши разработали совместно с французской фирмой «Рено». Причем он у нас из первой партии. Это важно! Как утверждают специалисты, в первой партии все детали еще французские. Правда, стоит она в нашем кооперативном гараже, до которого надо ехать на электричке. Поэтому мы показываем гостям лишь фотографию нашей машины и рассказываем им о том, как она хорошо ездит, но не рассказываем о том, как она плохо тормозит. Видимо, одна деталь все-таки попала наша. И гости завидуют нашей машине, глядя на ее единственную фотографию, которую мы успели сделать еще до того, как поняли, что она плохо тормозит.

Одним словом, у нас много есть такого, чему завидуют наши гости. Например, кран в ванной. Французский. Но его собирал наш сантехник. Долго ругал их мудреные прокладки. После чего поставил наши — немудреные. Теперь с душа то и дело слетает ситечко и бьет по голове. Поэтому, когда принимаешь душ, надо придерживать ситечко рукой. Но гости душ не принимают. Они завидуют нашей ванной комнате в целом. Когда женщины заходят в нее, они обычно говорят: «Если бы у меня была такая ванна, я бы купалась в ней с утра до вечера!» Они не знают, что купаться в нашей ванне невозможно. Пробка серебряная с глубокой позолотой, оставшаяся, как говорят те, кто нам ее продал, от личной ванны Павла I, по диаметру в два раза меньше отверстия в самой ванне. Поэтому, когда ложишься в ванну, надо отверстие затыкать пяткой.

У всех гостей без исключения вызывает удивление наша дочь. Перед тем как сесть за стол, мы ставим ее на стул, и она читает нам наизусть, с выражением два стихотворения Цветаевой и одно Мандельштама. Все гости восхищаются таким глубоким пониманием

поэзии в три года. После этого мы быстро снимаем ее со стула и уносим из комнаты, потому что от себя она говорит исключительно словами, принесенными из детского садика.

Но гости этого не знают. Их восхищает наш дом, обстановка. Особенно всех восхищает антикварный будильник конца прошлого века. Один из гостей, когда узнал его стоимость, сказал, что за такие деньги он бы сам мог приезжать к нам каждый день и будить до конца жизни. Он не знает, что этот будильник звонит не тогда, когда нам надо, а когда ему самому захочется. И мы перестали им пользоваться с тех пор, как жена, послушавшись его, ушла на работу в половине четвертого ночи. Прождав тщетно автобуса, вернулась домой в половине шестого. Прилегла на минутку до половины двенадцатого. И получила строгий выговор за то, что проспала начало рабочего дня в период введения дисциплины, когда стали строго следить за тем, чтобы во время рабочего дня все спали на своих рабочих местах, а не дома.

Но все-таки гости больше всего завидуют нашим с женой отношениям. Какие они у нас интеллигентные и ласковые! Просто они не знают, что вот уже много лет за полчаса до прихода гостей мы заключаем с ней перемирие. И целуемся только на людях! Может, поэтому мы и бываем счастливы, когда к нам приходят гости...

1988–1989

Не надо обольщаться!

Кредит в 24 миллиарда долларов, который мировое сообщество готово предоставить России, во всем мире считается невероятно большим. Мировое сообщество полагает, что он поможет России встать на ноги. Конечно, 24 миллиарда долларов — кредит огромный, но только не для России! Давайте прикинем реальную смету распределения кредита.

Во-первых, из нее надо сразу вычеркнуть 12 миллиардов долларов, поскольку это половина кредита. Из истории России известно: что бы в нее ни завозилось, половину неминуемо разворуют.

Таким образом, если смотреть реально, мировое сообщество предоставляет России кредит всего в 12 миллиардов долларов. Как же распределятся эти 12 миллиардов долларов? 2 миллиарда долларов уйдет на организацию специального отряда особого назначения, который доставит до потребителя 10 миллиардов долларов.

Далее:

1 млрд, долларов — организация специальной комиссии, которая отследит, чтобы до потребителя все-таки дошло 9 млрд, долларов благодаря специальному отряду особого назначения.

2 млрд, долларов — банкет по поводу того, что удалось организовать доставку потребителю 7 млрд, долларов.

0,5 млрд, долларов — похмелье после банкета по поводу того, что удалось организовать

доставку потребителю 6,5 млрд, долларов.

0,5 млрд, долларов — поиск самого потребителя, который возьмет на себя ответственность за распределение кредита в 6 млрд, долларов.

Теперь 6 млрд, долларов надо разделить пополам, потому что половину разворует сам потребитель.

Итого: на подъем России остается 3 млрд, долларов.

Из них — 1 млрд, долларов уйдет на повсеместную смену российской символики: переименование улиц, городов, демонтаж памятников, бюстов... Плюс отрывание мемориальных досок, замена серпа и молота на новый российский герб — двуглавого орла в валенках на босу ногу.

Итого: остается всего 1 млрд. долларов.

А впереди еще суд над КПСС, референдум по вопросу о необходимости проведения этого референдума, организация таможен и застав на границах с особо дружественными странами СНГ, организация специальной налоговой службы, поскольку налогов, которые платит население, не хватает на содержание службы, которая следит за тем, как оно их платит.

А там, глядишь, и новый съезд, выборы, переизбрание президента, суд над старым президентом и его правительством, смена символики, разбивание бюстов, отрывание мемориальных досок, пошив специальной одежды для специальной комиссии по отрыванию мемориальных досок, банкет с похмельем после отрывания мемориальных досок, пошив специальной одежды для банкета с похмельем по поводу отрывания мемориальных досок...

Разве на все это хватит одного миллиарда долларов, который хочет нам предоставить мировое сообщество? Не лучше ли сразу затратить его на поездку наших руководителей в западные страны, где они будут вымаливать предоставить России не столь ничтожные кредиты?

Страна героев

Вы замечали, что швейцарцы в гостиницах безошибочно требуют визитную карточку только у наших, даже если наши одеты во все не наше? В глазах у наших есть что-то сугубо наше. В них как бы отражается состояние души человека, которого на каждом шагу ожидает: запрещено! не положено! переучет! инвентаризация! санитарный час с 9 утра до 18 вечера! Только нашего человека в любой момент могут остановить: потребовать паспорт, прописку, права, сличить пол.

Во всех странах газоны выращиваются для людей: устал — отдохни, полежи. У нас надпись: «По газонам не ходить!» Что-то построили — тут же повесили: «Не влезай, убьет!» У нас, куда ни пойдешь, всюду убьет. И, глядя на вахтершу при входе, веришь, что эта действительно убьет.

Ни в одной стране мира нет такого количества бюро пропусков и такого количества вахтеров. Зачем бюро пропусков при гостиницах? Все равно, кому надо, дают три рубля и проходят. А честный человек идет в бюро пропусков. Значит, что такое бюро пропусков? Это — перепись честного населения.

В самых престижных гостиницах все равно живут шулеры, рыночные торговцы, комсомольские работники и проститутки. Правда, в наше время все так перемешалось, что не поймешь, где проститутки, а где комсомольские работники.

А попробуй честный человек пригласить в гостиницу девушку? Вахтер на входе строго предупредит: «Имейте в виду, у нас с девушкой можно только до 11 вечера». Оказывается, можно с девушкой! Но только до 11. Кому в голову первому пришла мысль, что с девушкой можно только до 11? Или он по себе судит? Может, это только он может до 11? Борьба за нравственность? Значит, до 11 быть с девушкой нравственно, а в две минуты 12-го — уже безнравственно?!

Вахтер — это не должность, это состояние души! Надо давать звания: заслуженный вахтер Советского Союза, народный вахтер СССР.

— Что вы написали?! «У нас в стране еще много дураков!» Вы разглашаете государственную тайну!

Инструкции — это самовыражение вахтеров.

«На садовых участках копать не глубже... строить не шире... сливной бачок, поставленный под другим углом. — не социалистический сливной бачок!»

«Работа предоставляется только по предъявлении справки о прописке, а прописка — по предъявлении справки о работе».

«Срочный разговор с Дальним Востоком заканчивается за трое суток».

«Такси ждет не более 15 минут».

«За вещи, сданные в гардероб, гардероб ответственности не несет».

«На курсы английского принимаем тех, кто прошел флюорографию».

«Премия — не более...»

«Полставки — по ходатайству...»

«За границу — по анализам...»

«Кроссовки — инвалидам...»

«Запись на импортную плитку — каждый второй вторник третьего месяца ежегодно в пятом

квартале».

«Сапоги — по талонам, талоны — у Генерального, Генеральный выдает по рекомендации месткома, если сдал ГТО».

«Подписка на журнал «Огонек» выдается в первую очередь тем, кто подпишется на журнал «Кролики и тушканчики нечерноземной полосы России».

«Ветчина и зеленый горошек — только членам Союза кинематографистов».

В городе Куйбышеве горничная в гостинице мне сказала, что у них утюг — на 6-м этаже, тряпочка, через которую гладят, — на 3-м, а розетка, чтобы включить утюг, — на 8-м. И ничего нельзя приносить из-за техники противопожарной безопасности.

В Сочи в пункте проката на пляже висит объявление: «Целые надувные матрацы выдавать только иностранцам».

Есть такая притча. Идет 1917 год. Двадцать пятое октября. Революция. В своей квартире сидит внучка декабриста, слышит на улице шум и просит горничную:

— Маша, выгляни на улицу, что там за шум?

Горничная выглянула, возвращается и говорит:

— Революция, барыня!

— Да?! — восклицает барыня. — Как хорошо! Еще мой дед мечтал о революции. Выгляни еще раз, спроси: чего хотят, что требуют?

Горничная снова выглянула.

— Барыня, — отвечает, — хотят, чтобы не было богатых!

— Да? — удивилась барыня. — А мой дед мечтал, чтобы не было бедных...

В Риге на берегу Рижского канала у самой воды стоит домик лебедей, высотой в полметра, на нем написано: «Посторонним вход воспрещен». Интересно, кому придет в голову ползти из воды в домик лебедей! Или это потому, что с девушкой в гостинице можно только до 11, а в домике лебедей — когда хочешь? Или это написано для посторонних лебедей?

Поэтому швейцары безошибочно и узнают наших. По затравленным глазам, в которых отражаются все эти запреты и инструкции. Заслуженные вахтеры это прекрасно понимают. И в ожидании следующей трешницы они радостно насвистывают на своих вратах любимую песню «Здравствуй, страна героев...». И они правы. Потому что выжить в стране с таким количеством запретов может только герой.

В России беда!

Из записных книжек

В России беда — уродился урожай. Никто такого не ожидал. Все в растерянности. Никогда такого не было. Что делать?

В правительстве паника. Никто не понимает, как такое могло случиться. Говорят, кто-то предложил найти и наказать виновных.

Глава правительства и тот, выступая по телевизору, удивляется: надо же, у нас урожай! Что будем делать, товарищи?

Он у нас спрашивает!

Одна Москва не растерялась. При Моссовете создали штаб по борьбе с урожаем. Кто хочет поехать собирать морковку — звонить по такому телефону, кто больше любит капусту — по другому...

Молодцы! Единственный правильный выход нашли из сложившейся ситуации: вывезти всех наших полуголодных людей на поля и чтобы они этот урожай прямо там съели.

Тайный смысл

Из записных книжек

Говорят, у восточных иероглифов есть тайный смысл, понятный только на Востоке. Наши плакаты, как и восточные иероглифы, понятны только нам. Видимо, в них тоже есть тайный смысл.

Например: «Товарищи! Отработаем коммунистический субботник все как один!» Конечно, такой лозунг понятен только нам. Потому что только у нас люди, собравшись все вместе, могут работать с таким же успехом, как один. Кроме того, очень долго придется объяснять не нашему человеку, что такое субботник. Это — семидесятилетняя традиция борьбы с разрухой. И если в 1918 году борьба с разрухой проводилась на станции «Москва-Сортировочная», то теперь проводится по всей стране.

Такой тайный смысл, доступный только нашему человеку, есть и у других наших лозунгов.

«Ткачи! Сэкономим в этом году 40 тысяч тонн хлопка!» Не наш человек, прочитав такое, удивился бы. И логично рассудил: «Если ваши ткачи сэкономят 40 тысяч тонн хлопка, то, извините за выражение, в каких трусах будут ходить ваши люди?» Потому что не наш человек не видел наших трусов. А увидел бы, предложил бы сэкономить еще больше.

И не надо смеяться над нашими лозунгами — надо уметь их расшифровывать. Например: «В труде, как в бою!» Надо просто объяснить не нашему человеку, что наши люди на работу идут, как на фронт, а на своем рабочем месте чувствуют себя, как в окопе!

Или: «Пусть процветает наша Родина!» Этот «иероглиф» тоже понятен лишь нам. Поскольку

во всех странах люди и так согласны с тем, чтобы их Родина процветала. Их не надо на это уговаривать.

Бесспорных успехов мы достигли и в отраслевых плакатах: «Больше удобрений нашего завода — богаче стол советского народа!» Очень верно подмечено. Ведь если так пойдут дела в сельском хозяйстве и далее, то мы уже в недалеком будущем будем снимать с наших полей осенью только то, что положим на них весной.

Приятно, что за долгие годы авторы наших лозунгов научились выбирать достойные места для своих произведений. Славно смотрится, к примеру, напротив любого гастронома такой лозунг: «Трезвость — норма жизни!» Особенно если на двери гастронома висит объявление: «Норма — две бутылки на человека!»

Лозунг «Сохраним окружающую среду!» можно вешать в любой точке страны «от Москвы до самых до окраин». Потому что хоть и «широка страна моя родная», но окружающая среда в ней такова, что никто из нас «другой такой страны не знает, где ТАК... дышит человек».

Недоработан один только лозунг: «Решения XXVII съезда — в жизнь». Вскоре к истрепавшемуся плакату придется добавить свежую палочку, чтобы получилось: XXVIII. Нехорошо! Надо сразу писать: «Решения последнего съезда в жизнь!» Кстати, такой лозунг уже можно будет изваять в мраморе.

И его тайный смысл будет вечен!

Страшная месть

Знаешь, Маша, я тебе честно скажу, я так жить больше не могу! Извел меня. Посоветуй: что мне делать? Понимаешь, уже десять лет вместе живем. Из них пять я неотступно за ним слежу. Но он такой хитрый, что за все эти пять лет ни одной улики своей измены мне не оставил! Что говоришь? Может, у него никого нет? Есть! Я точно знаю! Как откуда? Каждый день с работы ласковый приходит. Но я же не дуручка! Я же понимаю... Если муж с женой ласковый, значит, у него кто-то есть. Вот твой, например, бывает с тобой ласковый? Нет? Скучный? Все дни? Даже не разговаривает? Счастливая! Значит, у тебя все хорошо! Учти, скучный вид у мужчин чаще всего от долгой верности бывает!

А я просто измучилась от такой жизни... Посоветуй: как мне его на чистую воду вывести? Я уж и скандалила, и плакала не раз, и в обморок падала каждую среду с пятницей... И на день раньше из командировки возвращалась. И одного знакомого наняла, он за ним месяц следил, слепым переодевшись. Ничего не помогает. Целовать сразу начинает, говорит: «Не ревнуй, единственная моя, милая, желанная!» Как только язык у бесстыжего поворачивается такое жене говорить. А вчера вообще до того заврался, что любимой меня назвал. Да еще утром. Как ты думаешь, похожа я утром на любимую?

Знакомые надо мной смеются. «Муж, — говорят, — у тебя редкий умница!» Чувствуешь, на что намекают? Мол, как он умно меня за нос водит. Соседи вообще издеваются. Недавно в лифте еду — один сосед прямо передо мной оленьи рога держит. Ну, я вроде бы намека его

не замечаю. Безразлично так спрашиваю: «Чьи рога-то?» А он как захохочет: «А то сами не знаете?» И тут же добавляет: «Мужу привет передавайте!»

В общем, Машенька, я тебе честно скажу, до того он меня довел, что решила я ему за все отомстить. Причем страшно отомстить. По-нашему, по-женски! Пускай сам на себя пеняет. Но я точно решилась. Знаешь, что я сделаю? Я, я... Я с ним буду так же, как он со мной! Тоже ласковой с ним буду! Вот он у меня попляшет. Он мне — «любимая», а я ему — «дорогой ты мой!». Он мне — цветы, а я ему — запонки. Он меня целовать начнет, а я ему прямо в глаза: «Никогда, никогда от тебя не уйду!» И еще какое-нибудь словечко покрепче. «Зайчик ты мой», например.

Ну, как месть? Здорово я придумала? Поверь, год, больше он не выдержит, сам во всем мне признается.

Одно в моем плане плохо. Даже если сейчас у него никого нет, то к тому времени точно будет. Как «почему*? Больше года, Маш, ни один мужчина еще хорошего отношения не выдерживал!!!

Женитьба — шаг серьезный

Витьку я знал, когда мы были мальчишками. Потом мы долго не виделись. Я встретил его уже в студенческие годы. Он торопился на свидание. Я тоже. Я сказал ему, что собираюсь жениться. Он спросил, давно ли мы знакомы с ней. Я ответил: месяц. Витька покачал головой:

— Это необдуманно. Женитьба — шаг серьезный. Прежде чем жениться, надо как следует узнать друг друга. Иначе нарваться можно! Женишься — окажутся разные интересы, вкусы... Разводиться придется — травма на всю жизнь. Вот мы с Любой уже полгода встречаемся, и хотя любим друг друга, но я все равно пока еще вкусы ее проверяю: в кино ходим, в театр, разговариваем о прочитанных книгах...

Мы расстались и не виделись года три. Однажды, когда жена заболела, я пошел в магазин и там в очереди встретил Витьку. Он почти не изменился. Только чуть-чуть пополнели щеки и начали намечаться контуры живота, как обычно бывает у стройных молодых людей в первые годы после свадьбы. Мы разговорились: кто, кем, сколько? Я спросил его: женился ли он на той девушке, которую любил, будучи студентом? Он сказал, что нет, не женился. Я посетовал:

— Жаль, что вы расстались. Ты так любил ее.

— А кто тебе сказал, что мы расстались? — удивился Витька.

— А что, до сих пор вкусы ее проверяешь? — в свою очередь, удивился я.

— Нет. Вкусы у нас сошлись. Это я уже выяснил. Но, понимаешь, — начал объяснять Витька, — женитьба — это все-таки шаг серьезный! Когда люди начинают жить вместе, они совсем

по-другому ведут себя. Совместная жизнь — это не кино и не театр. Нарваться можно! А вдруг она готовить не умеет, квартиру неаккуратно убирает или по телефону сплетничает... Я этого терпеть не могу. В общем, мы решили испытать наши чувства самым страшным — бытом. Она два года назад ко мне переехала И ты знаешь, ничего! Мы до сих пор любим друг друга. Поэтому, если и дальше так пойдет, непременно на ней женюсь!

После этой встречи мы не виделись лет десять. На этот раз я встретил Витьку в городском парке в песочнице, куда привел своего трехлетнего сынишку. Витька с двумя хорошенькими, как амурчики, одетыми в импортные комбинезончики близнецами играл в кораблики. Он очень изменился за эти десять лет. С трудом поворачивался в песочнице, а от его головы густо пахло тщательно втертым средством для волос.

— Твой? — спросил я про близнецов.

— Обижаеть!

— Поздравляю!

— С чем?

— Ну как с чем? Наконец-то женился!..

— Кто тебе сказал? — возмутился Витька. — Ничего я не женился!

— А как же... — я не договорил.

— Понимаешь... — Витька вылез из песочницы, отряхнул костюм от песка, после чего разогнулся, перевел дыхание и начал объяснять: — Женидьба — это дело очень серьезное! И хотя в быту мы подходим друг другу, но ведь женишься — дети пойдут. А вдруг она не умеет их воспитывать, за ними ухаживать? Знаешь, как нарваться можно! Жена — это прежде всего мать! Вот я и решил проверить: какой она матерью будет? Двойняшки получились! И ты знаешь, ничего! Справляемся! Собираюсь жениться.

Судьба сложилась так, что мы не виделись с Витькой еще двадцать лет. Мы даже не сразу узнали друг друга, несмотря на то что долго сидели в сквере на одной лавке. Он был с палочкой, в соломенной шляпе и читал в «Вечерке» «Погоду и самочувствие». Я узнал его по голосу, когда он сказал подбежавшему мальчику:

— Пойдем домой, внучок. А то баба Люба заругается.

Мы обнялись. Его внук оказался на год старше моего.

— Близняшек помнишь? Вот, от одной из них, — гордо сказал он. — Такой сорванец растет!

— Проверяешь? — спросил я.

— Что проверяю? — не сразу догадался он, о чем я его спрашиваю.

— Ну как — что? Женитьба ведь — дело серьезное. Нарваться можно... Когда-нибудь внуки пойдут. А вдруг жена не сможет для них быть достойной бабушкой? Тем более в наше время, когда все хозяйство лежит на бабушках. Так что, прежде чем жениться, надо проверить, может ли твоя жена быть достойной бабушкой! Верно?

— Верно! — обрадовался Витька. — А ты умнеешь на глазах. И ты знаешь, она отличной бабушкой оказалась. На днях буду делать предложение!

Через несколько дней я встретил его на том же месте.

— Ну как, сделал предложение? — спросил я.

— Нет, ты знаешь, решил немного подождать. Видишь ли, я на днях на пенсию уйду. Хочу проверить, сможет ли она вести хозяйство на наши с ней две пенсии. Тем более мне, за то что я на пенсию уйду, от работы участок за городом дают. Как она со всем этим справится? Надо посмотреть. А то так нарваться можно! Я уже не в том возрасте, чтобы делать необдуманные предложения...

Так случилось, что мне дали участок в том же месте, что и Витьке. Подходя к его маленькому дощатому, словно игрушечному, домику, я увидел, как они вдвоем дружно копаются в огороде. Витька подошел ко мне и на ухо через забор шепотом сказал:

— Работаем! Клубнику сажаем. Если вырастет, точно на ней женюсь.

С этих пор мы часто встречались, ходили друг к другу в гости. А однажды утром он пришел к нам с женой грустный и сказал, что она от него ушла. Я спросил: почему? Он сказал:

— Оказывается, она все это время проверяла меня на решительность! И я оказался нерешительным.

Витька очень сокрушался:

— Это же надо! Сорок пять лет ей понадобилось на то, чтобы выяснить, что я нерешительный. Не могла раньше понять. У нас же дети, внуки, скоро правнуки пойдут. Да и люблю я ее. Столько лет вместе прожили! Почти ни разу не ссорились. И вдруг на тебе! Оказывается, я ей не подхожу!

Витька долго возмущался, потом решительно сказал:

— Все! Поехал.

— Куда? — спросил я.

— На рынок. Цветы покупать. Буду делать предложение. Я ей покажу — нерешительный!

Мы с женой одобрили его решение. Он очень обрадовался нашему одобрению, принял валидол и почти побежал к выходу. У самой двери вдруг обернулся и сказал:

— Одного боюсь. Если вдруг со мной что-то случится... все-таки сердечко сдавать начало. Как она со всей нашей большой семьей одна справится и как память обо мне хранить будет? Надо бы проверить! Как вы думаете? А то так нарваться можно!

Приговор

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Журналист Бодягин проснулся в своей зажиточной квартире от мысли, что больше не в силах видеть творящиеся вокруг безобразия. Всю свою журналистскую жизнь он посвятил борьбе с ними: разоблачал, критиковал, можно сказать — клеймил! А что толку?

Повсюду разгораются войны. Национализм стал успешным бизнесом. Люди не понимают этого, в своей массе они тупы и агрессивны. Армия безграмотна и бессильна. Народ — невежественный и безмолвный. Все надеются на доброго дядю и невиданного царя-батюшку. Страна напоминает откупоренную бутылку с прокисшим содержимым: пена, пена, пена...

Вертикали власти разрушены. Указы расплываются по горизонтали, как в проруби. На один закон всегда найдется другой, его исключаящий. Нефть кончается. Леса больны. Погода агонизирует. Земной шар уже не знает, в какую сторону ему вращаться от взбесившейся непогоды. В сентябре — снег с градом. Под Новый год — гроза и Дед Мороз под зонтиком.

В еде — нитраты. На участке клубнику съели грачи. Зарплаты стали выдавать настолько крупными купюрами, что кассирша на работе кричит: «Для получения аванса спаривайтесь по трое!»

Сын тянется к рокерам. Дочь ищет спонсора. У жены — аллергия на тополиный пух. Кот обгрыз мебель. У Ленина в Мавзолее до сих пор растут ногти. Этажом выше соседи-алкоголики по ночам падают на пол вместе с мебелью!

Разве таким представлял себе Бодягин светлое будущее, за которое боролся? Но главное его разочарование — люди. Они, именно они не оправдали его надежд. Гордость уступила место спеси, благородство — высокомерию, сочувствие — жалости, чувства — комплексам, любовь — партнерству... Вместо стихов «Я помню чудное мгновенье...» теперь брошюра «Как вступить в половую связь с женщиной, не обидев ее».

О классиках забыли. Писатели рвутся в депутаты, артисты торгуют полезными ископаемыми. Герои кинофильмов — восторженные циники. Журналисты перестали писать о вечном. Статьи — сиюминутны, эфемерны. Континентальные мысли побеждены островными, мотыльковыми.

Как быть? Где взять силы, чтобы бороться за светлое будущее? В крови обнаружили уйму холестерина. Голова роняет листву, чувствуя приближающуюся осень. Подходя к зеркалу, хочется достать дистанционное управление и выключить изображение. На днях в автобусе обозвали «интеллигентом».

Обиделся Бодягин на свое отечество и понял, что выход у него один: уезжать!

На Западе — цивилизация! Культура! Там нет соседей-алкоголиков, капризного тополиного пуха... Люди приветливы и улыбчивы... Ради них стоит работать, писать о вечном. Там будут печатать его статьи, и никто не унизит «ученым», не обзовет «шибко грамотным»...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Журналист эмигрантской газеты Бодягин проснулся на своем западном чердаке и понял, что больше так существовать не может.

Уже пять лет он работал на Западе, критиковал политиков, клеймил налоги, высмеивал обывателя. А что толку? Обыватель даже не понял, что его высмеивают. Налоги по-прежнему агрессивны. Из большой политики улыбчивую массу интересует только одно: чем президент лечит насморк. Сам президент полуграмотный: во время поездки по Латинской Америке попросил, чтобы ему переводили, потому что он плохо понимает латинский язык.

Обыватель оказался еще тупее отечественного. На кухне не с кем поговорить о вечном, всхлипнуть о настоящем за стаканчиком свежего самогона. В гостях никто не угостит ни щедрым пирогом, ни славным анекдотом. Чувство юмора у всех ниже пояса. На развлекательных программах смеются только дети и немцы.

В еде — добавки. Хлеб не пахнет детством. В магазинах нет простой селедки. Колбаса — полиэтиленовая. Искусственные курицы несут искусственные яйца. У жены — аллергия на негров.

Разве о такой жизни на Западе мечтал Бодягин? Женщины не умеют готовить суп! Жена купила новое платье — никто даже не спросил, где достала. Что за жизнь?

Как тут не стать злым, когда по ночам под окнами то и дело проносится «Скорая помощь» с воплем кенгуру, которому сверлят зубы отечественной бормашиной?! Если бы Бодягин знал, что на Западе так воют по ночам «Скорые помощи», он сразу бы уехал на Восток.

Но главное разочарование — это люди. Повсюду — интеллигентный обман, культурная зависть, обаятельное предательство, улыбчивая безнадежность. Ей-богу, куда добрее искреннее хамство родины, чем деланные улыбки роботов чужбины.

Как быть? Скоро уж муха на голову без тормозов не сядет, а что сделано в жизни? Как успеть принести пользу оглохшему от собственного чванства человечеству, если его статьи печатают в том только случае, когда он делится гонораром с редактором?

Разозлился Бодягин на цивилизацию больше, чем на отечество, и понял, что выход остался один: на родину! В монастырь! В одиночество кельи, где нет визга сирен, суеты мирской, где скромная, неразвращающая еда. И молитвы, молитвы, молитвы — за извечно грешное человечество.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Монах Бодягин проснулся в своей келье и задумался не на шутку. Как жить дальше? Десять лет он провел в монастыре. Видеть монастырские безобразия у него не было больше сил.

Верхи ссорятся из-за кресел. Церковь раскалывается по национальным интересам. Большинство прихожан искренне верят в Бога, только когда спрашивают у него что-нибудь во время молитвы. Архиепископ — бывший кагэбэшник. Секретарь епархии отпускает с черного хода грехи за валюту депутатам и рэкетирам. В келье топят только летом. Почти никто не соблюдает поста. Компьютер заржавел, потому что бабка Настя моет его по вечерам вместе с посудой.

Сам монастырь обветшал. Непогода скребла его веками. На деньги от пожертвований на ремонт настоятель выстроил на своем участке баню с бойницами.

Когда-то монастырь был оплотом и гордостью державы. Об его стены не раз разбивались неприятельские набеги. А теперь?

Перед колокольной — вечная лужа от протекающего позапрошлоговекового, екатерининского водопровода. За трапезной с тех же времен — свалка. Стены исписаны туристами. Даже на главном колоколе кто-то нацарапал: «Здесь были отец Иннокентий и будущая мать Анна».

Но главное разочарование — это люди!

У главного входа монахи прямо из-под полы своих ряс торгуют фальшивыми мощами Ильи Муромца. Молодежь травит анекдоты в трапезной, словно это — палуба корабля, который лет семьдесят не приставал к берегу с женщинами. Когда дьякон поет по утрам, перегар перешибает запах ладана. Привратник разрезал пополам свечи и каждую половинку продает за полную стоимость. Сосед по келье во время Великого поста ночью, тайком, звеня на всю келью фольгой, ест под одеялом шоколадки с орехами. По утрам под окном старый ворон начинает ворчать еще до петухов, накаркивая всем бездарное будущее. От его карканья просыпаются мухи в келье, поэтому вставать приходится еще до петухов, с первыми мухами...

Бодягин предложил настоятелю выпускать стенгазету «Монастырская правда», чтобы высмеивать, критиковать, клеймить... Но настоятель сказал, что бумага нынче — дефицит и такая стенгазета дорого обойдется монастырю, потому что у него слишком длинные стены.

Опустилась от безнадежности голова Бодягина, пригнулась к земле, как дерево на прибрежной дюне от постоянного морского злого ветра. Злоба одолела Бодягина. Куда бы ни упал его взгляд, всюду видел он безобразия, серость, бездарность. Выход оставался один. И Бодягин взмолился: «Господи! Возьми к себе мою душу! Нет ей, безгрешной, места на грешной Земле. Одному Тебе верит она, одному Тебе хочет служить верой и правдой!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Уже несколько лет душа Бодягина металась по Раю, не находя себе места для успокоения.

Да, Господь сжалился над горемыкой и взял его душу к себе. Но такого безобразия от Рая душа Бодягина никак не ожидала. Здесь, в Раю, она встретила души тех, кого сам Бодягин разоблачал и клеймил еще на Земле. И здесь они насмеваются, плюют прямо в его душу.

Душа Бодягина попыталась разобраться, как они сюда проникли. Оказалось, ключник Петр давно уже пускает в Рай кого попало за мелкие услуги. Иногда вообще просит кого-то постоять за него на воротах, сам без спроса отлучается на Землю, напивается, теряет ключи и не может вовремя вернуться на работу, потому что у него заплетаются крылья.

Большинство ангелов за райскими прелестями забыли о своих благодеяниях и даже земным девственницам являются во снах в непотребном виде — без нимбов.

Ада никто не страшится, потому что в Аду уже давно царит непрекращающееся веселье. Жарить перестали. Если кого и жарят, то не по инструкции, без огня. Кончилась сера. Новые поставки не возобновляются В чистилище занимаются приписками. Херувимы летают в Ад подглядывать за новенькими грешницами.

Всевышний устал от мировой людской глупости, дремлет от века к веку. Небесная канцелярия иногда шепотом докладывает ему о скором царствии Божьем, а ангелы-хранители никого к нему не допускают.

Разозлилась, заметалась душа Бодягина и поняла, что выход оставался один: достучаться, поведать Господу правду, открыть глаза Всевышнему, пробудить его от давнишней дремоты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На необитаемой планете было пустынно. Начинался местный, слегка фиолетовый рассвет. Душа Бодягина растянулась на песке, похожем на морской песок Земли. Сюда сослал ее Господь после того, как она до него достучалась.

Душа недоумевала. За что? Ведь она поведала Господу правду.

— Один я знаю, что есть правда! — ласково ответил Господь и отлучил Душу от своего царства на планету-одиночку, в самую забытую загогулину Вселенной.

— Ну и хорошо! — обиделась Душа. — Зато здесь — никого и ничего. А значит, хоть теперь я отдохну от мирового несовершенства и чуши.

Душа сладко, по-змеиному потянулась, хотела задремать, как вдруг встрепенулась... Из-за противно неровного горизонта безобразно криво выползло местечковомелкое, недостаточно фиолетовое светило!!!

— Неужели и тут халтура? — похолодела Душа.

Она поняла, что от себя ей никогда и никуда не скрыться. И ей невыносимо захотелось обратно на Землю...

Не плачь, Федя!

Ну что тебе сказать Федя? Побывал я в ихнем ФРГ.

Честно скажу — жить там можно. Даже можно жить и не пить. Более того, можно жить и не воровать.

Не веришь? Наливай! Ух, хороша самогонка! Такой у них там нет, Федя. Пожалуй, это единственное, чего у них там нет. Ну вот, опять не веришь! Ты, Федя, скажи честно, ты представлял себе когда-нибудь коммунизм? Только в детстве? Правильно. Сейчас мы уже глупостями не занимаемся. Так вот, Федя, заходишь в ихний универмаг, а там на каждой полке — по коммунизму! Клянусь! Хоть век мне сахар по талонам получать. Ну что ты глаза выпучил? Точно тебе говорю. Хочешь туфли зеленые с жабо и подошвой в дырочку, как дуршлаг, — пожалуйста! Хочешь шорты вареные с капюшоном — будь любезен! Ну что ты, Федя, на меня, как краб, смотришь? А в продуктовый к ним вообще лучше не заходить. У них там эти сыры, как эти... как книги в библиотеке. Видал когда-нибудь книги в библиотеке? Не видал? И я не видал. Да что там сыры, Федя! Там бананы, ананасы на прилавках лежат. Представляешь? Ананасы! Не представляешь? И я впервые увидел. Ничего так, вкусный на вид. На нашу большую лимонку похож. У них, Федя, вообще такие фрукты есть, глядя на которые Мичурин бы глаза, как ты, выпучил и повесился на своей черешне.

Ну не стони, не стони, Федя! Лучше давай выпьем за воспоминания. И при этом, Федя, никаких очередей. Ну что ты опять застонал? Клянусь! Чтоб я снова со своей тещей съехался! И нигде никаких баб с кошелками, набитыми зубной пастой до двухтысячного года. И нигде никаких баб с туалетной бумагой на шее. Ее бы, Федя, ежели бы она с этим мотком на шее пошла, за хиппи приняла... Потому что там туалетная бумага... Дай на ухо скажу. Там туалетная бумага, Федя, есть для всех, а не только для членов правительства, потому что только они хорошо едят. Ну что ты задрожал весь? Ну что ты дверь закрываешь? Боишься, что подслушивают? Кому мы нужны, Федя? Давай лучше выпьем за наших баб. Они там, бедные, носятся по этим магазинам, как... как вон та твоя муха по стеклу. Ничего не понимают. В продуктовых то и дело на собачьи консервы нарываються. Потому что на них сосиски нарисованы и цена низкая. А чё нашему человеку для счастья надо? Чтобы сосиски были и цена не очень. И съедают. И говорят: «У-у, вкусно!» И точно, вкусно — я ел. Дай еще на ухо скажу. Раньше я такие только однажды пробовал, когда деверь консервы приносил — кремлевские. Так вот... Не убирай ухо... Их собачьи — точь-в-точь наши кремлевские. Понял? Ну что ты опять затрясся? Допивай давай! И я тебе такое теперь расскажу, что сядь, Федя!

У них в гостиницах... сел? Так вот... У них в гостиницах наволочки совпадают размерами с подушками! Ты чего встал? Садись! Это еще не все! У них, Федя, пододеяльники без дыр! Нога никуда не пропадает. Сиди, Федя, не дергайся. Сейчас я тебе самое страшное скажу. У них, Федя... Даже не знаю, говорить тебе или нет? Ну ладно, ты парень крепкий... Так вот, слушай. У них, Федя, в гостиницах нет тараканов!!! Понял? Тебе что, не в то горло пошло? Повторяю. В ФРГ вообще нет тараканов! В Европе, Федя, уже давно нет тараканов!!! Может, они все к нам ушли? Может, им там есть нечего? Видимо, только наша еда годится для тараканов. Одному нашему, Федя, сказали, что у них там средство от этих тараканов есть

Разыграли. Он пошел в магазин. Продавщица его не понимает. Он ей на руке таракана нарисовал. Она говорит: «Я даже в зоопарке таких чудовищ не видела!»

Смешно, да? Давай наливай, а то заплачу, как смешно. И при этом в ихнем поганом ФРГ нигде нет Доски героев капиталистического труда. И нигде нет этих... взятых на себя капобязательств! Понял? Им это все внедрить надо, чтобы они тоже развалились.

Вот видишь фотографию? Да ты не отворачивайся, не отворачивайся. Все фотографировались на фоне памятника какому-то Гёте. А я — на фоне мясной лавки. Ну скажи честно, кому этот Гёте нужен? А тут смотри: у меня за спиной сорок восемь сортов колбасы. Я хочу, чтобы люди видели, что я это видел! И я прав оказался. Был бы я с этим Гёте, никто бы даже не посмотрел на эту фотографию, даже если бы этот Гёте сам меня обнял. А эту фотографию все просят показать. И еще спрашивают: а что это за колбаса? А это? У людей живой интерес, Федя.

Ну что ты, Федя, голову повесил? Ну не грусти, не грусти! У нас тоже когда-нибудь все будет. Да знаю я. баба твоя не может детям питание детское достать. Но будет, все будет и у нас, Федя. Давай выпьем, чтобы перестройка победила. Они там, Федя, между прочим, в нашу перестройку знаешь как верят? Как узнают, что ты «советико», целуют тебя, обнимают. Не знаю, может, им жалко нас, когда видят, как мы одеты... Может, ежели к нам в колхоз папуас приедет, мы его тоже будем к себе набедренной повязкой прижимать? Но они все время у меня спрашивали: «Есть хочешь, Питер?» А я: «Хочу! Очень хочу!» Ну должен ведь «советико» поесть на халяву, да еще под перестройку!

Ну давай, поднимем за перестройку нашу! Они, знаешь, из газет наших себе всякие слова даже на майки переписывают — так за нас болеют. Идет человек, а у него на груди написано: «Засеем вовремя!» Видать, не понимает, чего надел. Знал бы, точно не надел. Эх, Федя, Федя! Ну давай, Федя, за наше будущее: весь мир сейчас смотрит на нас. И надеется, что мы когда-нибудь вовремя засеем. Они там, на Западе, когда в тебе русского узнают, объятия раскрывают, говорят: «О, русиш, гласность, демократия, Горбачев, Раиса Максимовна!»

Ну, давай еще по одной? Ух, хорошо пошла! С надеждой!

Представляешь, Федя, у них сок на улице покупаешь — к пакетику соломинка приклеена, лезвие, чтобы уголок отрезать. Мы этого ничего не видим. Мы сразу зубами, Федя. Мы все, Федя, воспитанники Миклухи-Маклая...

Федя, ты зачем доску взял? Ударить меня хочешь? Положи на место У них из любого телефона-автомата прямо с улицы можно позвонить в любой город мира... Положи доску, говорю! И что интересно, ежели звонишь в Техас, тебя соединяют с Техасом! А не с Кзыл-Ордой! Ты зачем меня, Федя, доской по голове ударил? Ну вот. получай за это стулом обратно! А теперь я тебе руки, извини, свяжу, кляп в рот засуну. И за то, что ты меня доской по голове ударил, рассказом об ихнем загнивающем ФРГ пытать буду!

У них, Федя, стоянка такси — это стоянка такси, а не стоянка людей. У нас ведь надо

правильно писать: «Стоянка людей. Для такси». Терпи, Федя.

У них, ежели в гости на своей машине приехал, не надо щетки снимать, в гости нести. Аккумулятор на себе переть.

Терпи, Федя, терпи.

К ним в машину садишься, какой-то компьютер на твоём родном языке говорит: «Пристегните ремни». Ты ему говоришь: «Пошел вон!» Он тебе отвечает: «До встречи на кладбище, мистер!» Ну что у тебя слеза потекла? погоди, сейчас развяжу. Представляешь, я в гостинице два дня пробку из раковины вынуть не мог... Я ее и так, и этак — не вынимается. А у нее, оказывается, пульт управления есть справа. Ну скажи, Федя, как советскому человеку на ум прийти может, что у пробки в раковине есть пульт управления? Не плачь, Федя, не плачь. Я ее все-таки на третий день ножом выковырял... А эти два дня мы в ихнем биде умывались. Знаешь, что такое биде? О! Этого и я раньше не знал. Это они специальное устройство установили для умывания голов советских туристов, которые не умеют пробку поднять. Вишь, какая забота о человеке.

Ну вот, Федя, я тебе веселую историю рассказал, а у тебя слезы на глазах. Ну не надо, не надо, Федя! Достанем мы тебе детское питание. Давай развяжу, выпьем. Мне все говорят, что я ихнее общество приукрашиваю. Что на самом деле оно — загнивающее. Может, конечно, оно и загнивающее. Но знаешь, хочется уже немного и погнить, Федя! Надоело процветать, правда? Ну, давай на посошок! И пойдем в наш сельмаг, разнесем его вдребезги, ежели Клавка твоей Валюхе детское питание не выдаст. Бери доску, а я стул... Пошли, Федя!

1990–1992

Возвращение

Путевые заметки якобы об Америке

В 1989 году я впервые выехал в США. В гастрольную поездку. До этого бывал лишь в Польше, ГДР и. однажды в ФРГ.

Сегодня, вспоминая те первые свои гастроли в США, я удивляюсь, как изменилось всего за десять лет мое отношение к американскому стилю жизни. Сегодняшние мои размышления на эту тему многие хорошо знают по моим выступлениям на телевидении. Некоторые мою точку зрения не принимают, потому что искренне восхищаются всем американским. Я их понимаю. В то далекое советское время я был таким же. Свое восхищение Америкой я описал в 1990 году. Назвал эти очерки «Возвращение», потому что, путешествуя по Америке, мыслями всегда возвращался домой, и мне хотелось, чтобы мы в Советском Союзе тоже когда-нибудь стали жить так же улыбочиво и самодостаточно, как американцы. Да, я был романтиком! Хотя и считался сатириком.

Очерки отказались публиковать в журналах и газетах. Редакторы, которые сейчас в демократах, назвали их предательскими. Только в Эстонии, в которой в то время уже

понемногу освобождались от цензуры, напечатали небольшую брошюрку. Своим оформлением она больше напоминала «Руководство по эксплуатации пылесосов». Выглядела книжонка настолько невзрачно, что в некоторых книжных магазинах даже продавалась в отделе «Научно-техническая литература». Словом, об этих очерках так никто и не узнал.

Я понимаю, что сегодня найдутся читатели, которые обвинят меня в непостоянстве взглядов. От панегирика до сатирического фельетона Всего за десять лет. Но, во-первых, мир с тех пор изменился изменились страны, народы, порядки, отношения... Поэтому отвечу словами древнего мудреца «Свое мнение не меняют только глупцы и покойники!»

Вместо предисловия

Объявили посадку. Через несколько минут самолет Вашингтон — Москва приземлится в аэропорту «Шереметьево». Большинство в самолете наши. Мы все незнакомы. Но нас объединяет одно — грустные лица.

И даже симпатичный партийный работник, молча просидевший рядом со мной восемь часов, когда колеса самолета коснулись земли и нас привычно, по-родному тряхнуло всех, как кули с картошкой, грустно и задумчиво выдохнул: «Ну вот и Родина!»

Я его понимаю. Ему надо будет рассказывать о том, как там плохо. О чем он расскажет? О том, что их мостовые устланы «утраченными иллюзиями неимущих», а тротуары вымощены «страданиями эксплуатируемых масс»?

Мне легче — я не партийный работник. Я могу рассказать о том, о чем хочу рассказать. Во-первых, потому что далеко не все из вас, уважаемые читатели, бывали в Америке. Во-вторых, не все в ближайшее время туда поедут. Еще не у всех есть там родственники. Я понимаю, что об Америке много написано: Горький, Маяковский, Ильф и Петров, Жванецкий. Наконец, Валентин Зорин и Фарид Сейфуль-Мулюков, авторы незабвенных «утраченных иллюзий» и «страданий эксплуатируемых масс». Я думаю, каждому Америка должна понравиться и не понравиться по-своему. Потому что любую страну можно считать произведением искусства того народа, который в ней живет...

Произведение искусства прежде всего ощущаешь после поездки. Мне очень захотелось рассказать о том, какой мне ощутилась Америка и почему у соотечественников при возвращении из Америки грустные лица.

Первые впечатления

Когда я прилетел в Нью-Йорк, я подумал, что все вокруг заранее извещены о моем прилете. Даже прохожие улыбались мне, словно меня только что показали по американскому телевидению. Откуда же мне было знать, что в Америке просто так принято — улыбаться друг другу. Что они ходят по улицам с радостным выражением лица, что они радостно живут! Когда смотришь на лица американских прохожих, создается впечатление, будто они не знают, что загнивают...

До конца поездки я так и не смог привыкнуть к этой бесконечной американской доброжелательности. Ну, с чего они все тебе улыбаются? Чего им от тебя надо? Поначалу, когда мне еще в самолете улыбнулась стюардесса, я, честно говоря, подумал, что она со мной заигрывает. Когда же улыбнулись, глядя на меня, вторая, третья американки, я решил, что у меня что-то расстегнуто. Доконал швейцар в гостинице. Он улыбнулся и раскрыл передо мной двери! Он был рад моему приезду! Вы видели когда-нибудь швейцара, который радуется вашему приезду?! Ну почему во всех странах мира швейцары в гостиницах открывают двери и подносят вещи, а наши не пускают? Когда пожилой «бой» занес мои вещи в номер и, бестактно улыбаясь, предложил мне помочь разложить их по полкам, я выгнал его из номера за его грязные намеки.

Так что уже в первые дни гастролей я понял, насколько правы советские корреспонденты и телекомментаторы, утверждая, что находиться в Америке неприятно. Действительно, неприятно. Не знаешь, что делать в ответ Тоже улыбаться? Я не могу улыбаться в течение суток. У нас, советских людей, развиты не те мышцы лица. Я пробовал. К вечеру улыбку заклинивает, лицо перекоsobочивает. Получается улыбка смертельно раненного человека.

Не улыбаться нехорошо. Некультурно. Стоит зайти в магазин, к тебе подбегает продавец и с идеально отшлифованной улыбкой: «Что вам угодно? Чем могу быть полезен?» Ну, как ему объяснить, чем он может быть полезен? Только тем, что исчезнет немедленно. И не будет мешаться. Потому что я зашел не купить, а посмотреть. Так как никогда не видел сто метров разной обуви сразу. Поэтому у меня сейчас экскурсия!

Не дай бог, возьмешь с прилавка туфли и попытаешься их примерить. Он усадит в кресло, сам наденет тебе туфли на ноги, зашнурует их. Если окажутся не по размеру, будет приносить со склада все новые и новые пары. Пока ты, руководствуясь уже чувством вины перед ним, не купишь хотя бы... шнурки с тапочками. За каждую проданную вещь, оказывается, ему положена премия. Каждому по труду. Это закон социализма! Поэтому они и ведут себя так, как должны вести себя в социально справедливом обществе. То есть ты чувствуешь себя виноватым, если ничего не купил, в отличие от наших продавцов, которые ведут себя согласно нашему строю. И ты чувствуешь себя виноватым за то, что вообще зашел в магазин.

К концу поездки я, правда, научился бороться с их улыбчивым сервисом. Он только ко мне: «Чем могу быть полезен?» А я ему тут же с улыбкой от уха до уха: «Спасибо! Я из Советского Союза». Его тут же след простыл. Понял — зашел просто посмотреть. Потому что во всем мире уже знают, что советскому человеку денег меняют ровно на посмотреть... Причем знают об этом не одни продавцы. Американские женщины испытывают к советским мужчинам жалость, с которой относятся только к убогим. Интеллигентная американка не позволит советскому мужчине заплатить за нее в кафе, даже если она выпьет стаканчик диетической пепси-колы. От силы, она позволит себе принять в подарок от русского набор открыток типа «Ромашки Нечерноземья» или «Козлы Алтая»... Чтобы эти открытки остались у нее навсегда ярким напоминанием о подарившем.

Однако наиболее опытные продавцы в Америке не подбегают к тебе, когда тыходишь в магазин. Многие из них уже научились отличать советского человека. Не по одежде, нет...

Через три дня после приезда в Америку любой советский одет точь-в-точь, как американский безработный. Если, конечно, их безработный согласится надеть отглаженные со стрелками джинсы и под них черные лаковые на каблуках туфли. Нет, нашего человека среди любой беспочвенно радостной западной толпы можно безошибочно угадать по выражению лица. На котором как бы навсегда застыла наша индустриализация! Осели этапы большого пути, прилипли шесть орденов комсомола, непаханая целина и непрекращающееся восстановление разрухи... При этом в глазах ежесекундная борьба озабоченности с озабоченностью.

С другой стороны, какое еще выражение может быть у нашего человека, если он заходит в продуктовый магазин и видит там сорок сортов сыра? Он же мучиться начинает! Какой сорт выбрать? В этом отношении наше общество гуманнее. У нас не надо мучиться, какой сыр выбрать. Потому что у нас один сорт сыра — сыр! Называется «Если завезли...».

В одном магазине я не поленился и насчитал... тридцать семь сортов маслин! Поскольку я не мог нафантазировать такое количество сортов того, о чем я вообще имею смутное понятие, я расспросил продавца, чем они различаются. Оказывается, вместо косточек там внутри разные орешки. В одних — миндаль, в других — арахис... В третьих — такие, глядя на которые Мичурин бы свалился с того, что сам вырастил. Удивительно! Как-то эти орешки попадают в эти маслины. И попадают туда без руководящей роли партии. Без участия министерств и ведомств. Никто не издает указ «О всемирном высасывании косточек» и не вешает плакат «Орешки — в жизнь!». Со всей продуктовой вакханалией справляются фермеры — два-три процента населения в стране! В отличие от наших сорока процентов, занятых в сельском хозяйстве. Причем этим двум процентам фермеров не помогают высасывать косточки студенты Йельского университета и профессура Гарварда...

В одном супермаркете я насчитал девяносто сортов кефира! Есть кефир с привкусом клубники, есть с привкусом земляники, черники. Есть с шоколадом, есть с орешками. Есть с орешками, шоколадом, клубникой, черникой и земляникой... Как я понять могу, чего я хочу? Я все хочу! Может быть, меня больше никогда за границу не выпустят, после того как я расскажу, сколько я видел кефиров. Может быть, вообще перестройка на днях закончится. Так что я хочу все кефиры сразу! Здесь, немедленно! Я хочу принять «ерша» из этих кефиров! Именно это выражает мое «индустриализационное» лицо, когда я смотрю на эти кефиры, расставленные на полках, как книги в Ленинской библиотеке.

Вы попробуйте прийти у нас в магазин и спросить у продавщицы: «Какой из кефиров вы мне сегодня рекомендуете?» Продавщица вам тут же ответит: «Вчерашний, козел!» Поскольку за семьдесят лет так называемой советской власти мы научились выпускать два сорта кефира: вчерашний и позавчерашний. Бывает еще двухнедельный, но это уже не высший сорт!

Когда в Америке заходишь в продуктовый магазин, невольно перекидывается грустный мостик на Родину. Даже наши эмигранты, прожившие по 20 лет в Америке, признаются, что это происходит с ними до сих пор. И жалко становится наших женщин. Почему их женственные лица должны превращаться в «индустриализационные», а ноги — в тромбозные, если во всем мире и слов-то таких нет, как «кошелка» и «авоська»?

Мужиков мне не жалко. Мужик у нас всегда в порядке. Принял стакан, и он в Америке. Принял еще один — в Австралии. Наутро в канаве представил себя в Венеции!

В один супермаркет мне довелось зайти с женщиной из Воронежа. Она приехала к сестре. Сестра Валя уже пятнадцать лет в Америке. Мать категорически не хотела отпускать свою дочь навсегда. Прокляла ее. Старая большевичка, мать Вали до последнего дня искренне верила нашему правительству и Кукрыниксам, что Америка — это небритый дядя Сэм с жирным мешком денег вместо туловища и носом, похожим на Гренландию.

Провожая дочь, несмотря на проклятие, она жестко сказала: «Если будешь там голодать, напиши — консервов вышлем!»

— Жалко, мама не дожидка до перестройки, — говорила Валя. — Не смогла к нам приехать. Мне так хотелось, чтобы она увидела, как я живу.

Вместо мамы приехала сестра с десятилетним сыном. Когда она зашла в супермаркет, она заплакала. В ее глазах был только один вопрос: «За что?» Вопрос, который нам на Родине даже задать некому. Десятилетний сын тянет маму за рукав.

— Мам, это что?

— Это клубника, сыночек.

— Неправда, мам, такой клубники не бывает.

Валя уговаривает сестру не набирать так много. Взять только на вечер. При этом по привычке набирает сама. Но сестра не может поверить в то, что все это будет здесь и завтра, и послезавтра.

— До завтра же все испортится! — оправдывается она перед Валею.

Валя улыбается:

— Завтра завезут свежее.

— А это?! Куда они денут это?

— Сама не понимаю... Куда все уходит?

Вопрос — что американцы делают с непроданными продуктами — приходит на ум только советскому человеку. Сами американцы над этим никогда не задумываются. Каждый занят своим делом. Его не интересуют дела другого. В отличие от нашего человека с его тревожным государственным умом, который должен все знать, все понимать и каждому указать из собственной нищеты, как должно быть.

— Дядя, — просит меня мальчик, — сфотографируйте меня на фоне этой клубники. А то в школе не поверят...

И снова горький мостик перекидывает меня на Родину.

За неделю до моей поездки в Америку у моего друга в Москве умерла мать. По этому случаю ему разрешили (после того как он принес свидетельство о ее смерти) закупить продукты для поминок в подвале гастронома. На двери небольшого помещения было написано: «Для спецконтингента». Даже не для контингента, а для «спецконтингента». И радость приобщения к нему ты можешь испытать только в случае смерти кого-то из своих близких. И все! И до новой смерти.

Ну что ж! Зато, как утверждают советские идеологи, мы живем в гуманном обществе, где человека не страшит его будущее. Где он спокоен за завтрашний день. У американцев в этом отношении, безусловно, общество значительно суровее. Американцы не знают, что ждет их завтра: поездка на Багамы или в Италию? Покупка виллы или машины? У нас все четко! Никакой тревоги за будущее. Через десять лет выслуги на одном месте — прибавка к зарплате на 15 рублей, к концу жизни — расширение жилплощади на 15 кв. см... А может быть, даже подойдет очередь на спальный гарнитур, который тебе, в общем-то, уже и не очень нужен, потому что ты остался один...

Потрясение первое

За время поездки по США у меня было несколько потрясений.

Первое — перед моим первым концертом на загородном шоссе под Нью-Йорком. Говорят, на этом же месте испытали потрясение и другие наши известные артисты.

Импресарио, который организовал мои гастроли по Америке, до меня организовывал гастроли Пугачевой, Жванецкого, Хазанова и многих других наших звезд. Его секретарша почти всех возила по магазинам. Теперь она хорошо разбирается в советском искусстве, поскольку точно знает, кто что покупает и какого размера.

— Благодаря вашим я узнала, где у нас в Америке самые дешевые магазины. Да, да...

Правда! Я очень много нового узнала от ваших. Представляете, один ваш музыкант привез с собой из Москвы лупы и продавал их в пуэрториканском районе Нью-Йорка детям. Я бы никогда не догадалась, что в Америке можно продавать советские лупы пуэрториканским детям. Мальчишки в этом квартале, когда он появлялся, бежали за ним толпой с криком: «Мистер Лупа!»

Дорога тянется между сплошными рекламами. По рекламам в Америке можно изучать английский. Они разноцветные и забавные, как картинки в детских учебниках, чтобы веселее запоминалось...

Мы голодные. Экскурсия по магазинам затянулась. Экспозиция была волнующей. Вообще американские магазины настолько многообразны и познавательны, что мысль посетить музей первое время лично мне даже не приходила в голову. Впрочем, как и в последнее время.

— Вы хотите есть? — спрашивает Нина.

Нина из второй волны эмиграции. Вернее, ее родители. Сама она родилась уже в Америке. По-русски говорит с еле заметным акцентом. Так говорят обычно в наших фильмах актеры из Прибалтики, когда играют иностранцев.

О том, почему и как ее родители в конце войны попали в Америку, она умалчивает. Нина — православная. В свободное время организывает выставки при православной церкви. Многие русские в эмиграции увлеклись, как бы сказали у нас, прикладным народным искусством. Выставка, на которую мы перед этим заехали, небольшая: яйца пасхальные, разрисованные под палехскую школу, шкатулки берестяные... Русские формы из американской бересты. Игрушки детские глиняные. Наволочки дня подушек, расшитые народными узорами. Два рушника, русский пейзаж, нарисованный по памяти или по рассказам родителей.

Многое выглядит трогательно и наивно. Напоминает работу учеников на уроке труда в показательной школе. Посетителей немного. Выставка вряд ли приносит доход. Но это не волнует верующих. Их выставка — не коммерция, а уголок родины... и вера в Бога, благодаря выставке при церкви, соединяется у них с верой в свою родину.

— Что вы молчите? — повторяет свой вопрос Нина. — Вы есть хотите?

— Я не понимаю, почему вы меня об этом спрашиваете. Конечно, хочу. Но и так опаздываем.

— А я ужасно хочу пить. Мы сейчас знаете, что сделаем?

— Что?

Нина останавливает машину у обочины. Открывает окно. И чуть высунувшись из него, говорит вниз, в канаву:

— Мне, пожалуйста, три диетических пепси-колы, две порции устриц и один салат.

Честно говоря, я думал, что она с голодухи немного тронулась. Да и как я мог предполагать, что в двадцати метрах от закусочной «Макдоналдс» у обочины выставлен микрофон — для тех, кто торопится и хочет перекусить прямо в машине, не выходя из нее.

Не прошло и двух минут, как из окна закусочной в окно машины нам передали поднос с блюдами, стоящими в лунках, как на корабле, чтобы не расплескать. Я был потрясен настолько, что доставил Нине удовольствие.

— Почему вы так удивлены? — спрашивает Нина. — Разве у вас вдоль дорог нет закусочных?

— Нет.

— Почему?

— Потому что у нас нет дорог.

— А что есть?

— Направления.

— Так что же вы тогда подумали, когда я заказывала?

— Я подумал, что вы немного того, как говорят у нас, «кукукнулись». Высунулись из машины и из канавы требуете устриц с салатом. Или, думаю, у них в канале кто-то сидит? Типа нашего дяди Васи, который насаживает в этой канаве устриц, как у нас угрей на правительственном озере.

— Что такое правительственное озеро? — не понимает Нина. Я пытаюсь доходчиво ей объяснить, что такое правительственное озеро, рыбный егерь, стрельба по уже застреленному кабану. Она внимательно слушает и обещает мне следующую свою елочную бумажную игрушку для выставки сделать по моим рассказам и назвать ее «Дядя Вася на правительственном озере».

Потрясение второе

Второе потрясение я испытал в «стейк-хаусе». В переводе на русский «стейк-хаус» означает «дом бифштекса». Конечно, само название уже могло бы стать для меня потрясением. Я к чему привык? К Дому политпросвещения! У них «Дом бифштекса» — у нас «Дом политпросвещения». Потому что кто чем может, тот тем свою страну и кормит. Единственное наше фирменное блюдо — это лапша на уши народу. Я бы даже предложил над каждым Домом политпросвещения честно писать: «Дом лапши»...

Однако потрясло меня не название. Меня потрясли размеры поданного мне бифштекса. Я многое видел в жизни. Но чтобы через всю тарелку, даже скорее блюдо, нагло раскинулся бифштекс! Не как у нас — копытце пони... Что по жесткости, что по размеру. А некий евразийский материк, как его рисуют на ученических картах. Более того, с двух сторон с тарелки не менее нагло свешивались уши — Европа и Чукотка.

Сидевший за одним из столиков в зале негр, как и я, не доел точно такой же бифштекс.

В этот момент я понял — правы, ох как правы наши телекомментаторы, которые ежевечерне сообщают нам, что негры в Америке недоедают!

Потрясение третье

Сто седьмой этаж небоскреба в Нью-Йорке. Ресторан высшего класса. Без пиджаков и галстуков не пускают. Уже ночь. Американцы обедают поздно. Глубоко под нами, разлинеенный огнями на «стриты» и «авеню», светится Манхэттен. Отсюда, сверху, сдавленный Гудзоном и протокой остров Манхэттен, на котором осел центр Нью-Йорка,

похож на палубу корабля. И мы слегка покачиваемся на его главной мачте. Мачта так высока, что на нас то и дело набегают тучи, скрывая палубу. Все ближе раскаты грома. Чем сильнее от ветра раскачивается мачта, тем тревожней становится на душе. Ощущение, что гроза наползает прямо на наш столик.

На обед меня пригласил мой товарищ со времен юности, ныне господин — Юрий Радзиевский. Двадцать лет назад он был одним из самых известных капитанов КВН. Возглавлял команду города Риги. Теперь он хозяин рекламного офиса. Если перевести с американского на советский — это значительно больше, чем директор Елисеевского магазина. Он знает английский. По-прежнему весел и находчив. Когда читаешь его рекламу электрической зубной щетки, поражаешься, как же ты жил без нее раньше? Недаром (и далеко не даром!) к нему тянутся самые богатые заказчики. За эти годы он много работал, понимая, что в Америке — каждому по труду!

Он помогает из загнивающего Нью-Йорка своим родителям в процветающей Москве. Снабжает их товарами первой, второй и третьей необходимости.

Молния пролетает мимо окна, официант приносит горячее. Горячее на противне, закрыто крышкой. Радзиевский что-то говорит ему на ухо, и официант вместе с горячим уходит обратно на кухню.

— Что ты ему сказал? — спрашиваю я.

— Что он рано принес, — отвечает Юра.

— Прости, что он сделал?

— Рано принес. Понимаешь, в ресторане такого класса считается плохим тоном — выставлять на стол все сразу. Это неэстетично. Мы еще не закончили есть холодные закуски.

— Юра, — говорю я вполне серьезно. — У меня просьба. Приедешь в Москву, пойдём с тобой в ресторан, и, умоляю, скажи там официанту, что он рано принес. Я хочу, чтобы ты тоже испытал потрясение. Причем чисто физическое.

Еще одна молния пугает нас, ныряя в Манхэттен. Гром гремит на крыше ресторана. Небоскреб уже представляется мне главным в Нью-Йорке громоотводом, который должен вбирать в себя все молнии...

Чтобы отвлечь меня от столь резких, невиданных доселе ощущений, а также поскольку мне еще месяц находиться в Америке, Юра преподает мне правила хорошего тона для цивилизованных стран.

Например, что пить сок через соломинку считается пижонством. Соломинка необходима, чтобы размешать воду от растаявшего льда. После чего нужно отложить ее на тарелочку...

А хороший дорогой коньяк подается в высоких широкобедрых бокалах. При этом наливается чуть-чуть, лишь бы прикрыть доньшко. Называется такая порция — «один дринк».

Оказывается, широкобедность бокала позволяет ощущать аромат древнего коньяка.

Из всего, что объяснил мне Радзиевский, я понял одно — все эти изыски не для психики нашего человека.

Причем понял по себе. Дринкнул, и что дальше? Сидишь, как на иголках, ждешь следующего дринка? А пока официант за ним степенно ходит, ощущаешь аромат широкобедрого бокала? Я не знаю, как по отношению к американцу, но по отношению к нашему человеку — это садизм!

Более того, каждый третий дринок, как оказалось, в этом ресторане вам приносят за счет фирмы... Нечто вроде премии за перевыполнение плана. Я уверен, что это правило не было рассчитано на увеличившийся благодаря перестройке поток советских туристов в Америку. Никогда не забуду глаза официанта, слегка беременные удивлением после того, как он сбегал для нас за двадцатым бесплатным дринком. Вернувшись, он спросил, откуда мы. Я ответил: «Из России!» Он сбегал снова, вернулся с бутылкой и, из последних сил улыбаясь, сказал: «Вот и дринькайте на здоровье! И нечего меня все время гонять туда и обратно!»

— Видишь, Юра, и у вашего сервиса есть предел элегантности!

— Да. Но только в отношениях с вашими... в смысле с нашими! Кстати, должен сразу тебя предупредить, американцы нас не любят. Коренных русских любят, а эмигрантов нет. Видишь — улыбается? А глаза — смотри — ненавидят. Он тебя считает тоже эмигрантом. Знаешь, почему они нас терпеть не могут? Потому что только наш может прийти в этот ресторан и сказать: «Мне первые два дринка не надо, мне сразу третий». У наших, старик, оказалась такая соображалка, которая не снилась ни одному американцу. Те завидуют нашей смекалке.

Например, заметил, как здесь наливают вино? Дают сначала попробовать. Ты отпиваешь, потом еще раз отпиваешь, потом допиваешь и говоришь: «Нет, кисло — унесите». И они уносят. За счет фирмы. Для американцев это нормально. А наш тут же соображает: ага, можно переходить из ресторана в ресторан и говорить: «Кисло!» И к вечеру уже совсем не кисло будет! Здесь, в Штатах, я понял, что человек, объегоривший советскую власть, может без напряжения объегорить любую власть в мире! Мне порой кажется, что мышление людей сродни расположению улиц в тех городах, где они живут. Видишь, внизу Манхэттен? Стрит, стрит, стрит... Все параллельно. Авеню, авеню, авеню... Все перпендикулярно. Так и мышление у американцев — прямоугольное. А в наших городах? Переулок, канава, помойка, плакат, тупик... Тупик, плакат, канава, помойка, закоулок... Потому у нас мышление — закоулочно-канавочное. Впрочем, довольно о грустном. Давай лучше попробуем самое дорогое вино в этом ресторане.

— Гарсон, вот это вино, пожалуйста! — Юра указывает название вина в меню.

Заложив руку за спину, гарсон, заранее нас ненавидя, наливает мне в бокал вино на пробу. Я пробую, еще раз пробую... Допиваю! Как же хочется сказать: «Кисло! Унесите!» Гарсон смотрит на меня ненавидящими глазами над вынужденной улыбкой.

— Отличное вино! — говорю я. — Разлейте!

Его глаза добреют. Такого от русского «эмигранта» он не ожидал.

Очередная молния в очередной раз пролетает мимо нашего столика. Благодаря выпитым дринкам она уже не пугает нас. Наоборот, воспринимается как часть шоу за счет фирмы.

Юра учит меня есть японские суши палочками, а куриные крылышки ножом и вилкой. Я беру куриное крылышко левой рукой и интеллигентно насаживаю его на вилку, которую грациозно держу в правой руке. Гарсон разливает «некислое» вино. Мне кажется, что я уже все знаю, все умею и готов к предстоящим гастролям. Снизу мне хитро подмигивает разноцветными огнями сквозь клочки туч прямоугольный, как и мышление американцев, Манхэттен.

Потрясение княгини

Самым неожиданным для меня потрясением стало потрясение княгини Долгоруковой. В девичестве Апухтиной. Она уже в эмиграции вышла замуж за последнего из князей древнего рода Долгоруковых. Несмотря на возраст, у обоих до сих пор гордые спины и светлые глаза цвета аристократической голубой крови. Даже у националистов Прибалтики язык бы не повернулся назвать их мигрантами. В Америке никто не унижает национального достоинства. В Америке нет национальности, потому что там есть все остальное.

В двадцатом году еще совсем юными княгиня Апухтина и князь Долгоруков ушли со своими семьями на одном корабле с Врангелем из Севастополя.

— Вы знаете, Врангель был очень умным, интеллигентным человеком, — рассказывает княгиня Ирина Петровна. — А главное, очень порядочным. Я помню, как он собрал нас всех вместе с родителями перед отправлением из Севастополя и честно сказал: «Мы должны покинуть Россию. Я ничего вам не обещаю. Нас может не принять ни одна страна в мире. Но оставаться здесь никому не советую. От большевиков нельзя ждать ничего хорошего. Попробуем уйти в Турцию. А там как у кого сложится судьба».

Ирина Петровна чисто говорит по-русски. В ее речи нет слов: альтернатива, регион, подвести черту, поставить вопрос, регламент, консолидация с ротацией, не говоря уже о консенсусе. Она говорит на литературном русском, пушкинском языке. Нелепо представить себе, чтобы Пушкин консолидировался с Натали Гончаровой во имя деторождения и при этом имел альтернативный вариант в соседнем регионе.

Здесь, в Америке, благодаря эмиграции первой волны, сохранился русский язык, русская кухня, русская интеллигенция. Спасибо Врангелю!

— Ничего, русские еще возродятся, — успокаивает меня Ирина Петровна. — Мы с мужем очень болеем за Россию. И очень уважаем Горбачева... Нам кажется, что он выведет страну из разрухи. Очень хочется побывать в Москве. У мужа там особняк. Знаете, рядом с библиотекой Ленина. В нем теперь музей Карла Маркса. Это хорошо. Значит, ваши следят за

нашим особняком Но муж неважно себя чувствует. Вряд ли он отважится на такое путешествие. А я все-таки соберусь. Хотя очень боязно. Мне кажется, что я уже не доживу до встречи с Россией или не переживу ее.

На следующий день после моего концерта Ирина Петровна позвонила в семь утра. Голос ее был необычайно взволнован.

— Простите, что бужу, но я всю ночь не спала Мы с князем потрясены. Скажите, это правда или вы сочинили, что в России нет мыла? — Даже по телефону я чувствую, что она задает вопрос с комком в горле. — Неужели ваши люди в правительстве, — недоумевает княгиня, — не знают, что на протяжении всей истории человечества развитие цивилизации познавалось по расходу мыла? Мы с мужем всегда считали, что невежественные люди разорят Россию, но никогда не думали, что до такой степени!

За день до этого звонка я подарил Ирине Петровне привезенный из Москвы флакончик французских духов. В Америке эти духи стоят около 100 долларов, а у нас всего 45 рублей. Поскольку мы продаем тайгу и за проданную тайгу получаем духи, которые распределяются между теми, кто продал тайгу.

Ирина Петровна была рада и удивлена такому подарку.

— В России есть французские духи?

— Полно! — ответил я с гордостью за нашу тайгу. Наш разговор по телефону закончился последним вопросом Ирины Петровны:

— Михаил Николаевич, я не понимаю, зачем в России продаются французские духи, если там нет мыла?

Хромосомный набор

Звонит телефон. Я снимаю трубку.

— Мишка, здорово!

Голос знакомый. Из детства. Но чей — вспомнить не могу.

— Вована помнишь?

— Какого?

— Ну, мы в одной школе учились.

— Вовка! Боже мой!.. Ты откуда говоришь?

— Из тюрьмы.

— То есть как?

— Очень просто. У меня хорошая камера. Две комнаты. Телефон. Телевизор. Видео.

...Вован всегда мечтал разбогатеть. Он еще в детстве умудрялся обменивать фантики из-под леденцов на фантики от «Косолапого мишки». Правда, потом его всегда били. В какие только аферы он не пытался меня втравить уже в юности! Голова его всегда была полна самых смелых, нелепых идей. Его знали все хулиганы, хотя он сам хулиганом никогда не был. Однажды он рассказал мне о плане освобождения своего отца из тюрьмы. Кажется, его отец сидел в то время по известному «делу врачей».

Вован был очень толстым и настолько же добрым. Однажды, когда меня избили и я лежал в постели, он привел ко мне домой тех, кто меня избил, чтобы они извинились. Он был уверен, что мне от этого станет легче. Потом оказалось, что он им просто заплатил из тех денег, которые копил на побег отца.

После школы Вован неожиданно для всех запел. Причем сразу громко, оперным голосом. Это было время поклонения Магомаеву. Всех, кто пел похоже, приглашали на концерты, платили деньги. Петь оперным голосом было тогда выгодно. Поэтому он им и запел.

Но Вован всем рассказал, что он учился в Италии с Муслимом. Хотя для меня до сих пор загадка, где он научился сразу так громко петь...

Вскоре он понял, что прибыльнее петь на Севере. И уехал туда года на два. Разбогател. В каких только уголках нашей необъятной Родины он не организовывал самые смелые халтуры с продажей собственных билетов из разрезанных пополам открыток за две копейки! При этом на каждой половинке, не мудрствуя лукаво, он собственной рукой писал: «1 рубль». И ставил печать, вырезанную из старого каблука очередным умельцем-Левшой за бутылку рижского бальзама. Когда я вспоминаю еще отечественного, неухавшего Вовку, я всегда думаю: нельзя так опрометчиво заявлять, будто мы все жили в застое. Были умы и тревожные, и светлые, и беспокойные. Они, между прочим, и подготовили перестройку. Недаром теперь многих наградили за то же самое, за что раньше посадили...

Словом, я всегда знал, что Вовкино будущее — тюрьма. Но никогда не предполагал, что тюрьма под Нью-Йорком и с телефоном.

На вопрос, сколько ему дали, Вован не захотел отвечать. Ему не хотелось говорить о неприятном. Я понять его могу. По одним слухам, ему дали сто с чем-то лет, по другим — всего восемьдесят. За достоверность слухов не ручаюсь. Но в Америке это вполне реально. Там одно наказание не поглощает другое, и все сроки плюсятся.

Как мне насплетничали, рижанин Вован со своим другом из Одессы выпустили фальшивые доллары. Причем на краденой бумаге, а рисунок нанесли ворованной краской. Ведь нашему человеку даже в голову не придет купить бумагу! Поймали их, когда они вдобавок ко всему превышали скорость на чужой машине в нетрезвом состоянии и впятером проехали на шесть «кирпичей». Одним словом, набежало!

Эмигранты любят о нем рассказывать. По приезде в Америку он пытался петь. Но здесь никого не интересовало, с кем он учился в Италии. Недолго думая, Вован с советским мышлением занялся американским бизнесом. После чего окончательно обнищал. Пытался устраивать для эмигрантов просмотры советских фильмов типа: «Свадьба в Малиновке», «Зозуля с дипломом», «Битва в пути»... Но за аренду надо было платить. А на просмотры ходили пять-шесть бывших советских коммунистов из желания еще раз окунуться в свое героическое прошлое. Наконец мой добрый толстый друг на все плюнул и решил разбогатеть сразу. И по-простому.

О процессе писали американские газеты. Коренных американцев поразило, во-первых, как много фальшивых денег выпустили наши всего за два дня. Во-вторых, как они это сделали. Простота, находчивость и наглость одновременно обидели и восхитили американцев.

Они выпустили фальшивые доллары на ксероксе!..

Как тут было не вспомнить слова Радзиевского о соображалке советского человека.

Много лет в Америке существует многоцветный ксерокс. Американцы думали, что на нем надо работать, чтобы получать деньги. А оказывается, на нем не работать надо, а сразу деньги печатать.

Много, много нового узнали для себя американцы с прибытием в их страну наших эмигрантов.

Например, что бензин можно разводить водой... Сообщение в газете о том, как это делается на русской бензоколонке в Бруклине, стало научным откровением даже для американских ученых. Доселе они предполагали, что это невозможно с химической точки зрения — карбюраторы будут барахлить. Но, видать, любой наш мужик с тремя классами образования может дать фору всей американской химической промышленности. Оказывается, просто надо знать, как разводить. Комбинация-то уже отыграна на родине и проще не бывает. Хороший бензин надо разводить средним, средний — плохим, а плохой — уже водой...

Видимо, наш человек развит от нищеты так же, как их человек туп от сытости.

Приехав в Америку, наши мгновенно сообразили, что надо скупать дома, потому что они со временем дорожают. За два-три года большинство наших «обошло» по богатству среднезажиточных американцев.

И тут Радзиевский не прав. Американцы не просто не любят наших эмигрантов. Они прокляли тот день, когда пригласили их к себе. Ну что же — так им и надо! А то они столько лет кричали: «Отпустите к нам своих инакомыслящих! Дайте им свободу!» Ну, дали, ну, отпустили. Но ведь оказалось: никто из тех, кто кричал, даже предположить не мог, насколько наши инакомыслящие. Я считаю, советская эмиграция третьей волны в Америку — самая серьезная провокация против Запада!

...В ресторане рядом со мной сидит русский эмигрант. Неожиданно для меня он

вытаскивает из кармана лавровый лист, поджигает его зажигалкой и резко опускает в рюмку с водкой.

— Зачем вы это делаете? — спрашиваю я.

— Я за рулем... Чтобы не пахло...

Видимо, смекалка — в генетике нашего человека. В его хромосомном наборе. Поскольку единственное, что передавалось по наследству советскими людьми из поколения в поколение, — это нищета, изворотливость и энтузиазм.

Поэтому Америка с ее свободой бизнеса и оказалась черноземом для нашего мышления. Нельзя вывозить из России картины именитых художников? Разве это проблема для нашего эмигранта? Догадались приглашать самих художников. Кормить их, оплачивать суточные, делить пополам гонорар, только чтобы они рисовали прямо тут, в Америке, на эмигрантских чердаках. Причем чтобы рисовали картины американских классиков прошлого века.

Сейчас в связи с перестройкой фантазия у наших эмигрантов разыгралась окончательно. Особенно в сотрудничестве с нашими кооператорами. Открываются совместные охотничьи угодья для миллионеров на Волге. Бедные миллионеры платят тысячи долларов за такую охоту. В то время как наши проводят их туда через дырку в заборе за бутылку, которую дают егерю.

Чего только не пытаются всучить за доллары бедным американцам наши умы! Дошли до того, что опубликовали рекламу, будто для мужской потенции особенно полезна настойка на камнях, выведенных из почек коров. И тут без дружбы с Советским Союзом никак не обойтись, потому что камни в почках образуются только у советских коров... Мне думается, что популярные ныне среди американского обывателя сувениры — кусочки разрушенной Берлинской стены — отколупнуты в русском эмигрантском районе.

Говорят, в настоящее время в ФБР создан отдел по расследованию того, что творится в русском районе Нью-Йорка.

Об этом районе уже ходят легенды во всем мире как об одном из самых «веселых» мест на земном шаре.

Брайтон-бич... Проще — Брайтон... Берег Атлантического океана... Рассказывают, что когда-то здесь жили приличные нищие негры. Из истории известно, что если куда-то приходили жить негры, то все остальные оттуда сразу же уходили. Это единственный случай, когда откуда-то ушли сами негры. После того как туда пришли русские. Вернее, не ушли, а сбежали. Наши их выжили. Выгнали пинками под копчик. Кому-то даже выкололи глаза. И нищие кварталы расцвели ресторанами, магазинами... Вспыхнули рекламы на русском: «У Римы», «Одесса», «Киев», «Русь», «Яша и сыновья»... Покатилась по набережной музыка.

«...Небоскребы, небоскребы, а я маленький такой...».

«Еще не поздно, еще не рано, стою одна я у ресторана».

«...Ямщик, не гони лошадей...»

Разбогатевшая Ялта с одесским темпераментом и харьковским вкусом. Только в Ялте отдыхают в сезон, а на Брайтоне — всегда.

Ну и, конечно, рестораны поблатнее, лица повеселее, песни поразудалистее, украшения на женщинах поувесистее. Только наши ходят в Америке в золоте с самого утра. В каждом ухе по слитку ценой в ДнепроГЭС! Благо нет ОБХСС. А вечером ресторан. И веселье! Но какое! Мне кажется, чувства счастья, что они уехали из Советского Союза, многим нашим эмигрантам хватит на всю оставшуюся жизнь. Поэтому они и веселятся каждый день, будто этот день последний. Все! Завтра обратно в Советский Союз...

«...Ямщик, не гони лошадей!...»

Вырвались! Разбогатели! Свободные!

«...Мне некуда больше спешить...»

На Брайтоне царит русский язык. Многие даже не учат английского. Какая-то тетя Фрида пришла в американский магазин и искренне возмутилась:

— Шо такое! Мы тут уже шесть лет, а американцы по-русски не говорят!

Порой создается впечатление, что не наши приехали в Америку, а Америка пришла к ним. И тетя Фрида была не так уж далека от истины. Американские полицейские учат в русском районе русский язык. Причем вместе с матом. Поскольку наши ругаются там, как на родине. Полицейские думают, что это и есть русский язык. Я спросил у полицейского-негра про нужную мне улицу по-английски. В ответ он послал меня по-русски... известным нам всем маршрутом.

Американские обыватели боятся Брайтона. Их пугает сверхгромкая ресторанный музыка, настораживают танцы — смесь ламбады с цыганочкой и Хава Нагилой. Им непривычно видеть раскрасневшиеся лица, уткнувшиеся на ночь в салат. Да что там обыватель. Даже американская мафия не знает, что делать с русской мафией. Ни один чикагский гангстер не приедет в русский район. Он не знает, где оставить машину. Стоит ему на семь секунд оставить на улице свой черный «Роллс-Ройс», как на нем по-нашенски в эти же семь секунд гвоздем нацарапают известные всему миру три буквы...

Недавно в очереди у американского посольства в Москве, где сутками стоят желающие выехать в Америку, какой-то грузин закричал на чиновника:

— Почему вы нас так долго оформляете?

И американского чиновника прорвало:

— А я не хочу, — закричал он в ответ на всю очередь, — чтобы вы ехали в мою страну!

И его можно понять...

На Брайтоне даже сменили новые американские телефоны-автоматы на старые. Новые были созданы «во имя человека», чтобы не подбрасывать монеты в течение разговора, не отвлекаться. Усовершенствовали конструкцию. Бросаешь начальные четверть доллара, разговариваешь семь, десять, тридцать минут. Закончив говорить, вешаешь трубку. Телефон-автомат звонит. Снимаешь трубку — тебе робот сообщает, на сколько ты наговорил и сколько еще надо опустить. Нашли дураков! Причем ладно бы наши просто уходили, нет. Они ведь еще должны испытать удовольствие или, как выражались ранее, чувство глубокого удовлетворения. От того, что они кого-то объегорили хоть в мелочи. Поэтому наши все-таки снимают трубку и радостно говорят: «Пошел к черту!» И только после этого уходят, нет, убегают с чувством глубокого удовлетворения.

Я не случайно все время пишу «наши, наши, наши». Это действительно наши люди, прежде всего — по хромосомному набору.

Некоторые по привычке даже празднуют 1 Мая. Многие отмечают и американские праздники, и советские. Я спрашивал, не выходят ли 1 Мая по привычке на демонстрацию.

Шутки шутками, а кто-то вступил в американскую коммунистическую партию. Говорят, в связи с перестройкой скоро будут переводить непосредственно из нашей коммунистической партии в американскую, если из их партии, конечно, придет официальный запрос...

Можно изменить фамилию, имя, лицо, родину, но нельзя изменить хромосомный набор.

Самое большое количество доносов в Америке идет с Брайтона. Это хромосомный набор!

У кого-то за соседним столиком в ресторане «Русь» вспенилась открытая об стол бутылка пива. И это хромосомный набор.

Кто-то предложил мне купить выломанный из машины приемник. А хозяйка ресторана ведет меня на кухню:

— Купи пальто!

Спекулировать в стране, где есть все, может только наш человек.

— За семьдесят долларов отдам!

Я вижу, что пальто стоит как минимум триста долларов. Из дорогой материи. Новое...

— Откуда оно? — спрашиваю я.

Она глазами показывает мне в угол. Там на стуле сидит цыган. Воруют! Самонадеянные американцы думают, что они справились с проблемой воровства. Научно-исследовательские

институты работали у них над решением этой проблемы. И решили. Цену на товаре стали указывать закодированными магнитными полосками.

И если их не размагнитить, они зазвенят в дверях магазина. Размагнитить эти полосы человек не может. Надо знать код. А в кассе шуп компьютера одновременно и засылает в компьютер цену, и размагничивает полосы. Так что у тех, кто заплатил, покупки не звенят в дверях, а звенят только у тех, кто прошел мимо кассы.

Научно-исследовательские институты с решением этой задачи, как им казалось, справились. Как бы не так! Наши просто отрывают ценник с магнитными полосами и выносят те товары, которые им нравятся. И все!

Мы — непобедимый народ! Американцы это начинают понимать. И я думаю, они никогда не будут с нами воевать. Они понимают, что мы им просто что-нибудь оторвем от их ракеты.

Что мы непобедимы, я понял, когда увидел, как наши покупают бананы в супермаркете. Самообслуживание. Бананы кладутся в полиэтиленовый пакет, пакет опускается на весы. Весы говорящие: сообщают, сколько ты должен заплатить. И выдают чек. Вы обклеиваете этим чеком пакет и идете в кассу, где с вас и берут деньги согласно чеку. Так делают американцы. А наши? Наши кладут полиэтиленовый пакет на весы вместе с бананами и... приподнимают связки бананов! Тупые американские весы тут же выдают чек с ценой за вес полиэтиленового пакета. И только такой же слаборазвитый, как и его весы, американец в кассе не может понять, почему за такую кучу бананов — всего несколько центов.

Конечно, среди наших эмигрантов много приличных и интеллигентных людей, уехавших по идейным соображениям, а не для того, чтобы с утра не бояться ОБХСС. Они знают английский. Среди них есть писатели, художники, врачи, бизнесмены, которых уважают коренные американцы. Есть среди них и бедные, живущие впроголодь. Но хромосомный набор нашего человека виден не по ним, а по большинству наших эмигрантов. Конечно, дети этого большинства вырастут другими. Они будут знать английский. Их влекут компьютеры и хорошие фильмы. Они вырастут американцами. Но их родителей уже не переделать. Они наши! Они плачут, когда поют русские песни. Они любят язык своего детства. Они любят наших артистов. В ресторанах они заказывают самые новые советские песни.

«...Без меня тебе, любимый мой, земля мала, как остров...»

Эмигранты любят свою родину издалека. Как сказал мне один из них: «Можно жить в любом государстве, но родина у тебя одна...»

Даже те из эмигрантов, кто интеллигентно ругает Брайтон, кто живет среди американцев и, казалось бы, бесповоротно обамериканился, — иногда, ну хоть разок в год, а заглянет на Брайтон. Это для них уголок родины. Здесь им искренне нагрубят, откажет в месте швейцар перед входом в ресторан, потом обсчитает официант, пошлет полицейский известным нам всем маршрутом. Но и накормят по-русски сразу и осетриной, и пельменями, и картошкой... С черным, вкусным, привезенным кем-нибудь из родственников, настоящим хлебом!

Больше всего эмигранты рады привезенному им с родины черному хлебу...

Да, Брайтон — это частица родины! Здесь до сих пор сидят на кухнях и до сих пор генетическим полупшепотом ведут задушевные разговоры о непорядках в России. Но здесь могут и помочь тебе, и понять тебя, как никогда не помогут и не поймут тебя улыбочивые американцы.

Брайтон — это уголок родины.

Однако всем эмигрантам ужасно хочется побывать на настоящей родине. Хочется показать своим прошлым друзьям, какими они стали. Чтобы все увидели их машины — длинные-предлинные, времен тех фильмов, которые по нескольку раз смотрели в юности. Чтобы все увидели их серьги, золотые-презолотые.

«...Ведь тебе теперь, любимый мой, лететь с одним крылом...»

Эмигрант — это человек с одним крылом. Огромным, размашистым, но одним.

Поэтому они и любят эту песню. Под нее они чувствуют свою роскошную неполноценность, богатое несовершенство, веселье несостоявшегося счастья...

Наши эмигранты в Америке напоминают ребенка, выросшего без отца при богато фарцующей маме!

Вован тоже наш человек...

— К сожалению, Миша, я не могу сегодня прийти к тебе на концерт. Я еще здесь плохо знаю тюремщиков... Не отпустят.

Вован потерял оба крыла, но сохранил главное — чувство настырного советского оптимизма.

— Ничего страшного... Подумаешь, сто лет! Мне обещали, если буду хорошо себя вести, скостить срок лет на пять, а то и на десять!

Я слышу в трубке, что его торопят.

— Мне пора, — говорит он. — Обедать зовут. У меня здесь особая кухня Ко мне здесь относятся с уважением.

Я понимаю, что, как и в детстве, он врет. Это его хромосомный набор. Наверняка он звонит из служебного помещения.

Я напоминаю ему, как он привел ко мне для извинения тех, кто меня избил. Голос Вовки сникает. Он вспомнил Ригу. А может быть, и накопленные на побег отца деньги. И хоть говорят, что в Америке тюрьмы комфортабельнее наших санаториев Четвертого управления... Все же это тюрьма. А доллары не фантики!

Встреча

Бывают книги занимательные, но поверхностные. В прошлом веке такая литература называлась бульварной, то есть литературой, которую можно было легко читать на бульваре.

Если бы я не поехал к своему другу в Техас и не увидел неэмигрантской Америки, моя поездка превратилась бы в поверхностную. И стала похожа просто на бульварную занимательную литературу. Правда, Юрка тоже эмигрант, но он американец. Американец не по паспорту, а по профессии, по знанию языка, по друзьям.

Кто-то из древних сказал: «Национальность человека определяется языком, на котором он думает». Юрка думает уже по-английски. Хотя чувствует все еще по-русски.

Когда он встретил меня в хьюстонском аэропорту после 15 лет разлуки, первое, что сказал: «Ну, теперь я наговорюсь наконец-то по-русски!» И тут же начал несусветно ругаться матом. Причем с ошибками. Чувствовалось, что даже русский мат он стал переводить с английского. Хотя сам пыл и наслаждение от брани остались русскими и даже усилились. Одна из самых сильных ностальгий у наших эмигрантов — это ностальгия по русскому мату.

В Техасе его зовут Джордж, доктор Джордж. В России Юрка был кандидатом медицинских наук. Приехав в Америку, шесть лет снова учился на врача. Закончил резидентуру, получил разрешение на практику в Техасе и во Флориде. Открыл свой офис, купил компьютерную аппаратуру для диагностики, стал членом совета директоров трех госпиталей. В Америке врач — синоним слова «богатый». Но для меня, каким бы он ни был богатым, он всегда оставался Юркой.

Мы учились в одной школе, в Риге. Не проходило ни одного дня, чтобы мы не виделись. Любили Рижское взморье, волейбол и музыку. Юрка играл на рояле. Играл размашисто. Так породистые хозяйки полощут белье. Попросту говоря, он полоскал рояль, выводя на нем сразу все партии джазового оркестра. Я так и звал его в юности — «человек-оркестр».

Совершенно непонятно, почему он поступил в медицинский. Вероятно, подсказала интуиция, которая уже тогда начинала предчувствовать его техасское будущее. Он стал кандидатом медицинских наук, я — инженером Московского авиационного института. Мы по-прежнему продолжали любить Рижское взморье, музыку и волейбол.

Потом Юрка пропал почти на год. Позвонил неожиданно. Голос у него был нервный и прерывистый. Такой бывает только при некачественном кагэбэшном прослушивании на советских телефонах.

— Я тебе долго не звонил, потому что уезжаю. Не хотел подводить тебя. Все-таки ты у нас засекреченный. А мы с Верой подали заявление на отъезд, и вот пришел ответ. Если не хочешь, не приходи на проводы, я не обижусь. Я же все понимаю. У тебя могут быть потом неприятности.

Теперь я вспоминаю, как осуждал его в душе. Еще бы! Я руководил агитбригадой. Ездил

летом на комсомольские ударные стройки. Ставил спектакли о великих этапах большого пути. Меня восхищали нефтяные вышки Самотлора с огненными факелами в ночи. Вдохновляли гроыхающие грузовики «КамАЗ». Впечатляли отравляющие воздух трубы Магнитки и никуда не ведущая Байкало-Амурская магистраль. Впечатления от восхищений я вдохновенно переносил на спектакли, за что вскоре и был удостоен вместе с коллективом агитбригады премии Ленинского комсомола. Премию нам дали сразу после нашего выступления в Кремлевском Дворце съездов, лично перед товарищем Брежневым. Где лично я читал лично ему стихи под фонограмму с отрепетированными заранее аплодисментами. Аплодисменты заряжались и репетировались как раз теми комсомольскими работниками, которые лично потом и дали нам премию. На нашем представлении Политбюро в полном составе заснуло. Однако премию нам дали, так как о ней мы договорились еще до того, как они заснули.

Позже выяснилось, что премия Ленинского комсомола была задатком, чтобы мы поставили в будущем «Малую землю». Но я тянул с этой постановкой, как Ходжа Насреддин, который все-таки дотянул до того, что ишак скончался.

Шутки шутками, но Юрку в то время я осуждал не на шутку. Однако на провода пришел. Оказывается, уехать его уговорила жена. Юрка не был евреем. Он женился на еврейке. В то время многие женились на еврейках, понимая, что еврейка в период застоя — не национальность, а средство передвижения. Тем не менее Юрка женился по любви. Почему он уезжал? Надоело заниматься бесполезной научной работой? Влекло посмотреть мир? Теперь-то я понимаю, что Юрке хотелось, еще будучи молодым, получить возможность развиваться непредсказуемо! Лентяем он не был никогда. Ему, как и мне, всегда было ненавистно, что русских считают лоботрясами!

На проводах мы оба напились. Мы были уверены, что больше никогда не увидимся. Кто же мог предположить, что через 15 лет уехавших признают чуть ли не героями, а оставшихся — чуть ли не предателями. Тем более я не мог предположить, что на чужбину к уехавшим будут посылать артистов, точь-в-точь как в период расцвета застоя агитбригады — на комсомольские ударные стройки.

Свои вечера встречи в Америке я начинал с фразы: «Добрый вечер, уважаемые дамы и господа, бывшие товарищи! До меня у вас выступали Хазанов, Пугачева, Ширвиндт, Державин, Жванецкий. Похоже, что вы специально уехали сюда, чтобы послушать выступления известных советских артистов».

Юрки на моем выступлении не было. Не смог прилететь ни в один город, где были концерты. Он ждал в Техасе. Освободил неделю для путешествия по немногэтажной фермерской американской Америке.

Впереди у нас Нью-Орлеан, Хьюстон, Сан-Антонио, Миссисипи, берег Мексиканского залива. В машине музыка, в багажнике волейбольный мяч. От восторга Юрка взхлеб ругается, заставляя меня исправлять ошибки в его заметно пошатнувшемся мате.

Дорога бежит между озерами, нефтяными вышками, болотами, выбегает на 20-

километровый мост над топью, ныряет опять в лес. Снова извивается между нефтяными вышками. После множества путешествий по нашей перекопанной стране Америка кажется сплошным газоном. Ощущение, что пострижены даже лужайки в лесу. Болота — и те выглядят нарядными, а небо — украшенным помытыми облаками. Нефтяные вышки веселые, цвета детских игрушек. По обочинам не валяются забытые трубы. В лесах нет плакатов: «Лес — наше богатство!» В городах никто не ведет по мостовым горячую воду, чтобы подключить ее потом к коммунизму, «КамАЗы» не возят воздух с двумя рейками и тремя кирпичами. Вокруг заводов нет свалок, огороженных досками почета. Машину не подбрасывает на ямах, не вздрагивают с испугу амортизаторы. Всюду так не по-человечески опрятно, словно профсоюзы провели субботник по уборке территории к приезду президента. Я не был в Англии, Голландии, Бельгии, но Америка мне запомнилась навсегда как один бесконечный газон!

Юрка спрашивает меня о России. Ему невыносимо хочется услышать о каких-либо хороших переменах в Союзе. Что мне ответить ему?

Что мне тоже хотелось бы о них услышать? Заикаясь, как наш депутат, которого впервые заставили говорить без бумажки, я отвечаю ему, что в Москве бывает хорошая погода. Но тоже все реже... Своими вопросами Юрка ставит меня в тупик. Я сам для себя пытаюсь найти, что же за последнее время у нас изменилось в лучшую сторону.

— Весь народ узнал, что Сталин — сволочь, — говорю я, радуясь своей находчивости.

— И все? — обиженно спрашивает Юрка.

— Нет. Еще мы все теперь знаем, что Брежнев тоже был дурак.

— А еще?

— А еще у нас напечатали и признали Булгакова, Набокова, Солженицына, Войновича, Цветаеву.

Я долго перечисляю ему, кого у нас признали, говорю, что выпустили сборники Высоцкого, что Галича приняли в Союз писателей те, кто его исключал, и чуть не вернули ему московскую квартиру посмертно. А Валентин Зорин теперь по телевизору хвалит все то, что раньше ругал, и ругает все то, что раньше хвалил.

— Короче, приезжай и на собственной шкуре испытаешь все наши хорошие перемены. Потому что рассказать о том, что у нас происходит, нелегко даже сатирику.

Действительно, как я ему расскажу о том, что в Москве продукты продаются по паспорту? Никогда в жизни я сам не мог предположить, что когда-нибудь буду есть кефир по месту прописки! Или как я ему объясню, что за три года мы обогнали все страны мира по рэкету, проституции и демократии одновременно? Что наш народ успешно борется с коммунистической партией под ее руководством? Что в результате спущенной на нас сверху гласности у нас обострилась дружба народов? Как мне подобрать слова, пересказывая

выступления некоторых наших депутатов, чтобы он не подумал, что я шучу и пересказываю ему свою очередную миниатюру... Стыдно говорить, что наш парламент за год научился переставлять новые запятые в старых законах, голосовать на компьютере фирмы «Филипс», сводить друг с другом счета, увеличивать налоги, уговаривать народ еще немного потерпеть и переносить время в городах на час туда, затем на час обратно... Невозможно описать ту безысходность, которая поголовно овладела людьми, лишила их надежды на будущее и сделала озлобленными от настоящего настолько, что в глубинных городах пиво стали отпускать только в полиэтиленовые пакеты. А иначе слишком много травм. Мужики бутылками пробивают друг другу головы. Ни один иностранец в мире не поймет, как можно наливать пиво в авоськи!

Экономика страны познается по ее дорогам, аккуратность женщины — по ее ванной комнате, мужское достоинство — по рукопожатию, а забота о людях — по районным поликлиникам.

Я даже боюсь заикнуться ему, директору госпиталя, о том, что у нас вся страна, доведенная до отчаяния отсутствием лекарств и недоброжелательностью районных врачей, лечится по телевизору.

Конечно, мне не трудно сказать ему, что у нас вечером по телевизору — Кашпировский, а с утра Чумак тазики заряжает. Но вряд ли он поймет, что означает выражение «заряжать тазики». Наверняка спросит: «Зачем надо это делать?» Я ему отвечу: «Чтобы рассосались спайки!» Тут же последует вопрос: «Где?» И я просто вынужден буду сказать правду: «В мозгах». А иначе чем объяснить, что некоторые люди во время парапсихологических телевизионных сеансов большим местом прислоняются к экранам телевизоров? Чем объяснить, что население Москвы однажды съело весь тираж газеты «Вечерняя Москва», заряженный ведущим парапсихологом? Люди ели газеты! Потом в редакцию писали письма, в которых спрашивали, чем в следующий раз запивать. Или просили впредь указывать, какую точно статью зарядил профессор — «передовицу» или «прогноз погоды». А то тяжело жевать всухомятку всю газету, хотя она и свежая.

В какой еще стране могут слушать по радио заряженную здоровьем минуту молчания? При этом некоторые записали ее на магнитофон. Чтобы потом сделать погромче.

Американцы не в состоянии понять всех этих отрывков советской демократии.

А Юрка стал американцем! В день встречи он дал мне таблетку от радикулита. А я два года лечил его у наших экстрасенсов. Я не хочу говорить обо всех, среди них есть много приличных людей. Но с тех пор как я стал хорошо зарабатывать, почему-то большинство из них стало убеждать меня, что я безнадежно болен. Бляшки в сосудах, позвоночник в солях, песок в мозгах, глухонемая язва слепого желудочка. Словом, все то, что невозможно проверить методами нашей медицины.

Один совершенно законченный парапсихолог открыл мне дверь своей квартиры и сказал: «Подождите пять минут, я в той комнате сейчас усилием воли повышаю урожайность хлебов в России».

— А как их хранить? — спросил я тут же по-русски хозяйственно.

— Это наша следующая задача. Я один с ней не справлюсь. Придется подключать энергию жены.

«Посмотрев» меня руками, он сказал:

— Очень тяжелый случай! Когда вы выступаете, многие зрители вас не любят. Они вас и сглазили. У вас теперь сзади вырос энергетический хвост. Это очень плохо. Энергия из космоса через хвост утекает в преисподнюю.

— Что делать? — задал я извечный вопрос, мучивший русского человека.

— Надо его обрубить. Могу за это взяться. Но хвост очень серьезный. Справиться с ним будет нелегко. Стоить это будет сто рублей.

Я согласился. Он положил меня на диван, долго колдовал над моим копчиком, бормоча стихи, по-моему, Крученых или раннего Маяковского. Потом отошел в дальний угол комнаты. Я спросил: «Что, действительно хвост такой длинный?»

— Да, очень. Боюсь даже, за один сеанс мне его не обрубить. Придется еще прийти два раза по сто рублей.

— А куда вы складываете обрубленные хвосты? — спросил я. Я с максимальной точностью пересказываю этот разговор двух сумасшедших Юрке.

— Ты шутишь? — спрашивает он.

— Если бы. Приезжай. Я тебя к нему отведу. Он тебе тоже чего-нибудь отрубит. Я оплачу. Потом из хвостов сделаем шубы женам.

Юрка просит меня объяснить подробнее, кто такие экстрасенсы. Он что-то слышал, но точно не знает. Да и зачем ему знать это, если у него есть таблетки от радикулита.

Двум нашим известным людям необычайно повезло: они заболели за границей. Евгению Леонову — это стало теперь известным, поэтому я имею право об этом упомянуть. И нашей известной эстрадной певице. Без ее разрешения я не могу назвать имя. У Евгения Леонова случилось на сцене то же самое, что и у Андрея Миронова, но в ФРГ. Нашей звезде сделали операцию в Лос-Анджелесе. Я к ней заходил в госпиталь. Она еще не вставала, но была в хорошем настроении. Я спросил, есть ли у нее боли? Она показала мне рядом с кроватью кнопку обезболивания. Ей не надо было даже в случае приступа вызывать нянечку, похожую обликом на полотер.

Конечно, наша медицина бесплатная, да и как можно платить за то, за что расплачиваешься своим здоровьем.

Юрка проверил меня на своей аппаратуре. Как он выразился, «прокрутил на тестах». На

общую сумму три тысячи долларов. Такой счет он бы выставил любому американцу. Но любой американец каждый месяц платит медицинскую страховку. И когда он болеет, за него выплачивается благодаря этому 80, 90, а то и 100 процентов. Мы тоже платим подоходный налог. Только мы не знаем, куда он идет. Потому, что он идет в закрома родины. У американцев нет закромов родины! Я ни разу не видел в американской печати, чтобы какой-то фермер «намолотил в закрома родины славной поступью в авангарде пятилетки, держась за экономические рычаги». Поэтому американцы в большинстве своем и не знают, кто такие экстрасенсы. Только в эмигрантских газетах, например в «Русском слове», можно увидеть объявление: «Доктор Гинзбург лечит руками все, что хотите, за умеренную плату».

Впрочем, американцы не знают не только этого. Они многого еще чего не знают. Например, что бутылки можно открывать зубами. Не знают устройства своих сливных бачков: где надо пошарить рукой, чтобы потекло и не опозориться в гостях. Они не умеют разливать виски в парадном по булькам за спиной с закрытыми глазами. Они не понимают, как это в электрический счетчик можно поставить «жучок» так, чтобы государство еще приплачивало деньги. Они даже не подозревают, что можно стирать полиэтиленовые пакеты и, вывернув их наизнанку, сушить на бельевой веревочке. Они не догадываются, что свежие газеты можно класть в шкаф от моли. А орехи лучше всего колоть дверью. Они не знают, что такое счеты! Я им привез в подарок, они думали, что это массажер для спины.

— Я хочу в Россию, — говорит Юрка. — Все эти годы я не думал об этом. А сейчас... ты меня растеребил, я соскучился. Помнишь, как мы с тобой в Риге разливали в парадном по булькам с плавленым сырком? Кажется, этот сырок стоил 14 копеек!

— Твой дом в Риге снесли.

— И что там теперь?

— Какой-то институт.

Мы выкатываемся на берег Миссисипи. За окнами все тот же бесконечный американский газон. По реке идет старинный, декоративный пароход с декоративной трубой и декоративным дымом. На том берегу где-то «Хижина дяди Тома», Гекльберри Финн в сахарном тростнике...

— Расскажи мне еще что-нибудь о России, — просит Юрка...

Путевые заметки на чем попало

Еще в юности я заметил, что больше всего разнообразных мыслей приходит в дороге. Думать долго бывает лень. Может, поэтому большинство людей старается в путешествии разговаривать. В Америке я довольно много летал на самолетах. И все молча, поскольку вокруг были сплошь американцы. Какие только мысли не приходили мне в голову! Некоторые даже казались интересными. В такие минуты по закону подлости под рукой ничего не оказывалось, и я записывал их на чем попало: листочках, салфетках, полях рекламного журнала авиакомпаний, — после чего с чистой совестью украл от

стюардессы уносил его с собой под полой пиджака.

- - *

У американского и советского языков есть нечто общее. Советский — испорченный русский, американский — исковерканный английский. Советский язык — это русский язык, сознательно растянутый на бюрократической дыбе ради инструкций, которые не надо выполнять, докладов, которые не надо понимать, рапортов, за которые не надо отвечать. Язык, затуманенный солидными иностранными существительными, безграмотными прилагательными и деепричастными оборотами с продолжениями на следующей странице. Это язык государственных лоботрясов. Он помогает им самим верить в то, что они приносят пользу обществу.

Американский язык, наоборот, — язык деловых людей. Сжатый английский. Порой пропускаются звуки в словах, не договариваются сами слова... На американском языке можно кратчайшим путем договориться о сделке. Он постепенно избавляется от литературных, ненужных бизнесу красотостей. Американский вариант английского языка оказался настолько выгодным, что наиболее яркие «американизмы» стали быстро проникать в английский. Акселерат-ребенок стал влиять на инфантильного родителя.

И советский, и американский языки выгодны своим создателям. Но ни на том, ни на другом невозможно написать хорошие стихи. Чтобы выразить чувственные оттенки, поэт невольно вернется к русскому или английскому.

- - *

В американских домах никогда не отключается горячая вода. И я понял почему. Нет домоуправлений. Некому отключать. Вода течет себе и течет. И никто ею не руководит.

- - *

Русских туристов в Америке очень точно называют «пылесосами». Они высасывают из страны все дешевое пыльное старье.

- - *

Американский рабочий за год обеспечивает себя года на три вперед. Наш — год вкалывает и потом 25 рублей занимает на обратную дорогу из отпуска.

- - *

Во всем мире американцы ведут себя так же важно, как москвичи в нашей стране.

- - *

Ностальгия по родине у всех эмигрантов пропадает после первого ее посещения. Они возвращаются домой от нас такими измученными, что впредь готовы за свой счет приглашать в Америку всех, по кому соскучились, лишь бы никогда не иметь больше дела с нашей «катастройкой».

- - *

По американскому телевидению часто передают полезные советы. Среди них чаще других повторяется один: если на вас напали бандиты, отдайте им все, что они попросят. Не сопротивляйтесь! Лишитесь кошелька, зато сохраните жизнь.

Однажды в «Новостях» передали коротенькое сообщение о смелости и ловкости нашего советского туриста. У него наркоман-негр пытался отнять кошелек. Невзрачный на вид турист из Челябинска проявил необычайную силу и не только не отдал кошелек, но еще и поколотил негра, фигурой похожего на гигантскую перевернутую кеглю. Опешивший от неожиданного сопротивления негр даже побежал от русского туриста. Но тот его догнал и ударил по голове урной, после чего отнял кошелек и еще раз ударил урной. Бедный негр долго стоял в оцепенении, поскольку давно привык к тому, что американцы никогда не оказывают сопротивления. Тем более урной. Таких советов по американскому телевидению никто не давал. Но он же не знал, что это русский турист, которому поменяли всего тридцать инвалютных рублей и который все свои дни в Америке только и делал, что высчитывал, как на эти деньги одеть семью, себя и еще привезти подарки тем, кто его оформил в туристическую поездку.

Для советского туриста за границей жизнь без кошелька не имеет смысла. А лицо жены дома, в Челябинске, узнавшей о пропаже кошелька, страшнее лица любого кеглеобразного негра в американской подворотне.

- - *

Бывший русский дворянин, который уехал из России сразу после революции, много рассказывал своему сыну, родившемуся уже в Америке, что самая удивительная охота на медведей — под Брянском. Сын пошел в отца — стал заядлым охотником. Не раз просил отца подробнее рассказать, чем же так удивительна охота на медведей под Брянском, что он так часто о ней вспоминает.

— Когда-нибудь времена изменятся, — отнекивался отец. — Сам поедешь поохотишься и поймешь.

Наступила перестройка. Времена изменились. Отца уже не было в живых. Богатый сын

решил осуществить свою мечту — узнать, чем же удивительна охота на медведей под Брянском. Связался с Брянском. Предложил заплатить валютой, за идею тут же ухватился ловкий кооператив. Конечно, было одно «но*! Под Брянском последнего медведя видели во время Гражданской войны. Однако терять валюту было жалко. Везти медведя из дальневосточной тайги — дорого и долго. Американец уже выехал в Союз. Обратились в цирк соседнего города. Действительно, в цирке был один старый медведь, которого давно не занимали в программах. Сначала руководство цирка не хотело его отдавать. Все-таки родное для них животное. Но кооперативщики сказали, что просят его для фотоателье, обещали хорошо ухаживать, предложили небывалые деньги. И руководство выдало им медведя.

Везти старика медведя в брянские леса решили на товарном поезде. От радости и в предвкушении валюты кооператоры в поезде напились. Операция была назначена на завтра. Миллионер утром должен был отправиться на охоту в родительские леса. Видать, умное животное благодаря многолетнему опыту работы с людьми почувствовало что-то неладное и недоброе. И как только подвыпившие «конвойные» заснули, сбежало из поезда через плохо закрытую дверь клетки.

Утром медведь вышел на проселочную дорогу. В это время по ней на велосипеде мирно ехал местный почтальон. Когда почтальон впервые в жизни увидел в родном лесу медведя, он сиганул с велосипеда и убежал в лес. Велосипед остался на дороге. Но! Медведь-то был цирковым! Он давно не работал на арене. Соскучился. Поэтому, недолго думая, сел на велосипед и, радостный, покатил навстречу восходу. Как раз в это время из леса на проселочную дорогу с ружьем вышел американский миллионер. Увидев медведя на велосипеде, охотник остолбенел, но так как медведь двигался на него, с испугу вскинул ружье. Медведь понял это как знак к цирковому трюку и встал на руле на передние лапы.

В этот-то момент заядлый охотник и впрямь понял, что отец был прав — действительно, самая удивительная охота на медведей в России под Брянском!

— Бери, дура, завтра не будет!

Сколько же раз он слышал это выражение, если не понимая ни слова, запомнил его и уверен, что у русских так принято уговаривать. Спутница с ужасом смотрит на продавца. И тогда он с той же простодушной улыбкой обращается ко мне:

— Бери, дура, завтра не будет!

•

○ *

Американцы средней зажиточности для нас все миллионеры. Слово «миллионер» в настоящее время не имеет того смысла, который советские люди вкладывали в него поколениями. Хороший дом, сад, пара машин, бассейн, квартира в городе — вот уже и миллионер. Американское богатство — это оборот денег в год, это собственность, это кредитные карточки, а не сумма в банке.

И вот что еще бросается в глаза. Богатые, как правило, худые, бедные — толстые. Об облике богатого американца мы ведь с детства привыкли судить по журналу «Крокодил»: этакий маленький человечек с животом-рюкзаком, все лицо непременно в бородавках. В течение всех этапов большого пути мы искренне радовались подобным карикатурам: мол, мы лучше, мы без бородавок! Оказалось, все наоборот. Бедные люди в Америке толстеют от дешевой еды. Поначалу она кажется вкуснее дорогой. Потому что в ней есть вкусовые синтетические добавки. От этой еды трудно оторваться. В результате в Америке появились настолько толстые люди, что американцы стали ими даже гордиться. У нас таких людей единицы. Мы все примерно 52-го размера; как в автобусе ни поворачиваешься, а все равно выходит боком.

Богатые же американцы большей частью выглядят спортивно. Они не едят синтетику, не заходят в закусочные типа «Макдоналдс», играют в теннис, тренируются в «клубах здоровья» с массой спортивных приспособлений, банями и бассейнами. Они следят за своим здоровьем по одной-единственной причине. Когда живешь так, как они, хочется жить как можно дольше!

- - *

Американские мужья любят своих жен. Называют жену «медовая». У них нет такого разнообразия ласковых обращений к любимой женщине, как у нас: «зайчик», «рыбка», «кошечка», «собачка», «мышка», «крыска», «бегемотик». Даже в этом у американцев сказывается обедненность обывательской фантазии, не затронутой изящной литературой, свойственной комплексующей бедности.

- - *

Американцы искренне любят свои праздники. Любят свою страну. Что-то показалось мне в этой любви даже примитивным. В этом отношении у нас опять-таки веселее. Наш сходит на демонстрацию за отгул, пронесет флаг через всю Красную площадь, наорется «ура!», а вечером на кухне напьется за то, чтобы все это сторело синим пламенем.

У американцев жизнь протекает бесконфликтно, как в советской драматургии, где хорошее борется с еще более хорошим; они сами с «чувством глубокого удовлетворения» вывешивают перед своими домами флаги. Сами, а не из-под палки, ходят на демонстрации. И сами на кухне втихаря от жены вечером с друзьями выпивают за родину. Невозможно себе представить нашего мужика, который вдруг, заведя своего кореша на кухню, скажет:

— Давай, пока жены нет, за родину, а?

- - *

Западные правила хорошего тона — основа нашего позора за границей. Никогда не позорился я так, как там...

Закусочная в аэропорту. С Василием Семеновичем Лановым мы, собираясь перекусить, взяли блюда со стендов.

— Смотрите, Василий Семенович, блюдо даже целлофаном задернуто. Это, наверное, чтобы мухи не засиживали.

— Наверно! — гордо говорит Лановой и первым идет к кассе.

Потрясенная кассирша собирает всех служащих посмотреть на двух «мамонтов».

— Это чтобы смотреть! — объясняет она нам жестами. — Смотреть! Смотреть!

Она широко раскрывает глаза, показывая нам, что надо делать с тем, что мы взяли. Да, долго на стенде стоял муляж омлета. Пока русские с голодухи не решили его попробовать.

•

○ *

В морском ресторане я решил отведать омаров А то все читаем про них. Дай, думаю, попробую, пока перестройка не закончилась. Сел за стол, настроился. Сейчас подойдет официант, закажу ему омаров с таким видом, будто это моя любимая еда. Подходит официант.

— Омаров! — говорю я развязно.

— Хорошо, а еще что? — спрашивает официант. К этому вопросу я готов не был.

— И компот! — говорю я первое, что приходит на ум. По выражению его лица я понимаю, что я первый посетитель в его жизни, который заказал компот после омаров.

— И компот? — сильно удивлен официант.

— Да, и компот! — еще развязнее говорю я, как будто это просто у меня такое хобби — каждый день после омаров пить компот.

Я проклял тот момент, когда решил заказать омаров, после того как официант принес мне этого омара со щипцами. Оказывается, ломать омара надо специальными щипцами. Я забрызгал полресторана. От меня отсаживались люди. И тут он мне приносит нечто вроде пиалы. Там какой-то похожий на персик фрукт, маслина и лимонная долька. «Что-то жиденский компотик, — подумал я. — Как русским, так разведенный!» Однако не стал поднимать скандала и выпил все до дна.

Умирая, наверное, я буду вспоминать глаза тех, кто был в этот момент в ресторане. Я выпил жидкость для мытья рук после омаров. Да и как мне могло прийти в голову, что это жидкость для мытья рук после омаров, если в ней плавал фрукт, похожий на персик?!

•

Я долго думал: что в Америке хуже, чем у нас? Сразу оговорюсь: не так же плохо, а именно хуже. И нашел! У американцев хуже чувство юмора. Их юмор одноклеточный. Посмотрите американские комедии. Человек упал в лужу, брызги полетели в старушку. У той упало пенсне и наделось на нос ее собачке... Над подобным эпизодом будет ухохатываться вся американская семья вместе с собачкой.

Их юмор, за небольшим исключением, лишен второго плана, иронии... Страна развивалась в условиях бесцензурной демократии, и это испортило литературный вкус большинства американцев. Им чужд эзоповский язык, а также изысканные «фиги в кармане». Их радует нормальная здоровая фига...

Английский и французский юмор «недотягивают» до американского понимания шуток. Немецкий перетягивает. Когда же они слышат советский юмор, они вообще не понимают, что это юмор...

Однажды во время гастролей в России в одном северном городе мне дали в гостинице номер, в котором дверь в ванную запиралась только снаружи. Когда я рассказываю об этом со сцены у нас, зрители смеются. Американцы даже не улыбаются. Некоторые ахают и сочувственно качают головами. Для них это не шутка — шпингалет с другой стороны, — а горе, беда! Профессор русского языка из Сан-Франциско, после того как я рассказал ему об этом шпингалете, долго смотрел на меня, потом очень серьезно спросил:

— А почему шпингалет с другой стороны? Я не понимаю. Если это анекдот, то объясни, в чем смысл!

Что я должен был ему объяснить? Мне надо было начинать объяснения с 1917 года, почему у нас шпингалет с другой стороны.

Также невозможно объяснить американцам, в чем юмор, если пробка в ванной в два раза меньше, чем отверстие. Или если ситечко в ванной слетает с душа, который ты принимаешь, и бьет по голове. Для них это все не шутки, а неприятности.

Поэтому шутить с американцами оказалось нелегким делом.

С первых же дней их улыбочивость настроила меня на веселый лад. И мне показалось, что они ценят мое искрометное остроумие.

— Вы такие примитивные патриоты, — заявил я как-то в компании врачей, Юркиных друзей, — что вам пора выпустить глобус США.

Несмотря на то что все были людьми интеллигентными, за столом повисла неловкая пауза. Только один молодой врач-бизнесмен испытующе посмотрел на меня, словно его мозговой компьютер что-то в это время вычислял, и секунд через пять очень серьезно предложил:

— Давай в этом бизнесе с тобой пойдем напололам.

Компания с воодушевлением стала обсуждать, сколько на этом деле можно заработать и как лучше выпускать — маленький глобус США, сувенирный на брелоках или большой, настоящий — для развития патриотизма у детей в колледжах.

К такому прямому восприятию шуток в Америке приходится привыкать. Если у нас в каких-то случаях можно интеллигентно отшутиться, у них, того и гляди, попадешь в неловкое положение.

Кафе на берегу Миссисипи. Официантка-креолка никак не может понять, на каком языке мы разговариваем с Юркой. Она и прислушивается, и старается подольше ставить тарелки, наконец не выдерживает:

— Вы откуда, мальчики?

За время путешествия по неэмигрантской Америке мне надоело объяснять, что я русский. Все тут же бросаются с объятиями и начинают задавать вопросы: ну как там у вас теперь, в России? Как Горбачев?

О нас, русских, американский обыватель почти ничего не знает. Он только убежден, что у нас медведи по улицам ходят и руководит ими Горбачев. Президента нашего любят необычайно. В этом их можно понять. Все страны с приходом к власти Горбачева стали жить лучше. Я не имею в виду нашу страну. Поэтому обнимают и целуют, узнав, что ты русский, не тебя, а Горбачева в твоём лице. Мне надоело целоваться на дармовщинку под нашего президента, и мы условились с Юркой впредь говорить всем, что мы из Китая.

Так что на вопрос официантки, откуда мы, я тут же решил отшутиться:

— Мы из Китая.

Любой наш улыбнулся бы шутке и понял, что с ним не хотят продолжать разговора. Но американцы — не наши! Им если сказали — из Китая, значит, из Китая.

— Как, прямо из Китая? — ахает креолка.

— Да, прямо из Китая.

— И кто же вы по национальности?

— Мы китайцы!

— Чистые?!

— Нет, грязные.

— Это как?

— Помесь с латышами!

Я понимаю, что рискую навлечь на себя гнев прибалтийских народов, но должен честно заметить, что, оказывается, далеко не все на Западе знают, кто такие латыши, литовцы, эстонцы. И если они отделятся, то им еще долго придется объяснять всему миру, кто они такие. Если, конечно, Горбачев не замолвит за них словечко...

Американцы, похоже, в массе своей плохо учились в колледжах. Они много еще чего не знают. Например, никто из американцев не знает, что делал Ленин в Шушенском.

— А латыши, это кто? — не унимается официантка.

— Это племя такое, в Гималаях живет.

— Как интересно! Сколько же в мире интересного! А мы тут с мужем прозябаем на Миссисипи. Но вы что-то оба не очень похожи на китайцев.

— А у нас перестройка, мы меняемся. Очень глубокий процесс охватил все наше общество.

Креолка ушла от нас с озадаченно-советским лицом. Пошла думать, как это мы, китайцы, из-за перестройки меняемся в Гималаях благодаря латышам.

Последнюю свою попытку пошутить я предпринял в магазине новинок. После того как увидел там очки с «дворниками», устройство для разбивания сырого яйца, кресло с массажем спины, электрическую зубную щетку, машинку для выбривания волос из уха, которая, кстати, и по размеру, и по конструкции резко отличается от устройства для выбривания волос из носа. Причем рекламу ко всем этим новшествам, по-моему, придумывал Радзиевский: когда ее читаешь, и впрямь удивляешься, что жил без всего этого раньше.

Конечно, я внутренне развеселился, представив себе, какое бы устройство для выбривания волос из уха выпустили у нас. Во-первых, оно не влезло бы в ухо. Во-вторых, выбривало бы исключительно с мозгом. Да еще и батарейки к нему, как в анекдоте, пришлось бы носить в четырех чемоданах...

— У вас есть грелка для пупка? — серьезно обращаюсь я к продавщице.

Она также серьезно смотрит на меня, очевидно, вспоминая, есть ли у нее грелка для пупка или нет. И ее тоже можно понять. Если у нее есть машинка для выбривания волос из уха, почему бы не быть и грелке для пупка? Человеку же нужна грелка для пупка. А там все во имя человека! Она по глазам моим видит, что я жить не могу без грелки для пупка. Значит, должна помочь.

— Вы знаете, у нас нет, — извиняется она, — но вы можете посмотреть еще в одном магазине. Вот адрес.

— Я там был, тоже нет...

— Тогда, если хотите, можете оставить нам заказ.

Такого поворота, признаюсь, я не ожидал. Но быстро сориентировался и написал заявление: «Прошу срочно изготовить грелку для пупка с дистанционным управлением».

— Припишите внизу свой адрес, — попросила продавщица, прочитав заявление.

Я приписал адрес Радзиевского. Что-то он в последнее время мне не звонит. Видимо, ему прислали грелку для пупка. Откуда он ею дистанционно управляет, я не знаю. Зато знаю главное: в чем мы навсегда обогнали Америку, так это в нашем непобедимом чувстве юмора!

Лица городов

Мы часто говорим «лицо города». Для меня лицо города — это то, что вспоминается в первую очередь.

НЬЮ-ЙОРК запомнился мне как чудовище, распластавшееся на берегу Гудзона. Небоскребы — его мозг. Авеню, стриты, спидвей, мосты, автострады — щупальца. Магазины, бары, парки, рестораны и музыка — его дыхание. Описывать Нью-Йорк бесполезно. Он слишком велик как в ширину, так и в высоту. В нем, как в макром мире, есть все. Дефицит, как говорят сами американцы, только в друзьях и в «паркинге».

ЧИКАГО, по сравнению с Нью-Йорком, сдержан. У Чикаго северный темперамент. Это город-интеллигент. В нем больше акварельных полутонов. Особенно акварельно озеро Мичиган. Единственное, что осталось в Америке от легендарных индейцев, — это сувенирные лавки и Великие озера.

Но вот слились в ночи полутона, улицы развеселились огнями. На всех деревьях загорелись лампочки, которые на Рождество протянули вдоль каждой веточки каждого дерева, отчего все деревья стали похожи на богатые театральные люстры, только перевернутые. В витринах магазинов куклы разыгрывают сцены из сказок. Родители с детьми приезжают в центр со всей округи посмотреть на эти ожившие окна. Чикаго светится, как лицо счастливого человека. Скоро Рождество!

БОСТОН не просто город-интеллигент, а интеллигент, который всем своим видом постоянно старается вам доказать, что он интеллигент. Ему бы очень подошли очки. Но обязательно в дорогой профессорской оправе. Город серьезен. Гарвардский университет наполняет его дома передовыми мыслями, а дешевые кафе — раскомплексованными студентами.

Город уже в возрасте. Конечно, возраст города в Америке — понятие относительное. Тем не менее здесь уже есть свои «антикварные» дома. Поэтому в архитектуре Бостона много вкуса, присущего старине.

По городу меня возил человек, который, как и большинство наших эмигрантов, начал с хвастовства:

— Вы посмотрите, какая у меня машина!

Машина у него была предлиннющая. Креветочного цвета. Впереди на никелевой дощечке гордым почерком была выгравирована фамилия владельца.

— Ну, мог бы я такую иметь в Союзе? Ви меня понимаете?

Мой проводник мешал мне наслаждаться архитектурой Бостона, заставляя хвалить то телевизор в машине, то бар, то ручной пылесос для автосалона...

— У нас в Америке удивительные машины. Они ползают, как змеи. А послушайте, как работает мотор? Это же зверь, а не мотор!

Когда он мне сказал, что его машина — зверь и что как только мы выедем за город, он мне покажет, какой она зверь, машина заглохла.

Я старался не улыбаться, глядя, как он по-женски тупо заглянул под крышку капота, откуда взвился смерч из пара, дыма и антикварной пыли.

— Ну что ж, всякое бывает, — сказал он мне, нимало не смущаясь. — Зато у нас в Америке такие неполадки можно моментально исправить. Стоит позвонить, и через десять минут приедут. Это вам не в Союзе. Ви меня понимаете?

Часа два мы ждали, пока приедут из сервиса. Я начал нервничать. Мне хотелось посмотреть Бостон. Все это время мой спутник не переставал успокаивать меня тем, что такое у него впервые, что в Америке вообще-то так не «бывает», что это просто какой-то закон подлости. Но что когда я увижу хозяина сервиса — Мойшу Израильянина, я сразу пойму, насколько здесь у них, в Америке, не так, как у нас там, в Союзе.

Когда я увидел Мойшу Израильянина, я понял, что Бостон я не увижу никогда. Мой спутник явно жалел, что я понимаю их разговор.

Первое, что сказал Мойша, заглянув под капот:

— О-о-о-о-о! Это же надо делать капитальный ремонт. Даже не знаю, хватит ли денег у вас расплатиться... А это что еще такое? — Он порылся рукой в двигателе, вытащил какую-то деталь и выбросил ее на тротуар. — Да-а, плохо дело... Таких деталей у нас давно нет. Надо выписывать на заводе. Месяца два пройдет. Или четыре. Ви меня слышите?

— Он что, тоже наш эмигрант? — спросил я у своего вконец поникшего проводника.

— Нет. Он из этого вонючего социалистического Израиля. Этот социализм всех портит. Хорошо, что Цилия заставила меня уехать в Америку. Здесь — все по-другому! Ви меня понимаете?

И я все понял! Я понял, что Бостон навсегда запомнился мне не архитектурой, а днем, который я провел почти на родине.

ФИЛАДЕЛЬФИЮ я видел еще меньше, чем Бостон. Привезли меня на выступление вечером, увезли ночью. Поэтому описывать Филадельфию не могу. Не достиг мастерства советских классиков писать о том, чего не знаю.

Тем не менее город остался в памяти ярким воспоминанием, потому что в Филадельфии я выступал в синагоге. Наверно, я первый русский писатель-сатирик, который выступал в синагоге. Сразу посыпались вопросы:

— Как там в Союзе евреи в связи с перестройкой?

— Расскажите о «Памяти».

— Говорят, что в Москве ожидаются еврейские погромы?

— Задорнов — это псевдоним? Или ваш отец известный русский писатель Николай Задорнов?

— А разве ваша мать не еврейка?

— Что вы лично думаете об антисемитизме?

Лучше всех на подобные вопросы однажды ответила Маргарет Тэтчер: «У нас нет антисемитизма, потому что англичане не считают себя хуже евреев».

Здорово сказано! Действительно, большинство людей в России не понимает, что обвинять в своих бедах другую нацию — это бессознательно признавать свое бессилие. Другими словами, это не что иное, как предательство своей нации. Мол, мы не лентяи. Нам просто не создали должных условий.

В Риге в соседнем доме жил мальчик Лева. Жил в коммунальной квартире в большой еврейской семье с тетями и дядями, бабушками и дедушками. Как это ни банально, отец Левы заставлял его играть на скрипке. Русские ребята из наших домов в это время гоняли во дворе кошек, кидали в Леву камнями, обзывали «жиденком». Теперь Лева играет в Австралии в симфоническом оркестре. Наши русские ребята отсидели уже по два-три срока. Возвращаются они из тюрьмы в те же коммунальные квартиры. Во дворах их дети гоняют потомков тех кошек, которых гоняли их родители.

В этом году у меня были две встречи. В Риге я встретил Саню-боксера. Бывшего предводителя нашего дворового детства. Он растолстел настолько, что когда садится в свои поношенные «Жигули», задний мост цепляет за мостовую.

— Вы там треплетесь по телевизору, а не понимаете, — сказал он мне, — что евреи во всем виноваты!

Вторая встреча была у меня совсем неожиданной. В Филадельфии на мой концерт пришел Лева. Он гостил у родственников. Лева до слез обрадовался тому, что я действительно, как он и предполагал, его сосед по детству:

— А как наши ребята? Видел кого-нибудь? Как Боксер? Его взяли потом в сборную?

«Наши ребята»... У Левы не осталось ни к кому злобы. Он благодарен нам. Мы его воспитали. Он выжил во дворе. После чего ему уже значительно легче было выжить в Австралии.

Вечером он играл нам на скрипке русские романсы. Многие евреи, уехав из России, полюбили русских и русское. Провожая меня из Филадельфии, под пьяную скрипку по-русски пьяные евреи пели: «Мы желаем счастья вам...» Сентиментально! Но трогательно. Они пели в моем лице всем нам, русским, за то, что мы гоняли кошек, кидались камнями... За то, что мы воспитали их, что выжили их из своей нищеты, в которой сами продолжаем «гонять кошек».

Через полгода после Америки, выступая в Израиле, я говорил зрителям:

— Вы обвиняете русских в антисемитизме? Это неправильно. Вы должны нам быть благодарны. Из-за нас вы приехали сюда, обретя родину. Брежневу и Сулову вы должны поставить памятник в Тель-Авиве. Благодаря им расцветает теперь бывшая пустыня!

Да, наш русский антисемитизм прежде всего глуп. Сколько умов и талантов покинуло Россию из-за него! А сколько евреев в школах обучают детей русскому языку, искренне любя Пушкина, Тургенева и Толстого! Наши же русские руководители в это время «мусорят» язык «альтернативными консенсусами» и «региональными конверсиями».

Как-то со сцены я поделился своими мыслями о том, что русские и евреи могли бы стать непобедимой силой, если бы научились видеть хорошие качества друг друга. Незамедлительно из зала пришла записка: «Как вам не стыдно со сцены произносить слово «евреи»?!»

Я расхохотался. Вспомнил, как в Израиле, где я был в группе журналистов, актеров и политиков, одному нашему бывшему очень крупному в прошлом руководителю прислали из зала не менее забавную записку: «Как посмели вы, один из главных антисемитов страны, приехать в Израиль?» Он искренне хотел ответить, что это не так, что он всегда любил евреев, но, как вдруг оказалось, не смог со сцены произнести слово «еврей». Споткнулся о слово, которое в его хромосомном наборе значилось как неприличное. Он попытался произнести фразу по-другому:

— Я всю жизнь любил... — выручил все тот же хромосомный набор, — лиц еврейской национальности!

В зале началась повальная истерика среди «лиц еврейской национальности».

Бунин, Толстой, Чехов, Тургенев и вообще русские интеллигенты никогда не были антисемитами. Они не считали себя хуже евреев! Я думаю, что любая национальная неприязнь — будь то у русских, прибалтов, кавказцев, евреев — свойственна людям, у которых еще не закончился путь эволюционного развития. Это нечто среднее между «хомо

сапиенс» и «хомо советику с». А главное — это бессознательное предательство своей нации!

После концерта в филадельфийской синагоге, который длился часа три и превратился в несанкционированную творческую встречу, ко мне подошел богато одетый человек, дал мне свою визитную карточку и сказал: «Я лучший в городе протезист. Если будете у нас еще, позвоните. Я готов вам сделать новые зубы. Бесплатно!»

Ну разве можно после этого заявлять, будто русские не могут дружно жить с «лицами еврейской национальности»?

САН-ФРАНЦИСКО. Месяц назад здесь было землетрясение такой же силы, как и в Армении. Небоскребы дрожали, но выстояли. Вот на что оказался способен неразведенный цемент. Пока закрыт один мост. Больше никаких следов землетрясения нет. Невысокие двух-, от силы трехэтажные дома карабкаются по городским холмам, плотно прижавшись друг к другу, словно каждый поддерживает своих соседей, а те, в свою очередь, с двух сторон не дают упасть и ему. Дома напоминают дружно взявшихся за руки людей. Поэтому и выстояли.

ЛОС-АНДЖЕЛЕС. После просмотра множества американских коммерческих фильмов город кажется родным. Голливуд с отпечатками следов бывших великих; Беверли-Хиллс с виллами великих ныне; Санта-Моника — пляжно-пальмовое раздолье... Как знакомо!

ДИСНЕЙЛЭНД — это когда взрослые становятся детьми. Когда нет возраста и национальностей. Думаю, даже прибалтийские экстремисты, попав в Диснейлэнд, на время забывают о своей неприязни к русским. Диснейлэнд — это путешествие и по земному шару, и по истории. Здесь на тебя нападут пираты, защитят от крокодилов в джунглях почти живые индейцы, душа оборвется в водопаде. Привидения в старинном «оскаруайльдовском» доме покажутся по сравнению с реальным миром ласковыми, добрыми и неуловимыми.

В Диснейлэнде чувствуешь себя в гостях у доброго волшебника. Диснейлэнд — самая дорогая и добрая шутка в мире. Американцы ничего не жалеют для детей. Я думаю, больше, чем на содержание Диснейлэнда, средств уходит только у нас — на содержание Детского фонда.

ЛАС-ВЕГАС. Если бы в мире присваивались городам «знаки качества», этот город, наверное, наградили бы первым. На одном квадратном метре и светящаяся реклама, и пальмы, и водопады, и попугаи, и всякая другая, вроде как роскошная всячина. Лас-Вегас — город-шоу. На любое шоу в Лас-Вегасе тратится больше средств, чем на парад на Красной площади. Здесь все светится. Но это не лицо счастливого человека. Это нервное, больное лицо, богато заштукатуренное дорогим макияжем. Танцовщицы легкие, изящные, с нагой грудью... глаз не оторвать! Но в танце каждая, как сказали бы наши остряки, «не Ойстрах».

На рынках у нас раньше продавались копилки в виде разукрашенных кошек с прорезью для монет на затылке. Лас-Вегас, по сути, такая же копилка со «знаком качества» вместо прорези.

Лас-Вегас — это Анти-Диснейлэнд!

ТОРОНТО. При перелете в Канаду у меня впервые за целый месяц потребовали паспорт. Я три месяца с таким трудом его оформлял, а он оказался никому не нужен. Обидно. Слава богу, хоть на границе попросили, хотя и вяло, без нашего вахтерского энтузиазма.

— О, русский! — обрадовался таможенник. — Выпивка с собой есть?

— Нет.

— Тогда мы приветствуем вас в нашей антиалкогольной стране. Запомните, у нас нельзя только напиваться и купаться в Ниагарском водопаде. Сейчас вода холодная.

Ниагарский водопад интересен не столько водопадом, сколько своими берегами. Кафе, рестораны, закусочные... Прожектора, подсветки... Сувенирные лавки, подземные ходы, ведущие прямо в пещеры под водопадами... Многолюдно. Шумно. Деньги летят через каждые сто метров. Летят весело. Под музыку, вылетающую из окон ресторанов. Ниагарский водопад — это загородный «Бродвей»!

ХЬЮСТОН я увидел с самолета. Среди лысой земли Техаса вдали показался небоскрежный затылок еще одного чудища...

САН-АНТОНИО — вкусно приготовленная американская Венеция в остром мексиканском соусе.

НЬЮ-ОРЛЕАН — музей. История архитектуры от салунов до тех же небоскребов, которые в центрах всех американских городов одинаковы, так же как во всех наших городах одинаковы центральные площади с приземистыми горисполкомами.

В Нью-Орлеан по-прежнему приезжают веселиться. Не хватает только лошадей. Старый Нью-Орлеан живет ночью. До обеда в его кварталах безлюдно, как у нас утром Первого января. Утром у старого Нью-Орлеана похмелье. К вечеру он снова трезвеет, а к ночи оживает. Люди переходят от кафе к кафе, от джаза к тяжелому року, от стриптиза к стриптизу, от секс-шопа к секс-шоу. На улицах, как на Арбате. Только вместо пирожковых — стриптиз, а вместо вышибал — зазывалы.

ПОРТ-АРТУР — это прощание с Америкой. Хотя впереди еще неделя гастролей, но в Порт-Артуре мы прощаемся с Юркой. Значит, на этом американская Америка для меня закрывается. Впереди опять Америка советская. Эмигрантская.

На прощальный вечер Юрка решил пригласить в ресторан своих друзей.

Француз Жанги. Стареющий плейбой. Шутит, не переставая. Когда за столом кончаются темы, начинает играть на кромках бокалов. При этом сам смеется больше других. Он тоже врач. Не так богат, как Юрка. Но любит Юрку настолько, что готов с ним ехать туристом даже на его перестраивающуюся родину.

Канадец Мишель. Плейбой в расцвете. Он серьезен. Противовес Джанги. У него лучшая в Порт-Артуре коллекция книг. Вернее, библиотека. Поскольку он их читает, а не копит. Хорошо знает Чехова, Достоевского, Толстого... Первый человек в Америке, который знает, кто такие латыши и что делал Ленин в Шушенском.

С нами за столом две девушки. Одна — вечная невеста Джанги. Она молода, красива и, как подобает вечной невесте, грустна. Всю веселость Джанги забрал себе.

Вторая — наоборот. Веселее Джанги. Никогда у американцев не бывает таких счастливых лиц, как после удачных сделок. Сегодня ей повезло. В свободное время она выкупает из тюрем заключенных, у которых не оказалось с собой денег заплатить за себя и нет родственников, готовых дать за них выкуп. Таков ее побочный бизнес. Тюремщики в этих случаях звонят своим людям. Сами тюремщики тоже в доле. Выйдя на свободу, выкупленный возвращает деньги с хорошими процентами. Сегодня моя соседка справа выкупила какого-то крупного мафиози. Получила славную прибыль. Ее лицо светится счастьем сильнее, чем Чикаго перед Рождеством.

А одного из своих друзей-профессоров Юрка на вечер не позвал. На него обиделась вся компания за то, что он решил отпраздновать свой юбилей в закусочной «Макдоналдс». Даже американцы посчитали это скупердьяйством. Хотя у американцев особые, непонятные нам отношения со своей конвертируемой валютой. Не считается зазорным, если девушка и парень, придя в ресторан, платят каждый за себя. После банкета принято всю оставшуюся еду забирать с собой. Выпускаются даже специальные бумажные пакеты. Их называют «пакеты для собак». Скупость и та приобрела в Америке цивилизованный вид. И американцы хвастаются пакетами для собак не меньше, чем своей демократией.

Юрка рассказал друзьям, кто я. Пытался даже пересказать кое-какие рассказы. Естественно, никто ничего не понял. Кроме одного: что мне опасно возвращаться на родину.

В результате мы весь вечер пили за мое безопасное возвращение, за нашу с Юркой родину. Отдельно — за гласность и кооперативы. Потом за дружбу с Литвой. Потом тут же за отделение Литвы. За нашего президента с супругой. Наконец, не помню за что... Помню только, что после очередного тоста Джанги — за экономические реформы в России — я почувствовал себя Герценом.

Как во всех дорогих ресторанах, оркестр играет сдержанно. С темпераментом Балтийского моря зимой.

Джанги подходит к хозяину ресторана, итальянцу. Просит его разрешить Юрке хоть пять минут поиграть на рояле. Хозяин сначала не соглашается. Джанги его уговаривает.

— Не больше пяти минут! — строго предупреждает хозяин.

Я вижу, что Юрка ждал этого момента. Он садится за рояль. Уже по первым аккордам я чувствую, что у него сохранился тот же размашистый музыкальный почерк. Только играть он стал мудрее.

За его аккордами теперь и тревожное ожидание отъезда из России, и долгая неуверенность в будущем, и нищета лагерей для эмигрантов, и шесть лет учебы с не раз пересдаваемыми экзаменами, и неожиданное богатство, и... воспоминания о солнечной дорожке Балтийского моря. Рижское взморье, волейбол, музыка...

Хозяин оркестра подходит к Юрке, о чем-то спрашивает его. Юрка кивает. Подсоединяется бас-гитара, саксофон, ударные... Оркестр ожил. Ресторан встряхнуло, как будто весенняя буря разломала лед.

«Очи черные, очи страстные...»

Американцы растанцевались и, я бы даже сказал, расплясались так, словно и впрямь понимали, что «очи страстные»!

Теперь уже хозяин ресторана подходит к Юрке:

— Вы кто по национальности?

Я уверен, что Юрка сейчас в очередной раз вызовет очередное уважение к китайцам. Но Юрка молчит.

— Вы из какой страны? — повторяет вопрос хозяин. — Я что-то по акценту не могу догадаться.

— Русский, — отвечает Юрка.

— Русский?! А где живете теперь?

— В России.

— Боже мой! У меня в ресторане настоящий русский! — восклицает хозяин, как и подобает итальянцу, больше руками. Все бросаются обнимать нас со словами: «О, русский! Перестройка! Горбачев! Раиса Максимовна!!!»

Ресторан целуется. И пускается под нашу «Калинку» танцевать свою ламбаду.

Мы прощаемся с Юркой в хьюстонском аэропорту.

— Ну что? Лет через пятнадцать еще увидимся?

— Если перестройка к тому времени не закончится!

Юрка до последнего момента провожает меня глазами. Каким бы он ни был богатым, он навсегда останется для меня Юркой.

Акклиматизация

Объявили посадку на Москву. И радостно, и грустно возвращаться. С одной стороны, встреча с друзьями, родственниками... Подарки, приветы, рассказы о невиданных маслинах и неведомых кефирах. С другой стороны, ежедневная борьба за чувство собственного достоинства.

По-настоящему в самолете веселятся только иностранцы. Их можно понять. Для них наш самолет — это машина времени, откидывающая всего за восемь часов на пару столетий назад. Аттракцион. Луна-парк. Диснейлэнд. Страна чудес. Если бы Льюис Кэрролл был жив, он бы наверняка написал продолжение «Алисы»... И назвал его «Алиса в СССР».

Когда-то я хотел предложить построить для советских граждан, возвращающихся из-за границы, специальный акклиматизационный центр. В нем должны за два-три дня плавно подготовить вернувшихся к нашей жизни: потолкать, нагрубить, одеть в серое... Теперь я понимаю, что такой комплекс нам не нужен. Его роль с лихвой взял на себя «Аэрофлот». И не надо двух-трех дней. Вполне достаточно восьми часов перелета. Уже встретившись глазами со стюардессой, понимаешь, что родина где-то рядом! И никаких сомнений по этому поводу не остается после двух завтраков с небритыми куриными крылышками. Интересно, как в «Аэрофлоте» умудряются всем пассажирам подавать крылышки? Я посмотрел — ни у кого из сидящих рядом не было ни одной ножки. Не говоря уже о других частях. Как будто у нас вывели специальный сорт кур, похожих на вертолет.

Впрочем, я не прав. Акклиматизация начинается не в самолете. Нет. Раньше. Уже в Далласе у стойки «Аэрофлота» чувствуешь, как соскучился по родной, настоящей, почти мавзолейной очереди.

За время гастролей у меня было больше двадцати перелетов. Мы с импресарио приезжали всегда за пятнадцать-двадцать минут до отправления самолета. Иногда за это время даже успевали купить билеты. Сначала я нервничал из-за такого «безрассудства» моего импресарио. Но потом привык, понял, что раньше приезжать просто незачем. В американских аэропортах нет накопителей! Ставите машину на стоянку. Стоянка или на крыше аэропорта, или в подвале. К машине обычно тут же подбегает негр-носильщик. Берет ваши вещи, спрашивает, каким вы летите рейсом, отрывает квиток и... увозит ваши вещи в самолет. Сердце каждый раз екало в тот момент, когда уносили мои чемоданы, и я каждый раз переспрашивал своего импресарио, уверен ли он, что наши вещи прилетят именно в тот город. И не вытащит ли этот подозрительный на вид носильщик из моей сумки кроссовки? Импресарио всегда удавалось меня успокоить, мы налегке спускались на лифте прямо в здание аэропорта и через коридор-присоску заходили в самолет. Несмотря на зиму, многие американцы из города в город летают в пиджаках, потому что нигде не приходится ждать на морозе трапа под включенными двигателями.

Зато какое облегчение и счастье чувствуешь, когда, прилетев, получаешь свои вещи, тут же открываешь их и видишь там неукраденные кроссовки.

Конечно, за каждый чемодан носильщику надо заплатить доллар. Не хочешь платить, неси сам. Но что-то я таких не видел. Обвешанных вещами, как новогодняя елка. Бегущих в накопитель и цепляющих попутно колготки встречным женщинам. В крайнем случае кто-то

тянет за собой на поводке чемодан, и тот на колесиках легко бежит за ним, как афганская борзая. Да, и вот что еще удивительно! Нигде нет спящих на газетке со снятыми туфлями в ожидании ближайшего рейса через семь-восемь дней.

Первых людей со снятыми туфлями я увидел в Далласе у стойки «Аэрофлота». Делегация Министерства культуры из Алма-Аты. Приехали они в аэропорт часа за три до отправления нашего самолета. Впрочем, и все остальные приехали примерно так же. И я в том числе. Боязнь нарваться на двойника — уже в генах нашего человека. Я думаю, американцы специально отвели в своем здании «Аэрофлоту» самый дальний и укромный уголок, чтобы не смущать цивилизованных людей нецивилизованной очередью с криками и запахами.

Да, только у стойки «Аэрофлота» понимаешь, как соскучился по родине.

— Вы здесь не стояли.

— Все идем по списку.

— Вас в списках нет.

— Куда вы ставите чемодан?

— А вы встаньте взад!!!

Родное, милое: «Встаньте взад!»

Какая-то женщина прямо из очереди берет командование на себя:

— Товарищи, давайте встанем в две очереди!

Ей уже одной мало, ей две подавай. Соскучилась. Видимо, из ВЦСПС. Губы тоненькие, закомплексованные, потому что не для поцелуя, а для зачитывания инструкций. Работа сказала даже на осанке. Ее фигура похожа на указку.

Сзади меня стоит интеллигентный человек. Он улыбается:

— Как же давно мы всего этого не слышали, — говорит он мне.

Указка резко оборачивается:

— Вот и оставались бы здесь! Больно умный нашелся.

Какое замечательное оскорбление: «Больно умный!»

Оно могло родиться только в идеально сером обществе. Среди серых костюмов, серых мыслей. А главное, среди того серого большинства, которое все яркое должно «осерить».

«Больно умный!» — это и тридцать седьмой год, и семнадцатый...

«Больно умный!» — сказала нянечка в больнице Василию Шукшину за день до его смерти...

«Больно умный»... В тот день в Далласе мы еще не знали — скончался академик Андрей Дмитриевич Сахаров.

«Больно умный»... Акклиматизация началась!

Вместо послесловия

Раз было «вместо предисловия», значит, должно быть и «вместо послесловия».

Я помню свое первое возвращение из-за границы. Лет десять назад наша туристская группа прилетела из Польши. Как мы радовались и аплодировали возвращению на родину в тот момент, когда колеса самолета коснулись земли!

Много воды утекло с тех пор. Страна вступила в очередной этап «великого пути». Благодаря гласности и полунасильственной демократизации мы много нового узнали из печати о своем темном прошлом и безнадежном будущем. Словом, добились того, что аплодисментов в самолете при возвращении среди пассажиров стало гораздо меньше. Тем не менее они есть.

Все-таки родина!

А родина — это друзья, семья, дети... Родители, вырастившие тебя. Может быть, не совсем удачно, но вырастившие.

Родина — это детство, руки отца, поднимающие тебя над радостной первомайской демонстрацией. Крик «ура!», вырвавшийся неожиданно.

Родина — это салют!

Школьный двор с огромным самодельным футбольным полем, которое теперь кажется маленьким. Наши ребята: Саня-боксер и Лева-скрипач. Первые походы в загородный лес всем классом с одним сортом колбасы у всех и вкусно подобранными мамой в пять утра бутербродами.

Родина — это первое уважение к себе за то, что не выдал того, с кем прогулял.

Это семейный альбом. Новый год. Елка, которую украшаешь.

Родина — это свадьба!

Потрепанная фотография любимой девушки в портмоне и выцветшая — молодых родителей на книжной полке.

Родина — это новые города в окнах поездов. Гитара. Стройотряд. Сложенные за лето теплица и птицеферма. Запрещенные магнитофонные записи. Общежитие с его первой конституцией о непредательстве.

Родина — это рыбалка. Любимый изгиб реки. Туман в распадке. Костер под ухой. Солнечная дорожка на закате.

Для меня родина — это еще и мой студенческий театр. Путешествия с ним по стране. Река Амур. По сравнению с ней даже долгожданная Миссисипи кажется неглавным притоком Яузы. Для меня родина — это Курильские острова, на которых в юности лето проработал в экспедиции... Караваны судов Северного морского пути... Белый медведь, убегающий по льдинам от нашего атомохода... Розовый айсберг на заре полярного утра.

Родина — это непроданная часть тайги.

Родина — наша литература и наша живопись. Зимний и Пушкинский. Красная площадь, Нева, куранты, могила Неизвестного солдата, Поклонная гора, Бородино, Куликово поле...

Родина — это могилы, на которые приходишь помолчать и подумать.

Старики говорят, что крыша в русской избе запоминает все хорошее, что в ней было, и передает это хорошее потомкам. Родина — это крыша, под которую всегда хочется возвратиться.

Поэтому, несмотря на «сорванные маски» с нашего, как любят говорить депутаты, «непростого времени», все равно мы радуемся возвращению под черепичную крышу. Но при этом с каждым годом у нас все грустнее становятся лица.

Да, чем чаще бываешь за границей, тем страшнее каждый раз возвращаться. С ужасом думаешь, что ждет тебя дома? Цела ли квартира? Украла или нет машину? Соседи залили весь потолок или только часть его? Не прорвало ли водопроводные краны? Не взорвался ли вообще весь микрорайон? Даже опасаясь, не переменялась ли власть в стране? И пустят ли тебя обратно?

Самые абсурдные вопросы приходят в голову, когда летишь домой.

Потому что впереди встреча не только с родиной, но и с государством. Так уж повелось на Руси, что понятия родины и государства никогда не совпадали.

Государство — это опасная неожиданность, которая подстерегает тебя на родине на каждом шагу.

Это ежеминутная борьба за выживаемость, за чувство собственного достоинства. Это то, с чем сразу же сталкиваешься при возвращении.

Это антикварный трап, которого ждешь по сорок минут, потев в салоне самолета с отключенной вентиляцией. Это не менее антикварные, чем трап, таможенные правила.

Это грузчики, успевающие по дороге от самолета до аэровокзала отвинтить колесики от фирменных чемоданов. Это посудные полотенца для рук в общественных туалетах над умывальниками.

Государство — это та поголовная глупость, которая тут же бросается в глаза, когда прилетаешь из-за границы. Глуп милиционер, набранный по лимиту. Глуп таксист, который сломя голову гонит из аэропорта в город. За тридцать минут он три раза обогнал один и тот же спокойно катящийся «Мерседес». Глупа песня, несущаяся из его исковерканного, как и дорога, магнитофона. В глупых газетах пусты, как грузовики на тех же дорогах, речи депутатов.

Дома глупы выключатели с веревочками, за которые восемь раз дернешь — один раз зажжется, а два — оборвется.

Из окна виден уже по-современному глупый плакат, агитирующий за «человеческое лицо» у социализма. Как будто до сих пор у него была звериная харя.

Государство — это плакаты, лозунги, план, соцобязательства. Это футбольное поле школьного двора, заасфальтированное под пионерские линейки. Грязные шприцы в районных поликлиниках, нянечки в заношенных халатах. Бумажки, в которые заворачивают пирожки на вокзалах. Окна поездов, из которых дует. Чай с содой. Печенье с известью. Стюардесса с таким выражением лица, будто летит в Америку без права выхода из самолета. Разведенный цемент. Озверевшие от грязного бензина машины. Пассажирские автобусы с истекшим сроком годности. Развалившаяся птицеферма. Теплица с разбитыми стеклами. Радиоактивные грибы. Склады в церквях. Парки над утрамбованными кладбищами. Чернобыль. Проданная часть тайги.

Государство — это отрепетированное «ура!».

Государство — это то, от чего нет защиты ни у кого. То, чего боятся даже руководители, создавшие это государство.

Государство — это не демократия, а демократизация. Это нелитература, неживопись, несалют. Это названные по-новому, но обшарпанные по-старому улицы. Развалившиеся предприятия, переименованные в ассоциации. Жулики с визитными карточками президентов совместных предприятий. Законы, исключают друг друга. Прогрессивные налоги, исключают прогресс. Прибалтийская борьба бессовестности с безграмотностью. Депутаты, прозевавшие урожай за сведением счетов друг с другом. Глава правительства, удивляющийся по телевизору масштабам разрухи в стране. Демократы, отобравшие у консерваторов власть вместе с привилегиями.

Государство — это единственно верный «плакат» в метро: «Выхода нет».

Государство — это закрома родины.

Это постоянная попытка разрушить черепичную крышу, веру в школьный двор, в руки отца, в салют, в могилу Неизвестного солдата, в Бородино, в Куликово поле...

Государство — это солнечная дорожка на отравленной индустриализацией воде Рижского залива...

Поэтому, когда колеса самолета касаются земли, даже у тех, кто радуется возвращению на родину, — грустные глаза от предстоящей встречи с нашим государством.

Конечно, среди читателей найдутся такие, которые скажут: «Больно умный нашелся! Как будто у них нет недостатков. Вот и оставался бы там, коли ему так не нравится наше государство».

Они будут не правы. Мне не «не нравится» наше государство. Я его ненавижу. Потому что люблю свою родину. Наша родина всегда была душой нашего народа. Государство — его клеткой.

Безусловно, на Западе есть недостатки. И немало. Но мне неинтересно было писать о них. Потому что все эти недостатки есть и у нас. А хотелось написать о том, чего у нас нет. Чтобы приблизить то время, когда и у нас, может быть, люди будут ходить на демонстрации не за отгулы, кричать «ура!» не по приказу и на кухне втихаря от жены выпивать за родину. А когда колеса самолета коснутся родной земли, будут аплодировать и радоваться не меньше иностранцев, зная, что дома их ждет солнечная дорожка на неотравленной воде.

Сошлось!

За два дня до моего отлета в Америку мне позвонил из Нью-Йорка друг юности. В отличие от многих наших эмигрантов, за долгие годы эмиграции Юра заамериканился настолько, что даже опытные западные бизнесмены уже не угадывали в нем бывшего русского.

Юра живет не просто западной — я бы сказал, утонченно-западной жизнью. Поэтому ему порой не хватает простейших земных удовольствий и чувств, которыми он был ранен в нашем общем детстве.

— Привези пару веничков для бани, — попросил он.

— Что-что?

— Два-три веничка, свежих. Для русской бани.

— Ты шутишь? Пойди и нарви березовых веток в Центральном парке рядом с твоим домом.

— Нет. Хочется настоящих. С родины. К тому же здесь нарвешь — в тюрьму попадешь.

Юра построил в загородном доме именно русскую баню. Потому что после финской бани, к коим привыкли все западники, лучше чувствовало себя тело, а после русской — душа. Как будто попарили и ее.

Американцам-аборигенам очень понравилась Юрина баня. Несмотря на разный уровень получаемой в месяц прибыли, под веником они становились равными.

Проблема же оставалась в вениках. Вообще патриоты американского образа жизни уверяют, что в Америке можно купить все. Неправда. Я спрашивал в супермаркетах граненый стакан.

Не было. Даже не слышали.

Я по-дружески проникся просьбой, положил в «дипломат» два веника, тепленные у «Сандунов», и, не предполагая еще, что ждет меня впереди, поехал в Шереметьево.

Таможенник не узнал меня. Такое, кстати, бывает довольно часто. Начал пытаться заученными вопросами:

— Наркотики есть? Драгоценности? Антиквариат? Что везете запрещенного?

От последнего вопроса я даже улыбнулся. Я имел право себе это позволить, потому что, во-первых, не вез ничего запретного. Во-вторых, даже если бы я вез, неужели я бы добровольно ему в этом признался?

— Скажите, а кто-нибудь вам отвечает, что он везет что-то запретное? — спросил я у таможенника не без лукавства.

Такой вопрос показался ему большой дерзостью. Он внимательно посмотрел на меня глазами-рентгенами. Похоже, мое лицо показалось ему подозрительно знакомым. Прищурился.

— Вы не шутите на границе, а лучше откройте «дипломат».

Я открыл. Такого поворота событий он явно не ожидал. Правда, и я до этого момента не подумал о том, какой эффект могут произвести два веника в «дипломате». Судя по всему, таможенник много повидал на своей службе. Но чтобы человек летел в Америку с вениками для бани?!

Он долго смотрел на них, словно прокручивал в голове варианты: что бы это могло означать? Что кроется в самих вениках? Потом задал самый глупый вопрос, какой я слышал в своей жизни:

— Что это такое?

На что получил от меня не менее глупый ответ:

— Это веники.

Таможенник не поверил, позвал старшего офицера, чтобы тот ему посоветовал: отрывать листочки или нет? А вдруг в них наркотики? Офицер тут же признал меня, очень обрадовался. Сказал:

— Я все понял. Это вы везете для юмора, да? Проходите, проходите. — И на прощание с нехорошей, как мне показалось, улыбкой добавил: — Желаю счастья на американской границе!

Его насмешку я вспомнил, только прилетев в Америку. Это было как раз то время, когда

любовь к русским за победу над коммунизмом и за разрешение снести Берлинскую стену сменилась в мире настороженностью. В каждом прилетевшем мужчине теперь виделся мафиози, а в женщине от 12 до 70 — проститутка, посягающая на хлеб местных профессионалок, защищенных государственным профсоюзом.

Когда я увидел, как трясут всех русских, заставляют открывать портфели, чемоданы, я понял, что сейчас у меня возникнут серьезные проблемы. Тем более что на американской границе меня уж точно никто не узнает.

Подходя к контролю, попытался придать своему лицу как можно более честное выражение. Но западные офицеры не реагируют ни на что, кроме спущенных по чиновничьей лестнице инструкций.

— Это ваш «дипломат»?

— Да.

— А что в нем?

— Ничего.

— Как ничего?

— Так, ерунда всякая.

— Откройте.

Я открыл. Он смотрел на мою «ерунду» еще дольше, чем наш таможенник. Мне даже стало его жалко, так он напрягся, глядя на мои веники.

— Что это такое? — спросил он с паузой после каждого слова, как робот, пытающийся найти общий язык с пришельцем.

После этого вопроса напрягся я. Но ему не стало жалко меня. А я действительно растерялся. Как ему объяснить? С чего начать? С истории строительства бань на Руси? Американцы не знают и не хотят признавать ничего из жизни других народов. Они уверены, что живут в единственно правильной стране на планете. Ответить: «Два веника»? Мой английский не настолько хорош, чтобы я мог найти в моем словаре слово «веник» по-английски. Да и потом, наверняка на английском «веники» означают предмет, которым подметают. Что я — такой чистюля, что прилетел со своими вениками? Вспомнил, как тот же мой друг учил меня: американцам не надо никогда говорить лишнего. Все детали, которыми грешит русская эмоциональная речь, вызывают у них головную боль и подозрение. Раз болтает — значит, запутывает. Во-вторых, ответы должны в точности совпадать с тем, что американец видит. Слова с картинкой обязаны сходиться. Это для них главное — чтобы сошлось! Иначе программы, вставленные в их мозг, дают сбой. А всем, что дает сбой, занимается полиция.

Вспомнив все это и указывая на веники, я ответил:

— Это два куста.

— Два куста? — недоверчиво переспросил таможенник.

— Да, два высушенных куста, — подтвердил я с максимально честным выражением лица.

Правда, тут же почувствовал, что мои слова все-таки не сошлись с его картинкой и еще с чем-то.

— Для чего же вы везете их с собой?

Я решил оставаться честным до конца:

— Для бани.

— Два куста для бани?!

Что-то в его программе разошлось окончательно. Он обратился к стоящим за мной людям:

— Очередь ко мне больше не занимайте.

Я понял, что попал надолго.

— Итак, два куста для бани? — переспросил он, напряженно пытаясь представить, как я буду в бане высаживать два куста.

— Да, для бани! — Все еще следуя советам друга, я старался не ляпнуть ни одного лишнего слова.

— А зачем вам два куста в бане? Объясните, пожалуйста!

Этим вопросом офицер был явно доволен. Словно поймал арабского террориста.

— Бить себя, — ответил я со всей честностью, на которую был способен.

— Бить себя? В бане?!

По его глазам я понял, что он стал с этого момента подозревать меня уже не в терроризме.

— Да, бить себя в бане. По спине. Вот так, — показал я жестом.

Наступила пауза. Таможенник нарушил ее первым:

— А вы в бане голый находитесь?

— Да.

— Вы что, мазохист?

— Нет. У нас в России все так делают.

— И все голые? И бьют себя?

— Именно так.

— У вас что, все — мазохисты?

Я был в отчаянии. Чем точнее я пытался ему объяснить, тем больше у него «не сходилось». И я предпринял последнюю попытку на своем немощем английском, состоящем из главных слов и интернациональных жестов:

— Эти веники я привез для своего друга в Нью-Йорке. Он из русских. Построил здесь баню. Русскую баню... У нас такие бани уже тысячу лет, с вениками. — Я объяснял медленно, по слогам, как для робота. — Я его буду вот так хлестать... Холестерин понижает!

Очевидно, на этот раз я наговорил много лишнего. Зато он понял из моей тирады слово «холестерин».

— Так, значит, это ваш друг — мазохист, а вы — садист, — сделал вывод таможенник и затряс головой, как бы желая стряхнуть с нее полученную от меня ненужную ему информацию. Так собака стряхивает капли, выходя из воды. — Фу, — выдохнул он, — сейчас проверим вашего друга. Телефон есть?

Меня отвели в офицерскую. Позвонили Юре:

— Вы знаете, что вам привез ваш друг из России?

Юра помолчал. Видимо, как компьютер, пролистал возможные мои ответы, соотнес с моим скудным английским, после чего сказал:

— Два куста из веток для моей бани.

Американцы так ничего и не поняли. Но меня отпустили. Потому что, слава богу, на этот раз у них сошлось!

Картина века

Молодому художнику дали задание от наркомата нарисовать картину «Ленин на Красной площади провожает полки на Гражданскую войну».

Художник очень волновался. Чтобы все получилось достоверно, он рисовал Красную площадь, сидя на Красной площади. В результате у художника получилась картина «Ленин провожает полки на Гражданскую войну, стоя на собственном Мавзолее».

В целом комиссия одобрила картину. Хотя долго совещалась, что закрасить: Мавзолей или Ленина? Большинством голосов было принято решение закрасить Ленина, тем более что

вскоре весь народ собирался праздновать день рождения Сталина. Правда, могло показаться бестактным со стороны полков — стоять спиной к Сталину в день его рождения... Художник послушно развернул полки лицом к Сталину, и картина стала называться: «Сталин встречает полки, уходящие на Гражданскую войну»!

Новая комиссия указала на несовременность сюжета, поскольку уже начиналось строительство метрополитена. Художник превратил ружья в отбойные молотки, приоткрыл рот Сталину, и картина стала называться «Сталин говорит напутственную речь полкам красноармейцев, уходящим на строительство метрополитена». Картина звала за собой, тем более что на строительство метрополитена красноармейцы несли даже раненых. Особенно звал за собой на строительство метрополитена смертельно раненный красноармеец. Он лежал на носилках, а в руках у него был плакат «Смерть Врангелю!».

Картину показали Сталину.

«Нескромно с моей стороны, — заметил он, — одному провожать полки на такое ответственное мероприятие».

Художник тут же пририсовал к Сталину Кирова, который пожимал руку передовому рабочему, раненному на строительстве метрополитена.

Но тут убили Кирова. Художник оставил от Кирова только жмущую руку и приставил к ней фигуру Ворошилова. Картину в народе называли: «Под напутственную речь Сталина Ворошилов жмет руку раненому рабочему... рукой убитого Кирова». Сталин опять посмотрел картину и строго спросил: почему его все время рисуют на Красной площади, а, скажем, не на военном пограничном корабле?

Художник за два дня утопил полки в море Мавзолей поставил на крейсер. Раненого рабочего заменил на сторожевую овчарку, подающую лапу Ворошилову. Картина стала называться: «Сталин и Ворошилов на крейсере «Молотов» с собакой Кагановича».

Наконец разоблачили Сталина. Художник немало потрудился над своим полотном, кое-как превратив его в эпопею: «Хрущев и Ворошилов обнимаются в честь разоблачения Сталина на кукурузно-уборочном комбайне «Молотов». Особенно радовалась и улыбалась собака Кагановича.

Потом разоблачили и Молотова, и Ворошилова, и собаку Кагановича. Но реабилитировали Кирова. Художник срочно переименовал сторожевой комбайн, Ворошилова загримировал под сноп кукурузы, собаку поднял на задние лапы — получился комсомольский вожак!

Но в это время сняли Хрущева.

Художник почти полностью закрасил и его. Оставил лишь верхнюю часть головы... получилось солнце, встающее над целиной. Однако вскоре комиссия потребовала, чтобы к солнцу были пририсованы брови. После небольших переделок картина превратилась в эпопею: «Брежнев на перроне Ярославского вокзала провожает на строительство Байкало-

Амурской магистрали отряды комсомольцев-первопроходцев».

В течение нескольких лет художнику приходилось лишь удлинять левое плечо Леониду Ильичу, чтобы пририсовать очередной орден. Последний орден художник загнал Генсеку под мышку и поднял ему руки, чтобы орден был виден. А под руки подставил Сулова и Пельше. Получилась очередная эпопея: «Сулов и Пельше несут Брежнева по перрону на строительство Байкало-Амурской магистрали».

Художник стал стар, когда началась перестройка. В его голове так все перепуталось, что он со злости закрасил всю картину черной краской.

Критики тут же назвали ее гениальной. Взяли на выставку...

Толпы людей из всех стран мира останавливались теперь перед шедевром — черным прямоугольником под названием «Картина века»!

Ерунда

В связи с тем, что в последнее время в прессе постоянно пересматриваются судьбы известных личностей, отношение к историческим событиям, предлагается пересмотреть и географию страны — восстановить былые понятия.

А именно... Украину по ее просьбе выделить в самостоятельное государство. Чтобы доставить им окончательное удовольствие, выпустить отдельный от всех стран глобус Украины.

Татарии отдать Татарский пролив. А чтобы восстановить сложившееся в веках понятие «татаро-монголы», отдать им еще и Монголию.

К Армении присоединить Нагорный Карабах и Армянский переулочек в Москве.

Вследствие того, что эстонский язык имеет общие корни с венгерским, а Венгрия долгое время была под Турцией, сделать Эстонию Турецкой социалистической республикой.

Поскольку шестнадцать латышей живут неподалеку от Хабаровска, всех охотников Дальнего Востока называть «латышскими стрелками».

К Грузии и Азербайджану присоединить все рынки во всех городах Советского Союза.

Литве на один день выйти из состава Советского Союза, успеть объявить войну Швеции и тут же сдаться в плен.

Нанайцам предоставить в ООН одно приставное место.

К Биробиджану присоединить Израиль и Союз российских композиторов.

Наконец, Чукотку подарить Японии — для развития у японцев чувства юмора. Если это не

удастся, то самой Чукотке отделиться, установить свою таможню и выпустить свою валюту: один чук. Три чука — один гек! Десять геков — каюк. Причем всем! Вместе с чукчами!

Все эти требования мы выдвигаем на рассмотрение Верховного Совета. Сам Верховный Совет требуем присоединить к Средней Азии, поскольку Средняя Азия уже давно нуждается в установлении Советской власти!!!

Опять не понимаю!

Должен сознаться, что если я пять лет назад мало что понимал, то теперь стал понимать еще меньше.

Например, я не понимаю, за кого нас все время принимают. Заходишь в лифт, а там висят правила пользования лифтом. Я не понимаю, каково умственное развитие человека, который, заходя в лифт, прежде чем нажать кнопку, будет читать правила пользования лифтами. Вы читали их когда-нибудь? Я понимаю — читали, когда застревали. И только тогда видели, что внизу есть приписка: «Запрещается пользоваться неисправным лифтом!» Как я могу им пользоваться? Что я в нем делать должен? Я не понимаю.

Не знаю, может быть, я один такой непонятливый, но я не понимаю, почему пословица «Не в деньгах счастье» есть только в нашем языке. Может быть, надо говорить вернее: «Не в наших деньгах счастье»!

Многого, многого я не понимаю. Я не понимаю большинства наших названий. Если один район в городе называется «Советский», стало быть, все другие — «Антисоветские»?

И я не понимаю, что означает название «Крылья Советов». Как у Советов могут быть крылья? «Рожденный ползать летать не может»!

Не понимаю, почему завод называется не просто «Богатырь», а непременно «Красный богатырь». Почему богатырь — красный? Напился, что ли? А «Красная швея»? Она-то с чего покраснела? Со стыда за свою продукцию? Или она жена красного богатыря? Или оба они — индейцы?

Но иногда я не понимаю такого, о чем, несмотря на все разговоры о гласности, можно все равно говорить по-прежнему только шепотом. Например, я с детства не могу понять, что означает призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Ведь пролетарии есть только в нашей стране, и соединяться они могут только по трое... Или с пролетарками? Я вообще не могу понять, что означает само слово «пролетарий». Человек, который все время пролетает мимо?

Еще не понимаю: если нас в школе учили, что коммунизм — это когда нет денег и много товаров, то мы с вами что построили?

Я вообще не понимаю, как можно бороться с коммунистической партией под ее руководством. Да еще под лозунгом: «Больше социализма!». Как?! Еще больше?!

Между прочим, я не понимаю многих наших лозунгов. Например, никогда не мог понять, что означает лозунг: «Коммунизм — это Советская власть плюс электрификация всей страны». Что это значит? Если при коммунизме отключить свет, то вот эта темень и будет Советская власть? Многих новых лозунгов я не понимаю. Что означает этот: «Повернем экономику лицом к человеку!»? А чем, спрашивается, она до этого к нам стояла?

Когда смотрю телевизор, я тоже ничего не понимаю. Например, сессия Верховного Совета... Специально для нас придумали пожизненную развлекательную передачу? Раньше месяцами ждали «Вокруг смеха». Теперь в любой день, придя с работы, включил телевизор — и ухохатывайся.

Кстати, я не понимаю: некоторые депутаты сами понимают, что они говорят? «Мы не отдадим наших завоеваний!» О каких завоеваниях идет речь? И не понимаю: кому мы их не отдадим? Кто у нас их просит?

И уж совсем не понимаю словосочетания «социалистический лагерь». Понимаю одно, что хорошее место лагерем не назовут. Как же получается? У них, стало быть, капиталистический мир, а у нас — социалистический лагерь? Если так, то мы — один из самых веселых барачников в этом лагере.

Сейчас даже не знаю, говорить дальше или не говорить? Все-таки скажу, только вы никому не передавайте!

На днях прочитал в газете и не понял, зачем недавно отремонтировали «Аврору». Неужели ее снова готовят? Не понимаю, к чему...

Но все-таки недавно я напрягся и кое-что понял. Например, один из лозунгов: «Пионер — ты в ответе за все!». Раньше не мог понять, кто же за все в ответе, а теперь понял: пионер!

И еще я понял самое главное, самое сокровенное. И это доставило мне самую большую радость. Я понял скрытую суть перестройки. Правда. Помните, раньше противозачаточные средства продавались везде? А теперь с наступлением перестройки — только в закрытых поликлиниках для работников государственного аппарата. Знаете, почему? Чтобы больше таких экземпляров не повторялось! Вот только тогда перестройка победит!

Восьмое чудо света

Удивительно способным оказался наш народ к бизнесу. Шутка ли? Страна, которая ничего не производит, занимает первое место в мире по количеству бирж. Это вторая величайшая наглость нашего народа после Октябрьской революции.

— Скажите, ваше акционерное общество торгует с Западом?.. Что же Запад у нас покупает?

— То, что мы производим лучше, чем они: металлическую стружку, древесные опилки, стеклянные осколки...

Такой прыти и находчивости от наших людей никто в мире не ожидал.

Не разрешают продавать на Запад алюминий как сырье, догадались продавать солдатские алюминиевые ложки. А раз есть еще запрет и на вывоз леса, каждую ложку упаковывают в деревянный ящичек размером с гробик.

Не хватает бутылок для пива? Додумались наливать пиво в полиэтиленовые пакеты. Двойная польза. Раньше напьются мужики пивка — друг другу бутылками головы прошибают. Теперь пару пакетиков выпьют, надут их, похлопают друг дружку по лбу и мирно разойдутся, без травм и синяков...

Что только не считали в мире восьмым чудом света: и Эйфелеву башню, и Нотр-Дам, и Венецию! Теперь общепризнано: восьмое чудо света — русский бизнес!

Одно совместное предприятие умудрилось продать в Панаму наши теплые одеяла. Причем сами панамцы до сих пор не могут понять, зачем им понадобились теплые одеяла, если у них даже ночью курицы несутся вкрутую.

Непонятно, кто начал разговоры о вырождении нашего народа.

Лет десять назад по телевизору какой-то начальник из УВД выступал, говорил: «Неправда, что в России талантов нет. Есть. Много. Но они все сидят». Потом мужика показали: в тюрьме изобрел, как деньги печатать. Семь лет, пока сидел, не могли у него аппарат найти. Вышел — спросили про аппарат. Оказалось, он его в двери камеры смастерил. Открыл дверь — из косяка червонец выпал, закрыл — четвертак. Хлопнул со злостью — стольник выскочил. Все признали: гений! Поздравили. И еще семь лет добавили!

В этом и заключается суть всплеска нашего бизнеса. Таланты хлынули из тюрем — куда? В Верховные Советы и в бизнес. Больше, чем из тюрем, в бизнес пришло народу только из ЦК КПСС. Кто у нас теперь коммерсанты? ЦК и ЗК!

А иностранцы понять не могут, откуда у русских всего за два-три года появились деловые люди в нечищенных ботинках и галстуках, похожих на рваное собачье ухо, с партийным лицом точь-в-точь с плаката «Ты записался водителем троллейбуса?». При этом любой из них без всякого компьютера, в уме секунд за восемь может прикинуть, какая будет чистая прибыль, если он: продаст в Китае две баржи с калошами в обмен на кирпичную линию, которую установит в купленном колхозе на ссуду, взятую в банке за взятку в размере проданного в Лувр лучшего полотна бывшего обкома партии, написанного в духе соцреализма, размером 40 метров на 60 километров, под названием: «Буденный у постели больного Горького со своей конницей».

Кто-то шьет кепки, которые носил Ленин. Кто-то торгует полотнами Тициана. Клянется, что — подлинники, поскольку их покупал у Тициана сам.

Ребята из очередного совместного предприятия исхитрились скупить шкурки соболя у аборигенов Севера за просроченные лотерейные билеты. Убедили аборигенов, что это новые российские деньги.

Еще кто-то организовал совместное производство духов «СССР — Франция». Духи — французские, бутылочка наша — из-под кефира.

Троллейбусы разрисованы рекламами туристических поездок в Грецию за 2000 долларов! Как будто тот, кто ездит в троллейбусе, может поехать в Грецию за 2000 долларов? Он если и может поехать, только на этом троллейбусе.

— Скажите, вы председатель акционерного общества? Как вы считаете, сегодняшний бизнес приносит пользу простым людям?

— Конечно. Недавно мы обменяли нашу подводную лодку в Зимбабве на 150 одноразовых шприцев. Два шприца попали в колхоз, где я родился. Колхозники нам очень благодарны за них. Говорят, пользуются ими второй год. Хотя до нас в Зимбабве ими пользовались всего три месяца.

Однако самое великое завоевание нашего бизнеса — реклама!

«Если вы положите деньги в наш банк, у вас будет только одна проблема: как их получить обратно!»

Наш народ перенес и немцев, и поляков, и татар, переболел коммунистами, осталось самое тяжелое испытание — родной бизнес. Если и после него останется нам самим хоть немного пеньков, стружки, опилок, осколков и мусора, можно будет смело сказать:

«Как же ты богата, нищая Россия!»

Мы все из Чи-Чи-Чи-Пи

Вот и наступило долгожданное время демократии.

Наконец-то демократы отобрали у коммунистов все их привилегии и присвоили себе: власть, дачи, машины, поликлиники, а в некоторых районах — даже охотничьи угодья вместе с охотничьими домиками и заранее убитыми кабанами.

Свобода! Демократия! Гласность!

В результате нашей гласности радиостанция «Свобода» не знает, как вести пропаганду. Редакторы говорят: «Мы только что-нибудь про вас сегодня придумаем, а вы уже сами это вчера воплотили».

В ЦРУ началось сокращение штатов. У них был десятилетний план развала СССР. Мы этот план опередили на одиннадцать лет.

Весь Запад в растерянности. Нет больше страны, на которую списывались все грехи человечества. На вопрос, заданный за границей: «Из какой вы страны?», — теперь не знаешь, как отвечать.

Однажды в Италии ко мне подбежал восторженный итальянец и, показывая на мою майку, где было написано «СССР», радостно воскликнул: «О! Чи-Чи-Чи-Пи! Чи-Чи-Чи-Пи!» Зачирикал, как воробышек... Оказалось, «СССР» по-итальянски произносится как «Чи-Чи-Чи-Пи».

Вспоминая не раз этот случай, я думал: «Он был прав! Мы все — из Чи-Чи-Чи-Пи! Точнее названия нашей стране придумать невозможно».

Зато демократия! Зато свобода! Зато гласность!

Постаменты памятников исписаны буквами в метр величиной: «Позор ГКЧП, ДНД, ВЕК, ШПД». В Москве досталось даже памятнику Карлу Марксу. Ему-то за что? Тихий немецкий алкоголик, мечтавший в пивных о демократии... За три дня он пострадал от российских демократов больше, чем за все предыдущие годы страдал от голубей в Москве!

Ничего не поделаешь — демократия!

Все бастуют... Грозит вечной забастовкой даже «Аэрофлот». Правда, особенно это никого не пугает. Никто не может понять, чем будет отличаться забастовка его сотрудников от их работы.

Бастуют целые города — требуют, чтобы им завезли колбасу. Им завозят, но тут начинают бастовать соседние города, и колбасу увозят туда. Объявили забастовку даже учителя. Их тут же поддержали ученики, просят бастовать подольше. Демократия!

По телевидению — мат... Солдаты продают свою форму за валюту... При тюрьмах открываются казино для заключенных...

В президенты свободно баллотируются все желающие. Из ста человек половина отсеивается на диктанте, потому что с ошибками пишут слово «президент».

Свобода! Демократия! Наконец-то!

В подземном переходе сидит слепой с ондатровой шапкой. Лицо — килограммов шестьдесят! Над шапкой надпись: «Беру только валютой». Кто-то бросил ему доллар, купюру понес ветер, слепой подхватил ее на лету.

— Скажите, каким вы представляете наше будущее через двадцать лет?

— Как я могу говорить о нашем будущем через двадцать лет, если не знаю, каким через год будет наше прошлое!

В Казани на митинге демократов сожгли портрет Ивана Грозного — за присоединение Казани к России. Осталось русским потребовать, чтобы татары вернули им дань, причем с процентами, набравшими за это время...

Великая страна с непредсказуемым прошлым!

Зато свобода! Зато демократия!

С наступлением демократии в Закавказье с новой силой обострилась дружба народов! Наша дружба народов — это когда все народы объединяются дружить против русских.

Свобода! Русские теперь свободно винят во всем евреев, говорят: «Это евреи довели страну до демократии». Некоторые даже утверждают, что серп и молот — тайный знак обрезания. Ну, серп — еще хоть как-то понятно, а молот тут при чем?

Свобода! Демократия! Ура!

Страна размножается со скоростью многоклеточного организма. Отделились даже манси. Они отделились от ханты. Теперь у них серьезная проблема: их признали восемьдесят три страны мира, а их всего — шестьдесят четыре человека. Не хватает послов, в результате посол Ханты в Манси послал посла Манси в Ханты.

— Это наши демократы во всем виноваты, — уже раздается в народе. — Они такие же не демократы, как прежние были не коммунисты!

Есть древняя мудрость: «Каждый народ имеет то правительство, какого он заслуживает». Стало быть, дело за малым: демократия у нас уже есть, осталось найти демократов.

Иначе так и останемся — не страной, а «Чи-Чи-Чи-Пи».

Убери руки, Василёк!

— Ой, Вася! Ты, что ль? Вась! Залезай скорей в копну. Только обещай, Вася, что не будешь меня своими ручищами бесстыжими сразу лапать. Васька, ну давай помечтаем сначала... Смотри, сколько звезд на небе. Хорошенькие все, маленькие, как наши колхозные яблоки. Вася, убери руки, слышь, всю блузку замацкал. Никогда больше к тебе в копну не приду. Правда. Клянусь. Хоть век мне с председателем в лодке не кататься... Васька, перестань!

Кстати, Федька, который вчера вот тут, на твоём месте сидел, говорит, что лет через двадцать, уже, при коммунизме, денег не будет! А до Марса трамваи ходить будут прямо из нашего колхоза, от коровника. Романтик он все-таки, Вась, не то что ты — только об одном и думаешь. Убери руки, слышь? Сиди, быстро мечтай, кому сказала!

Кстати, ты почему план не выполнил? Золотые ведь руки у тебя, Вась (щекотно!), а план не выполнил. Ну какой же ты нетерпеливый, Васька, как наш мерин мохнорылый! В последний раз говорю: убери руки, а то протянешь ноги. Ты же знаешь, я ударница. Тресну, в партию по частям принимать будут. Работать сможешь только в красном уголке бюстом Мересьева.

Кстати, о бюсте... Васька, ты Тамаркину грудь видел? Ну что ты задрожал, как трактор на колдобине? А я завидую ей: вот это грудь! Сколько ж на такой груди орденов уместиться может! А на моей только значок ГТО, видишь?

Васька, ты смотреть смотри, а руками святое-то не лапай. Что святое? Значок — святое! А

это — не значок и не святое. Убери руки, они у тебя хоть золотые, а холодные, как ноги у нашего фельдшера. Откуда про фельдшера знаю? Тамарка рассказывала. Так что положи быстро свои беспартийные грабли на колени. Да не ко мне на колени, а к себе. Вот так и сиди, как сфинкс в копне. Сфинкс — это такое животное, Вась. Наш агроном на него похож, когда на работе спит с открытыми глазами.

Васька, ну что ты все время молчишь, как глухонемой, да дышишь, как лошадь пожарная во время тревоги?

Скажи, Вась, честно, глядя мне в глаза: вот ты бы хотел?.. Нет, не это. Это я знаю, ты бы всегда хотел... А птицей хотел бы стать?

А Федька хотел бы! Он мне сам говорил: «Хотел бы я, Наташа, стать птицей, взлететь высоко-высоко, а оттуда камнем вниз и прямо нашему председателю на голову! И чтобы вдребезги!»

Васька, Васька, Васька, прекрати! Вася, Вася, Вася, Вася, Василек ты мой... Вот за что я тебя люблю: за то, что ты все равно своего всегда добьешься. Не то что Федька — до утра про звезды треплется.

ПРОШЛО ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

— Вась, а Вась, ну что ты, как только спать ложимся, сразу к стенке отворачиваешься? Что я тебе, снотворное, что ли? Повернись, слышь? Нашей дочурке братик нужен. Ну что ты там молча грязным пальцем в обоях ковыряешь?

Ну хорошо, ну не хочешь сына, давай поговорим о чем-нибудь. Жизнь ведь проходит, Вась, а ты все молчишь.

Федька с Тамаркой до утра о Феллини треплются, об Мандельштампе тоже. Тициана вслух читают...

Вась, Вася... Ты хоть знаешь, что такое «Феллини»? Запчасти или макароны? И я не знаю феллини... Фильку кривого знаю. Темнота мы с тобой, Вась.

Повернись, слышь, давай хоть помечтаем о чем-нибудь возвышенном. Например, о том, как мы тебе пижаму купим! Выходную, да, Вась?.. Как у нашего председателя! Будешь в ней по субботам в клуб на танцы ходить. А мне, Вась, колготки... Представляешь? В городе, говорят, местные Мичурины два чулка вместе сшили! Вроде как перчатки для ног получились. Ой, еще я мечтаю на спальный гарнитур в очередь... Французский, белый, как у Тамарки... Называется какая-то ночь — Варфоломеевская, что ли. Ага, и тебе — зимнюю шапку.

Ой, Вась, представляю: лежишь ты в белом спальном гарнитуре, в шапке...

Что молчишь, Вась? Жизнь, говорю, проходит. Повернись, слышь, не трону. Клянусь, не трону! Клянусь самым дорогим, что у тебя есть: нет, не этим, а велосипедом твоим. Зато,

если повернешься, жвачки дам пожевать Федька из Италии одну штучку привез, теперь всем пожевать дает. Сегодня наша с тобой, седьмая, очередь. Только, Вась, ты ее, как в прошлый раз, не глотай. Еще агроном после нас жевать должен.

Тамарка, кстати, на агронома — слышал? — в партком написала, что он ее обозвал «свиноматкой в сарафане». Ага... А парторг, как всегда, не посмотрел и резолюцию наложил: «Согласен».

Васька, чего сопишь? Правда, заснул? Проснись! Поехали в Италию. В Риме в Лувр зайдем. Поглядим на пирамиду этого, Херопса, что ли? Ну хорошо, не хочешь в Италию — давай хоть в Москву съездим, Вась? На Кремль взглянем, в павильон космонавтики зайдем, на эту статую знаменитую поглядим — «Мосфильм» называется. Помнишь, где он к ней молотом тянется, а она ему — серпом...

Эх, Вася, Вася... Впрямь, что ли, заснул? А я ведь ради тебя новую ночную рубашку купила. Федька говорит: к лицу! А по-моему — сплошной срам. Все вываливается, как тесто из кастрюли. Точь-в-точь как в том журнале бесстыжем. Помнишь, что фельдшер показывал? Там у одной платье на босу грудь, юбка-декольте и трусики-невидимки!

Вась, Вась, ты чего зашевелился? Вспомнил, что ли?

Васьк, ты куда полез? Вась? Вась? Ожил! Родной мой! А я уж думала, ты у меня совсем как арбуз перезрелый: пузо растет, а хвостик сохнет.

Вот за что я тебя люблю, Василек, — за то, что тебя хоть к утру всегда растормошить можно. Не то что наших мужиков. Откуда знаю? Тамарка рассказывала...

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СПУСТЯ

— Ой, ну вот, Вась, я тебе цветочки принесла, к изголовью положу у памятника. Сама рядышком посижу, поговорю с тобой. За жизнь-то нашу мы не наговорились. Ты все больше молчал, я верещала... Вот и сейчас поверещу, а ты уж потерпи, Вась. Детей наших — нет, не видала. В город теперь не съездишь.

Помнишь, Васька, когда-то в копне под звездами мы мечтали с тобой: лет через двадцать до Марса — на трамвае? Вот оно как обернулось, Вась: пятьдесят лет с тех пор прошло, а автобусы больше в город не ходят. Ага... Бензин знаешь сколько стоит? Хорошо, что ты лежишь, Вася.

Впрочем, что я о грустном... Хочешь, радостное рас-скажу? Очередь на наш с тобой спальный гарнитур подошла! Белый, как ты и мечтал! Только чтобы мне его выкупить, надо продать наш дом, Вася. А согласишь, глупо в поле одной — с белым гарнитуром. Но ты не волнуйся, дети обо мне заботятся. Сын... Сын хороший получился! Не зря я тебя тогда растормошила. В последний раз прислал мне такой подарок ко дню рождения! Баллончик от хулиганов! У нас же хуже теперь, чем в бесстыжей Италии. Кто с пистолетом, кто с баллончиком... Федька вообще с отечественным дезодорантом ходит. Говорит, самое

страшное оружие — наш дезодорант. Прыснешь в глаза — человек падает. Причем от струи. И долго без сознания остается. От запаха.

А дочка... Дочка, Васька, вышла за бизнесмена! Большой такой бизнесмен — метра два ростом. Порядочный. Каждый месяц мне справно получку мою присылает — семь долларов. Да, Вась, я у него на предприятии числюсь брокером. Он мне за это платит пять долларов и еще два доллара приплачивает за нашего кота Мурзика, который у него по ведомостям проходит как помощник менеджера.

Ой, Васька, изменилось все, не узнал бы ты нашей деревни. Помнишь, как в копне мы мечтали с тобой, Вася, что наступит такое время, когда денег вообще не будет? Вот, Вась, сбылось! Никому больше денег не дают — ни пенсий, ни зарплат. Так что первый признак коммунизма до нас добрал, Вася. Даже наверху, говорят, средства кончились. Космонавта запустили, а обратно посадить — денег нет. Второй год в космосе крутится, у него за это время на Земле третий ребенок родился. Это космонавт, гордость наша! А что про нас говорить? Даже Фильке Кривому, представляешь, пособие по инвалидности не дают. Ага. Хотя он каждый год справно справку приносит, что у него ноги нет. Комиссия всякий раз собирается, внимательно смотрит на его культяпку, после чего дает справку: «Подтверждаем, что и в этот год ноги нет».

Ну что тебе еще сказать? Новый агроном какой-то травкой торгует. Мудреное название — «Херболайф», что ли... Он в коровнике офис открыл, секретарш по стойлам посадил. И яркую такую вывеску на иностранном повесил. Все останавливаются, читают: «Херболайф». Задумываются, спрашивают: а что такое «Болайф»? Он им отвечает: «Это по-немецки здоровый означает». Ну, в общем, мужики покупают, Вась.

Ну что еще тебе сказать? Фельдшер ясновидящим стал, после того как в подвал по пьянке свалился. Утверждает, ему что-то открылось, — видать, сильно ушибся, пока летел. Теперь воду минеральную заряжает из нашего болота. Воняет, Вася! Но заряженная!

Сын фельдшера — тоже лекарь. Представляешь, он Тамарке пластическую операцию сделал. Натянул лицо на затылок, слышишь? Ой, Васька! Уши по моде убрал, не лицо — рыбацкий поплавок. Но, видать, перестарался, многовато забрал: глаза выкатились, как будто сзади леший за копчик схватил и не пускает. И все время улыбается! Помнишь, ты книжку читал «Человек, который всегда смеется»? Вот, это Тамарка! Дед у нее помер, а она на поминках сидит и лыбится целую неделю.

Ну всё, Вась, пожалуй, пойду. Темнеет. Поздно. Цветочки хоть и полила, с собой заберу. Здесь теперь ничего оставлять нельзя, Вася. Скамейку тоже с собой возьму. Воровство, Вась, сплошное. Квартиру председателя помнишь — вся в коврах? Ограбили! Одну записку оставили: «Так жить нельзя!» Видишь, есть все-таки справедливость на свете!

Ну всё, пошла, Вась. И не волнуйся за меня, я как-нибудь проживу. Ты же знаешь, я — ударница, да еще с баллончиком!

Нифигаська

Из записных книжек

Если мы хотим как можно быстрее обновить нашу жизнь, главное — не экономика! Главное — навсегда покончить с нашим коммунистическим прошлым.

Например, месяц октябрь, который своим названием неприятно напоминает нам об Октябрьской революции, надо немедленно переименовать. Лучше всего — в август. В честь революционного августа 1991 года! Ничего страшного, пускай два августа будет, разберемся.

Летний Август, названный в честь последней пока революции, будем писать с большой буквы. Детей впредь будем соответственно называть не «октябрятами», а «августятами». Быстро привыкнем. Привыкли же к словосочетанию «Санкт-Петербургский горисполком». Когда на самолете в Питер летишь, никого не коробит объявление: «Вас приветствует ордена Ленина, ордена Октябрьской революции Аэрофлот города Санкт-Петербурга Ленинградской области!»

Кстати, о переименованиях улиц, городов, колхозов, закоулков и тупиков... Должен заметить, что они сейчас очень дорого нам обходятся: все вывески менять надо, карты, учебники... К тому же никто не знает, сколько еще впереди нас ожидает путчей и переворотов!

Учитывая исторические особенности развития России, считаю, будет дешевле для всех поколений сразу придумывать названия на века. Скажем, улица Последнего победителя... Тупик Позора прошлого Президента!

Памятники сносить каждый раз после очередной революции тоже неэкономично. Гораздо умнее их переименовывать, как и улицы: загримировал Ленина — написал «Менделеев». Энгельса на Кропоткинской можно, не загримировывая, переименовать в любого нашего политического мыслителя.

Но еще дальновиднее сразу делать памятники со скручивающимися головками и съёмными кепками. Фигуры все равно у наших вождей примерно одинаковые, одеты — из одного прошлого. Шей всем подогнать под стандартный гаечный ключ. Переворот или путч удался — отвернул всем шейки, заменил головки, и порядок. Алкоголик с вечера «принял» под Свердловым — утром проснулся под Чубайсом.

Руки у всех монументов должны приводиться в движение червячной передачей, чтобы было легко менять указание направления: куда на сей раз поворачивать нашему народу.

Надо смелее принимать нестандартные решения! Например, памятники Ленину можно не просто сносить, но и продавать ГАИ — использовать их на дорогах как поворотные указатели: «Вам направо! Вам налево! Вы верной дорогой едете, товарищи!» Самого Ленина лучше всего отвезти в Финляндию. Он всегда за границей скрывался, когда на него гонения начинались, так что его нынче — обратно в эмиграцию, в шалаш!

И еще о важном. После Великой Августовской революции усилилось увлечение церковью.

Хорошо! Но в этом направлении тоже надо смелее действовать. У каждого административного здания целесообразней всего строить небольшие церкви, чтобы нынешние руководители могли замаливать грехи по месту работы. Издал распоряжение — тут же побежал просить за него прощение у Господа. Необходимо сизмальства приучать к религии детей. Пионерскую организацию можно сохранить, но принимать в пионеры надо непременно в церкви, только клятву пионера слегка подредактировать: «К борьбе за дело Отца и Сына и Святого Духа будь готов! Аминь!»

Наконец, чтобы жизнь казалась народу прогрессивней, предлагаю всем нынешним руководителям присваивать дворянские титулы. В газетах тогда можно печатать светские новости, довольно привлекательные для людей.

Например: «Князь Собчак и маркиз Назарбаев, выкушав по чашечке какао, отправились в балет в окружении графьев и фрейлин из облисполкома...»

На житейском уровне тоже не помешает добавить изящества. Например, милиционеров, которых народ не очень чтит, надо переименовать в полицейских. Не важно, что в кобуре огурец, а не пистолет; живот — как рюкзак альпиниста, рубашка не сходится...

С председателями горисполкомов пора заканчивать — везде должны быть мэры! Это тоже придаст немало очарования нашей нищете. Мэр города Талды-Курган!

— Глядите, господа, мэр на «Запорожце» поскакал по колдобинам с префектом, губернатором и шерифом Аниськиным!

Вообще обновлять жизнь надо с обновления нашего языка. Больше должно быть красивых и суперсегоднешних слов: коммерциализация, новация, презентация, приватизация... От старых штампов надо уходить к новым! Не универмаги должны быть, а супермаркеты; не столовые, а фудлэндъц не спекуляция, а маркетинг; не магазины, а шопы.

— Где ты это купил?

— Где-где... В шопе!

Кстати, из источников, близких к достоверным, стало достоверно известно, что на днях будет издан указ президента о первом официальном переименовании. Переименовывается авоська! В нифигаську!

Так что впереди у нас — долгожданная новая жизнь: мэры, префекты, господа, шопы и одна большущая на всех нифигаська!

Выпить охота

На улице ко мне часто подходят с вопросом: «Все, что вы рассказываете, — правда? Или вы все это сочиняете?» Чаше всего в последнее время спрашивают, пожалуй, про историю с дринками.

Сознаюсь, ее мне рассказал в Харькове, в бане, один из руководителей харьковского ГАИ. К сожалению, его фамилии я не записал и не смог потом отблагодарить за такой подарок. Он сам был участником этой истории. Из Харькова в свое время многие уехали в Америку, в том числе один из его лучших друзей. Прошло лет пятнадцать. Из Советского Союза стало легче выезжать по приглашениям. Друзья встретились в Хьюстоне и решили эту встречу отметить прямо по дороге из аэропорта.

Эмигрировавший друг был за рулем. Проезжали мимо мексиканского ресторана на трассе. Зашли, сели, позвали официантку-мексиканку. Задача перед ними стояла непростая. В большинстве американских ресторанов водку в бутылках на стол не подают. Только рюмками. Называется одна порция-рюмка «one drink» (drink — по-английски: выпивка, напиток, а также порция). Две порции — «two drinks»... То есть дринкнул, недостаточно захорошело — попросил второй дринк. Двух-трех дринков для американцев обычно за вечер предостаточно. Но наши ребята не виделись пятнадцать лет!

Друг моего рассказчика хоть и знал здешние порядки, но они ему претили, так как душа его навсегда осталась нашей. Поэтому официантке он сразу сказал:

— Значит, так. Слушай меня внимательно. Принеси нам десять дринков. Только сразу, вместе! Поняла? Ну и на закусочку какой-нибудь салатик.

Официантка переспросила:

— Сколько-сколько дринков?

— Десять! Давай быстрее, мы двадцать лет не виделись. Выпить охота, понимаешь?

Официантка пошла сначала на кухню, но какая-то мысль ее все-таки остановила по дороге, и она вернулась.

— Вы извините, я недавно из Мексики, не все еще понимаю по-английски. Вы не могли бы повторить ваш заказ?

Наш слово в слово повторил настойчивее:

— Десять дринков и один салат. Давай быстрее.

«Догадавшись», о чем идет речь, официантка очень учтиво спросила:

— Вам, наверно, еще стулья поставить, да? Еще люди придут?

Наши уже стали раздражаться:

— Не волнуйся, милая, стулья ставить не надо. Вдвоем справимся. Давай, и побыстрее. Говорят тебе, выпить охота.

Официантка принесла на блюде десять рюмок водки, отошла в сторону и стала наблюдать,

что будет дальше. Наши быстро ими «прожонглировали» за встречу, за друзей, за первую родину, за вторую родину, за удачу, за счастье и за будь-будь! И снова позвали потрясенную увиденным официантку.

— Еще десять дринок принеси, да?

Та опять учтиво спрашивает:

— И салат?

— Нет, салат оставь этот. Не трогай.

Официантка принесла новые десять дринок. Наши их продринкали еще быстрее. За школьных учителей, врачей, за тех, кто уехал и кто остался (поименно), и за будь-будь! И в третий раз повелительным жестом потребовали официантку.

— Очень маленькие у вас все-таки дринки. Чтобы мы тебя больше не гоняли (решили заботу об официантке проявить!), принеси сразу двадцать. А салат не трогай, тебе сказали.

Все работники ресторана вышли посмотреть, как наши опрокидывают дринки за тех, кто в море, за тех, кто с нами, и за хрен с теми, кто не с нами... Подошел к столику хозяин ресторана. Пожилой заботливый мексиканец пожал нашим руки, представился и говорит:

— Вы замечательные клиенты. Мы даем вам максимальные скидки. Приезжайте к нам почаще. И имейте в виду, что каждый четвертый дринок у нас бесплатный.

Зря он это сказал! Наши тут же позвали официантку.

— Повтори все, что мы взяли, а то, что бесплатно положено, отдельно поставь на поднос — пусть рядышком стоит, так, для удовольствия, глаз радуется. Да, и принеси наконец какой-нибудь закуски. Мы ж не алкоголики — все это под один салат пить.

Когда в каждом сидело по пол-литра, ребята встали и под аплодисменты обслуживающего персонала начали прощаться:

— Спасибо, было очень вкусно, нам пора, мы поехали.

Хозяин подошел во второй раз. Снова пожал им руки и, загадочно улыбаясь, сообщил, что их ждет у выхода сюрприз. Он вызвал за свой счет лимузин! Чтобы тот в целости и сохранности доставил дорогих клиентов домой.

— Таких клиентов беречь надо, — пояснил хозяин.

— Зачем нам лимузин? — возмутились друзья детства. — Мы сами за рулем.

И официанты, и повара вышли на крыльцо проводить «жонглеров дринками» в последний путь. Те же как ни в чем не бывало сели в машину и поехали.

Ехали, ехали, вроде не качаясь, не нарушая правил. И вдруг — надо же такому случиться! — их остановил на трассе дорожный патруль:

— У вас фара одна не работает.

Полицейский отошел метра на три, показал жезлом на негорящую фару. За рулем из наших был тот, который уже в Америке пообтерся. Понимал — главное сейчас, чтобы полицейский не почувствовал запаха. Однако отвечать надо. Приоткрыл окошко чуть-чуть и, высунувшись лишь одним ухом, попытался внятно пробормотать:

— Конечно-конечно, мы всё знаем, как раз ехали в автосервис.

Но даже из уха на три метра так потянуло спиртным, что полицейский пошел на это ухо, как кот на валерьянку.

— По-моему, вы выпили.

Наш попытался его успокоить, продолжая разговаривать так же, ухом:

— Да нет, в пределах нормы.

И вроде не соврал. Просто не уточнил, что в пределах своей нормы.

— А по-моему, не в пределах, — не поверил полицейский. — Придется пройти тест.

Достал, извините за выражение, «тестилку» — последнее достижение американской науки и техники.

— Дыхните вот сюда!

Водитель побледнел. Отказаться от тестилки нереально. Сразу заберут. Дать взятку — еще хуже: посадят. Они же, американцы, как недоросли, даже не догадываются, что можно деньги собирать на дороге. Оставалось одно — надеяться на технику выдоха. Этому у нас многие научились еще в юности. И никто, кроме наших, в мире такой техникой не обладает. Выдыхать носом. Шумно, но с меньшим процентом перегара. Когда-то я тоже знал этот способ. Мальчишки во дворе научили. Я тогда был в восьмом классе. И успешно пользовался этим выдохом, когда на школьных вечерах нас проверяли учителя.

Вспомнив, чему учили комсомол и школа, наш водитель послушно и шумно пустил струю через нос и стал обреченно ждать результата. Полицейский посмотрел на дисплей тестилки и не поверил своим глазам. Там ясно и отчетливо выскочило слово «труп». Бедный американец так удивился! До сего момента он даже не знал, что там такое есть, внутри дисплея. Потряс тестилкой — может, что-то в ней заклинило? Ведь не может такого быть: водитель живой, а на дисплее написано «труп». Явное расхождение — несвязуха! Потряс и попросил еще раз: «Не могли бы вы снова пройти тест?»

Наш понял: что-то у американца не получается Дыхнул уже увереннее. Американец

посмотрел на дисплей: опять труп. У американца, как рассказывал мне свидетель-харьковчанин, даже волосы в подмышках зашевелились от ужаса. Водитель же, увидев полицейского растерянным, приободрился и спросил: «Что там у вас?»

— Да вот тут, посмотрите, — не зная, как подобрать слова, начал объяснять американец. И показал водителю на дисплей.

— Да у вас же прибор испорчен! — мгновенно осмелел наш «заяц во хмелю». — Да я на вас жаловаться буду. Вы меня оскорбляете. Я что, труп, по-вашему?

Американец окончательно растерялся и, не зная, что дальше делать, отпустил наших. Как утверждал мой рассказчик, он долго еще, стоя на том же месте, тряс своей тестилкой, с которой никак, судя по всему, не мог скинуть слово «труп».

Наши обрадовались, поехали. По дороге уже хотели в честь такого события еще в какой-нибудь ресторанчик заскочить. Но судьба-режиссер распорядилась по-своему. Или они и впрямь ехали качаясь. И их остановила вторая полицейская машина. Впрочем, наш уже опытный водитель ничего не боялся. Уверенно подозвал полицейского и сразу ему предложил: «Давай сюда, без лишних предисловий, свою тестилку». На этот раз он выдохнул что есть мочи. Раза в три больше, чем вдохнул. Полицейский посмотрел на дисплей — глаза у него округлились, как и у первого. Поэтому наш уверенно сам спросил: «Ну что там, труп, да?» Еще больше полицейский удивился такой пронизательности.

— Откуда вы знаете?!

— Да у вас же у всех на дороге приборы испорчены, — разошелся наш «заяц». — Да я на вас в муниципалитет жаловаться буду! Уже один нас останавливал. Я у него тоже трупом был. Вы мне за это ответите.

Полицейский не поверил такому бреду, связался со своим коллегой:

— Ты труп останавливал?

— Да, было, — как-то с неохотой ответил тот, видимо, все еще продолжая трясти тестилкой. — Вот до сих пор с дисплея не исчезает.

За нанесенный моральный ущерб наших проводили под конвоем до дома.

А на следующий день они поехали в мексиканский ресторан завтракать с максимальной скидкой. И дринкнуть не только за свою историческую родину, но и за американцев. Все-таки с ними можно иметь дело!

Нефтяником будешь!

В начале 90-х годов группа немецких бизнесменов приехала в Россию, желая наладить деловые отношения с нашими нефтяниками. К тому времени по миру уже поползли слухи о том, что в России можно быстро сделать хорошие деньги. Особенно в нефтяном бизнесе. И

многим западным бизнесменам срочно захотелось стать русскими нефтяниками.

Бизнесмены представляли солидную фирму. Чтобы показать русским, насколько серьезны их намерения, они привезли гуманитарную помощь голодающим во имя реформ россиянам.

Наши чиновники этот благотворительный шаг оценили по-своему. Раз немцы такие щедрые, их можно будет «подоить». И устроили приехавшим в течение недели ежевечерние приемы, во время которых было съедено продуктов больше, чем привезли немцы. При этом все дни в тостах говорилось о том, как тяжело нынче России от нехватки западных инвестиций на пути реформ.

Немцы, которые с детства привыкли считать каждый бутерброд, даже спросили у кого-то из чиновников: а кто за все это платит? «Никто», — не задумываясь, ответил чиновник. «Как никто?» — не поняли немцы. «Ну, государство», — пояснил чиновник. После чего мне пришлось долго им объяснять, что государство и «никто» — у нас одно и то же лицо.

В то время я руководил одним из крупных фондов, через который была распределена часть привезенной, как мы тогда говорили, «гуманитарки». Я тоже присутствовал на банкетах и даже иногда сопровождал довольных приемом немцев в их экскурсиях по Москве. Они поняли, что меня многие знают. При встрече со мной улыбаются, разговаривают. Двое из группы попросили меня полететь с ними в Тюмень, чтобы помочь провести переговоры с настоящими тюменскими нефтяниками. За это моему фонду была обещана и впредь гуманитарная помощь. Выступлений у меня в то время не было. Россия от шока гайдаровских реформ лежала в нокдауне, и ей не на что было покупать билеты на концерт. Я согласился. В надежде на новые впечатления взял записную книжку.

И не ошибся! Записи пришлось делать уже в самолете, поскольку кое-кто из пассажиров летел стоя, словно ехал в трамвае. Немцы не могли на это не обратить внимания. Неуверенно спросили: «А разве до Тюмени недалеко?» Что я мог им ответить? Что правительство и народ в настоящий момент живут каждый своей жизнью? У каждого своя халтура. И у летчиков тоже. Подошли к командиру экипажа безбилетные, попросили: «Водила, подбрось до Тюмени, а?» — «Мест нет», — ответил командир. «Не бойсь. Мы смирно постоим, никому мешать не будем. Очень надо, пойми, водила». Водила понял.

И вот теперь человек семь летели стоя, держась за спинки кресел. Некоторые, чтобы скоротать время, пили баночное пиво. Один, который стоял возле моего немца, уже напился и пытался на него облокотиться. С банки капало на клетчатые качественные немецкие брюки. Немец дергался, однако отодвинуться ему было некуда. Да еще пассажир справа, видимо, из очень средней Азии, извините за подробности, снял туфли. Не знаю, как далее прилично описать эту пикантную ситуацию. Впрочем, думаю, наши читатели не раз сами в нее попадали. В блокноте же я тогда записал: «Я не был на Первой мировой войне, но мне кажется, такой газовой атаки немцы не испытывали с 1914 года». Больше всего их удивляло то, что никто из пассажиров на эту атаку не реагировал. Вроде бы это для них — привычное дело. И даже когда подали еду, все стали есть как ни в чем не бывало. Немец же нашей закалкой не обладал. Он не выдержал, вынул небольшой дорожный дезодорант и побрызгал вокруг себя. Сделал этакую парфюмерную «дымовую завесу». После чего неожиданно даже

для меня проснулось лицо среднеазиатской национальности, толкнуло немца в бок и грубо спросило:

— Зачем испортил воздух?

В Тюмени нас встречали уже не чиновники, а действительно настоящие нефтяники. Животы у всех — как рюкзаки альпинистов. Несмотря на тридцатиградусную жару, все в пиджаках и при галстуках. Галстуки параллельно земле на животах лежат.

— Здравствуйте, рады приветствовать! Много наслышаны. Из Москвы звонили — сказали, нормальные мужики, хоть и немцы. Дело делать могут. Так что не будем тянуть. Сегодня вечером обсудим все контракты в бане.

В первый момент немцы думали, что переводчица неправильно что-то перевела.

— В бане? Контракты?

— Да, в бане.

— А почему в бане?

В этой поездке я превратился для них в главного объяснялу:

— У нас так часто бывает. Это знак особого расположения и доверия. Так что, если хотите стать действительно нефтяниками, не вздумайте отказаться.

В гостинице тому немцу, что поглавнее, дали лучший — в прошлом обкомовский — люкс. Три комнаты, огромная гостиная, обои и ковры цвета взорвавшейся плодоовощной базы. В четырех углах гостиной — четыре люстры, у каждой по четыре плафона. Они, как сопла ракет, угрожают с потолка. Но... нигде нет выключателей. После пустых попыток найти хотя бы один мой немецкий друг, как всегда, обратился ко мне:

— А где у вас обычно выключатели?

— Посмотри в шкафу.

Прямо от двери во всю стену раскинулся шкаф. Я к тому времени был уже опытным гастролером. Много колесил по российским загогулинам, подобное видел не раз. Знал, что администрация гостиницы покупает за безналичные как можно больше мебели. Потом начинает распихивать ее по всем углам. Шкафы обычно громоздкие, заслоняют выключатели, розетки. Тогда вызывается плотник или столяр с лобзиком, вырезаются дырки в задних или в боковых стенках шкафов — и выключатели оказываются внутри.

— В шкафу — выключатель? — переспросил немецкий друг.

— Да, внутри.

— А-а, я понял! Ты же юморист?

— Я-то юморист, но тем не менее советую заглянуть в шкаф.

Немец открыл дверцы шкафа. Осторожно открыл, как будто тот заминирован. Смотрит, перед ним на задней стенке, у самого пола, — красавец выключатель. Секунды три они с выключателем смотрели друг на друга. После чего немец так же осторожно закрыл дверцы и снова открыл их. С первого раза не поверил! Выключатель снова оказался в шкафу.

Забегая вперед, скажу, что вскоре ему этот процесс даже понравился. Открыл дверцы шкафа, включил свет, засветились сопла ракет по углам, закрыл дверцы шкафа... Покидая Россию, он, словно чеховский герой, прощался с любимым шкафом. Обещал ему, что у себя на родине в память о России сделает точно такой же и будет этим процессом угощать гостей.

У второго немца был полулюкс. Это означало, что в нем стояла итальянская сантехника только наполовину. Например, кран с золотыми каемками, а раковины под ним вообще не было. Правда, администратор успокоила:

— Это пока. В следующем сезоне поставят. Приезжайте. Вам понравится.

Зато кран был установлен на редкость аккуратно. Струя из него попадала точно в сливную дырку в полу, словно сантехник при его установке использовал высококачественную прицельную оптику.

Душ тоже был итальянский. Но его держатель наши ребята замуровали в стенку на уровне пупка. Вселившийся в полулюкс немец немножко понимал по-русски. Он сам спросил администратора, причем очень корректно:

— А если я хочу помыться весь?

— Поверните душ ситечком вверх и дайте побольше напор воды. Не понимаете, что ли? На вас будет сверху капать.

Поскольку немцы не знают, что у нас при банях обязательно имеются банкетные залы, они решили перед баней сходить в гостиничный буфет. В этот переходный период российской экономики в буфетах даже бывших обкомовских гостиниц были только остатки тех продуктов, которые завещала нам к концу перестройки вялая советская власть. То есть килька, засиженная мухами, печенье «Октябрьское» и отечественные полубритые курицы, вернее, крылышки от них и иногда ножки. Как будто это не курицы, а маленькие вертолетики. Еще порой в таких буфетах залетным продуктом бывал кефир. Наш кефир, который комками вываливается из бутылки.

— Нам кефир, пожалуйста, — попросили немцы.

— Сначала сдайте пустую посуду, — категорически отрезала буфетчица.

— Но мы только что из Германии.

— Ничего не знаю, надо было посуду взять с собой, раз так кефир любите. А то все вон берут, а посуду не возвращают.

Однако главные события развернулись вечером! Уже через пять лет подобным банно-российским приемом нельзя будет удивить ни одного иностранца. А тогда, зайдя в баню и увидав накрытые столы, главный немец очень искренне спросил:

— Это баня?

— Да, это баня.

— А почему столы накрыты?

— Потому что это баня, — не очень убедительно ответил я и даже сам смутился из-за такого парадокса.

— Хорошо... Если это баня, то где халаты и тапочки? — продолжали допытываться гости.

Тут в разговор вмешался «главный» нефтяник Впредь я всех буду называть без имени и фамилии, поскольку многие из них стали впоследствии благодаря подобным банным приемам известными бизнесменами и даже политиками. Короче, наш «главный» тут же сделал выговор своему помощнику-«шестерке»:

— Ты чего, действительно, Петрович, халаты не взял? Я ж тебе говорил, что немцы придут. А ну, лети быстро, тут рядом есть больница, попроси у медсестер или нянечек пару халатов для наших высоких гостей. Только пусть почище дадут на этот раз. Без особых кровоподтеков.

Халаты оказались даже накрахмаленными, с застиранными навечно пятнами от фурацилина; пахли они прачечной и валокордином. Петрович принес еще и шапочки из хирургической.

Чувствую, нравится это все немцам. Что-то новенькое появилось в их жизни. Стоят, любуются друг другом, смеются. Как дети. Вообще я заметил, многие, даже очень солидные, западные бизнесмены в России становятся детьми. Мы для них — этаким необъятный аттракцион «Рашн-ленд».

Впрочем, радоваться им суждено было недолго, потому что в это время «главнокомандующий» приказал всем садиться за стол. Стол я описывать не буду, это заняло бы слишком много времени. Скажу только, что на нем оказались деликатесы, которых не было и не могло быть в немецкой гуманитарной помощи.

— Итак, дорогие гости, — начал речь «главнокомандующий», облокотившись на стол животом, — можно начинать! Парилка готова, там уже под сто сорок. Венички замочены. Поэтому для начала надо как следует закусить. Наливаем. Настоящий нефтяник перед парилкой должен закусить. Что пить будете?

От такой «торжественной части» немцы побледнели. Но, чтобы объяснить почему, я должен

сделать отступление, уважаемый читатель. Дело в том, что немцы обычно в банях моются и очищаются от съеденного за неделю. То есть проводят там время весьма примитивно. Даже температура в их парилках и та примитивная — не выше девяноста градусов. Вообще, согласно моим наблюдениям, среднестатистический немецкий «парень» уступает в выносливости среднестатистическому российскому мужику, что убедительно доказывается отсутствием в немецком языке даже слова «мужик». То есть не мужики они. Повозите немца годик по нашим дорогам — и детей у него уже не будет никогда. А для наших это всего лишь легкий массаж. Примеров подобного немужицкого поведения немцев можно привести массу. Если немец поест, как наш, на ночь, он уже не проснется никогда. А пьют они, смешно сказать, виски с содовой. Девять десятых из этого — содовая. И пьянеют! И говорят друг другу глупости. И радуются! И аспирин на ночь принимают от похмелья, чтобы наутро не болела голова. Однажды в Берлине мне дали прочитать в немецкой газете криминальное сообщение: «Двое немецких солдат взяли бутылку бренди. Зашли в номер своей гостиницы и учинили там пьяный дебош на два дня».

И, наконец, главное, что меня в свое время поразило больше всего. В немецких банях мужчины и женщины находятся вместе в одних и тех же парилках совершенно нагими. Как те, так и другие. Моются в одних душевых. При этом разговаривают о погоде, политике, ценах и скидках, совершенно не испытывая друг к другу никаких чувств. Попав первый раз в немецкую баню, я сразу сказал, что наших мужиков в их баню без подготовки пускать нельзя. Наши на Севере детей на стройках делают, не снимая телогреек.

Ну и, учитывая сказанное, закончу свое отступление так: если немцу предложить, с веником и стаканом водки поросеночка под хреном, зайти в парилку, где сто сорок, он сначала умрет, потом с ним случится инфаркт.

— А у вас виски с содовой нет? — робко поинтересовался немец.

Еще раз напоминаю: то была Россия переходного этапа к рыночной экономике, когда рубль уже был близок к самоубийству, а товаров еще не было. Поэтому виски пили только редкие завсегдатаи различных заграниц.

— Вы что? Какие виски? — возмутился «председатель», а вместе с ним и нефтяники помельче. — Виски вы еще у себя нахлебаетесь. А тут уж давайте по-нашенски! У нас есть такой напиток, называется «шило». Выпьете — будете нефтяниками! Мы за свои слова отвечаем.

Во второй половине своей юности я с агитбригадой ходил на наших судах по Северному морскому пути. Тогда и узнал, что «шило» — это особый согревающий напиток: спирт с перцем. Когда на атомоходе «Ленин» я вонзил в себя всего пол стакана «шила», меня вместе с табуреткой пригвоздило к полу минут на двадцать. Хотя я был закален студенческой жизнью в общежитии. Можно себе представить, что было после такого же стакана с незакаленной немецкой немощью. Он в момент превратился в восковую фигуру из музея мадам Тюссо. В этой же позе его перенесли в гостиницу и уложили в кровать. Только заботливо надели галстук, чтобы тот не потерялся.

Проснулся наш немецкий шеф в восемь утра и, по-моему, в первый момент даже не понял, в какой стране он находится. Голый, в медицинском халате, с деловым галстуком на шее. А над ним уже стоят наши нефтяники. Все в костюмчиках, свеженькие, с утра супчику поели. Наши всегда перед работой опохмеляются супчиком, вернее, наваром из мозговой косточки. И при этом приговаривают: «Однако оттягиват!»

Стоят они над немцем, словно консилиум у постели умирающего. «Главнокомандующий» протягивает ему все тот же граненый стакан и говорит:

— На, выпей, полегчает. Отвечаю...

Я по глазам немца вижу, он хочет задать вопрос, но не может. По его взгляду вопрос мне понятен, и я его озвучиваю:

— Это что, тоже «шило»?

— Нет, «шило» пьется вечером. А это на похмелье. Это «буравчик». Выпей, выпей. Нефтяником будешь!

«Буравчиком» меня угощали на атомоходе «Арктика». Могу засвидетельствовать: «буравчик» действительно не «шило», потому что «буравчик» — это не спирт с перцем, а спирт с небольшой добавкой жидкого азота. Кто-то из северян придумал, дабы спирт не так раздирал глотку, немного добавлять в него захлаживающего жидкого азота. Действительно, с такой добавкой, близкий к температуре абсолютного нуля, напиток, можно сказать, проскальзывает в организм, не задевая нежных слизистых оболочек гортани. Затем легкая фракция «буравчика» мгновенно испаряется с выдохом или иком, а спирт, как ценное вещество, остается в организме. Только пить «буравчик» надо очень быстро, ни в коем случае не смакуя, как виски с содовой.

Немцу очень хотелось стать нефтяником. Принял он «буравчик» и еще на пару дней поехал в гости к мадам Тюссо. Очнулся — наши опять над ним в галстучках консилиумом собрались:

— Одевайся. Сегодня едем на рыбалку. Поехали, поехали, два дня уже тебя тут ждем.

— Я не умею рыбачить, — взмолился немец.

— А что там уметь! Наливай и пей.

Уезжали немцы с подписанным контрактом. Растолстели на наших харчах. У того, который по-русски говорил, голова уже с трудом входила в кепочку. Впрочем, этого следовало ожидать: ведь он влюбился в повариху, которая им всю неделю готовила. Звали ее Варя. Это имя ей очень подходило. Она не могла быть ни Олей, ни Таней, ни Леной. Она могла быть только Варей. Готовила и варила с душой и умела открывать пиво обручальным кольцом. Все это очень нравилось немцам. Однажды они из-за нее чуть не подрались. То есть стало в них появляться что-то нашенское. Она же, Варя, выбрала того, который говорил по-русски. Ей нравилось говорить с мужчинами. Этого она на родине не имела. И, кроме того, хотелось

понимать, как ее уговаривают.

Когда же мы прощались в аэропорту «Шереметьево», немцы мне сказали:

— У вас потрясающая страна! Похудеем — еще приедем. Нам очень понравилось. Спасибо. У нас, в Германии, работать гораздо сложнее. У нас бы полгода такой контракт обсуждали. Наверное, потому, что у нас нет такой бани.

Один из немцев действительно вернулся. Но я его уже не встречал. Мне рассказывали нефтяники, которые потом стали политиками, что Варе он привез новое обручальное кольцо. Все-таки добился своего — стал настоящим нефтяником!

1993–1994

Формула успеха

Сегодня главная мечта любого театра — съездить в гастрольную поездку за границу. Кого интересуют наши театры за границей? Разумеется, только наших эмигрантов. Думаю, поэтому во многих спектаклях теперь проскальзывает тема эмиграции. Даже классиков порой умудряются подчинить выгодной теме. В результате, приходя сегодня в театр, все чаще удивляешься тому, что, оказывается, Чехова, Пушкина, Толстого и даже Шекспира волновали проблемы нашей эмиграции!

В помощь режиссерам для решения их сверхзадач предлагаю следующее новое видение и трактовку известных всему миру пьес.

«Вишневый сад». Главная тема постановки — уезжать или не уезжать нашей интеллигенции в Израиль? Если уезжать, то что делать с вишневым садом? Продавать? Или сдавать в аренду здесь, чтобы на эти деньги немного лучше жить там? Лопехин должен олицетворять собою новое поколение российских бизнесменов, которые ничем не гнушаются и даже наживаются на отъезжающих. Самый большой успех обеспечен спектаклю, если Лопехин лицом будет похож на Жириновского.

«Анна Каренина». Главная героиня, естественно, еврейка, о чем свидетельствуют ее имя и фамилия: Аня Облонская. Влюблена в молодого еврейского офицера Вронского. Вместе они мечтают уехать в Израиль. Но муж, старый русский антисемит, не отдает им ребенка, национальность которого /по еврейским законам/ определяется по матери. Анечка отказывается уезжать без ребенка. Вронский бросает Анечку. Анечка бросается под паровоз! Паровоз символизирует государственную антисемитскую машину, сметающую на своем пути все, вплоть до тела безвинной Анечки, которой так и не удалось увидеть Землю обетованную.

Вообще тема антисемитизма в России будет иметь безусловный успех среди эмигрантов, поскольку среди уехавших из России в Израиль есть и евреи.

Поэтому для элитарной части эмиграции можно поставить повесть Гоголя «Нос». Почти

каждый сидящий в зале будет думать, что это про него, и сопереживать побитому судьбой Носу. В очередях за билетами зрители будут восклицать: «Ну, вы поняли, каким антисемитом был товарищ Гоголь?»»

С успехом пройдут у нашей эмиграции и пьесы Островского, так как они даже своими названиями напоминают еврейские народные мудрости. Лишь в конце названия на афишах желательно всегда добавлять вопросительный знак и произносить их с одесско-дерибасовской интонацией: «Бедность не порок?», «Свои люди — сочтемся?», «Правда хорошо, а счастье лучше?».

Словом, если подумать, окажется, что на Западе можно легко иметь успех с любой хрестоматийной пьесой.

«Три сестры». В одном интеллигентном еврейском дворянском доме живут три молодые девушки: Ольга Марковна, Мария Исааковна, Ирина Моисеевна. Все они — родные сестры. Трагедия семьи заключается в том, что через их провинциальный город когда-то давно прошел царский полк еврейских казаков.

«Евгений Онегин». Старинный еврейский род Лариных. Татьяна и Ольга Лоринзон. Имение под Бердичевом. Два коммивояжера, Ленский и Онегин, привозят перед Пасхой мацу. Онегин предлагает Ленскому всучить некачественную мацу провинциальным лохам. На благотворительном балу в честь раздачи мацы бедным сироткам-евреям Онегин приглашает Ольгу, невесту Ленского, на танец «семь-сорок». После танца Ленский посылает Онегину вызов. Онегин с радостью принимает вызов и уезжает по этому вызову в Тель-Авив.

Можно достойно осовременить и либретто оперы «Иван Сусанин». Русский народный герой-антисемит обещает провести отказников-евреев в Израиль кратчайшим путем через Кострому.

Но самая глубокая философия, связанная с эмиграцией, заключается в трагедии Шекспира «Гамлет». Да, сам Гамлет — датчанин, чего, естественно, нельзя сказать о Розенкранце и Гильдестерне. Глядя на этих двоих зажиточных вельмож, герой, у которого не все ладно в королевстве, всерьез задумывается: а не сменить ли ему свою никчемную национальность? Поэтому свой главный монолог «Быть или не быть?» актер должен произносить с явным намеком — делать или не делать ему обрезание. Потому-то он и мучается всю пьесу...

И, наконец, последнее. Если режиссеру захочется, чтобы его спектакли нашумели не только в Израиле, Америке, Одессе, но и в родной России, ему надо сделать дядю Ваню «голубым», трех сестер — путанами, Гамлета — гетерогенным, Отелло — маньяком, короля Лира — пришельцем из космоса. А в анонсе спектакля по роману «Анна Каренина» приписать хотя бы в скобочках: «Эротический триллер».

Чувство глубокого удовлетворения

Больше всего за рубежом я люблю бывать на Украине.

Украина — единственная страна в мире, где меня на улицах останавливают и на ушко украдкой спрашивают: «Рубли русские не продаете?»

Кто бы мог подумать еще несколько лет назад, что где-то кого-то когда-то будут интересоваться русские рубли, а «Запорожец» станет иномаркой!

Правда, для этого пришлось малость покровсать нашу общую коммунальную родину. Но нет худа без добра. С таким мощным разъездом коммуналки по отдельным квартирам кое-что стало, безусловно, лучше.

А именно: как бы плохо ни было тебе в собственной стране, всегда рядом найдется страна, в которой еще хуже. Пускай не всё хуже, пускай только в какой-нибудь мелочи, а все равно приятно, хоть и мелочь. Что поделаешь, если нашему человеку осталось единственное удовольствие: сознавать, что где-то кому-то хуже, чем ему.

В Прибалтике, например, аккуратно до завидного: подстрижено, асфальтировано, неколдобисто... Конечно, тоже нищета, но... изящная! Забор если покосился, то ровненько: досочка к досочке! В лужах вода прозрачней, чем у нас. Грязь чище! Из-под колес автомашин лепешки вылетают и на брюках по ранжиру строем ложатся.

В России забор ежели покосился, то по-русски, с душой! Весь навыворот расхристался вместе со столбами. Не забор, а противотанковая линия: с собой по дружбе два соседних забора к земле пригнул.

Зато в Прибалтике зимой холодно! Мазута нет, нефти нет... А у нас тепло, но грязно.

«Не беда. У них-то холодно!» — радостно потирают руки россияне, сидя по уши в грязи.

И всем хорошо! Всем радостно! Всем есть чем гордиться.

В Сибири люди теплее, причем с утра.

В Грузии — отличная кухня, но... стреляют.

В Эстонии кухня вялая, как Балтийское море осенью. Зато — кладбища... так и хочется полежать, отдохнуть!

В России больше всего партий новых типов. Больше таких типов нет ни в одной стране!

Приморье богато рыбой, но... отравленной.

В Краснодаре и Воронеже — самые красивые девушки, но... дорогие. В Белоруссии грибы больше, чем в Казахстане, но... радиоактивнее, чем отходы в Семипалатинске.

Украина опережает всех по салу, колдунам и барабашкам.

В Молдавии на улицах бьют русских.

В России на улицах бьют всех!

— У вас почему в стране масло?..

— А у нас в два раза дешевле!

— Зато у нас полицейским форму Карден шил!

— Не смешите! Я в такой форме студентом в Шушенском коровник строил. Вот у нас действительно сам Зайцев милиции костюмы проектирует!

— Интересно, если Зайцев полицейским спроектирует костюмы, то сколько времени полицейский будет искать пистолет в штанах?

— Зато у нас все задолженности по зарплатам уже начали выдавать продукцией, которую выпускает производство, на котором работаешь. Соседка вон за шесть месяцев получила зарплату мыльницами. Брат принес домой два мешка дверных петель. Сегодня семь петель отдал за чашечку кофе в столовой. Три петли за сахар и одну — на чай.

— Интересно, а мне что делать? Я на заводе шпал работаю. Мне что, каждое утро в магазин со своей шпалой ходить?

Но, пожалуй, самую большую гордость у каждого одноклеточного эсэнговца вызывают свои собственные новые деньги.

Если бы провели конкурс, чьи деньги остроумнее, первое место наверняка получила бы Белоруссия. Ведь даже во сне пьяному дворнику периода застоя, не опохмелившемуся одеколоном «Ромео и Джульетта», не пришло бы на ум, что на новых купюрах могут быть портреты зайцев, кабанов и лосей... Вообще-то во всех странах портреты на купюрах изображают лидеров этой страны.

Латвия дальше белорусов пошла. У них на деньгах — рыбы, коровы и дубы. Они по-своему своих лидеров воспринимают. Но опять-таки нет худа без добра: очень легко отличить, фальшивая купюра или нет. Возьмите банкноту с дубом и потрясите: если желуди не опадают, купюра настоящая!

Говорят, Россия по примеру Белоруссии тоже собирается новые деньги выпустить — с портретами овощей. Мол, чем богаты, тем и рады. Скажем, деньги с портретом репы! Купюра больше, репа — больше.

Еще хорошо смотрится капуста в кепке. Мы же говорим про деньги: «капуста». А кепка будет напоминать о светлом прошлом.

Кстати, недавно просочились слухи, что в России появятся стотысячные купюры — с портретом хрена. В быту проще будет объясняться:

— У тебя деньги есть?

— Да нет у меня ни...

Есть древняя притча о нашем СНГ. Господь Бог спросил у одного человека: «Что ты хочешь? Проси немедленно, и я сделаю. Только имей в виду — соседу сделаю вдвойне».

И человек тут же ответил Господу: «Выколи мне глаз».

Вот так и живем в своей коммуналке под руководством своих дубов и лосей. И сами постепенно становимся ими.

Записки сумасшедшего

Мне срочно надо было позвонить в справочную.

Я поднял трубку. Гудка не было. Вместо него грустный мужской голос сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил я.

— Вам сыр не завезли? — спросил голос.

— Мне нет, — ответил я.

Голос помолчал, потом сказал:

— Странно.

В трубке раздались короткие гудки. Я набрал «09».

— Милиция слушает, — ответил дисциплинированный голос. — Смирнов!

Я давно заметил, что самые дисциплинированные мужские голоса носят фамилию Смирнов.

— Извините, это «09*»? — глупо спросил я.

— Нет, это «02». — разумно ответила милиция.

— Странно, — сказал я. — Я набирал «09».

Дисциплинированный голос помолчал, потом сказал:

— Попробуйте наоборот.

— Что — наоборот? — не понял я.

— Какой вы непонятливый! — возмутилась милиция, не выходя за рамки дисциплинированности. — Это же так просто. Если вы набираете «09», а попадаете на «02»,

то надо попробовать набрать «02», чтобы попасть на «09». Понятно?

Такой сообразительности от милиции с фамилией Смирнов я не ожидал. Мы дружески попрощались, и я набрал «02».

— «Скорая помощь», — вяло ответил женский голос с маленьким окладом. — Вам чаво?

— Извините, но я звоню в справочную, — извинился я.

— Справочная — «09», — по-милицейски разумно заметила «Скорая помощь».

— Я знаю, — попытался оправдаться я. — Поэтому я и набираю «02», а попал на «03».

Голос в трубке долго молчал, потом сказал не без интереса:

— Давайте ваш адрес. Я вышлю к вам немедленно бригаду санитаров.

Убеждать голос в чем-либо было бессмысленно, поэтому я повесил трубку, а когда снова приложил ее к уху, уже знакомый, но чуть погрустневший голос спросил:

— Сыр вам так и не завезли?

Мне было искренне жаль этот голос, но врать я не мог:

— Нет, пока нет. Но ведь еще есть время.

Нас перебила телефонистка:

— Хабаровск заказывали? Ждите!

Я ждал. Вечерело. Неожиданно в трубке кто-то вздохнул.

— Хабаровск? — спросил я.

— Не понимаю, почему вам сыр не везут? — всхлипнул голос.

— Не знаю, право. Я в справочную дозвониться не могу.

— Хабаровск на проводе. Говорите! — приказала телефонистка и отключилась вместе с сыром и телефоном.

Когда я снова поднял трубку, в ней, судя по теме, говорили две, видимо, красивые женщины. Их не хотелось прерывать. Но мне нужна была справочная. Я тактично кашлянул.

— Ой, это мой муж! — воскликнула та, которая, по-моему, была красивее. Судя по звуку, она упала на пол вместе с телефоном.

Начинало темнеть. Но я упорно набирал и набирал справочную. Несколько раз было занято.

Потом никто не отвечал. Наконец трубку сняла моя мама. Мы давно с ней не виделись, и мама искренне обрадовалась, что я целый день набирал справочную, а то бы с ней так и не поговорил. Мы бы еще долго говорили, но вдруг мужской голос с горечью спросил у мамы:

— А вам сыр не завезли?

— Нас подслушивают! Я всегда тебе говорила, что их не разогнали! Они вечны! — разволновалась не на шутку мама.

— Алло? Алло? — спрашивал я, глупо пытаюсь продуть трубку.

Но голос молчал. Видимо, мама его сильно напугала вечностью.

Я посмотрел на часы. Звонить в справочную, будить остальных незнакомых людей в городе было уже неинтеллигентно, поэтому решил готовиться ко сну. В это время раздался звонок в прихожей. Я открыл дверь. В квартиру, не здороваясь (по-английски), ворвались санитары с носилками.

— Вы кто? — ошарашенно спросил я.

— Справочная!

— А вы справку мне дадите?

— Мы всем справки даем! — ответили они.

Было тихо и звездно, когда меня выносили. На душе было спокойно. Единственное, что огорчало, — кому-то так и не завезли сыр.

Да здравствует Дантес!

Фельетон на злобу дня

Приятно, что в уже независимой Литве все еще продолжается борьба за независимость. А точнее, чтобы быть еще более независимыми, в независимом Вильнюсе снесли — простите, демонтировали — памятник русскому поэту Александру Пушкину. За что?!

Во-первых, видимо, за то, что великий русский поэт писал не на независимом литовском языке, а на оккупационном русском, то есть фактически являлся оккупантом.

Во-вторых, в своем стихотворении «Клеветникам России» он прямо задает вопрос: «Что взволновало вас? Волнения Литвы?» И тут же пренебрежительно отвечает: «Оставьте вечный спор славян между собою!»

Судя по всему, поэт оскорбил независимый литовский народ, причислив его к славянам. Между тем, согласно утверждениям современных независимых литовских историков, литовцы и римляне — один и тот же народ. А сам Рим был основан по указу Гедиминаса за

подписью Ландсбергиса.

Однако нет худа без добра. Хорошо бы и остальным народам не проливать кровь, а разумно, по-прибалтийски хладнокровно свести счеты с классиками.

Первыми за литовцами должны разбить все бюсты Пушкина в Эстонии — за строчку: «Приют убогого чухонца». Мало того, что поэт обозвал эстонцев чухонцами, так еще убогими. Помогать эстонцам разбивать бюсты Пушкина должны финны, так как не менее оскорбительны для них слова: «...финский рыболов — печальный пасынок природы». Даже не сын — пасынок! Получается, что финны — не родные дети природы. Вроде как природа на финнах отдохнула.

Многим народам пришла пора пересмотреть свое отношение к шовинисту Пушкину за то, что он писал свои стихи без учета сегодняшней международной ситуации. Какое он имел право начинать очередное стихотворение со словами: «Проклятый город Кишинев»? Слава богу, молдавское правительство, в отличие от литовского, никогда не читало Пушкина.

А как быть «и ныне диким» тунгусам? По Александру Сергеевичу получается, все народы уже в полном порядке, один тунгус — все еще дикий! За такие слова, Александр Сергеевич, можно и по памятнику схлопотать! Причем самым крупным тунгусским достижением — метеоритом.

И парижане имеют полное право обидеться на русского поэта. Ведь именно его словами Сальери имел неосторожность воскликнуть, что Моцарт своей музыкой «смутит слух диких парижан». Одним росчерком пера расхулиганившийся поэт приравнял парижан... к тунгусам!

Однако не следует замыкаться на Пушкине. Есть и другие провинившиеся сегодня классики. Кавказские народы обязаны свести счеты с Лермонтовым. В первую очередь — грузины. За строчку: «Бежали робкие грузины». Но тут классику повезло, потому что грузины в большинстве своем читают Лермонтова в переводе. Осмотрительный переводчик еще на заре советской власти дипломатично перевел на грузинский язык: «Бежали храбрые грузины». Последний же переводчик был еще осмотрительней и скорректировал согласно последним событиям, а именно: «Бежали робкие армяне».

Но, конечно же, больше всех на Лермонтова должны обидеться чеченцы за строчку: «Злой чечен ползет на берег»!

Многим народам есть о чем задуматься.

Авторам песни «Там смуглянка-молдаванка собирает виноград» надо запретить въезд в Молдавию. В этой песне русский солдат через забор подглядывает за молдаванкой; а вдруг этот солдат — шпион из враждебного Приднестровья?

России же пришло время навсегда порвать дипломатические отношения с Латвией. Именно латышским художником была написана знаменитая картина «Латышские стрелки охраняют

Ленина в Смольном». Большой провокации по отношению к России и придумать невозможно!

Ну, а в Литве, в независимом Вильнюсе, на месте памятника оккупанту Пушкину лучше всего поставить монумент освободителю Дантесу — как символу убийства русской культуры. И на нем написать: «С благодарностью от независимого литовского народа!»

Последняя надежда

Первый приход бизнесмена в церковь

— Ух ты, сколько людей в церкви! Вот что мода с людьми делает... В такой толкучке сразу не разберешь, куда идти, кому молиться, какими словами? Какую икону выбрать своим спонсором?

Прости, Господи, не научили нас молиться. Из всех святых слов я лично только и знаю: «Господи», «грех», «аминь» и «свечка».

Кстати, о свечке. Интересно, куда это красавица с такой огромной свечой направилась? К «Мадонне с младенцем»... Здорово, видать, нагрешила — свеча какая большая!

Да, все к тебе. Господи, потянулись. Время такое. Бедным, и то тяжело, а что нам, богатым, говорить? Я заметил, чем богаче человек, Господи, тем больше у него родственников. У меня на сегодняшний день три лишних тестя и шестнадцать родных детей по стране, двое из которых старше меня.

Ну ладно, хватит жаловаться... Через шесть минут за мной машина придет. Надо скорей молиться. К какой же иконе подойти? Мадонна с младенцем не для меня... Подойду-ка к этому мужику с крыльями. Вот так... Теперь — сосредоточиться и молиться... «Молиться, молиться и еще раз молиться!» Не помню, кто сказал. И не важно, какими словами. Главное — перед Тобой искренним быть, Господи! Ведь то, что я к Тебе пришел, мне это уже зачтется, правда?

А пришел я к Тебе потому, что, честно Тебе говорю, больше так жить не могу. Господи, помоги мне! Ты моя последняя надежда. Сделай так, чтобы... чтобы... чтобы... Знаешь что...

Ай-ай-ай, сколько всего надо, не списком же просить.

Извини, Господи, не подготовился к молитве. Но понимаю, если пришел в церковь, о духовном просить надо. Точно! О духовном!

Помоги мне, Господи! Душе моей помоги. Сделай так, чтобы фирма, которая деньги должна, поскорее их вернула. А?

Нет, что-то я не то говорю. О деньгах? В церкви? У спонсора моего аж правое крыло поднялось от удивления. Нельзя так, прогневать можно Всевышнего Он вообще кислород

перекроет. Бабка у меня умная была, никогда в молитвах о деньгах не упоминала. Слово «дай» даже шепотом не произносила. Только: «Пошли, Господи, мне сил и здоровья, научи, как жить».

Вот, научи! Это — здорово, это по-божески будет. Господи, научи, как жить! Надоумь, намеки, как мне с этих негодяев деньги свои обратно получить? Причем с процентами! Знаешь, Господи, какие там проценты?! О Господи, какие там проценты! Если бы Ты знал. Ты бы на Землю спустился...

Нет, опять не то! С Господом — о процентах? Это ж Господь, а не пахан. У святого уже оба крыла пожухли. До чего трудно молиться, оказывается. Аж вспотел...

Это мне кореш-епископ посоветовал к Тебе прийти. Господи. Сказал: «Пойди в церковь, покайся. Дела сразу лучше пойдут». Вот я и пришел. И каюсь, каюсь! Не тем. Господи, я деньги отдал!!

Все-все, о деньгах больше ни слова. Клянусь, Господи! Отныне только о здоровье, силах, как бабка моя учила. Вот так... Помоги мне, Господи, пошли сил и здоровья. Главное — сил пошли, Господи, чтобы мне этих сил хватило все деньги домой унести вместе с процентами! Фу ты, тяжело молиться...

А красавица на колени встала, до чего хороша в этой позе! Может, и мне на колени встать? Нет, я тогда помолиться не успею, две минуты до машины осталось. А мне с моим животом только опускаться надо семь минут да подниматься — двадцать восемь.

Извини, Господи, отвлекся. Так, ладно, на чем мы остановились? Ах да. Помоги мне, Господи. Верни деньги! Я бы мог к бандитам обратиться, но они половину денег себе заберут. А ты — бескорыстный, Господи. Вот я к Тебе и пришел и прошу: «Верни деньги!»

Стоп, а это еще кто мне молиться мешает, что за старикан в лохмотьях пристроился? Тоже чего-то от Господа требует. Что-что? На пропитание?

Отец, подожди, прервись... Тебе сколько на пропитание надо? В день? А в год?

Папаш, на тебе — на десять лет вперед, только отойди, не отвлекай Господа мелочью.

Нет, постой, на еще. И посторожи, чтобы никто сюда больше не подходил.

Ну вот мы и одни, Господи. Короче, Ты понял. Вернешь деньги — что хочешь для Тебя сделаю... Хочешь, паломником босиком по святым местам на джипе поеду?

Ой, извини, Бать! Мне пора. Красавица с колен поднялась, в мою сторону смотрит.

Но Тебе все равно спасибо. Недолго я был у Тебя, а сил набрался... Чувствую, сейчас такого с этой красавицей натворю, что снова к Тебе грехи замаливать приду. Верно бабка моя говорила: «Не согрешишь — не покаешься! Не покаешься — Богу не угодишь!»

Вывод? Чтобы Богу угодить, надо больше грешить. Правильно? Правильно! Возвращай деньги! И мы еще встретимся.

Письмо в правительство

Российской Федерации

от благодарных жителей российской глубинки

Уважаемые господа-товарищи!

Обращаемся к вам, членам правительства, так неопределенно — «господа-товарищи» — из-за боязни обидеть кого-либо, поскольку вы сами себя в правительстве называете «господами», а по лицам пока еще смахиваете на товарищей.

Пишут вам горожане одной деревни. Пишут, чтобы выразить глубокую благодарность за те реформы, которые вы там, наверху, проводите и которые до нас докатились настолько, что мы с ужасом вспоминаем, как мы жили раньше в то незабываемое, прошлое, отвратительное, мирное время.

У нашей деревни даже названия не было. Проезжавшие мимо нас по дороге с удивлением восклицали: «Смотрите, какая деревня за елкой спряталась!» Вот так наша деревня и называлась — «Деревня». И даже на дороге табличка была вывешена: «Деревня», с большой буквы.

Конечно, случались и казусы через такое название. Забредет кто-нибудь из наших в соседний город, остановит его постовой:

— Откуда?

— Из Деревни.

— Сам вижу, что из деревни. А название деревни?

— Деревня.

Немало наших из-за этого названия маялось по российским вытрезвителям и сумасшедшим домам.

Однако с гордостью докладываем, что недавно наша Деревня стала городом. Мы все за это дружно проголосовали на нашем первом городском съезде, который раньше назывался «деревенской сходкой». Названия городу, правда, не придумали, поэтому назвали его просто «Город». И теперь проезжающие мимо нас по дороге с удивлением восклицают: «Смотрите, какой город за елкой спрятался!» А если кого из наших нынче в столице остановят и спросят: «Откуда?» — он с гордостью ответит: «Из Города!» Удивляются: «Что-то не похоже!»

Но мы не обижаемся. Как-никак у нас теперь есть свой мэр, свой губернатор, свой президент, свой Белый дом — один старый сарай покрасили в очень белый цвет. Более того, у нас есть своя Городская дума! В ней занято See способное думать мужское население города — девять человек. Небольшая получилась Дума, поэтому назвали ее просто «Думка». Состоит Думка из двух палаток и одного пивного ларька. Депутаты попались выносливые, могут думать по несколько раз в день.

Впрочем, ближе к реформам. Мы выпустили новые деньги, так как от вас их не получали с августа девяносто первого года, когда поддержали вас в вашем путче нашим молоком. Правда, названия новым деньгам не придумали, поэтому назвали их просто «деньги». Так проще: одна деньга, две деньги, три деньги... Позавчера открыли свой банк, где все эти три деньги и хранятся, на процентах. Назначили тысячу процентов в неделю, так что завтра у нас будет четыре деньги.

Словом, преобразилась наша деревня, не узнать! Бывший рынок стал Холдинг-центром. Одно удовольствие теперь через парадную дырку в заборе пролезать в Холдинг-центр. Самосознание народа выросло. Раньше встанешь посреди рынка, поглядишь вокруг — одна рвань деревенская! Теперь куда ни глянь — всюду рвань городская! У синюги небритого спросишь: «Ты кто?» А синюга теперь гордо в ответ: «Я — дилер картошки!»

Много, много у нас теперь цивилизации. В конуре, где раньше жила овчарка, открылся пункт обмена валюты.

По вечерам бабы и мужики в вечерних ватниках любят тусоваться в нашем валютном казино, что на берегу центральной городской лужи. Все — как на Западе. У входа «секьюрити», охрана по-нашему: бабка Дарья с кобурой и снохой следят, чтобы с оружием никто не проскочил; даже объявление повесили: «Вход с косами строго воспрещен».

Однако главная гордость нашего города — Центр американского кино. Он открылся на единственном пока крытом сеновале и оказывает очень сильное воздействие на поголовное развитие нашего подрастающего поголовья.

В одном доме уже козу назвали Мерилин Монро. В другом живет кот Сталлоне. В третьем — бульдог Шварценеггер. А тараканов мы все называем теперь «ниндзя».

«— Смотри, какой усатый ниндзя за печку спрятался!»

Через такое развитие многие начали обучаться английскому языку и уже научились говорить «О'кей». Очень цивилизованно получается: «Христос воскрес, Степановна!» — «О'кей, Автоген Петрович!» — «Как с дровами, Степановна?» — «Ноу проблем, Гаврилыч. Все украли».

Вы, конечно, спросите, откуда у нас средства? Зарабатываем благодаря вашим реформам.

Например, из совместного с французами болота поставляем для ихних ресторанов наших лягушек. Французы говорят, что таких сочных лягушек, как у нас, нигде в мире больше нет.

Правильно! Ведь мы их из наших куриц делаем.

Сейчас в городском пруду налаживаем для японцев производство ихних устриц из наших пиявок. Мужики новый вид лова освоили — на себя.

Но больше всего иностранцы любят наш город, простите за правду, из-за нашего секс-шопа. Секс-магазин, по-ихнему. Его наши народные умельцы придумали. Они в этом секс-шопе продают... как бы вам это объяснить... все то же самое, что и на Западе, но с нашим народным колоритом: палехской росписью, хохломской... Есть там сказочные герои с разными сказочными чудесами, былинные богатыри с богатырскими небылицами, матрешки расписные для секс-меньшинств. Но особой популярностью пользуется у иностранцев русская народная секс-игрушка «Ванька-встанька». Что с этим Ванькой ни делай, он все равно встает, символизируя несгибаемый дух русского народа!

Словом, русский мужик всегда сумеет заработать деньги!

К примеру, мясо и молоко государство у нас перестало закупать, а фирмы миллионы платят, чтоб их рекламы вдоль наших дорог висели. А мы эти рекламы сообразили на наших коров вешать. Уже сейчас у нас вдоль дороги бродит стадо «Сникерсов», один бык «Райское наслаждение» и две свиньи — «Первый ваучерный» и «Второй ваучерный».

От такой жизни все по вашему примеру стали называть друг друга «господами», и участковые в протоколах уже уважительно пишут: «Такого-то числа господин Шишкин ровно в полночь провел теркой для морковки по лицу госпоже Кулькиной. Провел три раза: один туда и два обратно».

Более того, наши мужики даже перестали ругаться матом. Но, поскольку русская душа завсегда крепкого словца требует, придумали для выражения негодования или излишнего восхищения использовать разные непонятные слова из телевизора. Например: «Пошел ты в «МММ»!» Тогда в ответ несется: «Закрой свой «Менатеп»!» Если кто нахапал: «Ну, ты и «Хопёр»!» А ежели кто проворовался или еще что, тому, сами понимаете: «Наступил Анкл Бенц!»

Кстати, объясните нам, неучам, почему на банке с зеленым горошком зеленый горошек нарисован, на свиной тушенке — голова хряка, а на банках с «Анкл Бенц» — голова старого негра? Мы лично эти банки открывать боимся. Они у нас как украшение по полкам стоят.

Ну вот и все. Еще раз благодарим за перемены. Посылаем контейнер с куриными лягушками, чтобы вы острее почувствовали на себе, каким стало российское производство. А вашим женам, чтобы не скучали, пока вы по заседаниям, посылаем по Ваньке-встаньке!

Сами же срочно бежим в клуб. Сегодня там лекция на интересующую всех тему: «Шварценеггер — все-таки негр? Или еврей Шварц?»

Голь на выдумки хитра!

Иностранцы зря называют нас глупыми и никчемными. Они сами не шибко умные по сравнению с нами. Это, между прочим, даже из истории видно: самолет мы изобрели, паровоз — тоже мы, таблицу Менделеева — мы... Женские сапоги на платформе КПСС, валенки, калоши, валенки с натянутыми на них калошами — все наши изобретения! Даже кожаные женские куртки наши женщины первыми в мире стали носить! Еще в гражданскую от них пули отскакивали.

Конечно, кое-что они тоже изобрели. Телефоны-автоматы, например. Зато мы первыми догадались, как по ним звонить без монеты: засовываешь в щель палочку от эскимо — разговариваешь сколько хочешь. Полиэтиленовые пакеты они изобрели, но никто даже из американцев до сих пор не сообразил, что их можно стирать и, вывернув наизнанку, сушить на бельевой веревочке, прикрепив прищепочками.

Спрашивается, кто лучше соображает? Филологи вообще утверждают, что слово «смекалка» есть только в нашем языке. Более того, книга «Полезные советы для домохозяек» тоже есть только у нас. Если ее перевести на другие языки, раскупят как юмористическую. Они же не представляют, что глава в книге может совершенно серьезно называться «Как штопать ковры?» Или: «Как завязать разорванные шнурки, чтобы не было видно узелка?»

Я понимаю, им этого не надо: пошел в магазин, купил шнурки — и никаких проблем, поэтому им смекалка и не нужна. Пусть иностранцы не обижаются, но мы, ей-богу, развиты от нищеты так же, как они тупы от сытости.

Примеров масса... Ну кому из иностранцев придет в голову натирать мебель для блеска луком или вырезать печать для своего офиса из каблука старого башмака двоюродной тетки?

А кто из них смекнет закрыть щели между рамами, чтобы не дуло, старыми капроновыми чулками? Кстати, глава в той же книжке под названием «Как использовать старые женские чулки» доказывает, насколько наши женщины смекалистее.

Что может та же француженка делать с чулками? Носить — и все! Для этого много ума не надо. А наша? В книге прямо сказано: «Учитывая опыт большинства наших женщин, советуем старые чулки не выбрасывать, они всегда могут пригодиться в хозяйстве. Из них можно вязать салфетки под вазы, мастерить детских кукол... Наконец, через старые чулки, говорят, можно выдавливать вишню для варенья, косточки не будут проскальзывать. Совсем рваные хорошо использовать как пакетики для заварки чая. Наконец, в растянутых временем колготках замечательно хранится лук, он в них не задыхается».

Ну? Видел ли кто-нибудь, чтобы у француженки в доме висели колготки с луком?

А как они выводят тараканов, крыс и прочую живность? Весьма примитивно: идут в хозяйственный магазин, покупают специальное устройство, включают его в розетку — создается сигнал тревоги для всей этой живности, и она вся сбегает. Никакой игры ума!

То ли дело у нас! Открываем главу «Как выводить крыс» и читаем с чувством гордости за нас и наше отечество: «Разведите в цементе то, что любят крысы». Уже первая строчка

восхищает, поскольку никто в мире, кроме нашего человека, не знает, что любят крысы. Далее: «Накормите этим хотя бы одну крысу. У нее зацементируются все внутренности, и она, крыса, побежит к другим крысам и расскажет им, что туда, откуда она сейчас пришла, ходить опасно!»

Может ли американец додуматься до такого сигнала тревоги?

Но еще труднее представить того же американца, читающего главу «Как выводить пятна с брюк»: «Натяните брюки на кастрюлю с кипящим картофелем...» Ей-богу, многое отдал бы, чтобы посмотреть, как это будет делать не наш человек! Как он брюки на кастрюлю натянет, да еще с кипящим картофелем! И потом, согласно книге, будет «в течение полутора часов по часовой стрелке поливать пятно двадцатипроцентным раствором уксуса с добавкой пяти-семи капель лимонной кислоты».

Но особенно хотелось бы увидеть выражение его лица, когда, проделав все это, он снова обратится к книжке — мол, что дальше? А там черным по белому продолжение совета: «Если это не поможет, сделайте на этом месте вышивку или перекроите брюки так, чтобы пятно ушло в шов!»

Вот тут-то он и поймет, как безнадежно они отстали от нас по смекалистости и ловкости одновременно.

Конечно, нас с детства жизнь соображать приучает. Мама сыночку игрушку подарит, а сыночек должен сообразить, слон это или жираф. Я сам слышал, как в «Детском мире» покупательница просила продавщицу:

— Дайте мне этого слона!

— Это не слон.

— А кто?

— Сейчас посмотрю.

Взяла инструкцию, читает: «Это чапаевец с пулеметом».

Зато наши дети гораздо гибче мыслят, чем западные. Наш мальчишка взял во дворе в руку палку и говорит: «Это мой меч!» Их ребенку не надо брать в руки палку, потому что у них в магазинах продается меч. В результате у нашего лучше развивается образное мышление. Залез в сырой, вонючий подвал и радуется: «Это моя Барселона!»

Их же дети лишены счастья сырых, вонючих подвалов. Их девочки играют в Барби, у которой и туфельки, и носочки — все одевается легко, никакой фантазии.

А наша девочка? Наша возьмет в деревне полешку, завернет в портянку, как в пеленку, и качает, и колыбельную полешку поет. Потом сучок платочком вытрет — мол, насморк у сыночка. Спросите: чья девочка смекалистее вырастет?

Такая же история и с мальчишками. Прямо в детских магазинах продаются для них настоящие детские машины, маленькие, на бензине. Сел, поехал, никакого пространственного воображения.

А наш? Подушками на диване обложится: «Папа, смотри, это мой джип! Видишь? Подушка упала — это, как у твоего, дверца отвалилась!»

Потому-то их дети и вырастают очень конкретными, без фантазии. Да, да... Не может японский ребенок сесть в корыто с водой, грести руками и кричать: «Я — дед Мазай, я зайцев подбираю!»

Но самое страшное их преступление против детей заключается в том, что их детские конструкторы... собираются! Спрашивается: где развитие?

То ли дело наш конструктор: что-то подточил, что-то подкрутил, подсверлил, какой-то детали вообще нет. Сыночек обращается к папе: «Папа! С работы принеси, укради, а?» Папа отвечает: «Тебе сколько лет? Пять?! Самому пора воровать начинать!» Мальчонка на перекресток бежит стекла у автомашины протирать. От горшка два вершка, а уже соображает: «Дядя, вам лобовое протереть? Или сразу деньги дадите, чтобы я грязь по стеклу не размазывал?»

Вот и получается, что даже японцы по сравнению с нашими — и те отстали в своем развитии.

Например, в Японии научно-исследовательские институты разрабатывали модели грузовиков специально для наших ударных строек в Сибири. Японцев предупредили, что русские водители разворовывают в государственных машинах все внутренности. Руководствуясь предупреждением, японцы создали специальные грузовики. В них все соединено внутри очень тонко, и, если хоть что-то отвернешь — скажем, приемник вынешь, гайку, винтик открутишь, — грузовик не поедет.

Через год эти же японцы попали на одну из наших строек. Смотрят: внутри грузовиков ничего нет — ни приемников, ни гаек, ни сидений, — грузовики ездят! Вместо приемника гаечный ключ торчит величиной с приемник, клеммы замыкает; на месте прикуривателя — тряпка промасленная; там, где сиденья были, ящик из-под пива стоит... Подивились японцы, ничего не понимают: как это возможно?

Как они все это могут понять, если при всех своих микросхемах ни один из них не догадается засадить в электросчетчик «жучок» так, чтобы государство в конце месяца ему еще и приплачивало!

Вообще японское развитие в мире сильно преувеличено. Я двух японцев в нашей гостинице видел: они краны водопроводные открыли, а вода не течет. Стоят, плечами пожимают, не знают: как устроено, на каких микросхемах? Руки к крану подносить стали, думали — фотоэлементы. Все просто оказалось: закрыли краны — потекло.

Еще более непонятливого японца я видел в аэропорту «Домодедово». Он смотрел на телевизор под потолком, под которым на веревочке висела длинная швабра. Сколько ему ни объясняли, он так и не понял, что это — дистанционное управление. Вот вам и японцы! А еще говорят, что они хорошие изобретатели. Какие изобретатели, если ничего не умеют изобрести без своих микросхем! А у нас заключенный из зоны улетел на аппарате, который собрал из бензопилы «Дружба»!

Короче, все они недоразвиты по сравнению с нами!

Ни одна француженка не догадается раскатывать тесто пивной бутылкой, носки штопать на электрической лампочке, а комаров перед сном засасывать пылесосом.

Ни один американец не сможет с похмелья кувалдой выровнять носовую часть боевой ракеты, чтобы не сработала боеголовка.

Ни один немец не сообразит, что вместо амортизатора в малолитражке можно использовать теннисный мячик.

Наконец, большинство из них даже не знает, что такое счеты. Одному швейцарцу показали наши счеты, так он подумал, что это массажер для спины.

Но самое убедительное доказательство нашей сообразительности и изобретательности — наше оружие. Именно мы изобрели оружие самой разрушающей силы в мире — «Аврору». Один раз бабахнула — а разрухи лет на сто!

А у нас во дворе!

Не то сценарий, не то пьеса, а точнее, ни то ни сё

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Утро новостройки. Спальный район все равно какого города. Лежащие небоскребы. Солнце первыми лучами уже задело верхние этажи домов. Оно отражается в окнах множеством маленьких розовых солнц. Постепенно наполняются светом этажи пониже. В их окнах тоже зажигаются утренние солнышки.

Один из обычных дворов. Редкие деревья с запыленной к концу лета зеленью. На ветру поскрипывают инвалидные качели. Самодеятельная хоккейная площадка — пародия на хоккейное поле. Калеки-ворота — пародия на хоккейные ворота. На бортиках разноцветные надписи: Мальборо, Спартак-чемпион, Витька — Лох, Юлька-Лошица.

Первым во двор выходит дворник с метлой и с кошкой. Зевнул. Потянулся. Точно вторя ему, зевнула и потянулась кошка.

ДВОРНИК (кошке): Ну, что скажешь, Лиза?

Кошка мяукает.

ДВОРНИК: Вот и я тоже так считаю...

Из подъезда в белых кимоно выпорхнула стайка юнцов — каратистов, похожих на голубей. Потрусил со двора на разминку Впереди главный «голубь» — учитель.

Молодая мама с сыном лет шести выходит играть на хоккейную дворовую площадку с мячом. Мама с фанерной разошедшей бывшей снежной лопатой становится на ворота вратарем. Сынишка пробует ей забить гол детским мячом. Смех, радость, пыль...

По верхушкам деревьев скользит тревожный ветерок.

На балконе примерно десятого этажа появляется бабушка мальчика. В руках у нее детская кофточка.

БАБУШКА (кричит вниз): Марина, еще прохладно. Одень Андрюшу.

МАРИНА (кричит наверх бабушке): Уже тепло. Не волнуйся.

БАБУШКА (кричит вниз Марине): Где ж тепло? Вон ветер... Немедленно поднимись за кофточкой. Он вчера кашлял.

МАРИНА (кричит наверх бабушке): Лифт не работает!

Еще более тревожный ветерок сносит слова Марины.

БАБУШКА (кричит вниз что есть силы): Не слышу! Что? Кричи громче!

МАРИНА (кричит громче): Лифт не работает!

ЗАСПАННЫЙ ГОЛОС (из недр дома): Как не стыдно так орать утром в воскресенье?

БАБУШКА (кричит из последних сил): Поняла. Бросаю кофточку. Лови!

Примеряется и бросает вниз детскую кофточку. Кофточка планирует на ветру и попадает почти на верхушку березы под домом.

БАБУШКА: Ай-яй-яй-яй! (пытается сдуть кофточку с дерева. Понимает, что это бесполезно, начинает причитать): Это же кофточка из Венгрии! Ай-яй-яй!

Мама пробует мячом сбить кофточку. По ее движениям видно, что последний раз она занималась спортом в начальной школе на уроке физкультуры.

МАЛЬЧИК (хнычет): Моя кофточка... Папа привез из Венгрии.

БАБУШКА (кричит): Я сейчас разбужу папу! (Уходит с балкона.)

МАЛЬЧИК (хнычет): Я в ней в детский сад хожу. Я не смогу теперь ходить в детский сад.

Мама не может попасть мячом по кофточке, да и мяч слишком легкий. Неожиданно рядом с ней появляется мальчик, чуть старше ее сына. Он в костюме индейца. На голове перья. За спиной лук. В руке что-то типа самодельного копья. Индеец издает клич и бросает свое копьё в 1ущу ветвей. Копье не долетает до кофточки

МАРИНА: Мальчик, дай мне копьё. Я попробую.

Берет у него копьё. Мальчик издает клич. Марина бросает копьё. Копье застревает в ветвях и беспомощно повисает.

ИНДЕЕЦ (хнычет, стоя под деревом): Ой, мое копьё... Меня ж батя пришибет. Это он выстругал.

МАРИНА: Не плачь, мальчик. Сейчас копьё к тебе вернется.

Трясет дерево. Копье падает прямо на голову индейца.

ИНДЕЕЦ (хватается за голову и начинает реветь что есть силы): Убили! Бледнолицые... Мама! Мама!

За решеткой балкона первого этажа появляется мама индейца. Утреннее отсутствие прически.

МАМА ИНДЕЙЦА: Что такое? Что случилось? Кто?

МАРИНА (осматривая голову индейца): Ну не надо. Не надо так плакать, мальчик. Ничего страшного. Небольшая шишка. До свадьбы заживет.

ИНДЕЕЦ (вырывается из ее рук): Не... Не заживет. Мама, мама!

МАМА ИНДЕЙЦА (кричит в дверь своей квартиры с балкона): Федор! Проснись! Нашего сына какая-то халда бьет.

ГОЛОС (из недр дома): Они когда-нибудь уgomонятся, козлы?!

На балконе десятого этажа, прыгая на одной ноге, натягивая пижамные брюки на вторую и одновременно поправляя прыгивающие с интеллигентного носа очки, появляется взволнованный муж Марины.

МУЖ МАРИНЫ: Что случилось?

Пока бабушка сбивчиво пытается ему объяснить, как кофточка попала на дерево, во двор выбегают мать и отец индейца. Отец в спортивных штанах, в старой советской футболке. Живот, выпученные глаза — все выражает обычную агрессию обычного бывшего советского обывателя.

МАТЬ ИНДЕЙЦА (Марине): Как вам не стыдно! А на вид приличная женщина...

Индеец плачет навзрыд, одним глазом подглядывая за происходящим.

МАРИНА (оправдываясь): Я не хотела. Это случайность. Дерево потрясла. Копье упало.

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА (осматривая голову сына): Вы потрясли, а нам сына лечить. А если у него сотрясение мозга?

ИНДЕЕЦ: Ой, точно у меня сотрясение мозга.

ОТЕЦ: Где?

ИНДЕЕЦ: Вот тут. Нет, вот тут... И еще тут.

ОТЕЦ: Какая огромная шишка! Вы только посмотрите! (Как психиатр, щелкает пальцами справа и слева от индейца.) Посмотри направо, посмотри налево, сынок. Ты почему не смотришь? Да, не нравится мне это. Не реагирует. А лечение нынче, сами знаете, сколько стоит. Так что с вас 25 долларов.

МАТЬ ИНДЕЙЦА: Ты что, Федор? Какие 25 долларов? А если сотрясение? На одни лекарства уйдет 30.

ОТЕЦ: Мать права. С вас еще 30 долларов на лекарства. Итого — 55, и мы не вызываем милицию.

Подходит дворник с метлой и кошкой на плече. Наблюдают.

МАРИНА: Хорошо, хорошо. Только успокойтесь. (Кричит наверх мужу.) Гена, принеси 55 долларов!

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА (своей жене): Что-то они быстро согласились. Может, мы мало потребовали?

МАТЬ ИНДЕЙЦА (Марине): Смотрите, у него еще царапина на руке.

ИНДЕЕЦ (удивленно): Где? (Разглядывает руку.)

МАТЬ ИНДЕЙЦА: Спрячь руку! Сейчас же! (Марине.) Придется 60 долларов с вас взять.

МАРИНА (кричит наверх): Мама! Пусть Гена возьмет 60 долларов.

ИНДЕЕЦ: Мама, мама! А вон у меня еще царапина! И еще. Смотри: у меня еще царапин долларов на 15.

ДВОРНИК (Марине): Вы с ума сошли. Кого вы слушаете? Да вы знаете, кто это такие? Вот этого (показывает на отца индейца) за жлобство даже из ментов выгнали. Если с ними так вести себя, они через пять минут с вас тысячу долларов потребуют.

МАРИНА: Вы что? Какая тысяча долларов? У нас нет таких денег.

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА (дворнику): За мента года два назад дал бы по голове, и уши отвалились!

ДВОРНИК: Ты особенно не хорохорься. Я не вшивый интеллигент. С такими, как ты, быстро расправляюсь. Воду горячую как дам на лето в оба крана, — на коленях приползешь!

На балконах домов появляются люди. Майки, пижамы, спортивные костюмы, сигареты, растрепанные волосы, татуировки...

ПЕРВЫЙ: Из-за чего шум?

ВТОРОЙ: Похоже, кто-то кому-то задолжал тысячу долларов.

Во двор выбегает переодевшийся муж Марины.

МАРИНА: Ты взял деньги?

ГЕННАДИЙ: Какие деньги? Я сам врач. Давайте осмотрю ребенка.

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА (заслоняет своего сына грудью): Не трожь ребенка, фельдшер!

ГЕННАДИЙ: Я не фельдшер. Я педиатр.

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА: Кто-о-о?

ГЕННАДИЙ: Педиатр!

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА: Тем более не трожь. Еще я доверю своего ребенка «голубому».

ГЕННАДИЙ: Я — «голубой»? Простите, господин, но я не знаю вашего имени-отчества.

ДВОРНИК (не выдерживает): Какой он господин? Он — бывший мент. Тьфу!

На балкон второго этажа выходит заспанный гигант. Трусы, во всю грудь татуировка: картина Брюллова «Последний день Помпеи».

В руках — баночка пива.

ГИГАНТ (потягиваясь): Ну, кто там базланит с утра? А, это же в натуре наши «козлы» снизу... Мышка моя, ты только погляди!

К нему на балкон выходит его жена Мышка. Она почти такая же огромная, как и он. Тоже с бутылкой пива и тоже с татуировкой на плече: Венеры Милосской.

ГИГАНТ: Мышонок! Этот наш мент снизу мне надоел. Очень он все-таки шумный. Дай-ка мне мой новый спортивный костюм. Пойду его обновлю.

Во дворе спор все громче.

МАРИНА: Геннадий, дай им деньги и пойдём. Нехорошо, люди уже смотрят.

ГЕННАДИЙ (нервно): Пусть смотрят. (Заводит сам себя. Так обычно делают, как правило, люди слабые и робкие. Им, чтобы постоять за себя и дать отпор, необходимо обязательно себя взбудоражить.) В конце концов, я не настолько интеллигент, чтобы всегда уступать! На работе — уступать! В метро уступать! У ребенка даже нет шишки!

ИНДЕЕЦ (причитает): Больно, ой как больно!

В это время к индейцу сзади подкрадывается сынишка Геннадия и Марины с бывшей снежной лопатой и бьет его по голове. Отсыревшая лопата тут же разлетается. Удара не получается. Но индеец от испуга падает на землю. Мальчишка убегает. Отец индейца с криком бежит за ним. Геннадий подбирает черенок лопаты и бежит с криком за отцом индейца. Отец индейца хватается за мальчишку. Геннадий бьет отца индейца черенком по спине. Отец индейца разворачивается и наступают на Геннадия. Геннадий выставляет вперед черенок, как копьё.

ОТЕЦ ИНДЕЙЦА: Ты меня первый ударил. С тебя теперь минимум 200 долларов, или я тебя засужу.

Между Геннадием и отцом индейца неожиданно вырастает Гигант в новеньком спортивном костюме.

ГИГАНТ (отцу индейца): Иди, иди сюда, мент поганый... Сейчас я тебя лечить буду. А то, видите, он у себя решетки от воров на балконе сделал. Воры по этим решеткам к нам на второй этаж забрались и нас ограбили. (Наступает на отца индейца.) Знаешь, что я сейчас с тобой сделаю? Сейчас я тебя натяну по самые помидоры...

Отец индейца судорожно роется в карманах штанов. Достает старый милицейский свисток. Свистит.

МАТЬ ИНДЕЙЦА: На помощь, люди добрые! Он же его убьет! (Бежит к телефону-автомату у подъезда.) Алло, милиция? Убивают! Срочно приезжайте! Улица Радостная, дом 14. Что? Что значит сколько заплатите? Убивают же! Что-что? Это будет стоить еще дороже! Сколько-сколько? 100 тысяч на человека? За убитого? Негодяи! Жлобы! 100 тысяч требуют... Менты поганые!

Дворник пытается разнять дерущихся. Останавливаются прохожие. Кто-то помогает разнимать, кто-то просто наблюдает.

В ТОЛПЕ ЗЕВАК: Из-за чего кутерьма?

— Кто-то с кого-то требует 100 тысяч.

— Чего?

— Долларов, естественно...

— Зажрался народ...

— Негодяй Ельцин — такую страну распустил...

— Не смейте трогать Ельцина! Он — святой!

— Если Ельцин — святой, то вон тот, с татуировкой — архангел Гавриил.

— Тише! Не мешайте смотреть!

— В самом деле, заткнитесь! Не слышно, что там происходит.

Среди зевак — бабулька с внуком. Внук — с «Барби».

БАБУЛЬКА (внучку): Ой, накопилось в людях... Ой, накопилось! Не к добру это.

Внучок не слушает бабушку. Разглядывает что у «Барби» под юбкой. Отец индейца вырывается из рук Гиганта. Гигант никак не может его ухватить. Геннадий черенком от лопаты пытается ударить отца индейца сзади.

МАРИНА: Геннадий! Как тебе не стыдно? Ты же интеллигентный человек! У тебя язва. Ты вчера на ночь читал сыну «Слово о полку Игореве». Позавчера вы вместе смотрели фильм «Андрей Рублев». Пойдем домой! Мама уже приготовила овсяную кашу на воде.

ГЕННАДИЙ: Все! Хватит! Надоело быть интеллигентом. Тоже хочу жить по-человечески. Никакой больше овсяной каши на воде! (Лупит отца индейца.) Вот тебе! Вот тебе! Сейчас мы оба натянем тебя по самые помидоры!

МАТЬ ИНДЕЙЦА (подбегает к какому-то окну, стучит в окно): Василий! Василий! На помощь! Федора бьют. Если до смерти забьют, он тебе долг не вернет.

ГОЛОС (из окна): Да ты чего? Я сейчас, мигом!

ЖЕНА ФЕДОРА: И сына захвати с собой! Федор ему тоже должен.

В углу двора ларек. Над ларьком надпись: «ГРАНДМИНИМАРКЕТ». Из ларька выходит полубритый хозяин-кавказец. Посмеиваясь, смотрит на тех, кто дерется.

Две старушки, обычные, окологверные — на лавке.

ПЕРВАЯ: Ну, ты посмотри, Никитична... Наши дураки дерутся, а эта рожа кавказская только ухмыляется.

ВТОРАЯ: А что ему? Ты цены-то видела у него? Минеральная вода — больше, чем наша с тобой пенсия.

ПЕРВАЯ: Это все ЦРУ, Никитична. Это все они подстроили.

Из дома выбежали друзья Федора. Встали на его защиту. Повисли на Гиганте, как игрушки на елке. Шум, крик, ругань.

СТАРЫЙ ЕВРЕЙ (на одном из балконов): Соня! Разбуди Изю с Анечкой. Они двадцать лет не были в России. Пусть посмотрят. Им это понравится.

В окошке — белесый прибалт. Говорит с сильным акцентом, но громко, чтобы его слышали по соседству.

ПРИБАЛТ: Как хорошо, что мы от вас отделились! Вы все-таки, русские, такие некультурные.

В окне над прибалтом — золотозубая тетка со сковородой слышит слова прибалта, свешивается из окна и тоже говорит громко, чтобы слышали остальные.

ТЕТКА: Вы посмотрите, какой культурный нашелся! У нас, у русских, между прочим, Менделеев был, Лермонтов... Кто там еще? Еще много кто был. А у вас? Один Паулс... И тот — пустое место с тех пор, как отделился от нашей Пугачевой. (Смеется. Хихикают и другие лица в окнах рядом.)...Мы — некультурные. А ты на себя посмотри! У русской бабы живешь. Прилипала! И страна ваша — прилипала. По телевизору вчера показывали, как вы там над людьми нашими издеваетесь. Изверги! Понял?

ПРИБАЛТ: Ваши слова есть вмешательство во внутренние дела нашей независимой страны. Я — работник посольства. Я вам навсегда закрою визу в нашу страну. Как ваша фамилия?

ТЕТКА: Плевать я хотела на тебя и на твою страну. Понял?

ПРИБАЛТ: Плевать на мою независимую страну вы не имеете права. Нас недавно приняли в Совет Европы!

Еще на одном балконе — явно бизнесмен. Живот, золотая цепь, пижама, расписанная под палехскую живопись, золотые часы, телефон в руках...

БИЗНЕСМЕН (говорит по телефону): Охрана? Вы где? О'кей! Подъезжаете? О'кей! Машину поставьте у самого входа в подъезд, о'кей? Внизу, о'кей, драка, о'кей. И пока я буду спускаться, о'кей, никого не пускайте, о'кей? Что молчите? Я вас русским языком спрашиваю: о'кей или не о'кей?

К бизнесмену подходит его жена-бизнесменша. Живот — в поясе для похудания. Пол-лица в гриме — очень красивая, пол без грима — страшно смотреть. В руках — тени, кисточка. Красится.

БИЗНЕСМЕНША: Надо скорее заканчивать наш дом, мюмзик, о'кей? Не к лицу нам жить среди этих плебеев. О'кей.

БИЗНЕСМЕН: Ноу проблем, о'кей, по факту.

На балкон дома напротив выходит молодой крупный священник. Борода — снежной лопатой. На богатырской груди богатырский золотой крест. Свысока взирает на происходящее во дворе. Потягивается.

СВЯЩЕННИК: Прости, Господи, этих грешных людей. Они сами не ведают, что творят. Дочери мои, Анастасия и Варвара, приготовьте мне праздничную рясу. Пойду образумлю беса.

Из двух окон с обеих сторон от балкона выглядывают две прехорошенькие женские головки, явно фотомодели.

ПЕРВАЯ: Какие джинсы, батюшка, под рясу одевать будете?

СВЯЩЕННИК: «Ливайс», дочь моя. Люблю эту фирму. Жалко, она рясы не шьет.

ВТОРАЯ: А крест который?

СВЯЩЕННИК: Крест подай, сестра, от «Версаче». Он поувесистей. Мало ли чего... Все-таки народец наш оголтелый. Пригодится.

На соседнем с бизнесменом балконе поливает цветы пожилой человек. Коротко стрижен. В спортивном отечественном костюме шестидесятых годов. Так в коммунистическом прошлом одевались милиционеры, военнослужащие и кагэбисты. Однако не уголовные манеры и грамотная его речь указывают, что он в прошлом — не милиционер и не военнослужащий. Поливая цветы, одним глазом, как учили, зорко наблюдает за происходящим и напевает: «Наша служба и опасна, и трудна...»

На балкон к нему выбегает жена.

ЖЕНА: Ты что поешь? Услышат же. Запомни: ты — простой лифтер. Никто не знает твоего прошлого. Пой что-нибудь из современного. Например, «Зайка моя...»

КАГЭБИСТ: Ты, Марина Николаевна, зайка моя, погляди, до чего новые русские страну довели... Стыдно смотреть! Эх, если б раньше... Ты же знаешь... Я бы их всех...

ЖЕНА: Тихо! Замолчи! Ты сошел с ума. Что ты такое говоришь? На, лучше кактус пересади. (Дает ему горшок с землей.)

КАГЭБИСТ (ворчит): Скоро, скоро вернется наше время. А пока... (напевает] «Наша служба и опасна, и трудна и на первый взгляд как будто не видна...» (Одним глазом продолжает поглядывать за тем, что творится во дворе.)

А во дворе уже несколько человек из наблюдающих и проходящих мимо не выдержали, решили разнять дерущихся. Выбегают во двор из подъездов еще какие-то люди. Все смешалось. Не поймешь, кто за кого. Появилась золотозубая тетка со сковородой.

Два милиционера стоят в сторонке. Курят. Спокойно наблюдают за разрастающимся конфликтом.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР: Пойдем отсюда, Колюня. Что-то здесь беспокойно становится.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР: Вообще, Андреич, пора уходить из милиции. Не платят ни черта. Пошли в бизнес, а?

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР (невесело вздыхает): Пошли! (Уходят.)

Бойкий мужичонка, из тех, которые никогда не проходят мимо, потому что больше всего на свете любят борьбу за справедливость и демонстрации, искренне возмущенный происходящим, выломал доску из забора вокруг хоккейного поля и, размахивая ею, бросился на дерущихся с криком: «А ну-ка прекратите хулиганить, а то всех перебью!»

Чуть поодаль от зевак — он и она. Он с завистью смотрит на тех, кто дерется.

ОН: Ух, как бы я сейчас кому-нибудь врезал! (Делает воображаемый удар правой по воздуху.)

ОНА (ему): Ты опять за свое? А ну, стой спокойно.

ОН: Люсь, ну разреши? Один ударчик сделаю и вернусь. Сразу вернусь, клянусь. Люсь, а? Я уже месяц не дрался.

ОНА: Я сказала — нет. Мы столько денег на гипнотизера истратили, чтобы он тебя от твоей драчливости закодировал. Я трюмо себе не купила. А ты опять за свое. Сделаешь шаг в сторону, будешь спать в прихожей.

Он тяжело вздыхает. Она уводит его за руку. Он оглядывается, как ребенок на детскую площадку с играющими сверстниками.

Квартира хозяйки, у которой живет прибалт. Она — очень русская, очень румяная женщина, спокойная, как «баба с чайника», возле которой всегда тепло.

ОНА: Я тебе русских вареников приготовила. Я знаю, с тех пор как вы отделились, ты по ним скучаешь.

ОН (не обращает на нее внимания, говорит по телефону): Хэлло! Это телевидение? Приезжайте скорей! Улица Радостная, дом 14. Хороший материал для новостей будет. Что? Кто говорит? (Гордо.) Представитель Совета Европы!

Вплотную к подъезду, под которым живет бизнесмен, подъезжает «Мерседес». Из него выходят два телохранителя. Один огромный, по кличке Сокол, второй — маленький крепыш Зяблик.

Кагэбист на балконе пересаживает кактус. Увидел «Мерседес» у входа.

КАГЭБИСТ (про себя, ворчливо): Совсем обнаглели! Скоро в квартиру въезжать будут. Ух, если б раньше... Я бы... Ух бы!

Оглядывает соседские окна. Убеждается, что никто не видит его, и носком ботинка подталкивает горшок с землей с балкона. Горшок падает прямо на капот «Мерседеса». Кагэбист тут же исчезает с балкона в квартиру.

КАГЭБИСТ (довольный, напевает из-за занавески): «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

ЗЯБЛИК (задирает голову): Кто? Кто это сделал?

СОКОЛ: Стой здесь. Я найду его.

Бежит вверх по лестнице, звонит в первую дверь на втором этаже.

МУЖСКОЙ ГОЛОС (осторожно, из-за двери): Кто там?

СОКОЛ: Я!

ГОЛОС: Этого мало. Кто вы? И зачем звоните?

СОКОЛ: Это вы бросили горшок на «Мерседес»?

ГОЛОС: Нет. Мы горшками не пользуемся.

СОКОЛ (недоуменно): А кто ж тогда это сделал?

ГОЛОС: Это сверху, из 18-й. Она нас всегда заливает, а ремонт делать не хочет. Вы уж ей задайте как следует.

Телохранитель бежит наверх, звонит в 18-ю квартиру.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Кто там?

СОКОЛ: Это вы запустили горшком в машину?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: В какую машину?

СОКОЛ: В «Мерседес».

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: А марка?

СОКОЛ: 600-й.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Новый?

СОКОЛ: Совершенно новый.

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Отделка люкс?

СОКОЛ: Отделка — люкс. Обогрев сидений, две подушки безопасности, биотуалет под каждым сиденьем с электроподогревом!

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Интересно, кто же владелец этого совершенства? (В глазок смотрит женский глаз.) О, какая шея! (Дверь приоткрывается. Женская рука хватается за рукав телохранителя.) Заходи, бычок. Это я сбросила. Виновата. Каюсь. Как ты хочешь, чтобы я перед тобой покаялась? Говори скорей, не тяни. (Затягивает в квартиру, дверь закрывается.)

Тем временем конфликт во дворе не успокаивается, а даже наоборот. Возвращаются во двор с разминки каратисты

ТРЕНЕР (увидев драку — своим ученикам): То была разминка, а теперь будет тренировка.

«Голуби» с криком «И я!» ныряют в клубок дерущихся.

Какой-то человек, видимо журналист, с магнитофоном залег под кустом. Надиктовывает.

ЖУРНАЛИСТ: Мы находимся с вами в одной из горячих точек планеты и ведем наш репортаж из-под куста двора номер 14 по улице Радостная...

ДВОРНИК: Пошел отсюда, журналюга! (Поливает его из шланга)

Моисей сидит на балконе в кресле. Рядом — его жена, Изя, Анечка, внучок Гарик. Они, словно из ложи Колизея, наблюдают за гладиаторами.

МОИСЕЙ: Ну, как вам это нравится? У вас в Израиле поскучнее будет.

ИЗЯ: Надо позвонить Мойше. Пускай подъедет сюда со своим квасом. Видишь, Моисей, какая жара и пыль? Многие скоро захотят пить. Он сделает неплохой гешефт. (Уходит звонить.)

АНЕЧКА (ему вдогонку): Только предупреди его сразу: 10 процентов — наши, за идею!

МОИСЕЙ (внучку): Запомни, Гарик, когда дураки дерутся, умные должны делать деньги. Твой дядя Изя навсегда усвоил эту первую заповедь твоего дедушки Моисея.

На одном из балконов — йог в позе лотоса. Его ничего не касается. Он разводит руками, ловит прану из космоса.

Бабушка пытается удочкой выудить с березы кофточку.

КТО-ТО (из окна): На какого червячка ловишь, бабуля?

Поодаль от драки стоит Марина. Она чуть не плачет. Не знает, как ей увести мужа, который разошелся вовсю и даже получает удовольствие оттого, что, оказывается, может быть таким

же, как все.

МАРИНА: Боже мой, Геночка, что с тобой случилось?

Сзади к Марине подходит странноватый человек. У него мутные глаза, поскольку он парапсихолог и общается с потусторонними мирами. Мефистофельская борода скрывает отсутствие подбородка.

ПАРАПСИХОЛОГ (Марине): Вашего мужа сглазили. Зайдите к моей жене. Она с него все снимет.

МАРИНА (не сразу понимая, о чем с ней говорят): Что все?

ПАРАПСИХОЛОГ: Порчу... Из него надо удалить фантом.

МАРИНА: Ой, перестаньте... Что за чушь!

ПАРАПСИХОЛОГ: Это не чушь. Моя жена — ясновидящая. Вот она. (Сзади за парапсихологом стоит его жена с глазами без зрачков — одни белки.) Она сейчас на связи с космосом. Но перед тем как отлететь, она успела мне сообщить, что на вашего мужа навели порчу на его работе. У него есть работа?

МАРИНА: Есть.

ПАРАПСИХОЛОГ: Видите, угадала, ясновидящая!

МАРИНА: Извините, но я во все это не верю. Мой муж образованный человек...

ПАРАПСИХОЛОГ: Не страшно. Мы всем помогаем. (Дает ей визитную карточку,) Если он не придет, сами придите. Моя жена даст вам конский хвост, заряженный в космосе. Ваш муж должен будет две недели носить его на лбу у себя на работе.

МАРИНА (раздраженно): Оставьте меня в покое.

ПАРАПСИХОЛОГ: Подумайте... Мы с вас лишних денег не возьмем... Только за хвост по его себестоимости!

Толпа во дворе уже разделилась на тех, кто за Гиганта, и тех, кто за Федора — отца индейца. Стали друг против друга. Стенка на стенку. Много новых лиц. Некоторые с досками, трубами. От забора напротив хоккейной площадки почти ничего не осталось. Рядом с Гигантом золотозубая тетка со сковородой, та, которая смеялась над прибалтом.

Неожиданно между стенками вырастает статный батюшка Он поднимает правую руку с увесистым крестом.

БАТЮШКА (звучным голосом): Образумьтесь, люди добрые! Господь с вами!

ТОТ, КОТОРЫЙ С ДОСКОЙ: Вы слышали, что батюшка сказал: «Господь с нами! Вперед!»

Слова батюшки срабатывают как команда к действию. Обе стенки сходятся. Взметнулась пыль, как от настоящей битвы.

ДВОРНИК (на газоне машет метлой}: Кыш! Кыш отсюда! Анютины глазки потопчете. Идите на детскую площадку. Она специально для забав устроена... (У него на плече раздраженно мяукает кошка,)

Кто-то, распаленный дракой и припекающим солнцем, подбегает к спокойно стоящему человеку в стороне от всех. Тот неторопливо курит, пытаясь сигаретой разбудить себя после вчерашнего. Он вообще плохо соображает, что вокруг происходит.

РАСПАЛЕННЫЙ (курящему): А ты что тут стоишь?

КУРЯЩИЙ: Как что? Курю... Не видишь, что ли?

РАСПАЛЕННЫЙ: Ах, ты грубить, мать твою... (Врезает ему по уху. У курящего выпадает сигарета — его последняя надежда на возвращение к жизни.)

КУРЯЩИЙ (мигом просыпается): Мой последний чинарик! Сука, кретин, удавлю! (Пытается догнать обидчика. Оба исчезают в куче-мале.)

ДРАЧУН (дрожит, как давно не пивший алкоголик): Люсь, а Люсь! Ну, пожалуйста... Только разок кого-нибудь ударю и сразу вернусь. Клянусь самым дорогим, что у меня есть.

ЖЕНА: Это чем же? Ковриком в прихожей, на котором спать будешь?

Во двор приезжает телевидение.

РЕЖИССЕР (оператору и ведущему): Скорее, скорее! Пока они не успокоились... Какая милая краска для «Новостей» будет. (Ставит ведущего на фоне побоища смотрит в камеру.) ...Вот отлично! Второй план работает, как у Феллини. Давай текст!

ВЕДУЩИЙ: Уже второй час по улице Радостная, дом 14, не прекращается драка. Приятно, что до сих пор живы в народе воскресные традиции. Попробуем спросить у кого-нибудь из участников, с чего все началось.

Ведущий подходит к борцу за справедливость, тому, что с доской.

ВЕДУЩИЙ: Простите, что мы вас отвлекаем. Телевидение. Первый канал. Как вас зовут?

МУЖИК: Алексей... Но многие зовут Никитой.

ВЕДУЩИЙ: Очень приятно. Скажите, Илья, за что вы только что так отчаянно сражались?

МУЖИК: Ну, как... За это... за справедливость. Вы чего? ВЕДУЩИЙ: В каком смысле, не

поясните?

МУЖИК: Да вы чего? Зарплату шестой месяц не платят. Дурные, что ли? Сколько терпеть можно? А вы... телевидение?

ВЕДУЩИЙ: Да. Первый канал.

МУЖИК: Ой, вы это... меня снимите, а? Пускай моя порадует. Она всех мужиков любит, которых по телевизору показывают. {Чувствуя себя киноактером, с еще большим энтузиазмом начинает махать доской.}

РЕЖИССЕР (оператору): Замечательно! Замечательно. Снимай, снимай! Скорее! А теперь — батюшкуними. Сейчас во всех передачах должна быть церковь.

Тем временем батюшка, отмахиваясь от всех увесистым крестом «Версаче», добрался до главных зачинщиков — Гиганта и Федора.

БАТЮШКА (обоим): Люди добрые! Образумьтесь! Помните, чему учил нас Иисус в знаменитой Нагорной проповеди: если тебя ударили по одной щеке, не отвечай, а подставь другую.

ГИГАНТ (Федору): Слышал, чему Иисус учил? (Бьет его по одной стороне.) Вот так! А теперь не сопротивляйся, подставь другую. (Бьет по второй.) Молодец! Ты поступил по-божески.

РЕЖИССЕР: Восхитительно! Какой удар! Он почти без сознания. Снимай, снимай скорее, как он его теряет... Какая милая красочка для «Новостей» будет!

Во двор въезжает грузовичок. На прицепе бочка с квасом. В грузовичке — Мойша и его жена. Во дворе их уже ждут Изя и Анечка.

ИЗЯ (Мойше): Что же ты так долго? Хорошо, что они еще дерутся... Давай встанем у ларька. Это хорошее место: там все ходят.

МОЙША: Ты что, Изя? Ты давно не был в России — ничего не знаешь. Там территория Мамеда. Уж лучше пойдем на детскую площадку. Она — ничья... На ней все что хочешь делать можно.

Кто-то в экстазе залез на мусорник и пытается перекричать шум.

ОРАТОР: Только путем демократических преобразований мы можем вернуть себе ту адекватность и конвергентность, которые позволят инвариантно абсолютизировать консистентность имперических обструкций.

ТЕТКА СО СКОВОРОДОЙ [слушает оратора и честно, изо всех сил пытается хоть что-то понять из его речи]: Слишком ты умен, паря... (Забирается рядом с ним на ящик и бьет сковородой по лбу, улыбаясь всеми сорока восьмью золотыми зубами. Победно поднимает

сковороду, на обратной стороне которой написано: «Слава СССР!»)

Какая-то женщина отводит от дерущихся мужчину. Вытирает ему лицо платком. Платок в крови.

РЕЖИССЕР (оператору): Смотри, кровь! Ура! Возьми ее крупным планом... Чудненькая красочка!

Анечка с Изей поднимают над бочкой рекламный плакат: «Шварценеггер пьет русский квас».

МОЙША (выкрикивает, сильно грассируя): Квас! Холодный квас! П-ррр-идает силы! Ррр-русские богатыр-р-ри во вр-р-ремя срр-ражений всегда пили квас!

Дворник понял, что порядка во дворе ему все равно не добиться, махнул на все рукой и пошел пить квас. На плече у него кошка.

ДВОРНИК (кошке): Ну что скажешь, Лиза?

КОШКА: Мяу...

ДВОРНИК: Вот и я так думаю... Лишь бы войны не было... (Мойше.) Дай-ка нам с Лизой кваску, а?

Парапсихолог подходит к бочке с квасом.

ПАРАПСИХОЛОГ (Изе): Я понимаю, вы здесь главные... Мы с женой парапсихологи.

ИЗЯ (с одесской интонацией): Короче... Ви что хотите? Зарядить наш квас? Я правильно вас понял?

ПАРАПСИХОЛОГ: Да. Откуда вы знаете?

ИЗЯ: И ви хотите за это 10 процентов?

ПАРАПСИХОЛОГ: Да... Вы что, тоже парапсихолог?

ИЗЯ: Нет... Я пятнадцать лет жил в Израиле... Меня зовут Изя. А фамилия — Нахимзон. Ты думаешь, тебе удастся одурачить человека с такой фамилией? Ты лучше о своей жене позаботься... У нее же глаза устали. Ты меня понимаешь?

ЯСНОВИДЯЩАЯ (дергает мужа за рукав): Пойдем, Андрей! У меня и вправду глаза устали. (Возвращает зрачки в глаза) Фу, надо отдохнуть. А то навсегда окосеть можно.

ИЗЯ: Да, ребята, давайте... Вы своим бизнесом занимайтесь, мы — своим. Дураков на всех хватит.

Парапсихолог и жена отходят.

ИЗЯ (своей жене): Хотя идея неплохая... (Выкрикивает.) Квас! Зар-ряженный лучшими парапсихологами р-русский квас! Пр-ридает силы, лечит все болезни!

К бочке подходят первые, клюнувшие на рекламу клиенты. Режиссер ставит перед камерой интеллигентного вида человека, на лице которого черты всех национальностей сразу, как обычно бывает у политических обозревателей.

ВЕДУЩИЙ: Анхирст Засильич! Не могли бы вы спрогнозировать, как будут, по-вашему, развиваться события в этом дворе далее?

ЭКСПЕРТ: Я считаю, есть два пути, по которым пойдет развитие. Первый и второй.

ВЕДУЩИЙ: Это очень интересно. И очень точно.

ЭКСПЕРТ: Первый: конфликт утихнет к вечеру. Второй: он к вечеру не утихнет. Конечно, все будет зависеть от того, как поведет себя в этой ситуации наш президент. Какой он указ издаст завтра и каковы будут его предложения на саммите в следующем месяце.

На втором плане, у бочки с квасом — уже очередь

ВТОРОЙ ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (стоит у подъезда и разговаривает по переговорному устройству): «Сокол». «Сокол»! Это я, «Зяблик»! Почему не отвечаешь? (Ответа нет. Вместо ответа слышатся стоны, вздохи, возня.) «Сокол», «Сокол»? Ты где?

СОКОЛ: Я тут. (Кряхтит.)

ЗЯБЛИК: Где тут? Ты кого-то нашел?

СОКОЛ: Кого-то нашел...

ЗЯБЛИК: А чего кряхтишь? Сопротивляется?

СОКОЛ: Нет. Не сопротивляется.

ЗЯБЛИК: А что это за звуки?

СОКОЛ: Это я сопротивляюсь.

ЗЯБЛИК: Тебе что, нужна помощь?

ЖЕНСКИЙ ГОЛОС: Нужна! Ему очень нужна помощь. Он один не справляется. Квартира 18. Быстрее!

ЗЯБЛИК: Держись, Сокол! Это я — Зяблик! Иду на подмогу. (Ставит машину на сигнализацию и бежит вверх по лестнице.)

Кагэбист осторожно, как из окопа, выглядывает с балкона Убеждается, что у «Мерседеса» никого нет. Присаживается под цветами. Берет два горшка с землей и, как гранаты, бросает вниз с балкона.

КАГЭБИСТ: Это вам за Ленина... Это — за Дзержинского!

Один горшок попадает на крышу, другой — на капот. Срабатывает сигнализация. Машина ревет, как раненый зверь. Кагэбист исчезает в двери, напевает довольно и тихонько: «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна...»

Из окошка выглядывает расхристанный Зяблик, за ним — Сокол.

СОКОЛ: Кто? Кто это сделал?

КАГЭБИСТ (выглядывает уже из окна, говорит Зяблику): Я заметил на крыше лицо кавказской национальности.

СОКОЛ: Я найду его!

ЗЯБЛИК: Беги скорее, а я буду тебя страховать здесь.

На балконе у Моисея.

ГАРИК: Дедушка! Зачем вот тот дядя вон в том окошке сказал, что на крыше он видел лицо кавказской национальности? Это же он горшок сбросил. Я видел.

ДЕДУШКА: Т-сс! Молчи! Ты этого не видел, Гарик, и не слышал.

ГАРИК: Нет, дедушка, я видел.

ДЕДУШКА: Внучок! Дедушка Моисей старше тебя, и он лучше знает, что ты видел, а что не видел. Запомни: твой дедушка потому и живет на свете так долго, что он многого в жизни и не видел, и не слышал. Ты хочешь жить долго?

ГАРИК: Хочу, дедушка Моисей. Очень хочу.

ДЕДУШКА: Тогда скажи, что ты не видел.

ГАРИК: Я не видел.

ДЕДУШКА МОИСЕЙ: Вот и хорошо! А что ты не видел?

ГАРИК: Я не видел, как вон тот дядя сбросил вон с того балкона горшок вон в ту машину. Ну что? Я теперь буду долго жить, дедушка Моисей?

ДЕДУШКА: Теперь будешь.

ГАРИК (радостно): Бабушка! Бабушка! Дедушка научил меня, как жить долго!

Сокол на крыше присел за вентиляционным выступом, как в американском фильме. В одной руке — пистолет, в другой — переговорное устройство.

СОКОЛ: Шеф, шеф! Это я!

ГОЛОС ШЕФА (слышится): Кто я? Ты, что ли, Зяблик?

СОКОЛ (обиженно): Обижаете, шеф. Я — не Зяблик. Я — Сокол.

ШЕФ: О'кей! Что случилось, Сокол?

СОКОЛ: Шеф! Произведено нападение на шестисотый объект. На крыше нами было замечено несколько лиц кавказской национальности.

Нога Сокола скользит. Он вскрикивает.

ШЕФ: Сокол, Сокол? Что с тобой?

СОКОЛ: Ничего страшного. Это у меня крыша поехала.

Квартира бизнесмена. Все пышет коврами, люстрами, хрусталем и очень лаковой мебелью. Жена бизнесмена уже заканчивает дорисовывать лицо.

ЖЕНА: Что случилось, Мюмзик?

БИЗНЕСМЕН: Мамед начал войну. О'шит!..

Бизнесмен бледный. Он запирает на все засовы супербронированные двери, нажимает на кнопки. Из стен выползают решетки на окна. Все перекрывается, как в подводной лодке во время тревоги.

Бизнесмен приглушенным голосом говорит по телефону. Такой голос обычно у тех, кто считает, что их прослушивают. Им кажется, что если они будут говорить по телефону тише, то те, кто их прослушивает, не услышат.

БИЗНЕСМЕН: Алло! Олег Дмитриевич? Это вас беспокоит президент ассоциации евроазиатских банков развития. О'кей? Помните? О'кей! Олег Дмитриевич! Помните, вы насчет одного дела интересовались? Заказного. Я вам намекну, о'кей? Это Мамед! Вы поняли мой намек? О'кей? Кстати, я слышал, вы фонд создали. Помогаете ветеранам. Это я вам скажу — большой о'кей. Мы вам на этот фонд кое-что подбросим. О'кей? А с Мамедом надо кончать. Вы меня понимаете? Как только... Так сразу... Как говорят у нас, россиян: ноу проблем, о'кей... По факту! (Довольный, вешает трубку.)

Над дерущимися поднялось облако пыли. Ничего не видно. И только звуки ломающихся досок, крики выдают, что внутри облака есть какая-то своя жизнь.

Подъезжают на иномарках иностранные корреспонденты с фотоаппаратами. Со всех сторон пытаются сфотографировать драку. Один, самый активный, все время пытается заснять тетку со сковородой. Наконец он улучил момент, щелкнул ее. И тут же получил от нее сковородой по лбу. К нему подбегают другие корреспонденты. Поднимают раненого. Тетка машет сковородой, кому-то достается по спине, кто-то отмахивается от нее фотоаппаратом. К золотозубой тетке присоединяются другие женщины во дворе.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА: Так их, Фроловна! Это они все спровоцировали!

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА: Они по плану ЦРУ действуют! Им давно наш двор покоя не дает. Этому ЦРУ...

Перепуганные иностранцы забирают раненого и удирают со двора. Золотозубая тетка победно пишет мелом на задней стороне сковороды: «Дадим лордам по мордам!»

Из подъезда с грозным видом выбегают Зяблик в губной помаде и расхристанный Сокол. Направляются к ларьку с надписью: «ГРАНД-МИНИМАРКЕТ».

СОКОЛ (хозяину киоска): Где Мамед?

ХОЗЯИН: Не знаю никакого Мамеда. Давай отсюда, да?

ЗЯБЛИК: Ты, зверюга! Отвечай! Хуже будет. Где Мамед?

ХОЗЯИН-КАВКАЗЕЦ: Какой Мамед? Не знаю Мамеда. Слышал, да?

ЗЯБЛИК: Сокол, ты не прав. Я жил на Востоке. Пытался с ними по-хорошему. Еле жив остался. Восток — это дело тонкое. Смотри, как с ними надо. (Разбегается и каратистским движением бьет ногой кавказца по челюсти. Кавказец падает.)

КАВКАЗЕЦ: Ты, козел! Мамед из тебя петуха сделает.

ЗЯБЛИК: Понял? Сразу Мамеда вспомнил. Восток — дело тонкое.

СОКОЛ: А... Так ты все-таки знаешь Мамеда? Значит, ты нас обманул? Значит, и горшки ты сбросил? (Поднимает его за грудки.)

КАВКАЗЕЦ: Какие горшки? Ты чего, сдурел? Да?

СТАРУШКА: Молодец, сынок! Защити нас, стариков. Он мне давече минеральную воду продать не хотел.

КАВКАЗЕЦ: Отпусти... Да? Ты знаешь, кто я?

ЗЯБЛИК: Ты? Ты — лицо кавказской национальности. Извинись перед старушкой! Слышишь, что я сказал? Она — ветеран войны. Извинись, говорю! Молчишь? Не хочешь извиниться перед ветераном? Ну что ж... Восток — дело тонкое... А где тонко, там и

рвется... Сокол, держи его чуть правее.

Снова разбегается и наносит кавказцу второй удар. Кавказец летит в груды ящиков. Зяблик и Сокол переворачивают киоск. На землю высыпается все содержимое: пиво, сигареты, зажигалки, солнечные очки, туфли, батарейки, банки с пивом, духи, платки, часы...

ПЕРВАЯ СТАРУШКА: Никитична, смотри! Вот тебе и минеральная вода сама подкатилась.

ВТОРАЯ СТАРУШКА (телохранителю): Спасибо, сынок. (Подбирает воду.) Спасибо, благодетель ты наш.

ПЕРВАЯ СТАРУШКА: Никитична! Возьми печенье. Скоро День учителя.

Кавказец выбирается из-под ящиков и убегает со двора, выкрикивая угрозы.

КАВКАЗЕЦ: У Мамеда в ауле брат Сумамед прошлый раз за такой киоск две деревни ваших зарезал.

Зеваки, которым надоело ждать взрыва, подбегают к киоску и начинают все подбирать. Примерять платки, часы, нюхать духи.

Кто-то из дерущихся замечает у себя под ногами подкатившуюся баночку пива. Оглядывается. Видит перевернутый киоск. Разметавшиеся вокруг него банки пива.

ОДИН ИЗ ДЕРУЩИХСЯ (кричит, что есть силы): Братцы! Остановись! Братцы! (Никто не обращает на него внимания.) Козлы! Пиво бесплатное!

Мгновенно наступает тишина.

ГОЛОС ИЗ ТОЛПЫ: Где?

ДРУГОЙ ГОЛОС: Вон!

Толпа, забыв про все, бежит к перевернутому киоску и начинает вместе с зеваками подбирать с земли все, что попадется под руку. Возня. Толкотня. Кто-то подбирает пиво, кто-то жевательную резинку. Кто-то смотрит на водку.

ЖЕНЩИНА (кричит с балкона своему мужу): Гриша! Посмотри, нет ли там хорошего ликера? У нас вечером гости будут. Да поворачивайся же ты! Тюфяк постельный...

Кто-то выудил одну туфлю. Примерил. Ищет вторую. Тем временем двое уже не на шутку сцепились из-за бутылки ликера.

ПЕРВЫЙ: Я первый на нее глаз положил.

ВТОРОЙ: Нет, я.

ЖЕНЩИНА (с балкона): Не уступай ему, Гриша. У нас вечером гости.

Телевизионщики разворачивают камеры.

РЕЖИССЕР (оператору): Снимай, снимай скорее. Это же мародерство! Как же нам сегодня повезло! И драка, и мародерство! Какой восхитительный фрагмент для «Новостей»! Только смотри, чтобы я в кадр не попал. А я пока пива всем наберу.

Гигант примеряет куртку, которая ему безумно мала.

ФЕДОР (случайно оказался рядом с Гигантом): Она тебе мала.

ГИГАНТ: На халяву мала быть не может.

Батюшка подходит к дворнику и присаживается рядом с ним на бревне под деревом.

ДВОРНИК: Ну что, батюшка?

БАТЮШКА: Устал я, сын мой, с бесом бороться.

ДВОРНИК: Посиди, батюшка, отдохни. Попей кваску, наберись сил... Они тебе скоро заново понадобятся.

К батюшке подбегает борец за справедливость. Он с двумя бутылками водки.

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: Батюшка! Там какой-то человек со всех иноземных товаров порчу снимает. А я не верю всем этим гадам. Освяти бутылочку, а? По-нашему, по-православному...

БАТЮШКА (собирается его отчитать): Как только, сын мой, у тебя язык...

ДВОРНИК: Батюшка, не отказывай ему. Он иначе в церкви разуверится...

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: Освяти, батюшка, а?

БАТЮШКА: Прости меня, Господи! (Освящает,)

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: Спасибо, батюшка... А это тебе! (Дает ему вторую бутылку.)

БАТЮШКА: Убери, бесстыдник!

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: Ты чего, бать? Это ж я на нужды церкви.

БАТЮШКА: На нужды церкви?

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ: Ну да...

БАТЮШКА: На нужды ладно, оставь...

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ (священнику): Спасибо, батюшка! (Возвращается в толпу и, показывая на водку, говорит кому-то.) Смотри, что мне батюшка освятил... Видишь? Это теперь святая вода...

Парапсихолог всем раздает визитные карточки и шепчет: «Товары — иноземные, порченые. Требуют энергетической очистки. Наш офис за углом».

У Геннадия уже полны руки и карманы часов, платков, консервов. Марина ходит за ним следом. Пытается его вразумить. Геннадий ничего не понимает из того, что она говорит. Его глаза уже безумны.

МАРИНА: Геннадий! Уймись. Как тебе не стыдно? Это же мародерство. Ты же интеллигентный человек. Ты вчера читал сыну «Слово о полку Игореве». Когда мы поженились, ты в первую брачную ночь рассказывал мне о философии непротивления злу насилем...

ГЕННАДИЙ: И что я имел? А тут, смотри: галстуки, крабы, противозачаточные.

МАРИНА: Зачем тебе противозачаточные? Мы с тобой уже два года не целуемся.

ГЕННАДИЙ (с горящими глазами): С сегодняшнего дня все будет по-другому. С сегодняшнего дня, Мариночка, я почувствовал в себе такую силу, что противозачаточные понадобятся мне и дома, и на работе! (Целует ее крепко в губы.)

МАРИНА (бледнея): Ты с ума сошел, Геночка!

Парапсихолог опять подходит сзади к Марине.

ПАРАПСИХОЛОГ: Если вы сегодня не придете, вам завтра придется уже два конских хвоста у нас покупать. Один — для себя. Имейте в виду: порча передается через поцелуй. Вот наша визитка.

Марина автоматически берет визитку и задумывается.

КАГЭБИСТ (подходит к Геннадию): Вы интеллигентный человек. Я обращаюсь к вашему разуму. Если их не остановить, снова начнется побоище. Отрезвите их! Они вас послушают. Здесь все равно на всех не хватит. А за углом еще шесть таких киосков. И все эти киоски держат те же лица не нашей национальности... Вы меня понимаете?

ГЕННАДИЙ: Еще как понимаю! {Забирается на перевернутый киоск.} Господа! Товарищи! Друзья! Судари! Братцы! вспомните, как жили наши предки под иноземным игом. вспомните хотя бы известный фильм «Андрей Рублев».

Гигант и Федор стоят рядом.

ГИГАНТ (спрашивает у Федора): Слышь, соседушка... А Рублев это кто? Напомни.

ФЕДОР: Это тот, что рубль у славян изобрел, по-моему... Первопечатник рубля, вот!

ГИГАНТ: Сукин козел! Не мог баксы изобрести.

ГЕННАДИЙ {продолжает ораторствовать}: Но наши предки объединились и скинули с себя иноземное иго. Сегодня нас снова хотят поработить. Объединимся же в борьбе против иноверцев! Не посрамям землю российскую! Не будем позорить себя и ссориться из-за всякой мелочи, из-за того, что кому-то что-то не досталось. Там за углом еще шесть таких же киосков. Их держат те же иноверцы, которые обируют нас, народ российский.

МАРИНА {Геннадию}: Что ты говоришь? Ты же образованный человек!

ГЕННАДИЙ {Марине}: Только мы, образованные люди, Мариночка, должны вести за собой народ. Иначе он никогда не очнется от спячки. Братцы! Пора очнуться от спячки. Пора пробудиться. {Кричит батюшке.} Батюшка! Ответь нам честно: какая вера нашеньская?

БАТЮШКА: Православная, сын мой...

ГЕННАДИЙ: А скажи, батюшка, мы должны у себя на Руси отстаивать нашу веру православную перед другими верами?

БАТЮШКА: Должны, сын мой... Конечно, должны.

ГЕННАДИЙ (в экстазе от собственного ораторства): Вы слышали, друзья мои? Батюшка благословил нас «натянуть иноверцев по самые помидоры»!

БОРЕЦ ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ (как и Геннадий, в экстазе борьбы за справедливость): Интеллигент прав! Постоим, братцы, за нашу православную Русь! Ура!

Сплотившаяся толпа устремляется с криком со двора. Впереди Геннадий, Гигант, Федор. Все вместе. Как будто и не было побоища

СЛЫШАТСЯ ВОЗГЛАСЫ: За веру!

— За Россию-матушку!

— За Сталина!

— Да здравствует демократия!

Драчун вырывается от жены.

ДРАЧУН: Эх, лучше уж я буду спать один. (Присоединяется к толпе.)

ЖЕНА ДРАЧУНА: Плакало мое трюмо...

За толпой движется бочка с квасом. Бегут зеваки. Телевизионщики с аппаратурой. Стараются не отстать.

РЕЖИССЕР: Потрясающе! Русский погром! Ты понимаешь, что это такое? Передачу о русском погроме купят в Израиле, США, Японии... Скорей! Какой удачный день!

ВНУЧОК (Моисею): Дедушка! Пойдем на другой балкон, посмотрим.

МОИСЕЙ: Не надо, внучок, тебе на это безобразие смотреть рано.

ВНУЧОК: Не волнуйся, дедушка. Я же все равно ничего не вижу.

МОИСЕЙ: Ну, если не видишь, то пойдем посмотрим.

Йог на балконе поменял позу. Он так же невозмутим. Он ничего не заметил.

На дереве похожая на рваный флаг развевается кофточка.

В пивной два милиционера пьют пиво. Наблюдает из окошка, как толпа громит киоски, а небритые кавказцы разбегаются тараканами во все стороны.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР: На работу, Колюня, нам возвращаться нельзя. Мамед нам этого не простит.

Несколько джипов подъезжают к офису, над входом в который написано: «Джойнт-сток Мамед энд компани». Омоновцы в масках выбегают из джипов, врываются в здание. Крик. Стрельба. Разбитые окна. Выводят арестованных.

Лейтенант просматривает бумаги в сейфе. Солдат докладывает полковнику в джипе.

СОЛДАТ: Мамеда нет. В сейфе все документы. Наркота. Оружие.

ПОЛКОВНИК: Теперь он от нас не уйдет.

Из «БМВ» с темными окнами за сценой разграбления своих киосков внимательно следит Мамед. Хозяин ларька бойко объясняет ему что-то на своем языке. Мамед набирает на мобильном телефоне номер.

МАМЕД: Это я, Мамед. Это ты, Сумамед?

В ауле, в доме, — необычайно похожий на Мамеда человек. Он — старше. Слушает, что ему говорит Мамед. Лицо ожесточается. Глаза багровеют.

Почти стемнело.

На улице рядом с домом на тротуарах валяются перевернутые остовы киосков. С них сняты даже стекла. Над киосками кружатся встревоженные каркающие вороны.

Расходятся последние люди. Все, как муравьишки, тащат по тропинкам награбленное. На одном надето несколько рубашек. У другого на шее висит лифчик. Третий — в женском пеньюаре. Особенно доволен тот, кто искал вторую туфлю.

ТОТ, КТО ИСКАЛ ВТОРУЮ ТУФЛЮ (хващается попутчику): Все перерыл, а вторую туфлю нашел. Правда, не на ту ногу. Но согласись, если не приглядываться, то нормально. (Ковыляет,)

Гигант и Федор дружно тащат ящик, набитый алкоголем.

ГИГАНТ: Тебя звать-то как?

ФЕДОР: Федор.

ГИГАНТ: А меня Петр. Ты уж не серчай на меня, Федор, за это... че утром.

ФЕДОР: Какое серчать? Донести бы!

Два милиционера уже напились в пивной.

ПЕРВЫЙ МИЛИЦИОНЕР: Я предлагаю, Колюня, вот какой бизнес... Давай отвозить в ГАИ машины, которые стоят под знаками.

ВТОРОЙ МИЛИЦИОНЕР: Отличная идея! У меня кореша в ГАИ есть. Мы им будем отстегивать. А они за это будут нам вешать знаки над уже стоящими машинами

Батюшка несет домой в руках всякую всячину, которую ему надарили за освящение.

Во дворе остался один дворник. Он налаживает шланг. Кошка жалобно мяукает, глядя на то, что осталось от убранного с утра двора.

ДВОРНИК: Потерпи, Лиза, маленько... Скоро покормлю... А сейчас главное — успеть до заката к завтрашнему дню наш двор заново подготовить.

На дереве одинокая кофточка. Закатное солнце. Ветер. Скрипят качели. Кошнется забор вокруг спортивной площадки. Ощущение, что вот-вот все вокруг начнет рушиться.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Аул. По дороге через аул едет грузовик с вооруженными боевиками. В грузовике Сумамед что-то обсуждает с ними над картой. Грузовик останавливается в темноте возле железнодорожного полотна, на котором стоит состав с цистернами. Бойцы выпрыгивают из грузовика. Разбегаются с факелами. Где-то раздается взрыв. Крики. Пожар.

Вечер. В квартире Геннадия работает телевизор. Передают «Новости». Геннадий отошел от

дневного безумия. Ему стыдно. Он ни на кого не смотрит. Марина неуверенно вынимает из сумки конский хвост. Пытается примерить его, приставляет к своему лбу. Смотрит в зеркало.

МАРИНА (про себя): А вдруг и вправду поможет... (Геннадию.) Я настаиваю, чтобы на работу завтра ты надел вот это... Он будет защищать тебя от сглаза. Я понимаю, это неудобно. Но ради нас, твоей семьи... (Пытается надеть ему на голову хвост.) Иначе приступ может повториться.

СЫН (смотрит телевизор): Папа! Папа! Смотри, тебя по телевизору показывают.

Геннадий отворачивается со стыда от телевизора.

МАРИНА: Немедленно одень хвост. (Надевает ему его на лоб.) Вот так, видишь... Так тебя точно никто не сглазит.

СЫН: Папа! Папа! Да смотри же, как ты всех за собой повел. Как князь Игорь!

Геннадий смотрит на экран, где он с лопатой, как с флагом, забирается на киоск.

ГЕННАДИЙ: Если шеф это увидит — все! На работу мне лучше не появляться! Ни с хвостом, ни без хвоста. (Срывает хвост)

По телевизору слышится голос Геннадия: «Мы их «натянем по самые помидоры». Геннадий в ужасе хватается за голову.

Раздается телефонный звонок. Марина подходит к телефону.

МАРИНА: Алло! Да, Виктор Евгеньевич. Он дома. Конечно, видел... Позвать? (Мужу.) Шеф все видел.

ГЕННАДИЙ: Ты могла бы сказать, что меня нет.

МАРИНА: А что толку? Он мог бы подумать, что ты до сих пор буянишь. Ну, иди, иди! Ты чего струсил, князь Угорь? Только хвост надень... (Надевает ему на лоб хвост)

ГЕННАДИЙ (боязливо подходит к телефону): Алло! Да, я. Видели? Вы знаете, что-то со мной случилось... но... обещаю... не повторится. Что? Простите, не понял? Назначить меня? Кем? В каком смысле? Как, сразу на та-кую должность?! Вы шутите. Нет, вам правда понравилась передача? Потрясла?! Ну что ж, это приятно. Знаете, это еще по телевидению не все показали... Ух, мы им врезали! Я вам потом расскажу. Да, именно... Вы правильно запомнили: «по самые помидоры». (Смеется.) Это среди наших так говорят. Так что я согласен, назначайте! У меня все сотрудники по струночке ходить будут.

А если что не так... Вы ж понимаете. Дадим по голове, и уши отвалятся. (Смеется, вешает трубку.)

МАРИНА: Я что-то ничего не поняла. Что произошло?

ГЕННАДИЙ (гордо, срывает хвост): Меня назначили первым замом! Шеф в восторге от «Новостей». Сказал, что ему давно были нужны такие решительные замы, люди новых биоритмов будущего! Не слюнтяи из прошлого. Извинялся даже, что раньше меня не замечал. Вот так, Мариночка! Пойдем, сынок, посмотрим какой-нибудь американский боевичок.

МАРИНА: Неужели это хвост сработал? Может, и мне свой на ночь надеть? (Достает из сумочки второй хвост.)

Квартира Федора. За столом — Федор, его жена, сын и гости. Гигант с Мышкой. Стол накрыт с душой, по-русски. Много добытой днем выпивки. Все веселые. Работает телевизор. Все смотрели «Новости» и довольны.

ГИГАНТ: Ну что ж, есть повод опрокинуть еще по одной. Меня лично по телевизору первый раз показывали. И тебя, Мышка.

МЫШКА: Где? Я не видела.

ГИГАНТ: А я заметил в толпе твое ушко, Мышонок. (Все хохочут.)

ФЕДОР: Ну, за знакомство!

ГИГАНТ: Они нас еще надолго запомнят, Мамедыш-мамеды...

ФЕДОР: Это точно. Нашего русского человека от спячки лучше не будить. Мы когда просыпаемся, то сразу, как говорят менты, всем — кранты!

ГИГАНТ: Вот за это и предлагаю выпить! Водочка хорошая, батюшка освятил... Батюшка у нас хороший...

Все смеются. Выпивают. В тишине по телевизору слышится взволнованный голос диктора.

ДИКТОР: Только что мы получили экстренное сообщение. В районе села Кизык неизвестными был взорван железнодорожный состав с нефтью особого назначения. Проанализировав случившееся, эксперты пришли к выводу, что эта акция уже давно планировалась западными разведками с целью столкнуть Россию с восточным миром.

ГИГАНТ: Не понимаю... Что людям неймется? Сели бы, как мы... Выпили, закусили...

ФЕДОР: Да пошли они все... Пускай себе тешатся. Слава богу, нас это не касается. Послушай лучше, что мы с женой решили: мы вам за наш счет на балкон решетки поставим. В следующий раз воры прямо по ним на третий этаж заберутся. (Все хохочут и вкусно выпивают)

Батюшка у себя в квартире раскладывает на столе всякую всячину. Анастасия и Варвара

смотрят на него, как на фокусника.

ВАРВАРА: Откуда столько добра, батюшка?

БАТЮШКА: Работал, дочери мои. Весь день бесов изгонял. Народ благодарный нынче пошел. Церковь почитает.

ВАРВАРА: А для кого это все?

БАТЮШКА: Кое-что — на нужды церкви, кое-что — нищим нашего прихода.

АНАСТАСИЯ (прикидывает на себя блузку, смотрится в зеркало): Батюшка! Но я ведь тоже нищая вашего прихода. Господь должен быть справедлив к нам.

ВАРВАРА (примеряет часы): С каждым днем укрепляется моя вера в сегодняшнюю церковь.

БАТЮШКА: Только давайте помолимся Господу за все, что он для нас делает.

Анастасия и Варвара тут же послушно встают перед иконами на колени. Батюшка смотрит на них сзади, потом все-таки, хоть и с трудом, переводит взгляд на иконы.

БАТЮШКА: Прости, Господи, меня грешного...

Квартира Моисея. Как и у всех, работает телевизор. Но на него никто не обращает внимания. За столом Мойша, его жена, Моисей и рядом — внучек Гарик. Все считают собранные за квас деньги. Внучек внимательно наблюдает за этой сценой.

МОЙША: Моисей! Благодаря тебе хороший гешефт получился.

В это время по телевизору тот же взволнованный голос диктора.

ДИКТОР: Эксперты также считают, что в условиях обострившихся национальных отношений это — лишь начало. Что следующей провокацией после взрыва нефтяного состава будет диверсия на атомной электростанции, которая находится в том же районе. После чего российскому правительству будут выдвинуты чисто политические требования.

ЖЕНА МОИСЕЯ: Ты слышишь, Моисей, что случилось?

МОИСЕЙ: Ты же знаешь, Соня, про нефть я никогда ничего не слышу и не знаю. Только про квас.

МОЙША: Вот Моисей, твои десять процентов за квас. Пересчитай.

Одна купюра падает на пол. Внучек наступает на нее ногой.

МОИСЕЙ (Мойше): Не хватает одной купюры.

МОЙША: Не может быть. Может быть, упала?

МОИСЕЙ: Внучек! Ты не видел, денежка не упала?

ВНУЧЕК: Нет, дедушка. Я ничего не видел.

Квартира кагэбиста. Кагэбист сажает цветы.

ЖЕНА КАГЭБИСТА: Все-таки что ты умеешь, так это сажать!

КАГЭБИСТ: Это верно. Сажать я люблю. (Про себя.) Скоро всех пересажаем. Только наши вернутся!

Утро. Во двор выходит дворник. Потянулся. Потянулась на его плече Лиза. Во дворе — никого. Дворник с удивлением смотрит на то, что осталось за ночь от «Мерседеса». Он уже без колес, без капота, без бамперов. Даже Лиза удивленно мяукает, глядя на этакий скелет машины.

Бабули обсуждают политические события на скамеечке

Бизнесмен у себя в офисе. Вокруг стоят телохранители. У окон охрана внимательно наблюдает в подзорную трубу за улицей и окнами домов напротив: не блеснет ли где оружие киллера?

БИЗНЕСМЕН: (тем же секретным шепотом говорит по телефону): Олег Дмитриевич! Здравствуйте! Это опять Национальная ассоциация народных банков развития. Простите, что потревожил. О'кей? Я вчера смотрел телевизор. Нонсенс! Поставки теперь прекратятся на полгода. Да, конечно, догадываюсь, и чья нефть была и куда шла. Гарантии контракту мы же давали. (Совсем шепотом.) Сам-то уже знает? И что думает предпринять? Правильно! Наказывать этих зверей надо. Шит! Вот это верно. Не бойтесь... Никто не возмутится. Скажите Самому... Вы мой намек понимаете?.. Народ мы возьмем на себя. Телевидение — наше. Газетчики недорогие. Объясним... Главное — целостность России! Особенно на целостность упирайте. Скажите самому, что Петр бы не простил. Он ведь у нас все-таки уверен, что он наш второй Петр I. (Смеется.) О'кей! Жду сообщений. И как только... Так сразу... На фонд ветеранов. Я помню, как не помнить... Ветераны — это святое! (Смеется.)

Кабинет на Западе. На стене — карта России с какими-то значками, флажками, отметками. Флаг США. За столом — двое: шеф и корреспондент ООН с перевязанной головой, он же агент.

ШЕФ: Я возмущен. Это — провал. Мы чуть не лишились нашего основного агента. Вы прошли Вьетнам и Никарагуа, а сломались на русской бабе со сковородой.

АГЕНТ: Россия — это вам не Никарагуа, шеф.

ШЕФ: Не оправдывайтесь. Лучше скажите, как вы умудрились прозевать взрыв нефтяного состава, да еще с нефтью особого назначения? Для подготовки такой операции любой

стране требуется минимум полгода.

АГЕНТ: Любой. Кроме России.

ШЕФ: Еще один такой провал, и я вас снова сошлю в Никарагуа. Уже горят два нефтехранилища в том же районе. И во всем этом обвиняют нас, в то время как мы сами не можем понять: с чего все началось? Российское правительство собирается блокировать весь район. Оно выделило на это немалые средства. Восток бурлит от негодования. А мы?

АГЕНТ: Россию надо уничтожить. Немедленно! Это пороховая бочка всего человечества. Надо натравить на нее весь мусульманский мир. Организовать специальные террористические группы.

ШЕФ: Перестаньте! Это в вас говорит ушибленный. Никому еще не удавалось победить Россию. А знаете почему? Подойдите вот сюда и взгляните на карту. (Подходит к карте.) Вы видите? Россия находится между Европой и Азией. Русские обладают смесью евроазиатского мышления: они говорят одно, думают другое, делают третье. А что они при этом чувствуют, не знают даже они сами. Потому что душа русского человека так же беспредельна, как и карта России. Россия ушиблена своими размерами. И люди в ней ушиблены... И те, кто долго там работает, тоже ушиблены. (Опять показывает на голову агента. Хохочет.)

АГЕНТ (недоуменно): Что же делать, шеф?

ШЕФ: Пройдемте со мной. (Открывает дверь за картой России. Оба входят в тайную залу, по всем стенам которой одни современнейшие компьютеры мигают своими глазками.) Это наша последняя разработка. Самый мощный в мире компьютер, созданный специально для разработки последнего плана борьбы с Россией. Мы назвали его «Рус-3». Первые два «Руса» перегорели, пытаясь обработать загруженную в них информацию о России за последние пятьсот лет. «Рус-3» справился со своей задачей.

АГЕНТ: И что же?

ШЕФ: С Россией можно справиться! Но справиться с ней могут только сами русские! Да, да! Обработав загруженные в него данные за тысячелетнюю историю России, «Рус-3» пришел к выводу, что никто еще не наносил России большего вреда, чем сами русские.

АГЕНТ: Потрясающе!

ШЕФ: Отныне мы будем не бороться с Россией, а поддерживать ее во всех ее реформах, и Россия развалится сама. Понятно?

АГЕНТ: Понятно. Конечно... Только я ничего не понял.

ШЕФ: Ну что же тут не понять? О нашем плане мы доложим нашему Президенту, и он будет дружить с русскими: ездить к ним в гости, улыбаться, одобрять все их начинания, вплоть до военных действий. На это у него способностей как раз хватит. Мы даже денег русским

дадим, чтобы эти военные действия у них побыстрее начались.

АГЕНТ: А мы? Что же нам делать, когда война начнется?

ШЕФ: Да... Здорово все-таки Рашн-баба вас уделала... Ваш мозг скоро будет величиной с карту Люксембурга. Мы с вами, как всегда, будем зарабатывать! Понятно? У меня еще два эшелона с оружием от войны с Никарагуа осталось. Продайте их тем, кто будет воевать с русскими. Ну что вы на меня так смотрите? 20 процентов — ваши. Так понятнее?

АГЕНТ (после паузы): Шеф! Разрешите вам сказать всю правду в глаза?

ШЕФ (снимает очки и смотрит в глаза агенту): Говорите...

АГЕНТ: Вы — гений, шеф, после этого!

ШЕФ: Вы меня оскорбляете. Я — гений и до этого. А теперь не будем терять времени. За работу! Оба эшелона с оружием ждут вас в моей прихожей. И остерегайтесь русских женщин. Ха-ха-ха!

Редакция телевидения. На многочисленных мониторах кадры: пылают нефтехранилища, идут на юг поезда с солдатами. По дороге ползет колонна танков.

ВЕДУЩИЙ: Только что стало известно из достоверных источников, близких к достоверным, что началось странное передвижение российских войск в южном направлении. У нас в студии наш постоянный обозреватель Анхирст Засильич.

— Анхирст Засильич, не могли бы вы спрогнозировать, как будут развиваться события дальше?

ЭКСПЕРТ: Все зависит от того, какие указы выпустит завтра наш президент. Конечно, все мы с нетерпением ожидаем указа о том, что преступники должны немедленно прекратить совершать преступления. Если такой указ будет подписан, события могут развиваться двумя путями. Первый: если преступники послушаются указа и сдадут оружие и займутся сельским хозяйством. Второй: если они его не послушаются, не сдадут оружия и не займутся сельским хозяйством.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо. Вы наконец-то нам все конкретно объяснили. А теперь — слово известному предпринимателю. Недавно на его машину неизвестными террористами было сброшено два цветочных горшка с особой взрывной смесью. (На экране «Мерседес», с которого все снято.) К счастью, никто не пострадал.

БИЗНЕСМЕН: Мы — ассоциация евроазиатских банков развития — решительно поддерживаем уверенные действия нашего правительства. Россия должна быть целостной! И наши многочисленные вкладчики, я уверен, поддержат нас. А мы, со своей стороны, обещаем: все, кто нас поддержит, первыми получат свои деньги обратно.

РЕЖИССЕР (оператору): Знаешь, а это не так плохо, если война начнется. Рейтинг наших

«Новостей» здорово подскочит. За рекламу такие бабки наколбасим!

ВЕДУЩИЙ: А теперь слово ведущему парапсихологу. Недавно его ясновидящая жена вернулась из космоса с новыми сведениями о нашем будущем.

В студии — парапсихолог и его жена. Ее глаза — опять без зрачков.

ЖЕНА (вещает): Земля вступила в эпоху Водолея. Идет очищение. Скоро, очень скоро на Земле наступит конец света. Это значит, что зло будет уничтожено. На планете останутся только самые чистые и святые. Только они войдут в будущее. Я взяла с собой в космос небольшой кусочек фольги. Боги закодировали мне его на звезде Трон, которая ведет нашу планету. Маленький кусочек этой фольги поможет очиститься любому из нас и войти в будущее... Остаться на нашей планете после конца света.

Бегущая строка — на экране телевизора:

«Офис, в котором вы можете приобрести кусочек фольги по улице Радостная, дом 14».

ЖЕНА (продолжает вещать): Земляне! Наши ведущие нам хотят помочь! Нас с моим выбрали проводниками этой помощи. Кто приобретет у нас кусочек фольги, тот автоматически будет взят в будущее.

ВЕДУЩИЙ: Спасибо. А теперь новости из-за рубежа. Возможность начала военных действий в России не вызвала, как ожидали эксперты, возмущения не только в самой России, но и в мире. Президент США даже пообещал в связи с бедственным положением России увеличить предоставленный ей кредит в два раза.

БИЗНЕСМЕН (весь в кольце охраны смотрит сообщение телеведущего по монитору. Говорит своему референту): Наш взнос на фонд ветеранов сделали? Вы понимаете, на что я намекаю?

РЕФЕРЕНТ: Еще три дня назад.

БИЗНЕСМЕН: Увеличьте его в три раза.

РЕФЕРЕНТ: Из каких денег?

БИЗНЕСМЕН: Из любых. Главное теперь, чтобы и эти средства... (показывает на экран монитора) пустили через нашу ассоциацию! И тогда всем о'кеям наступит о'кей!

Демонстрация вкладчиков на улице. Плакаты: «Россия неделима», «Действия правительства поддерживаем», «Позор бандитам!».

Навстречу — другая демонстрация с плакатами: «Позор правительству!», «Нет — войне!», «Долой хунту!», «Россия за демократию!».

Моисей с внуком смотрят на демонстрацию с балкона.

ГАРИК: Дедушка, я не понимаю, кто здесь за кого? Кто туда идет, кто сюда?

МОИСЕЙ: Все очень просто, Гарик. Они все идут не туда. Те, которые идут сюда, еще надеются вернуть свои деньги. А те, кто — отсюда, их вернуть уже не надеются. Соня! Позвони Мойше. Пусть опять приедет с квасом. Сегодня гешефт будет побольше, чем в прошлый раз.

ГАРИК: Дедушка! А война долго будет? Это сложно предсказать?

МОИСЕЙ: Да нет, внучек... Это очень просто. Война будет идти, пока деньги не кончатся!

Зеваки на улице.

ГОЛОСА: Из-за чего все это?

— Это все ЦРУ спровоцировало...

— А я слышала, это не ЦРУ, а китайцы...

— Не китайцы, а евреи...

— Нет, китайцы! Они хотят себе присвоить нашу Сибирь.

— Да, да... Я тоже читал... Они нашу Россию считают своей территорией, потому что Чингисхан был китайцем.

— Чингисхан был евреем. Я видел в журнале его фотографию.

— Нет, китайцем. Поэтому китайцы сейчас хотят столицей своих восточных земель сделать Киев.

— Перестаньте! Представляю себе китайцев, которые едят сало палочками...

— Свят, свят, свят!

— Глупости! Просто наш народ кто-то сглазил.

— Да, да... Я читал... У нас на Центральном телевидении один диктор работает с черным глазом. Он агент влияния от жидомасонов. На кого посмотрит, того и сглазит. Его специально сделали диктором передачи «Время», чтобы он на всех смотрел.

— Ой, не придумывайте, а? Просто люди деньги поделить не могут.

— Какие деньги? У нас демократия!

— Демократия — это и есть деньги. Только очень большие.

БАБУШКА (с внучком): И зачем людям столько денег? Все равно уже истратить не успеют.

За углом дома — вход в офис. Над входом объявление:

Снимаем, сглаз

Восстанавливаем ауру

Укорачиваем карму

Убираем порчу

Перешиваем брюки

Заряжаем воду

Сервируем столы.

Изготавливаем карнизы

Снимаем стрессы

Рассасываем бляшки

Проектируем коттеджи

У входа в тот же офис — длиннющая очередь. Из двери офиса выходят довольные с кусочками фольги.

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА: Вам досталось?

ВТОРАЯ ЖЕНЩИНА: Вот видите, какой... Закодирован в космосе. Маленький, а чувствуете, какая энергия от него идет?

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА (руками, издали): Чувствую... Прямо настоящее тепло... Или мороз... Не пойму. Но мурашки аж по рукам бегут...

ТРЕТЬЯ ЖЕНЩИНА: Только бы на нас хватило. Так хочется в будущее попасть!

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА: Муж просил ему тоже кусочек этой фольги купить... А я скажу, что не хватило... Так от него устала! Хотя в будущем от него отдохну, ей-богу...

Внутри офиса — парапсихолог и его жена.

ЖЕНА: Давай, давай, пошевеливайся... Неси скорее шестой рулон!

ПАРАПСИХОЛОГ: Кончается уже шестой.

ЖЕНА: Пошли кого-нибудь в магазин, в супермаркет. Пусть спросят фольгу для духовки.

Лес. Канавы. Аул. Где-то очень далеко слышится стрельба. Журналист с магнитофоном сидит под старым грузовиком. Мимо проходит солдат с автоматом. Журналист подзывает солдата.

ЖУРНАЛИСТ: Эй, солдатик! На доллар. Стрельни в воздух!

СОЛДАТ: А че не стрельнуть... За доллар можно и стрельнуть. (Стреляет.)

ЖУРНАЛИСТ (записывает звук стрельбы и надиктовывает): Мы находимся на передовой. И ведем наш репортаж из-под гусениц только что подбитого танка.

Квартира женщины, у которой живет прибалт.

ПРИБАЛТ: Весь мир возмущен действиями российского правительства. Мы отзываем наше посольство. Я уезжаю. Не могла бы ты мне одолжить двести долларов на дорогу?

ЖЕНЩИНА (ласково): Конечно, могу, дорогой. Только с одним условием: если ты попросишь ласково, по-русски, без акцента.

ПРИБАЛТ (акцент пропадает у него начисто): Валечка, дорогая, я тебя так люблю! Дай двести долларов.

ВАЛЯ (еще ласковее): Пожалуйста... Конечно, дам. А спой еще что-нибудь про нашу Россию... Я тебе и триста дам.

ПРИБАЛТ: Это я с удовольствием... (Поет.) Россия... Россия... Россия — родина моя...

Валя дает ему 300 долларов.

ПРИБАЛТ (пересчитывает): А хочешь, я тебе Гимн Советского Союза сыграю на нашей национальной губной гармошке? Я в детстве с преподавателем разучивал... (Играет: «Союз нерушимый...») Какие мелодии писали хорошие...

На экране телевизоров — призыв в российскую армию. Молоденькие лица солдат. Бритые головы.

Демонстрации в Восточных странах. На площадях молятся мусульмане. Мир бурлит.

В знакомом дворе под истрепанной ветром в лоскуты кофточкой дети играют в расстрел. Трое — сын Геннадия и те, которые ждали взрыва с отцом, — у бортика хоккейного поля. Четвертый, индеец, делает вид, что стреляет. Трое падают.

ИНДЕЕЦ (сыну Геннадия): Нет, ты неправильно падаешь. Не так надо. Я видел вчера по телевизору, как надо падать. Давай покажу!

Гарик выходит на балкон со скрипочкой и с завистью смотрит на тех, кто играет в «расстрел».

Вдруг во дворе зазвучала траурная музыка. Из подъезда вынесли гроб. В нем — совсем молоденький мальчишка. Один из тех, кто был среди каратистов. За гробом — мать. Та, что была со сковородой. Рядом с ней — молодая вдова солдата. Мать поддерживает священник. Жена Федора выходит из подъезда и кладет цветы. На балконах люди.

Процессия движется по двору. За гробом идут Марина, Геннадий, Федор с женой, обе старушки, борец за справедливость, друзья Федора, женщины. Идут, как будто никогда не было между ними никакой ссоры. Дружные, какими могут быть только русские или во время погрома, или во время похорон. Тут же Петр, Мышка. Дворник бросает веточки перед процессией. У него на плече жалобно мяукает Лиза. Мойша помогает всем усаживаться в автобус. Его жена наливает людям в автобусе сок. Даже кагэбист участвует в процессии.

КАГЭБИСТ: Придем к власти, всю теперешнюю верхушку перевешаем.

ПЕТР: Да, козлы — наши генералы! На войну мальчишек посылать... Мышка! Там у нас водочка осталась, освященная батюшкой. Снеси им сегодня вечером на поминки.

ГЕННАДИЙ (Марине): Что ж они мне раньше не сказали? У меня теперь такие связи! Я бы его освободил от службы. Ведь только что поженились.

МОИСЕЙ (на балконе): Софа! Они у нас соль занимали. Ты уж им прости это, что ли?

БОРЕЦ: Надо народ поднимать! Иначе еще не одна беда на него свалится.

БАТЮШКА (обнимает золотозубую тетку): Держись, дочь моя. Весь год буду за твоего сына молиться. Большое горе на Россию выпало. Испытание великое. Искупил сын твой нашу вину общую. Гордись им, матушка. Будет ему земля пухом. Я за упокой души его, матушка, всю оставшуюся жизнь служить буду.

ТЕТКА: Спасибо, батюшка. Если б не ты... (Плачет.) Сколько мы тебе за все должны будем, батюшка?

БАТЮШКА: Забудь об этом, дочь моя. Никаких денег я с тебя не возьму. Только молись за сына своего и за других таких же.

БИЗНЕСМЕН (выглядывает из окна): Слава богу, наш дом завтра будет готов, и мы навсегда уедем от этих жлобов. О'шит!

К дворнику сзади подходит парапсихолог и, как всегда, шепчет на ухо.

ПАРАПСИХОЛОГ (показывая на плачущую мать убитого): Это все потому, что она меня сразу не послушалась и не пожелала, чтобы моя жена...

ДВОРНИК (увидев парапсихолога, прерывает его и зовет батюшку): Батюшка! Вот тот, которого вы искали...

БАТЮШКА (подходит к парапсихологу и говорит очень спокойно, как будто в церкви,

почти шепотом): Слушай, сын мой! Я до церковно-приходской школы институт физкультуры закончил по специальности классической борьбы. Когда был студентом, в колхозе быстрее всех грядки с морковкой полел. Еще раз где-нибудь тебя с твоей австралопитечкой увижу... Вот этими руками твою бороду козлиную выщиплю, а сверху крестом пришибу... От «Версаче»... Понял, ты — выкидыш покемона?

ПАРАПСИХОЛОГ (с ужасом смотрит на батюшку): Что с тобой, батюшка? Я тебя не узнаю.

БАТЮШКА: Я тебе не батюшка. Я им — батюшка. (Показывает на процессию.) Прости меня, Господи! [Смотрит на небо.]

ДВОРНИК (батюшке вдогонку): А я... Если он не поймет, ему в квартиру всех мокриц из подвала направлю. Посмотрим, как его супружница их загипнотизирует.

Снова комната в разведуправлении США. За столом те же: шеф и агент.

ШЕФ: Я возмущен. Я вас снова пошлю в Никарагуа. Уже два месяца в России идет настоящая война. Все делают на ней хорошие деньги. А вы еще не продали ни одного моего эшелона с оружием тем, кто воюет с русскими. Они так у меня в прихожей и стоят. Почему?

АГЕНТ; Потому что им продают такое же оружие сами русские.

ШЕФ: Не понял... Русские продают тем, с кем они воюют?

АГЕНТ: Да, шеф. И гораздо дешевле, чем мы.

ШЕФ: Почему?

АГЕНТ: Нам везти издалека. А русским — только поле перейти.

ШЕФ: Ничего не понимаю. И те, кто воюет с русскими, не хотят у нас ничего купить?

АГЕНТ: Нет, шеф. Они говорят, что наш президент поддержал русских, поэтому они принципиально не будут иметь с нами дело.

ШЕФ: А вы пробовали им платить?

АГЕНТ: Да.

ШЕФ: И что?

АГЕНТ: Говорят, что русские им платят лучше.

ШЕФ: За что?

АГЕНТ: За то, что они покупают у них оружие.

ШЕФ: А откуда у русских деньги?

АГЕНТ: Мы сами им дали.

ШЕФ: И что они с ними делают?

АГЕНТ: Они выделяют их на восстановление тех районов, которые потом бомбят.

ШЕФ: И восстанавливают?

АГЕНТ: Нет.

ШЕФ: Почему?

АГЕНТ: Потому что все равно разбомбят.

ШЕФ: А зачем же бомбят?

АГЕНТ: Чтобы выделять деньги.

ШЕФ: Так, подождите... Вы хотите сказать, что те, кто воюет с русскими, не хотят больше нас слушать?

АГЕНТ: К сожалению, да, шеф. Более того, я не знаю, как вам сказать... Наша разведка донесла, что они хотят прекратить нам поставки своей нефти.

ШЕФ: Почему?

АГЕНТ: Потому что наш президент оказал поддержку деньгами русским, а не им. Теперь весь мусульманский мир — против нас, поскольку мы не дали им денег.

ШЕФ: Я не понимаю... Нефть — это и есть деньги. Кому же они ее будут поставлять, если не нам?

АГЕНТ: Они решили ее поставлять русским.

ШЕФ: За что?

АГЕНТ: За то, что они продают им оружие дешевле, чем мы.

ШЕФ: Не смешите меня. Мне недавно аппендицит вырезали. Я не поверю, что они посягнули на святая святых — нашу нефть. САМ им этого не простит. У него все родственники в этом бизнесе. Мы же их сотрем в порошок. У них нет ни одной ядерной ракеты.

АГЕНТ: Уже есть.

ШЕФ: Откуда?

АГЕНТ: Я же вам говорю, им русские продали.

ШЕФ: Как? Русские продали ядерные ракеты своим врагам?

АГЕНТ: Да.

ШЕФ: Почему мы опять об этом раньше ничего не знали? Как вы это прозевали? Когда это случилось?

АГЕНТ: Вчера.

ШЕФ: Хорошо, продали вчера. А начали планировать эту продажу когда?

АГЕНТ: Позавчера.

ШЕФ: Этого не может быть. Я вас снова пошлю в Никарагуа. Так не бывает. У русских военная охрана вокруг ракетных частей. Кто же им их продал?

АГЕНТ: Охрана и продала.

ШЕФ: Как они умудрились это сделать?

АГЕНТ: Ракеты ближнего действия они продали как водопроводные трубы, а дальнего действия — как трубы канализационные!

ШЕФ: Но ведь это оружие может быть обращено против самих русских?

АГЕНТ: Шеф! Русские не успевают думать о смерти, когда они думают о деньгах.

ШЕФ (беспомощно): Я понимаю, понимаю... Мы не можем понять русских. Но разве мы не можем предугадать действия простых азиатов?

АГЕНТ: Нет, шеф.

ШЕФ: Почему?

АГЕНТ: Потому что они все учились в русских институтах.

ШЕФ: Так... Стоп. Вы загружали все эти данные в «Рус-3»?

АГЕНТ: Конечно.

ШЕФ: И что?

АГЕНТ: «Рус-3» сошел с ума. Его коротнуло. Он все время просит прислать ему психиатра.

ШЕФ: Вы что хотите сказать? Что ситуация нами больше не контролируется?

АГЕНТ: Точно так, шеф.

ШЕФ: Что же делать?

АГЕНТ: Быть готовым к военным действиям.

ШЕФ: Ну что же... (Нажимает на кнопку и диктует в микрофон) Немедленно подготовьте бумагу нашему Президенту о необходимости ввести во всех флотах, воздушных и ракетных частях боевую готовность.

АГЕНТ: А мы?

ШЕФ: А мы с вами давайте выпьем по чашечке кофе и отправимся вместе в Никарагуа. Там нам будет спокойнее.

Мальчишки-газетчики на разных языках выкрикивают газетные заголовки: «Три восточные страны прекратили поставки нефти в США. США готовятся к крупным военным действиям. Весь мир в волнении. Эфир гудит. Молится мусульманский мир. Повсюду теракты, взрывы... Плачущие лица, демонстрации. Заседания, саммиты, голосования... Всплывают подводные лодки. Взлетают самолеты с авианосцев. Стартуют ракеты.

Ядерный взрыв».

Тишина. Утро. Солнце выползает из-за горизонта.

Пустой двор. Скрипят одиноко качели. Все безжизненно. Разбитые стекла окон.

На земле валяется множество кусочков обгоревшей фольги. На одном из балконов — тень от йога.

На верхушке березы — почерневшая кофточка.

В тишине слышится приближающийся шум от крыльев птицы. Аист прилетает во двор и садится на кофточку. Вытягивается и издает слабый звук К нему прилетает второй аист, она.

Они стоят на кофточке, готовые предсказать появление на свет новой жизни. Дождь переходит в ливень. Земля пытается очиститься. Солнце поднимается над горизонтом, наполняя розовым светом осколки стекол в окнах.

КОНЕЦ!

1995–1996

Люблю Отчизну я...

За что я люблю Россию? За то, что ни в одной стране мира нет такого количества праздников. Практически каждый день, встречая кого-то, можно восклицать: «С праздником

вас!» И никто уже не спрашивает, с каким. Просто сразу в ответ: «И вас также. С наступающим!»

Более того, каждый день практически каждого можно спрашивать: «Ну как ты после вчерашнего?» И это понятно. Мы же теперь отмечаем и коммунистические праздники, и христианские, и демократические... И по старому стилю, и по новому...

Однажды друзья в компанию позвали:

— Приходи, вечером отмечать будем...

Я спрашиваю:

— А что сегодня?

— Как! Ты не знаешь?! Сегодня же Новый год по японскому календарю.

Видимо, мы такой народ — радостный! У нас душа постоянно праздника требует.

Замечали, что делает наш человек в первую очередь, когда покупает календарь на новый год? Смотрит, не выпадают ли праздники на воскресенья? От этого зависит, хороший предстоит год или плохой.

А попробуйте прийти в учреждение по делу в середине декабря...

— Ой, что-то вы не вовремя. Рождество на носу. Новый год... Потом Старый Новый год. Приходите после праздников, где-то в феврале — марте. А сейчас извините, через две недели Рождество. Все уже по домам. Готовятся...

Это верно. Святое дело для нас, православных, отпраздновать Рождество католическое. Тем более что половина из нас — некрещенные, половина — свежеверующие. Но поздравляют друг друга все. Кто как умеет.

— Алло! Вера Осиповна? С Рождеством вас! Как говорится, Христос воскрес!

— Да бог с вами, Аллочка! Это же Рождество! А вы — воскрес. Он что у вас, мертвым родился?

Не успели опомниться от не нашего Рождества, уже Новый год на пороге. Наш, родной. Самый желанный для народа праздник, потому что сулит исполнение всех желаний. Шампанское, гороскопы, гадания, астрологи, елка... Стол ломится от блюд, душа — от надежд.

Есть примета: как проведешь первые дни нового года, так пройдет и весь год.

Первые дни нового года у большинства людей — похмелье. Похмелье — это наш старинный народный русский праздник. Отмечается с утра. Празднуется несколько дней с остатками

еды и надежд.

За Похмельем сразу — наше Рождество, родное, православное. Оно плавно переходит в Старый Новый год. Наш родной Старый Новый год... Еще один святой для всех праздник, поскольку не все в суматохе первого Нового года успели загадать все нужное. Снова шампанское, гороскопы, гадания, сонные астрологи, уставшая елка... И, конечно же, по телевизору фильм «Ирония судьбы...». Все смотрят то, что знают. Особое удовольствие для наших людей.

— Мишенька, включи телевизор! Там сейчас Яковлев будет в пальто мыться под душем.

Словосочетание, конечно, странное: Старый Новый год... Никто в мире его не понимает, потому что год новый, но при этом он и старый...

Однако в России подобные словосочетания встречаются частенько: живой труп, горячий снег, умный дурак, магазин «Хороший», маленький «Супермаркет», порядочный депутат...

Все страны завидуют российским праздникам. Они сыплются из календаря, как горох: День милиции, День Советской Армии, Международный женский день... О нем знает только наш народ. И не важно, что день — женский, поздравляют все и всех.

— Алло! Степан Федорович! Поздравляю тебя и твою жену с праздником 8-го Марта!

— А меня с чего? Я ж не баба...

— Баба не баба, а деньги берешь как порядочная... Сам знаешь кто!

День ПВО. Пост... 1 апреля — День нашей экономики. День космонавтики. День рождения вождя пролетариата... Пасха! Святейший праздник на Руси. На крестный ход собирается вся тусовка. В этот день даже руководители бывшей партии, они же — нынешнего правительства, по церквам подсвечниками работают. Причем так усердно крестятся, что через каждые полчаса меняют руку. После чего жмут руку митрополиту и целуются с ним привычно затяжным православным трехкратным коммунистическим поцелуем!

Крестный ход незаметно для всех переходит в первомайскую демонстрацию.

— Как, вы опять к нам со своим делом? Кто же будет работать, если завтра День трудящихся!

И хотя уже давно нет ни солидарности, ни трудящихся, праздник отменить нельзя. У народа — рефлекс. Некуда будет слюну деть. Праздник отмечается по-пролетарски: водочка, селедочка, огурчики, помидорчики... Первая зелень, первые митинги, первые кулачные бои и старинная русская народная забава «стенка на стенку»...

В этот день даже наши милые старушки бодро выползают из своих домов с флажком под мышкой и кирпичом под юбкой. На праздничную встречу с ними правительство обычно посылает конную милицию. Но наши старушки закалены Днепрогэсом и Магаданом.

Прошлым Первомаем три старушки избили двух десантников. Праздник солидарности удался на славу!

— Простите, вы сказали: прийти после праздников. А не могли бы уточнить, после каких?

— Но вы сами судите... Потом еще День радио, День Победы, Троица... А потом лето!

Верно. Лето для нашего человека — один большой праздник: День рыбака, День медика, День речного флота, День морского флота, День воздушного флота... День взятия Бастилии... Потом — годовщина Августовской революции 91-го года. Пока последней удачной...

Наконец, главный праздник сегодняшней демократии — День независимости. Гуляют все как в последний раз, с предощущением очередной революции на носу. Хотя никто и не понимает, почему так называется праздник: День независимости. Кто не зависит? От кого не зависит? На самом деле все просто. В этот день мы выбрали нашего президента. А «независимости» потому, что с тех пор, как мы его выбрали, от нас с вами уже ничего не зависит.

Осень — во всех странах пора грустная. Но только не у нас: День учителя. День автомобилиста, новый праздник — День пожилого человека. Кому из наших руководителей, после какой пьянки пришла в голову мысль не пенсии старикам поднять, а день им определить?!

Кроме того, разрешили официально праздновать еврейский Новый год. В этот обычно морозящий сентябрьский денек все больше русских, желающих выпить, чувствуют себя евреями.

Наконец, еще один новый праздник — День породненных городов. В этот день братаются похожие друг на друга города из разных стран. Например, Воронеж — Брюссель. Или Венеция — Малоярославец. Венеция — на воде, и Малоярославец тоже не заасфальтирован.

Конечно, главный праздник всея СНГ — 7 ноября. День памяти празднования годовщины Октябрьской революции.

Столы снова ломаются от блюд, душа — от светлых воспоминаний о темном прошлом. Опять слюна! Опять водочка, огурчики, селедочка, коньячок с пивом — любимый народный напиток, дольше в организме держится. Женщины с утра опять стругают салаты в тазики. Потому что, если на столе нет тазика с салатом, у нашего человека нет и праздника. Днем — салат. Вечером — салют.

Тяжелее всего депутатам. Они, помимо всех календарных праздников, еще отмечают у себя в Думе дни рождения каждого из депутатов. Их там триста шестьдесят человек!

А еще — дни городов, презентации...

Презентация — любимый праздник «совсем новых русских». Слово «презентация» никто не

понимает. Тем не менее проводят презентации всего, что под руку попадет: магазина, киоска, котельной, сарая, конуры... Нового фильма, новой книги, новой жены...

На презентацию обычно, как на Пасху, снова собирается вся тусовка Тусовка — это члены правительства, артисты, бандиты с пуленепробиваемыми крестами и бизнесмены с телефонами и барышнями, которые выше своих кавалеров, даже если те стоят на своих кошельках с вытянутыми телефонными антеннами. Называют эти девушки себя гордо: моделями!

— Вы девушка?

— Нет, я модель.

— Простите, я в Авиационном учился. Вы модель чего? Ах, человека!

И еще в каждой тусовке непременно должны участвовать священники. Теперь без них ни одна тусовка не обходится. Всякую тусовку они сначала освятить должны. Священники тоже «крутыми» стали: под рясой — джинсы, «Мальборо», пейджер и пистолет.

На одной презентации подхожу к очень «крутому» епископу. Он в предыдущем конкурсе красавиц председателем жюри был. Перед конкурсом всех красавиц освятил. Подхожу к нему, а он на «а-ля фуршете» поросенка ест. Хотя на дворе — пост. Я ему говорю:

— Владыка! Россия-то — на посту!

Он на меня посмотрел и отвечает:

— Да храни ее Господь!

И куском поросенка на вилке меня перекрестил.

Поэтому давайте выпьем, господа, за нашу матушку Россию! Сегодня такой день! День рождения Клары Цеткин по туркменскому календарю...

— А вам что, гражданин? На этот раз серьезное дело? Какое? Жена рожает? Ну что вы опять не вовремя! Рождество на носу! В роддоме уже никого нет. Пускай потерпит, пока праздники кончатся. И вообще, молодой человек, послушайте моего совета — не время сейчас рожать, не время!

Непонимающие

Я раньше думал, что про нас ничего не понимаю, я все время говорил: этого не понимаю, того не понимаю. Прошло время, и сейчас я понял, что это они — на Западе — про нас ничего не понимают.

Немцы... Аккуратные, работающие... Профессионалы надежные. А не понимают, почему они — худые, мы — в два раза толще. Тем не менее они нам гуманитарную помощь посылают.

Неужто в качестве компенсации за то, что мы их в войне победили?!

Да бог с ними, с немцами! Израильтяне вообще самыми хитрыми в мире считаются. А тоже не понимают, почему их родной Израиль за последнее время так резко нищать начал. Слава богу, никто не понимает, что, если мы хотим развалить какое-нибудь государство, мы с этим государством дружить начинаем. Гонку вооружений с нами они кое-как перенесли, а дружбы не перенесет никто.

У них ни у кого денег не хватит с нами дружить.

Но самыми непонимающими американцы оказались. Правда, когда дело касается других стран, они всё понимают. Например, дали американцы какой-нибудь стране кредит и потом выжали ее до состояния сухофрукта. И все страны слушаются американцев, как коммерческие ларьки рэкетиров.

А с Россией непонятно. России дал деньги — и что? И не то чтобы с процентами... Хорошо хоть один процент этих процентов обратно получить. Но непонятно — как понять, — с кого?!

Бедные американцы — за компьютеры. Что делать? Как быть? Компьютеры тут же выдали: развалить Россию, сделать ее нищей, голодной. Наняли агентов влияния.

Всё сделали согласно плану. Опять не понимают: как у нищей, голодной России столица Москва — самый дорогой город в мире? У «бедных» американских миллионеров уже не хватает денег питаться в наших ресторанах. Они пошли по блинным, пельменным, рюмочным и беляшным... А по валютным ресторанам одни наши «голодные» всё съедают.

Американцы — снова за компьютеры. Следующий план разработали: надо девальвировать рубль! Тогда Россия точно развалится. Наняли агентов влияния. Девальвировали! И опять ничего понять не могут. Каким образом в результате девальвации рубля в России наличных американских долларов стало больше, чем в Америке?! Удивляются: у нас, мол, в Америке такого количества наличных долларов нет. Почему? Потому и нет, что они все у нас. Экономисты наши нынешние в уме прикинули: если мы все в России наличными долларами скинемся, у нас за такие деньги Клинтон будет в подземном переходе играть на саксофоне.

Спрашивается, кто чей придаток? Мы — их или они — наш? Они думают, что мы — их? Ради бога! Они же не понимают, чем мы отличаемся от всех других народов мира. Другие народы мира притворяются умными! А мы — дураками!

Дурачки дурачками, а это они, умные, к нам летят, как мухи на мед, дабы научиться у нас, дураков, как обкрадывать свою родину, как мы свою — с любовью к ней!

К тому же ни один американский умник без подсказки русского «дурачка» не сможет отмыть деньги за наркотик, представив его как зубной порошок, который промок на складе в Волгограде, потому что крыса прогрызла водопроводный кран. И все справки не сообразит принести, в том числе и от крысы тоже.

Однако самыми непонимающими из непонимающих оказались бывшие антисоветские радиостанции. Они всегда гордились тем, что про нас всё понимают. И всегда учили нас: «Вам нужна многопартийная система!» Нужна? Получите! Теперь они сами не понимают, сколько у нас партий и как они называются. А главное, не понимают, как мы в них хоть что-нибудь понимаем. Они ж не понимают, что мы и не собираемся в них что-нибудь понимать. Нам просто интересно за ними по телевизору следить, как за лошадьми на скачках. Сами же мы про себя точно знаем: у нас всего две партии — те, кто хапнул, и те, кто не успел. Те, кто не успел, подразделяются еще на тех, кто хочет успеть, и тех, кто не успеет никогда!

Правильно Тютчев писал про наши с Америкой сегодняшние отношения: «Умом Россию не понять...» Тем более не понять ее с компьютером!

Клинтон — вроде красивый, умный... Приезжает к нам и все время учит: «Вы должны это, потом то... Потом то после этого. Это после того...» А наш «дурак» только головой кивает: «Конечно! Это обязательно! Это мы все сделаем. Какой вы умный!.. Блин Клинтон! Вы только кредиты нам дайте. Мы же — нищие, голодные... А когда голодные, мы — страшные! С голодухи такого натворить можем! Лучше дайте кредиты, пока не поздно. У нас ведь ядерные боеголовки сохранились... А это страшно, когда голодные да — с головками! Вы нас поняли, Блин Клинтон?»

Вот так... В результате весь мир не понимает, что с русскими делать. Бисмарка надо было вовремя читать. Он был очень умным немцем, потому что долго жил в России. Недаром написал: «Никогда ничего не замышляйте против России. На любую вашу хитрость Россия всегда ответит своей непредсказуемой глупостью».

Но они, слава богу, Бисмарка не читали. Поэтому пускай нас дальше разваливают. У меня даже есть своя программа, как им быстрее нас развалить. Буду с этой про-граммой в следующий раз баллотироваться. Вот ее смысл: «Берем, скажем, в Америке крупнейшие кредиты, на эти кредиты нанимаем американцев на работу в Россию... И пусть они отработывают нам свои кредиты!»

А мы... На рыбалку будем ходить, за ягодами, за грибами... В казино играть. И посмеиваться себе: «Как хорошо, что они настолько умные, что нас, дураков, не понимают!»

Из достоверных источников!

Собрание в редакции современной газеты

МОНОЛОГ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Господа редакторы! Я собрал вас, чтобы вместе обсудить, почему нашу газету стали меньше покупать... Начнем обсуждение с передовицы, то есть с отдела преступлений. Господа, я сегодня прочитал вашу сводку о количестве убитых на следующей неделе. Всего 700 человек?! Мало! Дайте мне тысячи две!

Чтобы обыватель нас покупал, его надо пугать! Пугать! Запомните! Обыватель без страха —

как Карлсон без варенья.

Вы слышали, что я сказал, отдел изнасилований? Четыре изнасилования за неделю?! Это что — импотенция страны? Специально для вас создан целый отдел изнасилований. А вы чем занимаетесь, почему лоботрясничаете? Сделайте мне минимум 50 изнасилований к понедельнику. Знаю, что вас всего двое в отделе, но вы молодые, крепкие ребята. Ночами поработаете — справитесь.

Сказанное выше касается и вас, отдел маньяков! Что за вялый маньяк у вас описан? За месяц задушил всего двоих. Это не маньяк, это мелкий хулиган. Дайте мне сегодняшнего, сочненького маньяка. К примеру, приехал поезд из Петербурга, в поезде все задушены. Все! Вы меня поняли? Вместе с машинистами. Фотографию самого маньяка дайте. Выражение лица должно быть столь угрожающим, чтобы обывателю не только в поездах — в лифтах бы ездить расхотелось. Можете сфотографировать нашего финансиста.

Господа редакторы, мы должны немедленно перестроиться. Иначе мы не сможем конкурировать с другими сегодняшними изданиями.

Посмотрите, какие привлекательные, сочненькие названия статей у популярных нынче газет и журналов: «Комар-вампи́р», «Микроб-разведчик», «Где заниматься любовью лошадям?», «Сокровища ацтеков сторожат вши», «Мухи съели пограничника», «В Монголии произведена первая в мире пересадка аппендицита»...

Конечно, люди будут покупать эти газеты, а не нас с нашими Чеховым и Достоевским. Это я вам говорю — бывший отдел культуры, ныне отдел сексуальных меньшинств. Писать надо не о Чехове, а о том, кого люди знают.

Читали последнюю «Частную жизнь»? «Леонтьева нашли пьяным в подворотне в парике Софии Ротару»; «Хазанов купил дирижабль и теперь не знает, как его надуть»...

Можем мы конкурировать с этими материалами? Нет. А другие газеты почитайте... Оторваться невозможно. Вот передо мной газета «Очевидное — невероятное». Статья о дельфине с человеческими руками. Интересно? Интересно... Дельфин плавает кролем, вышпыривает около пляжей, показывает фиги отдыхающим.

Вот что людям сегодня надо!

Под статьей о дельфинах — заметки, разоблачающие Робин Гуда. Из достоверных источников стало известно, что Робин Гуд был «голубым». Видимо, свидетеля нашли. Очевидца. В «Спид-инфо» — материал о летающих тарелках. Опять прилетели, опять забрали какую-то учительницу из Уфы в космос. Изнасиловали, вернули на то же место. Теперь на этом месте женщины с утра толпами собираются, ждут, когда еще прилетят. Газету враз раскупили, потому что в ней точный адрес этого места указан.

Наконец, «Совершенно секретно» в очередной раз разоблачает Ленина. Оказывается, Ленин был женщиной! Во молодцы! Это сочно! Это по-современному! Там же фотография есть.

Крупская с удивленными глазами. И надпись: «Глаза Надежды Константиновны в первую брачную ночь, тайно снятые Дзержинским».

Короче... Вот что я вам скажу, господа редакторы... Хотите, чтобы нашу газету покупали, хотите получать зарплату? Дайте мне материалы не хуже. Пишите не стесняясь, по-современному... «Из достоверных источников стало известно...» Все равно никто не знает, где эти достоверные источники находятся: «Горький пил горькую! Бухарин бухал! Киров кирял!» Разоблачайте всех и вся... Чернышевский, напишите, вообще был импотентом. С испугу книжку написал: «Что делать?».

Вот тогда нашу газету в момент раскупят! А если еще сделать приписку: «Тираж заряжен Чумаком», ее съедят и добавки попросят.

А вы, Верочка, позвоните моим и предупредите, чтобы детям на глаза газета не попадалась. Я хочу, чтобы у них, как и у нас, было счастливое детство!

Родина зовет!

Циля! Пишу тебе в Тель-Авив по электронной почте, потому что рассказать обо всем из России по телефону будет дорого.

Циля, я потрясен! Двадцать лет назад мы уезжали с тобой из другой страны. Нас обманули. Нам обещали, что здесь будет антисемитизм; мы поверили, уехали, а вместо этого здесь все старые евреи стали «новыми русскими».

Ты помнишь портного Мойшу, который в той нашей прошлой жизни каждый раз плохо перелицовывал мне брюки? Теперь он главный астролог Кремля! Я не знаю, что он предсказывает Кремлю, но домой к нему стоят очереди даже из беременных. Он им предсказывает, кто у них родится, когда и от кого. Ты спросишь, как он это делает? Он всем говорит: «У вас будет мальчик!» Ему за это платят по астрологическим ценам. Тем, у кого потом рождается девочка, он возвращает деньги. Циля, из ста случаев Мойша угадывает примерно пятьдесят! Но ему этого хватает, чтобы больше не перелицовывать брюки. В нашем Израиле мы с тобой через день ходим за автобусом, чтобы сэкономить два шекеля. А у Мойши, после которого тебе каждый раз приходилось перелицовывать брюки обратно, в квартире — Айвазовский, джакузи и унитазаы с дистанционным управлением. Сами подъезжают в любую точку квартиры.

Циля! Ты будешь смеяться, но в России никто не ходит, как у нас, за автобусом. Здесь все теперь делают хорошие деньги...

Гриша Канторович продал в Ватикан два вагона российских свечек без фитиля.

Сын Милы поставляет в Китай дезодоранты. Говорит, этот бизнес у него никогда не кончится, потому что там почти четыре миллиарда подмышек.

Жорж — тот, что был театральным кассиром, — придумал продавать приезжим с Севера

новые стотысячные рублевые купюры. На них нарисован Большой театр. Так он их продает, как билеты в Большой, — по пятьдесят долларов.

Циля! Надо возвращаться в Россию. В Израиле так делать бизнес нельзя. У нас слишком много евреев. Некого обманывать. Есть кому, но некого.

Я даже больше скажу: здесь сейчас за сравнительно небольшие деньги можно получить хорошую родословную и титул русского дворянина. Помнишь Цехельсона? Он теперь — Трубецкой. Я видел его верительную грамоту: «За большие заслуги перед Отечеством именовать Цехельсона впредь «Его Сиятельство Граф Абрам Наумович Трубецкой». Грамота скреплена семью печатями великих князей. Среди них тоже немало наших! Например, великий князь Боренбойм-Голицын. А твоя ровесница Сара Рабинович теперь — Варвара Лопухина. Я посмотрел на тираж этих грамот — двадцать тысяч. Надо скорее возвращаться, пока еще есть свободные бланки.

Да, мы уже немолодые. Но здесь и многие старики тоже имеют неплохой гешефт.

Наши бывшие соседи по коммуналке — Захар Семенович и его жена Фрида, — помнишь, у них были плохие почки? Так они придумали продавать свои анализы призывникам. С такими анализами призывников не берут в армию. За это старикам так хорошо платят, что они не хотят лечиться.

Циля! Я все время думаю, почему Россия так расцвела с тех пор, как мы уехали? Или она потому так расцвела, что мы — уехали? Если так, надо немедленно возвращаться.

Циля! Ты не поверишь, я летал в Тюмень. Я жил в городе Нижневартовске в «шестизвездочном» отеле. Шести! Во всем мире — пяти, а в Нижневартовске — шести! И это еще у них нет горячей воды. А если бы она была! У отеля было бы звезд шестьдесят!

Там, в Тюмени, когда посмотрел, как живут нефтяники, я подумал: почему Моисей сорок лет водил наших предков по пустыне и не мог довести их до Тюмени?

Короче, Циля, ты помнишь заветные слова «Родина зовет!»? Я понимаю, мы уже один раз меняли родину. Ничего, наши предки меняли ее чаще. Поэтому — собирайся. Нашей родиной какое-то время снова должна побыть Россия. А там видно будет. Даже если здесь, в России, что-то начнется, какая-то заваруха, ты же понимаешь, многие страны с удовольствием примут к себе русских князей из хорошего дворянского рода!

Пахан

Монолог из зоны

Я чё сказать хочу? Я человек простой. Правда, двойное образование имею: два раза сидел. Сейчас уже третью сессию сдаю.

Так вот... Я одно понял — в жизни все из-за бабок! Точно тебе говорю.

К примеру, из-за чего национализм? Из-за идеи, что ли? Не надо гнать пургу!

Я в Таллинне такси остановил:

— Подвези?

Он мне с таким акцентом (у них теперь тот умнее, кто больше русских слов забыл):

— Я по-русски не понимаю!

Я ему говорю:

— Я тебе сверху двадцать долларов дам. Понял?

Сразу понял.

А из-за чего Союз в свое время развалили, на зоны поделили? Чтобы всем свои бабки иметь. А независимость зачем нужна? Чтобы независимо эти бабки отмывать: латы, литы, сомы... Скоро, как пить дать, все города на свою капусту перейдут. В Саратове будет один сарай, в Хабаровске — одна харя...

Все, все из-за бабок. Войны, таможни, парламенты...

Из-за чего в парламенте базлан? «Госбабки» поделить не могут. А почему только на президентскую команду все дружно катят? Потому что она им эти «бабки» делить не дает. Президентская команда вообще ни с кем делиться не любит. Она даже зарплату людям не платит, знаешь, почему? Потому что эти бабки своими считает.

Все, все из-за бабок.

Из-за чего Чечню дотла разбомбили? Чтоб «госбабки» выделить на ее восстановление. А восстанавливать кто будет? Солдаты, «шестерки», другие лохи... А «бабки»? А «бабки» пойдут «дедам». «Дедам» нашим, тем, кто эти «бабки» выделил. Они их загонят в банк, банк на проценты наймет немцев, немцы на проценты от процентов наймут турок, турки наймут украинцев, которые за две пол-литры восстановят Чечню... Понял?

А вообще из-за чего война в Чечне началась, знаешь? Я тебе скажу, но тихо... И ты — никому!

Война в Чечне началась из-за того, что наши в свое время чеченам оружие продали, а «бабки» обратно от них не получили. Это наезд одной кодлы на другую. Слыхал, по ящику недавно кто-то из них сказал: «Начались политические разборки...»? О! Разборки. Понял? Как у наших, на зоне. Так что не партии у них, а кодлы. Ты чё? Какие партии? У партий программы разные, а у них — разные паханы. Ты заседание-то в Думе видел? В натуре — наш сходняк!

У них там, кстати, и кликухи меж собой есть. Лужков — Лужок, Жириновский — Жирик,

Сосковец — Сосок. А у Козырева кликуху знаешь? Козел отпущения!

А почему одного Лужкова народ любит? Потому что он, в отличие от остальных, с народом своими «бабками» делится. Вон перед Победой ветеранов собрал по кинотеатрам, медали вручил, приказал фильмы бесплатно всем показать. А сейчас по кинотеатрам, сам знаешь, что идет. Ну чё было, то и показали... «Ночи Казановы», «Оргазм на чердаке!» и «Поцелуй в диафрагму». Старики ушли со слезами на глазах — с такой силой в них всколыхнулись былые чувства.

Так что видишь, любовь народная, и та из-за бабок.

Кстати, а у Самого кликуху знаешь? У главного? Я скажу. Но тихо! Беня! Не понял? Ну, от Б. Н. От Бориса Николаевича, сокращенно — Б. Н., то есть Беня! А чё? Нормальная кликуха для пахана. Нам все до Бени!

У Черномырдина кликуха — Степаша. Почему? Потому что народ — Хрюша! У него, у Черномырдина, говорят, больше всего бабок... Я где-то читал: три самых богатых человека в мире — английская королева, Рокфеллер и наш Степаныч. Только те свои народы обокрали, а Степаныч все честным путем нажил. Точно. Я в какой-то газете читал, что он, когда еще в Газпроме работал, от жены заначку прятал. Все в дом тащил, поэтому его группировка так и называется: «Наш дом».

А у Гайдара кликуху слышал? Плохиш! Потому что от Самого, от пахана, отошел. Как на зоне. Кто от пахана отошел, от бабок отлучили. Все! Плохиш!

Все-все из-за бабок!

Из-за чего Мавроди посадили? Не поделился. А из-за чего выпустили? Поделился. Для этого и посадили. Мавроди подумал, понял, позвал Жирика:

— Поможешь выйти, отстегну всей твоей братве.

Жирик — кореш серьезный. Тут же вопрос ребром:

— Отпустите Мавроди, буду голосовать всей партией за бюджет!

И все довольны Мавроди — на свободе, Жирик — с бабками. Народ — с бюджетом, то есть без «бабок».

Одни журналисты — салаги! На Жирика катят, что он — шиз! А Жирик молодец! Ему бабки дай, он про любого правду скажет. А за большие бабки и в морду заедет. Вон он бабу депутатскую за волосы оттаскал. За бесплатно, что ли? Да она сама ему приплатила, чтобы знаменитой стать перед выборами. Ее ж никто не знал. А теперь весь мир знает... После того как Жирик ее пометил.

Так что понял? Научились наши паханы «капусту» строгать! Рыжего знаешь? Ну, Рыжего? Чубайса? Наш кореш! Всю страну на ваучер натянул. Мы его на зоне ждем с нетерпением.

Уже знаем, куда ему все наши ваучеры вернем.

Там, наверху, чтоб ты знал, только один бабок не берет. Сам! Беня! А знаешь, почему? До него не доходит. У него охрана сильная.

Короче, мы с корешами на вечеруху собирались и порешили: будем поддерживать наших паханов. Знаешь, почему? Они уже не голодные. Новые голодные придут, такую вошебойку устроят! А эти уже поняли: не только бабки отмывать надо, но и грехи.

Слыхал, храм строить начали, чтобы то и другое отмывать? Патриарх даже обещал за это кое-кого канонизировать. Так что скоро увидим под куполом: Лужкова с крыльями, Черномырдина — с нимбом и Беню — с крестом в одной руке, с ракеткой — в другой.

Короче, мы за Беню горой! Потому что есть святое правило: хочешь, чтоб на зоне было спокойно, не вздумай менять сытого пахана на голодного.

Но то, о чем мы с тобой говорили, слышь, никому! Замочат! Это тебе не КГБ, это — ФСК. Знаешь, почему переименовали? А ты вслушайся: ФБР, ФСК... Одна из трех букв — общая. Значит, одна треть сотрудников — тоже общая. Но об этом — тсс... Замочат!

Святое дело...

— Алло? Анжела? это я... Извини, не могу громче говорить. Я тебе звоню из Большого... Ты чего, Анжела, не узнала меня? Это ж я, Вальторена, Валька которая...

Нет, я не из казино «Большого», а из театра Большого. Я в партере сижу, спектакль смотрю. Известный очень поет... Этот, как его? Карьерос, вот! Слыхала про такого? Нет? Ну что ты? Супер! Я тоже думала сначала, что модельер. А оказалось — испанец. Оперный этот... Кенор!

Чего пошли? Ну что ты? Билеты ж по тысяче долларов! Святое дело... Мой, как узнал, сразу загорелся. «Давай, — говорит, — сходим. Узнай, где Большой театр находится».

Ну, я всем нашим позвонила, никто не знает. Насилу нашли. Вот теперь сидим, наслаждаемся! В самом центре. Справа кто-то из правительства, слева — бандиты. Или наоборот, по лицам теперь не поймешь.

Анжела, я чего тебе звоню... Я же завтра — в Лондон. Со своим. Нет, мой занят, поэтому со своим лечу. Знаешь, я давно о Лондоне мечтала. Так хочется на Эйфелеву башню посмотреть! Что? Эйфелева не в Лондоне? А где? В Риме? Точно! Ее ж древние греки построили. Она у них раньше работала маяком. Надо, надо смотреть мир, Анжелка... Святое дело. Помнишь, как Пьер Безухов сказал: «Жизнь дается человеку один раз...»

Кстати, ты моего нового знаешь? Нет? Ну что ты! Супер! Рост 1.64! А ласковый... Когда мы с ним по улице идем, все оборачиваются, смотрят, как он меня ласково под коленку держит... Хорошенький, сил нет! Ножек нет, шейки нет. Моя любимая фигурка: животик, кошелек и ушки.

Не волнуйся, он не слышит, что я говорю. Он по своему мобильному с партнером сделку обсуждает.

Нет, я вообще здесь никому не мешаю. Здесь все сейчас по телефону говорят. Святое дело. То тут звонят, то там. Карьерос так удивлялся сначала. Ему, наверное, никогда столько не звонили. А потом ничего, привык. И даже петь стал потише, чтобы нам не мешать. Интеллигентный человек!

Вообще, Анжелка, жалко, что тебя нет. Здесь сегодня все. Прямо передо мной — Пугачева. Справа — Боря Моисеев в свежей простыне. В ложе — Джуна, вся в орденах...

Кстати, не слышала, что Алла разводится? Нет? Ну, ты вообще... Ни Карьероса не знаешь, ни что Алла разводится. Совсем, что ли, искусством не интересуешься? Я тебе по секрету скажу, но ты — никому. Филипп подал на развод. Собирается жениться на Зыкиной. А что Алла? Есть слухи, что Алла ему в отместку выходит замуж за младшего сына Газманова.

Ой, Анжела, извини, первое действие закончилось. В перерыве по телефону говорить нехорошо. Все тусоваться будут. Святое дело! Но второе действие начнется — я тебе сразу перезвоню!

Диссиденты

— Здорово, Виталька! Ты как у нас в Израиле оказался? Туристом или навсегда?

— По делам... На Всемирную медицинскую конференцию.

— А ты разве медицинский окончил?

— Не, я рыбный окончил.

— И что? После рыбного пошел работать в медицину?

— Не, я после рыбного пошел работать ювелиром. Я ж всегда классным ювелиром был. Ты чё? Цепь видишь на шее? Моя работа... Детишки дома в таких же бегают. Младшему шесть месяцев. Он — в кровати, пеленках, соплях и цепях... Понял?

— Нет, не понял. Я давно уже из Союза. Ты что, на медицинскую конференцию приехал как ювелир?

— Не... Ты чё? Я на медицинскую конференцию приехал от Минфина... Как помощник депутата Госдумы по бюджету.

— Тебя что, из ювелиров взяли в помощники депутата?

— Не... Меня в помощники депутата взяли из тюрьмы.

— Не понял... Ты что, сидел?

— Недолго. При коммунистах. А потом, когда Союз рухнул, нас из зон сразу стали по госструктурам разбирать. Не всех, конечно. Только тех, у кого заслуги были.

— А у тебя были?

— Конечно! Я ж антикоммунистом был! Вы-то, трусы, сбежали. А мы там боролись... С этим... с тоталитаризмом. Понял? Вот меня и посадили как антикоммуниста.

— За что?

— За то, что морду одному коммунисту набил. Деньги партийные отдавать не хотел... Награбленным с людьми делиться. Недемократическая психология. Ну мы с ребятами приехали. За ноги его подвесили. Ты чё... Я знаешь каким ярым антикоммунистом был! Настоящим диссидентом.

— А депутат, у которого ты помощником, знает, что ты сидел?

— Еще бы. Мы же с ним вместе сидели. Он еще почище меня антикоммунистом был. Квартиры партийных брал. Медвежатник. Крепкий мужик. В одиночке шесть месяцев никого не сдал. Народ таких любит. Вышел — сразу в депутаты выбрали. Мы с ним и второй срок вместе тянули.

— Ты что, два раза сидел?

— Не... Шесть. Видишь, на пальцах наколки? Это — ходки. Знаки отличия. Это теперь, как раньше — орденские планки. Понял? С двумя наградами помощником к депутату не попадешь. Минимум четыре сессии сдать надо. Это все-таки Госдума...

— А то, что твой босс сидел, другие депутаты ему когда-нибудь не припомнят?

— Ты что? У нас в парламенте все — в тряпочку. Чтобы им самим кто-нибудь ничего не припомнил... Половина из них сидела, а вторая половина, как только депутатский срок кончится, тут же сядет.

— Ну я представляю, как вас коммунисты должны ненавидеть...

— Ты чё... Лох, что ли? Мы с коммунистами — по корешам. Мы при них сидели, они — при нас. Теперь все по одной конституции живем. Что не так — по башке, и уши отвалятся. Основной закон нашей демократии. Понял?

— А по телевизору вроде показывают, как вы все там ругаетесь?

— Ну это так надо. Это для лохов. Вроде тебя. Ты же не сидел. Значит, для России — ты уже лох. Понял? Что нам ругаться? Подумай своей верхней головой... Россия же — не Люксембург. Всем от пирога откусить достанется. Ежели с умом... Вот мы, демократы с

умом, и кинули коммунистам недавно такую миску! А то все время мешали нам, как крошка в постели. Теперь, слышал, у нас год примирения. Это значит, что всем — по миске, все — у пирога... Но на чужое не зарься. А то мигом — по конституции, и уши отвалятся.

— Да, интересно у вас там. Не то что у нас. Слушаю тебя, и так на родину тянет. Я же пятнадцать лет назад тоже сюда от ментов соскочил. Химический окончил. Мы в нашей лаборатории серебро переплавляли в золото. В Польшу сбывали. Так что, видишь, я тоже диссидентом был. А тут теперь не похимичешь.

— Ты чё сказал, браток? Серебро — в золото? Да ты чё... У тебя же классное прошлое! Тебя коммуняки выкинули из Союза за инакомыслие. Немедленно к нам! Мы тебя как героя раскрутим. В комиссию какую-нибудь введем... Типа «Паблик релейшен адвайзеров по промоушину среди лизингистов от нацменьшинств»! Человеком станешь! А то смотри: одет, как портянка! Серебро — в золото! Ты чё? Да мы за такими людьми гоняемся, как ботаники за бабочками! А ну, пойдём за это дело вонзим по чуть-чуть! И мне на конференцию пора. Опаздывать нельзя. Мировая медицинская конференция... Ты чё? Со всего мира кореша слетаются. Россию будут принимать в мировой наркобизнес. Заслужили! Я как раз матушку нашу представляю.

— Ничего себе! А почему же конференция называется медицинской?

— Ты чё, совсем лох? Наркотики же... Дурь — по-нашему. А что ближе всего к дури? Медицина. Ну пошли, опрокинем?

— Не, Виталька. Не могу. Подумать надо. Давай завтра.

— Ты чё? За нашу встречу... Только сегодня. Какой «завтра»? Ты посмотри на меня внимательно. Где я, а где завтра? Пошли! У меня и тост есть. У вас, евреев, говорят, скоро Новый год. А как у нас говорят, среди помощников депутатов: «Новый год — это не новый срок» Пошли!

На, милый, стаканчик!

Старушка на кладбище воровала цветы. На пенсию ей прожить было невозможно. Такой она себе придумала бизнес. В один день настолько увлеклась процессом, что не заметила сзади свежерытой могилы и свалилась в неё. Вылезти сама не может. Думает, хорошо, что взяла с собой поесть. Устроилась поудобнее, развернула на дне могилки сверточек, вытащила бутылочку кефира, бутербродики... Сидит себе, наслаждается едой. На свежем воздухе! Ждет, пока кто-нибудь пройдет мимо и ее вытащит. Ближе к вечеру, слышит, идут двое, разговаривают. Один у другого спрашивает:

— Ты бы выпил?

— С удовольствием, да не из чего...

И вдруг из-под земли голос старушки:

— Да на, милый, стаканчик! — и старушечья ручка в сумерках тянется из могилы... со стаканом.

Ребята бежали до самого гастронома.

Прости, Господи!

Мой хороший знакомый, с которым мы дружили еще в юности, в советское время учился в театральном училище. Но на четвертом курсе его выгнали за драку. Он огромного роста, в юности занимался борьбой. Оставшись не у дел, как и все, кто ничего не умел делать, в начале перестройки начал заниматься коммерцией. Потом вдруг продал свой ларек и купил... приход! Он вычислил, что гораздо больше, чем от ларька, доход от прихода. Сам, соответственно, стал священником. Поскольку был от природы весьма способным артистом, те, кто ходил в эту церковь, вскоре очень полюбили его проповеди. Он же их читал по системе Станиславского, вживаясь в то, что говорил. Прихожане ему верили не менее, чем Станиславский Книппер-Чеховой.

Однажды шел вечером по улице, подсчитывал в уме доход от прихода. Навстречу двое. Подвыпившие, громкие... Ни с того ни с сего, как это часто бывает у наших, один другому предлагает:

— Смотри, поп! Давай повеселимся — в морду ему дадим?

Второй спрашивает:

— С чего вдруг?

Первый отвечает:

— Помнишь, как их, попов, учил Иисус в Нагорной проповеди: «Дадут по левой щеке, не отвечай, подставь правую». Интересно, подставит или нет?

— Давай!

Подошли, и тот, кто все это затеял, как врежет нашему батюшке. Они ж не знали, что поп-то ой как соскучился по драке. Он только перекрестился, — «Прости меня, Господи!» — и с таким удовольствием отметелил обоих! Потом посмотрел на избитых, перекрестил их и отпустил со словами: «Идите с миром, сыны мои! Да простит вас Господь!»

Это безобразие!

В ялтинскую обсерваторию приехал местный чиновник с семьей. И начальственно у астрономов потребовал:

— Нам бы хотелось сегодня посмотреть на Луну. У дочки день рождения.

Работники обсерватории ему объяснили, что, к сожалению, уже поздно — Луна зашла.

Таким ответом чиновник остался явно недоволен:

— Это безобразие! Разве вас не предупредили, когда мы приедем?

Что делать, или Как обустроить Россию?

Продолжая Ленина и Солженицына

В каждой шутке есть доля... шутки!

Если мы хотим обустроить Россию, мы прежде всего должны позаботиться о народе. Понять, что счастье не в политике. Счастье — это когда работа совпадает с твоим любимым делом. Значит, чтобы сделать наш народ счастливым, ему надо разрешить воровать.

История показывает: бороться с воровством в России — все равно что прятаться от ветра в клетке. Многие люди для того только и ходят на службу, чтобы было где воровать.

Не смогут победить воровство и нынешние власти, потому что если власти сделают так, что народ прекратит воровать, то и нашим властям нечего будет воровать у нашего народа.

Думаю, лучший строй для России — узаконенное воровство. Страна сразу перейдет к самоуправлению. Народ будет жить своей жизнью, правительство — своей. Народ ворует внизу, правительство — наверху.

Между народом и руководителями должна быть кремлевская стена, оберегающая народ от правительства. Пускай наши руководители за этой стеной живут. Мы их прокормим. Только пусть не вылезают к нам оттуда, не травмируют своей заботой о нас... Мы все равно их распоряжения и указы выполнять не будем.

Мы не американцы. У нас психологии разные. К примеру, приходят в бассейн наш и американец... Наш сразу разделется и нырнет. Американец? Тот сначала будет читать правила пользования бассейном: имеет ли он право раздеться, перед тем как нырнуть; имеет ли право нырнуть, если в бассейне нет воды, и где спасательный круг на случай, если бассейн загорится!

Конечно, чтобы людям было что воровать, в стране должно наладиться производство. Как это сделать, если заводы друг другу не платят? Суды и прокуратура в противозачаточном состоянии. За помощью все теперь обращаются к бандитам и уголовникам. Они-то судят не по закону, а по справедливости. Многие грамотнее судей — по нескольку раз сидели. Некоторые потом еще за границей учились. Главное, что они четко отслеживают выполнение своих решений. Если бы не бандиты, в стране давно не было бы ни бензина, ни сахара... Значит, надо немедленно посадить бандитов на место судей, а судей — на места, освободившиеся после бандитов. Выражаясь народным языком, заменить законных воров на воров в законе. Убежден, что производство тут же заработает, преступность исчезнет. Милицию можно будет распустить. Пускай учатся воровать, как все, без поддержки государства.

Армию, в отличие от милиции, надо сохранить. Но авторитет армии хорошо бы поднять. Для этого необходимо сменить руководство: возглавить армию должен человек, зарекомендовавший себя в деле. Хорошо обученный, чтобы слушались его и боялись. Сейчас в России такие есть. Но только среди чеченцев. Надо всех полевых командиров немедленно поймать и из них создать Генштаб. Нас снова весь мир уважать будет. Они нашу армию в Уральские горы уведут. И все будут нас бояться!

Парламент тоже сохранить надо, но сделать его полезным для государства. Например, пусть парламент доход приносит! Для этого нужно продавать билеты на заседания Думы. И нового здания не нужно для парламента строить, деньги зря тратить... Есть ведь много подходящих зданий в Москве. Например, здание нового цирка. Что может быть лучше для нашей Думы? Клоуны у нее есть. Арена для выяснения отношений — тоже. Под ареной второе дно: сказал что-нибудь не то — нажал на кнопку и... докладчик провалился!

Наш народ в демократии непредсказуем, как женщина за рулем. Она может показать поворот направо, а поехать налево. Может начать перестраиваться, не показав поворота. Может вообще вдруг поехать задом по встречной полосе. Ну захотелось ей так! Она опасности не чувствует. Недаром в народе говорят: «Женщина за рулем — все равно что обезьяна с гранатой». Никогда не предугадаешь, куда она ее кинет. Так и наш народ с демократией.

Для нас западные формулы развития общества непригодны. Мы должны идти своим путем. Кто придумал лозунг: «Дайте народу землю, и он будет на ней работать»?! А вы у народа спросили, хочет ли он на ней работать? С чего и кто решил, что наш народ вообще хочет работать?

Вы народные русские пословицы о труде знаете? «Работа дураков любит», «Работа не волк, в лес не убежит»...

Психология народа познается по его пословицам да по народным сказкам. Если внимательно прочитать русские народные сказки, станет понятно, что народ наш никогда работать не будет. Ведь в сказках наших никто никогда не работал. Это в их сказках: папа Карло с утра до вечера что-то стругает, пилит. Золушка моет, стирает... А наш Иван сидит, сидит на печи... Сидит, сидит на печи... Ждет золотую рыбку! Потом вдруг как заорет нечеловеческим голосом: «Встань передо мной, как лист перед травой!» И встает!.. Сивка-Бурка, вещий каурка... Дважды народный любимец, потому что и вещий, и урка... В одно ухо коню Иван наш влезает бедняком, а из другого сразу богачом вылезает!

Для нашего человека главное — как можно меньше физических усилий затратить. Разбогатеть, но — сразу! Нырнул в чан с водой голым — вынырнул одетым в царское. Угадал загадку — полцарства у короля оттяпал. Повернул кольцо — Василиса твоя. Только в наших сказках, и в стольких вариантах, воплощается извечная мечта народа о халыве: сапоги-скороходы, ковер-самолет, серый волк по лесам носится, как бесплатное такси.

Наконец, только в русских народных сказках встречается образ скатерти-самобранки. Это еще раз доказывает, что нашему человеку даже стол накрывать лень. Он мечтает, что

развернет скатерть, а на ней уже все стоит!

Судя по сказкам, меньше русских хотят работать только украинцы. У тех вообще галушки сами в рот запрыгивают! Недаром на все славянские сказки есть только один работник, да и тот — Балда! Прозван так за то, что отучал попа от коммерческих отношений.

Нельзя, нельзя к нам подходить с не нашими мерками.

Знаете, есть две сказки про молодильные яблоки: одна наша, другая не наша... Лишь первые строчки в каждой прочитаешь — и сразу понятно станет, чем мы отличаемся от других народов.

Первая строчка не нашей сказки: «Решил царь посадить у себя в саду молодильные яблоки...»

А вот как наша сказка начинается: «Узнал царь, что где-то есть молодильные яблоки... И послал сыновей раздобыть их!»

Потому-то у нас и должен быть свой путь развития. Небанальный. Мы народ небанальный. В нас знаете сколько кровей намешано? Славянская, скифская, татаро-монгольская... Еще — варяги, хазары, печенег, мордва... Сверху все это отлакировали евреи... Это не кровь... Это — ерш! От ерша у любого человека голова дуреет и рассудок мутнеет.

Но я верю — придет время, и все устоится. Ерш перебродит. Пена уйдет. И заживем, как все, спокойно и счастливо. Вот только жаль, как справедливо заметил поэт: «...жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе!»

1997–1998

Записки охотника за кирпичами

Я часто получаю письма от своих читателей и телезрителей. По первым же строчкам становится ясно: пишет графоман, шизофреник или человек разумный, наблюдательный, порой даже остроумный. Однажды распечатал письмо, написанное очень корявым, меняющимся от абзаца к абзацу почерком. Его автор явно был человеком нервным, а скорее всего, даже не в себе. Однако, прочитав первые строчки, я понял, что все равно дочитаю письмо до конца. Вот они:

«Пишу вам из реанимации. Когда вспоминаю, как я сюда попал, начинаю смеяться, а делать мне этого нельзя, потому что я весь травмирован».

Согласитесь, человек, хохочущий в реанимации, мягко говоря, заинтриговывает. Я стал читать, с каждой следующей строкой убеждаясь, что передо мной письмо этакого энергичного бедолаги, который очень посредственно учился в школе, в результате чего стал жертвой собственного недообразования.

Он собрался соорудить пристройку к своему дому. Основательную. Из кирпича! Но ему даже

и мысли не пришло в голову купить кирпичи. Только наворовать! Жил он в глубочайшей глубинке. Стройка была там всего одна. На окраине. Длилась много лет. Обшарив все окрестности, только на ней он нашел свободные кирпичи. Правда, на шестом этаже этого недостроенного долгостроя. Сначала решил, что сил у него хватит сгонять туда-обратно раз двести (я давно заметил, что в нашем человеке появляется самая необузданная энергия, когда он чувствует, что ему что-то где-то может достаться на халяву). Потом, правда, к его чести и соображалке, он решил все-таки изучить ситуацию. А вдруг найдется какой-то другой способ спустить вниз кирпичи! Не такой занудный, как беганье с ведром на шестой этаж и обратно. Изучил. Пришел к выводу, что такой способ есть. Рабочие сами поднимали кирпичи вверх довольно изобретательно. Бочкой. Бочка была привязана к тросу. Трос пропущен через блок, прикрепленный на шестом этаже. Те, кто стоял внизу, работали при этом лебедкой. Этакое доморощенное, не переводимое на другие языки устройство. Поскольку лебедку уже давно с этого долгостроя украли сами рабочие, в конце дня строители привязывали внизу конец троса, оставляя бочку наверху, чтобы хотя бы ее не украли. Им на ум не могло прийти, что может однажды случиться. Этой бочкой и решил воспользоваться наш герой.

Несмотря на то что я пересказываю письмо своими словами, одно слово автора не могу не сохранить без изменения. Вспоминая в самом начале тот предреанимационный вечер, он написал: «Смеркалось». Все-таки в русском человеке всегда теплится ностальгия по поэзии, писательству. От такого вступления у меня создалось ощущение, что сейчас я буду читать Тургенева. Этакие «Записки охотника за кирпичами».

Итак... Смеркалось! Бедолага забрался на шестой этаж. Нагрузил кирпичами бочку. Естественно, нагрузил максимально, чтобы уложиться в минимальное число спусков. И, естественно, перегрузил. В экономике цивилизованных стран это назвали бы «неправильным планированием». Спустился вниз. Помните? Смеркалось! Для страховки (чтобы бочка не выскользнула) привязал трос к правой руке и отвязал его конец от коряги.

Поскольку перегруженная бочка была намного тяжелее его самого, смеркалось или не смеркалось, не имело уже никакого значения. Согласно простейшему закону физики наш герой начал возноситься. Он не сразу понял, что с ним произошло. Сообразил, в чем дело, только когда, взмыв над елками, увидел закат над лесом. Все-таки в душе он был поэт. А посему, любуясь закатом над лесом, не заметил, как, пролетая мимо третьего этажа, верхней частью туловища встретился с бочкой. От удара чуть не потерял сознание. Но вывернулся. И полетел дальше. Подлетая к блоку, был уверен, что жизнь закончилась: сейчас переломает все кости. С испугу перекрестился свободной левой рукой. Однако, на его счастье, существуют все-таки законы физики. Бочка в этот момент ударилась о землю. От удара дно бочки вылетело вместе с кирпичами, то, что от бочки осталось, стало гораздо легче нашего «поэта», и он с той же скоростью полетел вниз...

Как люди проводят вечера в нашей стране? Кто на концерты ходит, кто в театр. В этот момент, по его признанию, он подумал, что лучше бы он все-таки в тот вечер пошел с женой в клуб на концерт. Хотя концертов терпеть не мог. Видимо, так его эти мысли увлекли, что он опять не заметил, как, пролетая мимо третьего этажа, во второй раз встретился с уже

родной для него бочкой. Та отшибла ему и нижнюю часть. Наконец он упал прямо на кирпичи. Можно сказать, на свои кирпичи. Приватизированные. Только строить уже нечем. И не до этого! Потерял сознание.

Первая строка последнего абзаца повергла меня в гомерические слезы: «Не знаю, сколько времени я пролежал без сознания, но когда я очнулся, уже не смеркалось. Взошла луна!»

Молодец, подумал я. еще и луной успел полюбоваться!

И далее цитирую: «Первое, о чем я подумал, придя в сознание и посмотрев на правую руку, которую что-то больно тянуло вверх: «На кой я привязал этот дурацкий трос к своей руке?» И я его отвязал. Послышался страшный, нарастающий скрежет чего-то приближающегося. Какая-то тень летела на меня! Через несколько секунд она ударилась в меня, и я снова потерял сознание. Этой тенью были остатки бочки».

Я читал это письмо, постепенно влюбляясь в нашего героя, и думал: какое надо иметь безразмерное чувство юмора, чтобы писать сатирику из реанимации, ухохатываясь над собой! Все-таки есть чему у наших людей поучиться!

Ларек с наворотами

Русский бизнесмен, уже из «новых». По виду хозяин нескольких коммерческих ларьков. Таких обычно можно узнать по поведению. В любой точке мира они ведут себя по-хозяйски, как будто у себя в ларьке.

За полчаса отлета из Лондона он забежал в супермаркет, чтобы купить подарки всем членам всех своих семей.

Забежал и остановился как вкопанный. Стоит, смотрит на все окружающее его изобилие, не понимает, с чего начать делать закупки, когда вокруг столько всего. Вдруг увидел, что одна из продавщиц катит перед собой тележку, на которой лежит буквально все: мужские, женские костюмы, посуда, белье, детские вещи. Все это она должна была развезти по отделам. Посмотрел наш коммерсант на тележку, на часы. Подошел к продавщице и, показав руками на кассу, приказал: «Кати к кассе». Кто-то из его спутников на ломаном английском кое-как перевел непере译имое сочетание слов, мол, что ее просят пройти к кассе. Она кивнула, что поняла, и послушно пошла к кассе. Но без тележки. Не поняла нашего размаха. Ей же в голову не могло прийти, что ее просят подойти к кассе вместе с тележкой и товаром на ней. Но наши не растерялись. Они сами покатали за ней тележку. После чего долго пытались у кассы объяснить собравшимся продавцам, что просят все это завернуть, и побыстрее, так как у них через 40 минут самолет...

Счастливым маршрутом

Надо сказать, наши люди не только быстро усваивают рассказанное, но и сами включаются в творческий процесс собственных наблюдений. Стоило мне несколько раз со сцены рассказать историю с бочкой и кирпичами, как после концерта стали подходить

возбужденные зрители примерно с такой фразой: «А наш знакомый тоже недавно попал в реанимацию. Мы его навещали — обхохотались!»

Бывает, слушаешь и не знаешь, улыбаться или ужасаться. Но почти всегда задаешь себе вопрос: ну почему подобное может происходить только с нашими людьми? К таким рассказанным историям относится и следующая.

Стоял молодой парень на троллейбусной остановке. Крепкого телосложения. Поэтому впредь будем называть его Здоровяк. Стоял с цветами, ждал девушку, нервничал. Очередной троллейбус уже отъезжал, а ее все не было. Одному из пассажиров в троллейбусе захотелось именно в это время сплюнуть в закрывающуюся дверь. Сплюнул. Попал прямо в Здоровяка. Кое-кто в троллейбусе даже хохотнул. Мол, вот как смешно получилось! Мы отъезжаем, а человек оплеванный на остановке остается. Тот, кто сплюнул, услышал смешки и решил, что этого успеха ему маловато. Начал Здоровяку носики показывать, рожи корчить. Мол, не достанешь, не достанешь! Пассажиры тоже радуются. Хоть какое-то разнообразие вкралось в их повседневную транспортную жизнь. Где-нибудь в Швеции или Бельгии подобная история на том бы и кончилась. Троллейбус бы уехал, оплеванный вытерся, дождался девушку, подарил ей цветы и обо всем забыл. У нас же история только началась.

Здоровяк и так изнервничался из-за опаздывающей девушки, теперь разъярился окончательно. И вообще, что он — зря был здоровяком? Выбросил цветы и побежал за троллейбусом. Барабанит кулаками в дверь, кричит: «Я тебе покажу! На следующей остановке тебя достану!» Пассажиры прильнули к окнам: неужто действительно собрался бежать до следующей остановки? Интересно посмотреть!

Водитель всего, что произошло, не видел. Думает: раз человек так мощно барабанит в дверь, значит, он очень сильно куда-то опаздывает. Пожалел набирающего скорость вместе с троллейбусом Здоровяка — остановил троллейбус и открыл двери.

Оплеванный, видимо, был не только здоровяком, но и опытным драчуном. Поэтому, как выразился рассказчик, «залепил обидчику в рог без предисловий». В троллейбусе уже все хохочут: шутка ли, одного оплевали, другому в рог залепили! Счастливый маршрут выдался!

Но обидчик, на его счастье, был не один, а с приятелем. И тоже оказался не из тех, кто просто так даст себя в обиду. Вдвоем они тут же вытолкнули Здоровяка из троллейбуса. Однако «ударенному в рог» опять показалось недостаточным, что они вытолкнули Здоровяка, не нанеся ему дополнительной обиды хоть каким-то словцом. Он скорчил страшную гримасу и высунулся из дверей, чтобы валявшийся на тротуаре мог получше ее разглядеть. Как раз в это время двери троллейбуса закрылись, придав роже еще более страшное выражение. К радости пассажиров присоединились и прохожие на улице.

Здоровяк, а точнее, оплеванный, смотрит: это же подарок судьбы! Теперь обидчик от него никуда не денется. Вскочил, бежит за набирающим скорость троллейбусом и, выражаясь словами рассказчика, «оттягивается по этой роже по полной программе». Причем так увлекся процессом, что не заметил, как влетел в столб...

Больше всех радовались, безусловно, те, кто ехал в этом троллейбусе. Маршрут удался!

Дорогая лампочка

История, рассказанная одним из зрителей после концерта

А медицине случается много забавного. Например, пришел в травмпункт человек с чугуном на голове. Оказалось, надел его на спор, а снять не может. Голова застряла да еще и опухла. Загадкой для всех осталось, как он дошел до травмпункта, если голова вошла в чугунок вместе с глазами. Врача в этот момент на приеме не оказалось. Несчастливого, или, как говорят в таких случаях, потерпевшего, приняла медсестра. Что увидела, то и написала в журнале приема: «Голова в инородном теле».

Врачи часто рассказывают о том, как приходят к ним люди с ложками в желудках, с вилками, с разжеванными стаканами. Чего только наши врачи не видели внутри российского безалаберного организма! Какие диагнозы не появлялись в историях болезни! «Ушиб всей бабушки». «Удар копчиком о Каширское шоссе». «Ввиду повышенной волосатости не смогла прослушать бронхи»...

Но, пожалуй, одна из самых забавных историй из этой серии была рассказана зрителем, который очень проникся на моем концерте главным умозаключением: у большинства наших мужиков энергия — без вектора. И решил мне привести еще одно тому доказательство.

Два приятеля в пивбаре, приняв до той степени, когда душе хочется творчества, поспорили, кто за сто долларов засунет в рот лампочку. Видимо, один из них был подстрекателем и знал, что засунуть лампочку в рот можно, а «высунуть» — уже нет. Поскольку у нее такая форма, что во рту ее заклинивает. Второй очень искренне сознался, что за сто долларов он что хочешь засунет себе в рот, тем более в наше нищее время. Только деньги вперед.

Сходили за лампочкой в магазин. Подстрекатель выбрал нужный размер. (Сколько ватт, не сообщаю намеренно, зная, что найдутся читатели, которые непременно воспримут эту историю как руководство к действию.) Зашли за угол магазина. Пospоривший, как и полагается, сначала взял деньги в левую руку. Правой несколько раз пытался раскрыть рот как можно шире. Сто долларов вдохновляли. Наконец, ура, выиграл. Есть! Лампочка во рту. Вот только беда — даже «ура» закричать не способен. Поскольку вынуть ее нет никакой возможности. Стоит, смотрит на подстрекателя с победным ужасом. Глаза сами как две лампочки. В руке вроде бы выигранные сто долларов. Но что толку! На них в таком состоянии даже невозможно отметить победу. Подстрекателю, глядя на него, стало так стыдно, что он сжалился и говорит:

— Поехали к врачу. У тебя, кстати, и деньги на врача есть.

Отвез. Сам к врачу не пошел. Довел потерпевшего до дверей кабинета, постучал. Когда дверь открылась, втолкнул несчастного, а сам быстренько скрылся за углом. Так обычно приятели наутро возвращают домой к жене пьяного мужа.

Врач, открыв дверь, сначала не понял, что за чудо перед ним. Когда же разобрался, сам так растерялся, что спросил у потерпевшего:

— Ты зачем, придурок, лампочку в рот засунул?

Спросил и ждет ответа. Клиент ему вместо ответа пальцем у виска крутит: мол, ты сам придурок, если меня об этом спрашиваешь. Сначала лампочку вынь, а потом спрашивай.

Врачу пришлось с этим делом повозиться. Крутил, вертел, челюсть вывихнул пациенту. Потому что в такой ситуации лампочка дороже челюсти. Наконец вынул. Целехонькую. Челюсть вправил. Выдохнул, говорит:

— На, вези трофей домой. Больше этого никогда не делай.

Даже денег не взял, так ему этого чудака жалко стало.

Чудак же поймал такси, едет на переднем сиденье. Одной рукой держится за челюсть, в другой лампочка. Трофей! Таксист смотрел-смотрел на него, потом не выдержал — спрашивает:

— Ты чего с лампочкой, как Данко с сердцем в руке?

— Представляешь, сегодня утром оказался таким дураком, что засунул эту лампочку в рот на спор за сто долларов.

Таксист был из того же энергичного безвекторного сословия наших мужиков, поэтому тут же возразил:

— Почему «дураком»? Я бы тоже за сто долларов ее в рот засунул. Дашь сто долларов?

Ну как наш мужик откажет себе в удовольствии убедиться, что на свете не он один такой придурок!

— Конечно, дам.

Таксист так хотел заработать сто долларов, что засунул лампочку в рот гораздо быстрее, чем его клиент утром. Клиент честно дал ему немного времени поупражняться в вынимании лампочки изо рта, после чего, как и его товарищ, сжалился:

— Поехали! Я одного врача знаю, который умеет лампочки вынимать. Разворачивайся!

Люди на перекрестке в шоке: таксист за баранкой с торчащей изо рта лампочкой. Вернее, хвостом лампочки.

Когда приехали в поликлинику, тот, который был уже опытным, подвел таксиста к двери, постучал (как и его товарищ) и тоже сбежал...

Во всей этой истории больше всего был удивлен врач. Когда он открыл дверь, то сначала не поверил своим глазам. Пациент вроде другой, а с точно такой же лампочкой! Говорят, он весь день находился потом в очень нервном состоянии и даже попросил медсестру включить радио. Может, в стране что-то интересное происходит? И надо ждать новых пациентов?

Независимая валюта

Бизнесмен приехал в Москву из Латвии. Валюта в Латвии в то время изменилась: ввели латы. Он же, уверенный, что в России все только и живут новостями из Латвии, пришел в ресторан и с гордостью за независимую валюту спросил у гардеробщика:

— Куда латы сдать можно?

Гардеробщик ему ответил вполне логично:

— Латы сдай мне, а коня привяжи у входа!

1998

Писатель, который разводил кошек

Ки-Вест — самый южный городок Америки. На карте — точь-в-точь родинка на кончике похжей на нос дядюшки Сэма Флориды. На самом деле город на острове. От него до материка еще несколько таких же островов-родинок. Как будто кто-то разбросал в море камушки, чтобы какой-нибудь великан мог, ступая по ним, добраться от материка до Ки-Веста, не замочив ног.

Ки-Вест — город-музей. Здесь жили Трумэн, Хемингуэй, Тенниси Уильямс, другие известные президенты, политики, бизнесмены. Коренные жители уверены, что в их городе Хемингуэй написал знаменитую повесть «Старик и море». Поэтому в многочисленных галереях больше всего акварелек в стиле прозрачно-миражных японских миниатюр, на которых изображен похожий на Хемингуэя старик в лодке, с удочкой, на фоне или заката, или лунной дорожки.

Правда, кубинцы уверяют, что знаменитую повесть великий Хэм написал у них на Кубе, где прямо напротив Ки-Веста, через пролив, милях в пятидесяти, есть еще один домик Хемингуэя. Как будто любивший плавать писатель иногда, после вечернего виски, вплавь добирался от одного своего домика к другому, запутывая будущих критиков своего творчества: где что он написал.

Ки-Вест не похож на обычные американские небоскрежные города. Деревянные, двухэтажные, покрашенные в светлые тона домики с воздушными террасами, резными наличниками и ставнями-бабочками, как прозрачные привидения из романтического американского прошлого, скрываются в кудрявых зеленых садах и напоминают нам об «Унесенных ветром», «Хижине Дяди Тома» и Гекльберри Финне. Широколистные южные деревья густыми ветками, как опахалами, обмахивают эти музейные домики, заставляя

шевелиться обленившийся на жару почти тропический воздух.

Ки-Вест — это город-декорация к спектаклям Теннесси Уильямса и Артура Миллера. Это воздушный привет, посланный потомкам от Митчелл и Марка Твена.

Но туристы этого не знают. Для них Ки-Вест — самая южная точка самой главной страны в мире. Пестрой маечной толпой текут весь день они вдоль главной улицы, которая как узенькая речка, в берегах сувенирных магазинов, галерей и аттракционов впадает в море, заканчиваясь дельтой кафе, баров и ресторанов. В этих кафе последние американские романтики, влюбленные и трогательные старушки с прическами, похожими на седые воздушные шарики, могут по вечерам наблюдать, как написано в зазывных рекламах, «неповторимый ки-вестовский закат». Для этого у каменных парапетов прибрежных кафе стоят высокие стулья, как у стойки бара. Но с противоположной стороны стойки не бармен с напитками, а краснокожее американское солнце, под мягкую музыку живого джаза, не скупясь, протянуло каждому посетителю по зеленому морю обещанную администрацией ресторана неповторимую ки-вестовскую солнечную дорожку. Как будто дорожка, а заодно с ней и само солнце в штате рекламирующего их ресторана. Особенно возбуждает всех туристов то, что совсем неподалеку Куба.

— А где Куба? — спрашивают они у официанта.

— Вон там! — показывают руками официанты. — Слева от солнца и чуть за ним.

И туристы, кто прищурились, а кто в бинокль, напряженно вглядываются в шершавый горизонт, словно пытаются за ним разглядеть остров вечных бунтарей и его последнего коммунистического романтика Фиделя Кастро.

Музыка сочится из всех дверей, окон, щелей. Музыка, как и еда, — неотъемлемая часть жизни среднестатистического американского большинства. Она заставляет толпу вибрировать в резонанс, одинаково чувствовать, одинаково думать не задумываясь. Она главный зазывала. Она засасывает демонстрантов по ночным клубам, ресторанам, аттракционам, залам ужаса, галереям, ювелирным и сувенирным лавкам, которые по своей мешанине напоминают российские сельмаги. Только по американскому вкусу с более пестрым и блестящим ассортиментом. Здесь и хрустальные тигры, и ювелирные подделки, и открытки с кошечками и закатами, и штампованные картинки с теми же закатами, и искусственные цветы, и бейсболки с надписями, и майки с остроумиями и неприличностями, и носки, и трусы с портретами Хемингуэя.

•
○ *

Утро. Туристы еще по-американски добротнo завтракают, чтобы с достаточным запасом энергии начать течь по улицам города-лавки.

Консьерж гостиницы, у которого я хочу спросить, как пройти к домику Хемингуэя, разговаривает с американкой загадочного возраста. Она после очевидной, модной в среде

высшего и среднего американского класса пластической операции. Или, как коротко говорят в Америке: «хирургии». Хирургия — единственный вид искусства, в котором разбираются все американцы. Хирургия — признак зажиточности, пропуск в высший свет, один из самых крутых американских наворотов. Наравне с погодой, домашними животными — это любимая тема в любой женской компании.

— Я знаю доктора, который превосходно делает носы и укрупняет глаза.

— А наш врач использует новую технику, он подшивает под щеки воланчики, чтобы не было ямочек.

Действительно, американские врачи-хирурги в этом деле добились не меньше, чем художники эпохи Возрождения в живописи. Среди них появились свои Леонардо да Винчи, Рафаэли, Веласкесы. Они не врачи, они живописцы от медицины. Они меняют овал лиц, обрезают носы, удлиняют мочки ушей под размер сережек, укрупняют женщинам губы, делают их сочными и поцелуйчатыми, как у Софи Лорен или как у Джулии Робертс. Мужчинам раздувают ноздри, как у Джека Николсона, создавая ощущение такого же скрытого темперамента. Уколами умерщвляют нервы в местах скопления морщин, чтобы думать не морщась, смеяться не улыбаясь и чтобы лицо выглядело невозмутимо просветленным в любой ситуации, будь то юбилей или похороны. Если б не активные пока еще зрачки в обрамлении отредактированных глаз, многие американки напоминали бы сегодня собственные посмертные маски.

У американки, которая разговаривает с консьержем, даже не лицо, это пятка младенца. По лицу ей можно дать лет пять, по фигуре — сорок восемь, по рукам — все шестьдесят семь. Говорит она очень громко, как говорят люди, уверенные в том, что ни при каких обстоятельствах своего лица уже не потеряют.

— Где тут домик этого известного бородатого человека, который разводил кошек?

В отличие от консьержа — поляка, который, судя по всему, давно уже работает в Америке и привык к подобным вопросам, — я не сразу понял, что она спросила о Хемингуэе.

Во-первых, я забыл, что Хемингуэй действительно любил кошек, во-вторых, он их все-таки любил, а не разводил, но для сегодняшнего американского реалиста, воспитанного книгами Карнеги, а не Марка Твена и Фицджеральда, непонятно, как можно любить без прибыли. А значит — разводил.

Но еще больше меня поразило, что стоявшие рядом американцы, которые тоже ждали ответа консьержа, ничуть не удивились ее вопросу. Консьерж вынул откуда-то из-под своего прилавка несколько карт Ки-Веста, отметил на них, где находится музей, и крупно печатными буквами каждому написал имя великого кошачьих дел мастера.

В музей меня вез таксист-латиноамериканец. Я рассказал ему об этом случае. Он с радостью человека, который любит поболтать с пассажирами, тут же подхватил тему:

— Ой, это же американцы, они же narrow-minded (словосочетание в дословном переводе на русский означает узкоумственный)! Я недавно вез одну из аэропорта в Майами, ей лет сорок. Выехали на берег, она как закричит: «Наконец-то я увидела Тихий океан!».

Я спросил у таксиста, из какой он приехал страны.

— Я бразилец, — гордо ответил таксист, тем самым подчеркнув, что уж он-то не narrow-minded. — А кем вы в России работаете?

— Я писатель, книжки пишу.

— Не, я книжек не читаю. У нас в семье было много детей, грамоте учили плохо — мне читать трудно.

Он ненадолго замолк, наверно, вспоминая свое бразильское босоное детство, а я подумал: не слишком ли это парадоксально, что даже не умеющий толком читать бразильский таксист считает американцев узкоумственными.

•
○ *

Я брожу по дворику хемингуэевского дома. Дом двухэтажный, старинный, лоскуток поэзии на рациональной американской земле. Много деревьев. Они когда-то скрывали Хемингуэя от жаркого солнца Флориды. Дорожки ныряют между кустами. В доме сохранилась библиотека. Интересно, что любил читать Хемингуэй? Есть даже небольшая брошюрка, которая называется «Бурлящий бассейн», видимо, в то время эти первые джакузи только что появились, и Хемингуэй мечтал о таком бассейне.

Во дворе у него тоже есть бассейн. Не такой, как нынешний, в кафеле, но бодрость писателю с утра, очевидно, этот бассейн придавал. Много книг о здоровье, книга «Мой бизнес», романы известных писателей: Фицджеральда, Ивлина Во и большая брошюра Форда «Конвейер».

Но американцев не интересуют книги и библиотека Хемингуэя. Они атакуют гидов другими вопросами, ведь в музее специально для привлечения американских посетителей — сто кошек, якобы в память о писателе. И это действительно привлекает обывателя.

— Вы были в домике Хемингуэя? Что вы, сходите обязательно: там сто кошек! Понимаете? Сто!

И идут люди, чтобы увидеть в музее Хемингуэя сто кошек. И задают вопросы, которые из этих кошек помнят самого писателя? И как писатель кастрировал котов? Сам или у него кто-то был для этого? А какими инструментами в то время кастрировали? Практически главная экспозиция музея — кошки Хемингуэя, следующая — спонсоры Хемингуэя, следующая — его женщины.

Я выхожу прогуляться по тенистому саду. Деревья с уважением обмахивают меня своими

опахалами. Они как бы чувствуют во мне что-то родное для них, писательское. Я представляю себе, как Хемингуэй также любил по утрам бродить среди этих деревьев, и по шороху их листьев я читаю его грустные мысли. Недаром в его библиотеке есть книжка — фордовский «Конвейер».

Он чувствовал, что гениальное изобретение цивилизации — конвейер — внедрится скоро и в кино, и в живопись, и в литературу... А художественный стиль уступит место стилю литературно-телеграфному. И разговор о том, кто гениальнее, Фицджеральд или Хемингуэй, абсолютно беспредметен, потому что через несколько лет после внедрения конвейера во все сферы человеческой души забудут и о том, и о другом. Может быть, будут помнить только название повести «Старик и море», и то лишь потому, что будет выгодно зарабатывать на акварельках с нарисованными стариком и морем.

А как нарисовать «Прощай, оружие!»? Да и сам тезис неприбылен. Может, поэтому каждый вечер на берегу моря старик Хэм выпивал любимое виски, и тогда ему казалось, что все не так безнадежно. Веселей становилось на душе, и казалось, что человечество когда-нибудь все-таки скажет себе: «Прощай, оружие!»

1999–2000

Я другой такой страны не знаю

Я другой такой страны не знаю, где так любят лечиться, как у нас. Причем непременно нетрадиционными методами.

Стоит только поместить объявление в газете: «Колдун снимет все!» — тут же толпа посетительниц.

— Вы бы не могли с меня все снять?

— Конечно. С удовольствием. Раздевайтесь. Ай-ай-ай... Как у вас чакра обвисла! Это вас сглазили. Соседи. Есть у вас соседи? Есть! Видите, угадал... С вас сто долларов.

Когда просматриваешь объявления в газетах, создается впечатление, что у нас вся страна — по экстрасенсам, гипнотизерам, колдунам и ведьмам... Те им хвосты обрубают, фантомы вытягивают, ауру штопают, карму укорачивают, нечистый дух изгоняют ритуально-очистительными половыми актами. А главное, все рассасывают: спайки, нервы, кошельки...

Чего только наши пациенты после этих посещений не делают! Сушеных кузнечиков грызут, на ночь заземляются: ноги к отоплению прикручивают, к ушам заговоренные утюги подвешивают... Поливают себя бульоном, настоящим на надпочечниках зеленой макаки. Каких советов не выполняют!

— Чтобы приворожить мужа, вам надо дать ему понюхать дым пепла сожженного зуба любимого человека.

Порой даже представить невозможно, как это выполнить. Да еще при условии, что вырвать этот зуб надо незаметно для того, у кого вырываешь!

И что интересно: кого ни спроси, всех сглазили. Без сглаза только те, которые с порчей.

— Да-да... У вас порча. Дышите. Не дышите. Можете три минуты не дышать? Нет? Порча! А правым легким дышать, а левым не дышать можете? Тоже нет? Это сильная порча. Вам надо недельку погрызть угол своего дома, пока луна темная.

— У вас в районе крестца — блок... Вам надо рано утром пойти в лес, зажав в правой руке сорок куриных пупочков, раздеться догола, сесть на муравейник и ерзать по нему до рассвета.

— У вас дела не идут потому, что из вас энергия ушла. Вам надо по утрам целовать взасос электрическую розетку.

А что с уринотерапией делается? В простонародье, извините — мочетерапией... Полстраны это дело пьет, закапывает в глаза, в уши, поливает себя сверху, выпаривает... Когда своей не хватает, у соседей занимают.

— Вы не одолжите нам пару стаканчиков? Мы вам через недель[^] вернем.

В какой-то газете черным по белому прочитал: «Чтобы приворожить мужа, надо пропустить его мочу сквозь свое венчальное кольцо». Хотелось бы на этот процесс посмотреть. Причем написано: «Пропустить три раза». Да еще — не снимая кольца.

Но особенно восхищает, что нашим людям и впрямь все это помогает. Поистине правы были коммунисты, которые считали, что мы — самый здоровый народ в мире. Потому что успешно лечиться всеми этими методами могут только очень здоровые и крепкие духом люди.

Жалко мне их!

Кто как отношу к «новым русским»: кто-то их ненавидит, кто-то насмехается над ними — а мне их жалко. Правда! Во-первых, большинство их недолюбливают. Причем во всем мире. Потому что с тех пор, как «новые русские» по миру поехали, даже американцы вздрогнули. Ведь наши прилетают к ним с пачками их стодолларовых купюр. Новейших, хрустящих, без единой помарочки. Многие американцы сами таких еще не видели. И это естественно, потому что все их новые купюры у нас.

Потешно было однажды наблюдать, как американец-продавец удивился, увидав свою новую стодолларовую!

— Что это такое? — спрашивает у нашего. — Откуда у вас?

Наш объясняет:

— Это ваши деньги. Берите! Не волнуйтесь. Настоящие. Из России.

Конечно, с одной стороны, деньги — это здорово. Но когда они в таком количестве? Да еще наворованные!.. Я понимаю: наш человек считает, что он не ворует, а возмещает убытки, нанесенные ему государством. Но не до такой же степени! Не в таких количествах!

А в таких количествах, я считаю, деньги — сплошные заботы и огорчения. Во-первых, все время надо о них думать. Что с ними делать? Куда вложить? Как утаить от родственников? Между прочим, серьезная проблема. Даже народная примета есть: чем богаче человек, тем у него больше родственников. Банкир один похвастал своими успехами в прессе. У него сразу сорок внебрачных детей объявилось. Десять из них — старше самого банкира.

И отвлечься от забот богатому некогда...

Бедные бизнесмены даже на концерты приходят с телефонами, потому что, не дай бог, сделку прозеваешь. В первых рядах только и слышно:

— Мазут? Да. Везите...

— Нет. В Австралию самолетом не полечу. Возьмите до Австралии на скорый поезд.

Потом с первого ряда кто-то на третий звонит:

— Слышь, ты мазут брать будешь?

Вокруг все прислушиваются: какие цены? Готовы подключиться к сделке.

Выступаешь, как на бирже.

А взгляните в их лица! Все озадачены...

Как построить дом площадью в шестнадцать соток на участке — в шесть? В какой эксклюзивный садик отдать сынишку? А в этих эксклюзивных садиках дети мечтают стать Дудаевыми, Басаевыми, «авторитетами» из зоны... Снежинкой в эксклюзивном садике нынче хочет быть только воспитательница!

Как их не жалеть?

Со здоровьем тоже одни проблемы. Врачи нынче у богатых за их деньги такие болезни находят, которых в мире вообще нет. Радикулит пятки, перелом правого желудка, растяжение среднего уха... И чем их только не лечат: иглоукальванием, пчелопокусыванием, мухозасиживанием... Прописывают стельки от перхоти, очки от импотенции... Ну? Приятно так жить?

Замечали: идет человек по улице, улыбается? Значит, нищий! А что ему грустить? На болезни все равно денег нет. Даже на элементарный насморк не хватает. Воры в квартиру заберутся — ради бога: что унесут? Если самое дорогое из недвижимости — обои да

электрический счетчик.

Теперь вспомните лицо богатого. Идет по улице — скулы свело от проблем, от страха: когда за тобой придут? А придут обязательно... По лицу видно. Я давно заметил: чем больше человек денег наворовал, тем напряженнее у него лицо. Видели лица членов нашего правительства? Что это за жизнь? Ни на миг не расслабиться! Ни под лампой с книжкой посидеть. Ни в лесу утречком побегать. Просто так. Без мыслей о прибыли.

У одного бизнесмена спросили:

— Ты когда-то спортсменом был, за сколько теперь бы сто метров пробежал?

Он сразу ответил:

— Тысяч за пять. Не меньше.

Любовь и та с предоплатой. В туалет сам зайти не может. Сначала секьюрити забежит, заглянет в унитаз: не блеснет ли оттуда дуло киллера? Потом хозяину доложит:

— Все спокойно. Заходите! Подано.

— А ты присесть пробовал? Не заминировано?

Секьюрити — это охрана по-нашему. Это такие ребята, у которых даже уши накачаны. Лоб узенький, морщин нет: не умещаются. Глазки маленькие, как мозг. Сами всего боятся. По улице за хозяином свиньей выстраиваются. Идут, оглядываются. Ворона каркнет — все на тротуар по ранжиру ложатся. Последним хозяин шлепается.

В каком-то доме два бизнесмена в лифт зашли. На одном из этажей в этот же лифт ввалился хрестоматийный бандит: татуировка, тупо стриженный затылок, пуленепробиваемый лоб. С ним бультерьер. Лица одинаковые. Только бультерьер чуть ниже. Бизнесмены так испугались вида этого бандита, что вжались в стенку лифта. Задрожали. А бандит-то подумал, что они собаки его испугались. Как гаркнет ей: «Сидеть!» Бизнесмены тут же послушались его приказания — сели!

Как их не жалеть после этого? Да еще все над ними смеются. Особенно когда видят в обществе моделей. Модели — это такие девушки с фигурами шнурков. Ни талии, ни плеч. Одна шея, которая книзу элегантно раздваивается. У бизнесменов с этими моделями человека особые проблемы.

На презентации за столом одна такая сидела. Худющая — суповой набор! Бизнесмен к ней подошел, спрашивает:

— Разрешите с вами познакомиться?

Она из-за стола согласно встать начала. Он на нее смотрит снизу вверх, а процесс этот не прекращается.

Спрашивает:

— Вы когда-нибудь прекратите вставать?

Она отвечает:

— Вы, когда со мной разговариваете, подпрыгивайте. А то я не слышу.

Правда, бизнесмен тоже не промах оказался. Говорит:

— А чего мне подпрыгивать! Я вам сейчас туда наверх позвоню.

Ну, надо быть богатым, чтобы над тобой все потешались?

Еще один бизнесмен в Англию летел. Выпил, как полагается, в дороге. Все восемь часов полета выпивал, как полагается, чтобы время скоротать. Перед посадкой стал заполнять анкету, а там графа — «sex», что означает по-английски: «пол». Он, бедняга, спьяну впервые в жизни честно написал: «Один раз в неделю». Стюардесса смотрит и говорит:

— Вы неправильно заполнили. Эта графа означает: мужчина или женщина?

Он же в ответ еще и возмущается:

— Ты чего? Только с женщиной...

Так подумаешь о жизни наших богатеньких — и как-то не хочется им завидовать. Всю жизнь одни заботы, страхи, проблемы, лечение. Может, поэтому и лица у большинства несчастные... Верно гласит древняя мудрость: «Счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает».

Уважаемые гости столицы!

Уважаемые гости столицы! Мы начинаем нашу экскурсию по историческим местам Москвы. Вы увидите все достопримечательности сегодняшней столицы: новые архитектурные ансамбли, лучшие современные галереи, супермаркеты, бутики, а также мечту многих приезжих — свежие могилы знаменитостей. Мы проедем от Красной площади до бывших Ленинских гор. Правильно, девушка, на Ленинских горах был когда-то Московский университет. Но сейчас МГУ сдает свое здание ГУМу. Причем сдает вместе со всеми регалиями. Поэтому теперь это — ордена Ленина ГУМ имени Ломоносова. Что, дедуля? Нет, Бородинскую панораму вы не увидите. Ее больше нет. Устарела. На ее месте новая супердиорама «Разборки люберецкой и балашихинской группировок». Итак, мы находимся с вами в сердце страны — на Красной площади! Нет, мужчина, в Кремль мы не пойдём. Кремль работает теперь как пункт проката. Зато любой может взять напрокат и поносить что-нибудь из Алмазного фонда. Скажем, саблю Суворова, бурку Чапаева, очки Каплан с усами Буденного. Женщина, женщина, не перебивайте, рядом с Кремлем не «Макдоналдс», а Мавзолей Ленина. Недавно он разыгрывался на аукционе и был приватизирован. Нет, мужчина, он был приватизирован не самим ответственным квартиросъемщиком, а страховой

фирмой «Фиаско». Зато теперь за большие деньги обновленный экспонат вывозится — на забастовки, стачки, демонстрации и презентации. А это — собор Василия Блаженного. К сожалению, тоже не попадаем. В нем — ночное казино «У Васи». При входе вы видите известную историческую скульптурную группу «Минин и Пожарский, играющие в очко». Я вас слушаю, девушка. Куда пойти вечером? В какой театр? Ну, сейчас самый высокий рейтинг у Большого театра, мимо которого мы проезжаем. Потому что из всех театров в его пункте обмена самый низкий курс доллара. Но особенно его популярность возросла после того, как в фойе открылся музей восковых фигур. И каждый зритель может в этом музее пожать руку, скажем, Евгению Онегину или сфотографироваться в постели с «царской невестой». А сейчас обратите внимание вон на тот дворик. Видите, в нем памятник Николаю Васильевичу Гоголю? В прошлом забытое, нынче популярное в Москве место. Потому что недавно в этом дворике был застрелен знаменитый авторитет Пончик. Видите цветы у ног Николая Васильевича? Теперь каждый день кладут свежие цветы Гоголю для Пончика. Нет, молодой человек, могилу самого Пончика мы не увидим. Он похоронен не здесь, а на Ваганьковском кладбище. Между Есениным и Высоцким. Кстати, сейчас на Ваганьковском готовится к сдаче новый мемориал — «Могила неизвестного банкира». С вечным огнем. Спонсор вечного огня — Газпром. Как сказал помощник мэра на похоронах Пончика: «Люди скоро сюда будут не просто приходить. Они будут на это кладбище стремиться!» Сейчас же выезжаем на Тверскую. Тверская — центральная панель... извините, улица нашего города. Справа от нас — памятник мэру Москвы. Называется памятник — «Юрий Длиннорукий»... извините, «Долгорукий». Однако основная достопримечательность Тверской — это... Кто сказал «путаны»? Мальчик, откуда ты такие нехорошие слова знаешь? Как тебе не стыдно! Хрюша Степаше рассказывал, как он в Москву съездил? И что теперь с Хрюшей? Пятачок лечит? Не отвлекайтесь, господа. Мы на знаменитой площади Пушкина. Чем она знаменита? Кто знает? Правильно, девушка. Тем, что на ней несколько лет назад взорвался троллейбус. Приятно, что люди интересуются историей России. Ну а сам Пушкин чем знаменит? Молодец, женщина! Тем, что возле него на митинги собираются коммунисты. Нет, мужчина, сам Пушкин коммунистом не был. Но явно сочувствовал им. Вы же помните его строчки об Октябрьской революции: «Октябрь уж наступил... Так выпьем, няня, где же кружка?» Нет, мальчик, еще раз повторяю: перед Пушкиным собираются коммунисты. Красные. А не «голубые». Твой Хрюша что-то напутал. Вообще приятно, что в Москве до сих пор чтут классиков и в столице немало известных литературных мест: ресторан «Чехов», стриптиз-шоу «Три сестры», ночная дискотека имени Шевченко — для геев, под названием «Гей, хлопцы!». А вот и знаменитый Арбат! Арбат — это Пушкин, Окуджава, свежие гамбургеры, антикварные лавки... Что, девушка? В какую галерею пойти завтра? Безусловно, в Третьяковскую. Ее недавно турки перестроили, освежили, покрасили... Да, вместе с картинами. Почему турки? Потому что сегодня любимый архитектурный стиль Москвы — турецко-православный. Я уверена, вы получите настоящее удовольствие от созерцания таких современных шедевров, как «Аркадий Гайдар убивает своего внука», «Сестрица Аленушка и брокер Иванушка», «Запорожцы заполняют налоговую декларацию»... И, наконец, любимое в наше время народом полотно: «Три новых русских богатыря»: Борис Николаевич, Борис Ефимович и Борис Абрамович. А сейчас я попрошу всех выйти из автобуса и полюбоваться современным шедевром — памятником императору Петру I. Разве не похож? А на кого похож? На Кису Воробьянинова в бигудях? Не надо так шутить, мальчик. Автор — уважаемый среди своих друзей человек. Уже немало

шедевров в Москве на его совести. Памятник Петру вообще уникален. Поначалу скульптор лепил монумент Колумба для американцев. Но американцы, увидав такую версию Колумба, испугались. Сказали, что с этим лицом Америку надо не открывать, а закрывать. И вернули шедевр автору. Так что памятник уникален тем, что он сборный. Голова от Петра, туловище от Колумба, а ноги — от первого варианта коня Жукова. Ну вот и все. На этом наша экскурсия заканчивается. Через три минуты водитель высадит вас, господа, на известной своими магазинами и взрывами Манежной площади. Внизу, под землей, — эксклюзивные магазины. Главная их достопримечательность — это их цены. Именно туда, рассказывают, однажды пришел покупатель и спросил: «Это цены? Или номера телефонов?» На этом я прощаюсь с вами. Добро пожаловать в сегодняшнюю Москву!

Понимаете, да?

Пришел человек со спитым лицом ко мне в гримерную в Калининграде. Говорит:

— Вы правы, у нас случается то, чего никогда и ни у кого, кроме нас, случиться не может. По себе знаю. Я недавно чуть не спился. Более того, чуть веру в жизнь не потерял.

Понимаете, да?

Теща уехала в отпуск, и пока ее не было, я решил пристроить своему огородику оградку. Измерил рулеткой длину огородика — 12 метров. Соответственно заказал три секции по четыре метра. Понимаете, да? Мне и сделали три секции по четыре метра. Я привез, поставил их друг к другу, — смотрю, получилось на полтора метра длиннее. Опять измерил огород — точно 12 метров. А составленные в ряд секции все равно длиннее. Измерил каждую секцию — вроде тоже верно: каждая по четыре метра, а поставил их друг за другом вдоль огорода — длиннее! Понимаете, да? Я даже несколько раз пересчитал секции! Вроде три? Опять поставил вместе — и опять длиннее. С отчаяния умножил три на четыре столбиком — двенадцать! Вот тут-то я первый раз и напился. Понимаете, да? У русского же один способ разрешения неразрешаемых проблем — забыться!

Выйдя из запоя, пригласил друзей помочь понять, в чем дело. Начали измерять, составлять секции в разном порядке. По очереди умножать три на четыре. Никто ничего понять не может. К вечеру перепились все. Потому что, правду вам говорю, в таких случаях теряется вера в жизнь. Вроде как таблицу умножения где-то там наверху изменили, а тебя не предупредили.

Оказалось знаете что? Теща, перед тем как уехать в отпуск, красила потолок. Заляпала краской рулетку, вырезала из нее 50 запачканных сантиметров и склеила! Понимаете, да?

Правдолюбец

Один из прохожих остановил меня и прямо на улице рассказал историю, которая случилась над его квартирой этажом выше.

Двое напились: сосед и его друг. Захотелось или девчонок, или подвигов. Девчонок достать оказалось бесперспективным. Оставалось заняться подвигами. Один из них спрашивает:

— Хочешь, на спор выпрыгну с третьего этажа в окно?

Второй, естественно, отвечает:

— Ты с ума сошел. Третий этаж. Разобьешься!

— Не разобьюсь!

— Разобьешься. Хвастун. Мюнхаузен в таблетке.

— Я Мюнхаузен?! Я никогда друзьям не вру. Смотри...

И чтобы доказать, что он действительно не врет, обиженный залез на подоконник и сиганул с него на улицу.

Тот, который ему не верил, с испуга тут же протрезвел. Не выглядывая в окошко, постарался как можно скорее вызвать «Скорую». Недаром замечено: пьяных Бог бережет. Или правдолюбец упал на кусты, как в плохих фильмах, или еще на что-то мягкое, но действительно остался цел и невредим. Пока «Скорая» ехала, поднялся обратно на третий этаж. Вызвавший «Скорую помощь» очень обрадовался, что друг остался жив. В «Скорую помощь» позвонить, естественно, забыл. Они вдвоем, на радостях, начали квасить за неожиданную приятную встречу и за Господа, который бережет пьяных и святых. Тут приехала «Скорая помощь». Бегут скорее с носилками по лестнице вверх. Звонят. Заходят. Спрашивают:

— Кто вызывал «Скорую помощь»?

— Я.

— Что случилось?

— Да ничего страшного, мы тут напились, и мой друг выпрыгнул вот из этого окошка. Ну, я вас и вызвал, а он вдруг раз и заходит...

«Скорая» — а их было три человека — очень слаженно, по-агитбоигадовски покрыла их обоих матом. Мол, ребята, врите, но не завирайтесь!

— Как, вы мне не верите? — рассердился правдолюб. — Не верите, что я выпрыгнул из окошка? Это что, значит, я вру? Вот, смотрите...

И снова выпрыгнул! «Скорая» с носилками бежала во лестнице вниз с такой скоростью, словно пыталась подставить их под выпрыгнувшего до того, как он долетит до земли. К сожалению, во второй раз все обошлось гораздо печальней. Хоть и остался жив наш гордец, однако в реанимацию попал. «Скорая» так и не успела подставить под него носилки.

Химик

Бывший зэк, отправленный после отсидки на поселение, как говорят в народе, «на химию», долго не мог устроиться на работу. Наконец устроился водителем в сумасшедший дом. В день первой зарплаты ему сказали: «Перевези больных из одной больницы в другую. После этого можешь приходить за зарплатой». Он очень обрадовался. Когда вез пациентов по указанному маршруту, решил по дороге попить пивка. Отпраздновать первый день получки. «Запру их, быстренько кружечку опрокину и потом доставлю, куда следует». Так и сделал.

Правда, когда вернулся, ни одного человека в своем микроавтобусе не застал. Уж как открыть дверь при помощи ногтя или канцелярской скрепки, у нас сообразят даже больные. Опечалился химик. Понял, что, если никого не привезет, ему не выдадут зарплату! И, как истинно русский смекалистый мужичок, сделал следующее... Поехал на автобусную остановку... Там людей хоть отбавляй!

— Ребят, вас не подвезти?

— А дорого возьмешь?

— Да на халяву.

— На халяву это с удовольствием!

Недаром говорят, халява наказуема. Он привез их в сумасшедший дом, не открывая дверей автобуса, как можно скорее побежал в приемное отделение со словами: «Вы, когда двери откроете, никого из них не слушайте, такое всю дорогу несли... Сумасшедшие!»

Сам же, пока не разобрались, за зарплатой!

Всех, кого он привез, разложили по палатам и несколько дней не верили тому, что они рассказали!

Мы

Научный трактат

Последние годы мы в России живем в ощущении непрекращающихся ЧП, национальных конфликтов и выборов. Причем больше всего из этого нас волнуют выборы. Журналисты задают известным людям всегда одни и те же извечные вопросы: кто победит? как будем жить дальше? Спрашивают и меня. В таких случаях хочется повторить старое изречение: «Каждый народ имеет то правительство, которое заслуживает». Но по нынешним временам гораздо точнее звучит перефразированный вариант этого изречения. Я не знаю точно, кому он принадлежит, но очень мне нравится. Я жалею, что эта перефразировка пришла на ум не мне: «Каждый народ имеет то правительство, которое потом его имеет» Значит, чтобы разобраться, кто нас будет «иметь» в будущем, надо попытаться сначала понять, каковы мы.

Мы удивительные люди! Хотим жить как все, при этом быть не похожими на остальных. У нас безработица при избытке рабочих мест. Мы сочувствуем умом, а голосуем сердцем. Робкие в быту, зато герои на войне. Чтим погибших — не платим выжившим.

Мы всегда считаем себя умнее других, поэтому постоянно оказываемся в дураках.

Ленивые, но энергичные. Устаем на отдыхе — отдыхаем на работе. Нам легче изобрести вездеход, чем отремонтировать дороги. Уважаем только тех, кто с нами согласен. Порой от драки получаем больше удовольствия, чем от секса. Плачем на свадьбах, а на поминках поем частушки. Нищие, но всегда хорошо одетые! Только мы с утра выходим из дому в вечернем.

Мы удивительные люди: вялые, но эмоциональные. Думаем два раза в день, а остальное время переживаем то, что надумали за эти два раза. Зато если думаем, то мощно, всем организмом! Коли наш человек задергал под столом ногами — значит, он глубоко о чем-то задумался. При этом большинство из нас мучают три извечных российских вопроса: «Что делать?», «Куда все это послать?» и «Как похудеть, надеясь на ночь?».

Мы восхитительные люди! Необразованные, но, как никто, разгадываем кроссворды! Только наш человек с даже не начатым начальным образованием может угадать, что коня Дон Кихота звали Росинант. При том, что никогда не читал «Дон Кихота» и, более того, уверен, что написал этот роман сам Дон Кихот.

Мы ненавидим Запад, во всем ему подражая. «Какие у них примитивные фильмы! — возмущаемся мы. — Это же фильмы для одноклеточных». При этом с упоением смотрим, как в конце фильма главный герой после финального побоища на пустом ядерном полигоне, чмокая окровавленными губами, целует героиню-заложницу среди трупов врагов и груды затухающих ядерных боеголовок, разбившихся об его голову, в которой даже от ядерного взрыва не может случиться сотрясения, тем более мозга.

Мы чтим Иисуса, забывая, чему он учил. Ставя свечку, умоляем о процентах. Следуем обрядам, а не проповедям. Верующие и суеверные одновременно. Въезжая в новую квартиру, не знаем, что сделать наперед — обмыть ее или освятить? Или сначала пустить кошку, а потом освятить? Вместе с кошкой. После чего обмыть. Вместе с тем, кто освящал.

Мы потрясающие люди! Большинство из нас уверены, что встреча с покойником на дороге поутру — к счастью. С трубочистом — к деньгам. С хромым — к здоровью. С хромым и горбатым — к большому здоровью! А если вечером вынести из дому мусорное ведро, наутро в доме не будет денег. Некоторые только этим и пытаются заработать деньги. Хотя жизнь неоднократно убеждала нас в том, что если не выносить на ночь ведро, то безошибочная примета только одна: ночью в доме будет плохо пахнуть.

Мы — язычники с православным лоском. Готовы плевать через левое плечо независимо от того, кто идет слева. При этом крестимся и материмся одновременно: «Прости, Господи, ё-пэ-рэ-сэ-тэ...»

Да, да... Порой свои самые сильные чувства, вплоть до любви, мы выражаем самыми нецензурными словами. Нам мат необходим не столь для оскорбления друг друга, сколь для художественного восприятия жизни. Только наш человек может, стоя на берегу реки, от восхищения материться, глядя на солнечную дорожку!

Мы долго думаем, зато быстро соображаем. Долго думаем, где бы украсть; быстро соображаем, как это сделать. Только у нас в языке есть слово «смекалка». Другим это слово, видимо, не нужно за отсутствием самой смекалки. У нас есть «смекалка» и есть «тыковка»! Почесал тыковку — сработала смекалка.

Только наш в дорогом ресторане на Западе, съев суп, может смекнуть бросить в тарелку специально принесенную гайку и устроить скандал официанту за то, что ему принесли суп с гайкой. В результате — не заплатить за суп да еще и получить в подарок пышный десерт в качестве извинения за гайку в супе. После чего, почесав тыковку, бросить в десерт оставшийся болт от гайки и после очередного скандала запить все это подаренной от имени ресторана бутылкой бордо. И напоследок обматерить официанта, который все то время, пока он пил бордо, стоял рядом и смотрел, чтобы он не бросил в бордо еще какой-нибудь фланец!

Мы непредсказуемые люди! У нас любовь — с синяками, а добро — с кулаками. Мы гордимся выпитым и тем, что у нас самые сильные женщины.

— Моя-то, представляешь, сама насильника обезвредила... шпалой!

— Подумаешь! А моя голыми руками банки с грибами закатывает!

Мы настолько парадоксальны, что по праздникам желаем друг другу счастья в семейной и личной жизни...

— Женщина! Мы проводим опрос общественного мнения. Что вы можете сказать о любви?

— Ой, я не знаю, я мужу никогда не изменяла...

Мы иронизируем над словом «патриот», оскорбляем словом «интеллигент». Или еще хуже — «вшивый интеллигент». Это особенно наше выражение, потому что только у нас интеллигента могут довести до такого состояния.

Но самое главное — мы живем, не замечая всего этого. Зато с мечтой, что когда-нибудь нам обязательно повезет. Все-таки встретим по дороге на кладбище горбатого, хромого трубочиста с полным ведром мусора. Причем встретим обязательно на рассвете, хотя сами встаем в одиннадцать...

Критические дни

Останкинской башни

Когда случился пожар на Останкинской башне и отключились в Москве все телеканалы и телевизоры замолчали, создав по домам беспокойную тишину, в городских аптеках, говорят, резко возросла продажа противозачаточных, потому что многие просто не знали, чем еще себя занять. Вот, оказывается, что раньше мешало людям любить друг друга — телевидение.

Конечно, многие это понимали и ругали наше телевидение, что оно мешает нам жить, радоваться жизни. Особенно «Новости», которые последние десять лет в погоне за

рейтингом строились на всех каналах по одной и той же формуле: «Сегодня плохо, завтра будет еще хуже, а теперь о погоде».

Конечно, после ужасов новостей, перед сном, нас пытались успокоить западными триллерами, поскольку западные триллеры по сравнению с нашими новостями — сказка о Винни Пухе и Колобке.

Единственно, кто на эти ужасы реагирует — это женщины старшего поколения. Благодаря сериалам они давно уже живут в Латинской Америке и только два раза в день выезжают на лифте в Россию за продуктами. Конечно, все это еще густо разбавлялось телеиграми для особо одаренных среди слаборазвитых с вопросами типа: «Кто изобрел автомат Калашникова — Пушкин, кокаин. Мцыри или Муму? А хренотень — это женское имя, ругательство или тень, отбрасываемая хреном на другие растения?» И, наконец, реклама довела до того, что даже родилось проклятие: «Чтоб тебе всю жизнь по телевизору одну рекламу показывали!»

И вот, казалось бы, Господь Бог милостиво взглянул наконец в нашу сторону, отключил всю эту «хренотень». Мол, отдохните, а? Подумайте о вечном, о душе... Почитайте! Нет, нет, только не это. Как мне однажды сказала девушка-тинейджер: «Я что, дура, книжки читать? Мне ж тогда с подругами не о чем говорить будет».

Большинство населения обуял ужас — ящик замолчал! Черный траурный экран, ощущение медленно подкрадывающегося конца света. Страшнее, чем при путче — даже «Лебединое озеро» не показывают. У народа началась ломка.

Нашлись даже такие, которые совсем от нечего делать пошли смотреть на сам пожар. Потом рассказывали: «Синий дым на фоне рыжего заката. Такая красота!»

Толпа смотрела на пожар, не отрывая глаз, боялась пропустить момент, когда башня падать начнет. Кто-то, глядя на обуглившуюся башню, заметил в толпе, что теперь ее надо называть «Останкинская полукопченая».

Мне порой кажется, что у нашего человека организм уже не может функционировать без тех инъекций шока, которые ему ежедневно впрыскивает останкинский шприц. С утра встал, еще глаза закрыты, во рту — птицефабрика, первым делом на ощупь добрался до телевизора. Включил. А там: «В Питере застрелены последних четыре бизнесмена. На Дальнем Востоке эсминец столкнулся со скорым поездом. В Казахстане саранча съела космодром». От таких сообщений глаза сразу разлепились. На экране — кровь, трупы, воющие женщины... Переключил. «Дорожный патруль». Сержант ГАИ, с лицом, похожим на знак, запрещающий проезд, на месте аварии проводит инвентаризацию костей пострадавшей. Взбодрился, как от зарядки. Переключил на детскую сказочку о «Колобке», под нее решил позавтракать. А в этой сказочке-ремейке наголо стриженный зэк по кликухе Колобок замочил бабушку с дедушкой. Бабушкина кровь — на полу, мозги дедушки — на обоях. Зато весь организм завелся на весь день от сознания, что собственная жизнь не хуже, чем в телевизоре. И даже на ум пришла новая мысль: «Может, наше телевидение поэтому и называется «Останкино», что оно все время показывает нам останки?»

По дороге на работу, чтобы будущее не казалось беспросветным, мечтательно отметил в программке красным то, что непременно надо посмотреть на следующей неделе: «На полях страны» — рассказ о нелегкой жизни путан, которые и в снег, и в ветер пасутся вдоль дорог по полям Родины и питаются исключительно «зеленью». Документальный фильм «Виагра поднимает экономику США» и супертриллер «Вампиры лечат геморрой».

На работе с утра все разговоры только об одном — кто что видел вчера по телевизору. Кто-то пытался посмотреть новую суперрейтинговую версию чеховского «Дяди Вани». Дядя Ваня оказался «голубым». Кто-то с жаром пересказывал мультик о Белоснежке-нимфетке, которая живет с гномами-трансвеститами. Кто-то сетовал, что не угадал ни одного ответа в «О, счастливишке» и что полулошадь-получеловек оказался кентавром, а он уверен был, что полулошадь-получеловек — женщина. В курилке узнал о том, что утром в передаче о здоровье показывали крупным планом предстательную железу курильщика в разрезе. Тот, кто видел, пытался лицом ее изобразить. Строил рожи, фыркал, рычал...

В обеденный перерыв в столовой опять телевизор — чтобы еда не казалась монотонной. «Третий глаз». Ведущий — экстрасенс-проктолог, региональный колдун второй гильдии Талтек Бульбуков, в прошлом акушер-бульдозерист, обещает вылечить любого. Для этого надо всего лишь прислать ему 100 долларов и во время следующей передачи сеанса плотно прижаться поплохевшим местом к экрану.

После обеда, чтобы не дать всему офису заснуть, напел строчку из очередного клипа очередной звездушки, которая с очередным звездунчиком спела: «Я взлетаю в небеса и там путаю звезды». До конца рабочего дня всем офисом пытались изобразить то лицо, которым возможно напугать все звезды. Победил тот, кто в курилке показывал предстательную железу.

Вернулся домой разбитый, измочаленный, изнуренный рабочим нелегким днем. Решил отдохнуть, включил телевизор. Чтобы было о чем завтра поговорить на работе. Американский боевик «Три мушкетера». Стал смотреть, потому что никогда раньше не видел мушкетеров-каратистов и монахинь-ушуисток. Потрясла финальная сцена, в которой гвардеец Ришелье пытался застрелить короля из мушкета с оптическим прицелом.

Перед сном просмотрел новости по всем каналам. А там сенсация — маньяк изнасиловал Царь-пушку.

И вот так, изо дня в день, месяцами, годами, жизнями, утекает наше время в бездонный черный ящик. И не надо удивляться тому, что наши дети играют в расстрел и в заказные убийства. А на вопрос: «Кем хочешь стать?» — некоторые уже отвечают: «Тампаксом». Они уверены, что «Тампакс» — это фамилия самого счастливого на земле человека, потому что он через каждые полчаса то в бассейне, то на горных лыжах. И никогда никакой усталости, всегда в хорошем настроении и в хорошем месте, хотя и в плохое время.

Удивляться надо тому, что, как только все это отключилось, мы дружно запричитали: «Немедленно верните! Жить не можем без тети Аси. Хотим точно видеть, крупным планом, в деталях, как маньяк изнасиловал Царь-пушку. Скорее, дайте нам еще раз услышать рекламу

нового французского слабительного, которое слабит, не нарушая сна».

Так что не надо винить телевидение. Оно, как оказалось, показывает нам то, что мы от него требуем. Оно же рейтинговое, а мы и есть его рейтинг. И не стоит причитать, что оно, телевидение, одурачивает нас по воле власти. То, что рыба гниет с головы, — очень удобное оправдание хвоста.

А власти, кстати, впервые за время великих катастроф, наши требования тут же выполнили. Даже с подъемом «Курска» решили подождать ради этого. Главное — не снимать народ надолго с останкинской иглы. Иначе он думать начнет, а это никогда хорошо для России не заканчивалось.

Вдруг откуда ни возьмись

Мыльная опера мировой драматургии

Все началось с того, что американские разведчики донесли своему руководству, сколько денег отмыли российские юные реформаторы на бомбежках в Чечне. Американские власти увидели цифры и крепко задумались. Выгодное это дело. А не пора ли нам кого-нибудь побомбить? Причем желательно в Европе, подальше от наших берегов. Заодно и дерзкую евровалюту на место поставим. А то от горшка два вершка, а уже на наш доллар тявкает, моська. И России покажем, кто есть кто, чтобы впредь еще больше слушалась и верно служила нам буфером с мусульманскими варварами и с размножающимся не по плану Китаем, которого американцы боятся, как кобра мангусту, потому что в Китае мало того что капитализм, так еще и под руководством коммунистической партии.

Надо сказать, у американцев в жизни есть две мечты: первая — заработать как можно больше денег, вторая — не схлопотать при этом по Нострадамусу. Нострадамуса они боятся поголовно. И только высокообразованная американская верхушка, то есть человек семь-восемь, знает, что Нострадамуса в свое время специально перевели по заданию ЦРУ. Перевели так, чтобы иметь право в любое время бомбить кого захочешь. Этим понижать цены на нефть и закупать ее подешевле и впрок... до следующих бомбежек. То есть сделали Нострадамуса такой нефтяной скважиной.

В этом смысле я удивляюсь среднестатистическое американцу. Ну как он может верить в Нострадамуса, если Нострадамус ни в одном четверостишии не предсказал главного для американского обывателя события двадцатого века — встречи Клинтона с Моникой Левински!

Все шло бы у американцев и далее как по Нострадамусу. Но тинейджеры российских реформ изобрели новую мировую финансовую схему — бомбить и отсылать деньги на восстановление одновременно.

Мне кажется, что американцы и Милошевич оказались просто созданными друг для друга. Обрадованные его несговорчивостью, цэрэушные компьютеры тут же выдали военный план под названием «Решительная сила». Правильно гласит русская мудрость: «Сила есть — ума

не надо». НАТО ответило: «Раз НАТО, значит, НАТО». И все бы сложилось как нельзя лучше, если бы не одно «но». А «но» у американцев всегда одно — Россия. Совершенно неожиданно — можно сказать: вдруг откуда ни возьмись — у российского народа проснулось усыпленное ранее кредитами чувство национального достоинства. А на это американцы не рассчитывали. Хотя зря. Кредитов давно Россия не получала. Правда, была еще одна причина — главная, генетическая. Как это кто-то кого-то в мире собрался бомбить, а с нами не посоветовались, нас не спросили? Ведь агрессия — это нападение одной страны на другую без согласия России.

Говорят, даже российский президент в этот день был замечен в своем рабочем реанимационном кабинете. И, несмотря на общий наркоз, под которым он два месяца лечился от бронхита, попытался в этот день потрясти два раза заржавевшими ядерными мощами. Кое-как успокоили. Вместо валерьянки дали подписать шестьдесят четыре указа и отправили обратно под наркоз.

Однако всех в стране под наркоз не отправишь. Хотя многим бы этого хотелось. Ведь единственное, что мешает сегодня нашему правительству, — это наш народ. За исключением времени выборов. Тут народ нужен. Поэтому нельзя дать помереть народу. Но и затрачиваться особенно не стоит. Просто надо так кормить, чтоб мог сам добраться до избирательного участка. Поэтому у нас не народ, а — электорат.

Словом, самое неожиданное для американцев было то, что именно у российского электората проснулось чувство национальной гордости. Да как проснулось! По-нашенски, по-русски! Группа тинейджеров 14-го ПТУ отказалась есть в «Макдоналдсе». Студент Семенюк с чувством восстановленной гордости помочился на американское посольство. Массы прохожих присоединились к этой убедительной акции. Мочащихся гудком поддержали проезжающие мимо таксисты. Их гудки были услышаны в городе К*. Демонстранты решили в этом городе К* закидать американское посольство тухлыми яйцами. Скинулись последними яйцами, которые были в городе, пошли закидывать. Но оказалось, что в их городе нет американского посольства! Однако не пропадать и без того протухшему добру: пошли к зданию местной администрации и закидали его с радостными криками: «Клинтон! Славяне — не Моника, обломаешь саксофон!»

Даже военные вдруг вспомнили, что они все-таки военные, очнулись от зимней беззарплатной комы. Гордо заявили: нам вообще больше зарплата не нужна. Главное для нас — это достоинство, и мы немедленно пошлем наш флот в горы Косова. И послали бы. Но на одном достоинстве флот далеко не уйдет. Нужна еще солярка. А где ее взять в стране, в которой самые большие запасы нефти, но они на корню проданы американцам вместе с заводскими потрохами. Конечно, солярку можно купить. Но как? Если денег в армии не хватает даже на то, чтобы выложить приличные дорожки на дачах у генералов?! Обратились к американцам:

— Вы не могли бы нам дать денег, чтобы мы на ваши деньги послали наши войска воевать с вами в Косове?

Потребовали от МВФ средства для ВМФ.

Американцы опешили: «Ну вы наглые! Мы вам столько денег дали — вы все украли, с нами толком не поделились».

Но еще больше, чем американцы, на то, что с ними давно уже не делятся, обиделись наши коммунисты. Левые. Их можно понять: 70 лет были правые и вдруг стали левые. Обидно. Хотя еще Ленин предупреждал: если кто-то слишком круто заберет вправо, окажется слева: провернется. Надо внимательнее Ленина читать, товарищи!

Короче, решили наши товарищи от обиды, что с ними не делятся, сделать нашему президенту импичмент. Это по-западному «импичмент», по-русски — «козу». Но в протоколе неудобно было написать «сделать козу», написали: «импичмент». Говорят, именно они тогда пригласили в Россию главного специалиста в мире по импичменту — Монику Левински. Чтобы она их проконсультировала, с чего все-таки следует начинать делать импичмент. Но законспирировали цель ее приезда — пригласили как писательницу. К этому времени Моника Левински и в самом деле стала популярнейшей писательницей в Америке. Книжку выпустила: «Девять с половиной контактов». И сразу стала у них такой же признанной писательницей, как у нас Коржаков. Ходят слухи, что Моника Левински и Александр Коржаков готовятся образовать совместное отделение Союза писателей при президентах: «США — Россия».

Но все это было бы не так интересно, если бы в то время не решил спасти Россию от голода, холода, унижений и импичмента наш прокурор. Чего ему вдруг вожжа под хвост попала? Всю жизнь умным человеком считался — за столько лет работы ни одного преступления не раскрыл. Никому не сказал, кто кого убил и за что. Говорят, это его тогдашний премьер надоумил. Вызвал к себе и предложил:

— Выводи всех предыдущих ворюг на чистую воду. Родина тебя не забудет. Не бойся. Отныне я — твоя «крыша». Потому что у президента крыша уже поехала.

На этом прокурор и поймался — поверил в Родину! Забыв, что для России понятия «родина» и «государство» разные. И что государство любви к Родине у нас никому не прощает.

Этого-то он и не понял. И во всеуслышание отважно так заявил:

— Я знаю, где украденный кредит. Если кое-кто мне скажет, я открою кое-чьи счета в кое-каких банках кое-какой страны. Кое-кому!

И, уж совсем не подумав, показал эти кое-какие счета прямо самому кое-кому. Кое-кто (а вы догадываетесь, кто это был) как раз в это время очнулся от очередного насморка. Посмотрел этот кое-кто внимательно на счета. Долго смотрел, даже, говорят, в себя этот пришел. И потом спрашивает у смельчака нашего:

— Ты чего, понимаешь ли, мне мои счета показываешь?

Конечно, этот сам кое-кто наверняка не имел в виду себя лично. Скорее всего, своих родственников, друзей родственников, родственников друзей и друзей родственников

друзей... Но тем не менее очень грозно добавил:

— Как говорится, кто ко мне со счетами придет, тот от счета и погибнет.

И сделал такое страшное выражение лица, что его кукла в этот момент стала на него больше похожа, чем он сам. Этот момент показывали по телевизору. Все, кто смотрел, в один голос сказали: «Прекрасный актер играет президента в «Новостях!»» И даже бытовало мнение, что ему скоро «Оскара» дадут в номинации «Самое страшное выражение лица в документальном кино».

В общем, с этого момента такое началось, что электорат у нас на время даже про Югославию забыл. У нас-то поинтереснее кино давали! Этаким документальный эротический детектив, в котором в рабочее время в массажном кабинете ФСБ с двумя женщинами нетяжелого поведения человек, всеми родинками похожий на прокурора, играл в Клинтона с Моникой Левински. За что на самого прокурора тут же уголовное дело было заведено, или, как сказали по телевизору, возбуждено. Видимо, те, кто заводили, были сильно возбуждены этим кино. Поэтому возбудили его по статье «Превышение служебных полномочий». Он же с этими женщинами в рабочее время был! Да еще с двумя. Это превышение! На работе только с одной разрешается.

Однако государство тоже просчиталось. Оно хотело этим роликом унизить нашего героя в глазах народа. Но не учли, что мы — не американцы: наш народ всегда за Родину против государства! Посмотрел наш народ кино и говорит: «А прокурор-то — мужик, оказывается! Ну просто гигант, малютка Скуратов! Правда, баб мог бы и получше найти, все-таки генеральный». Даже сам прокурор после этого кино таким гоголем ходить стал! И уже не отрицал, что это его родинки были на экране. Более того, даже заявил, что и впредь готов так же верно служить Родине. А на его заявление об уходе не надо обращать внимания, потому что он его писал под давлением выражения лица президента.

Правда, тут же написал новое заявление. Этот момент тоже показывали по телевизору. Но, поскольку все уже перестали понимать, где на экране настоящий прокурор, а где — нет, диктор выразился осторожно: «Сегодня утром человек, похожий на пробора, почерком, похожим на прокурорский, написал бумагу, похожую на заявление об отставке, человеку, похожему на президента».

Депутаты возбудились от этой истории! Зюганов первым заявил: «В следующий раз, прокурор, я своим телом прикрою тебя в такой провокации». Другие начали кричать: «Пускай с нами тоже что-нибудь подобное сотворят! У нас тоже есть двойники». Один Жириновский прямо сказал: ему двойник не нужен, он будет сам сниматься в этой провокации. И ему двух мало — пускай дадут тридцать девять...

А в это время американцы (вернемся к нашим баранам) продолжали заниматься своим обычным американским бизнесом — бомбежками. Продолжали пытаться точечными ударами попасть в Милошевича. Но Милошевич — опытный боец — так искусно бегал между их «точечными», что американцы вскоре перешли на «лепёшечные». Разбомбили мосты, дороги и, защищая косоваров, принялись так бомбить Косово, что косовары из

Косова побежали такими массами в Македонию и Албанию, что македонцы и албанцы побежали от них в Испанию и Италию. Американцы впервые задумались: что делать? Компьютеры в очередной раз выдали им ответ: «Продолжать бомбить». И американцы послушно продолжили, не зная, что у них компьютер просто завис: наши студенты-хакеры баловались.

А в России в это время в рамках предвыборной кампании продолжало расти и без того распухшее донельзя чувство национальной гордости. Казачество, собираясь в Сербию, начало седлать лошадей, точить противоракетные шашки. И многие бы уже поскакали на помощь братьям-сербам, но не на всех хватило усов.

Военные отпраздновали первый сбитый над Югославией американский самолет и предложили этот день сделать еще одним выходным в России. Хотя югославы сами признались, что сбили самолет-невидимку случайно, потому что не видели. А с Камчатки к берегам Косова вышло единственное, на которое наскребли солярки («челноки» канистрами навозили из Турции), научно-разведывательное подводное судно. «У нас еще есть достойное судно», — гордо заявил кто-то из адмиралов, очевидно, имея в виду собственное судно под кроватью.

Спикер Думы дошел до того, что привез из Югославии предложение объединиться Белоруссии, Югославии и России. Американцы разозлились: «Если вы объединитесь, мы будем в России бомбить ваши заводы, ваши мосты и ваши фабрики». На что наши им хитро ответили: «Вы не будете у нас бомбить заводы, фабрики, мосты, потому что они все давно ваши».

— Тогда мы разбомбим Кремль, — сказали американцы.

— А Кремль тем более давно ваш, — еще задиристей ответили наши. — Единственное, что у нас осталось наше, — это Центральная кремлевская больница. Вот ее и можете бомбить! Только спасибо скажем.

Но дальше всех, как всегда, пошел Жириновский: сказал, что объединяться надо вообще всем православным странам — России, Украине, Китаю, Ираку, Индии...

И в этот напряженный момент опять всех сбили с толку коммунисты: взяли и перенесли импичмент президенту. Президент так обиделся на них! Единственный в стране возмутился: «Мне перенесли импичмент?! Да я что, понимаешь, хуже Билла?» А на самом деле Моника Левински отказалась приезжать тогда в Россию, заявив, что наш президент еще недостаточно здоров, чтобы она в данный момент делала ему импичмент. Президент в очередной раз вышел из себя, переназначил премьера и такую сам всем устроил козу, что все стали говорить не «импичмент», а «нампичмент». Коммунистам же вообще показал то, что Клинтон обычно показывал Монике.

А в это время подводная лодка, посланная к берегам Косова, неожиданно всплыла у берегов Японии. Потому что кончилась солярка и всем очень захотелось есть. Моряки в бинокль увидели косых японцев и радостно закричали: «Ура! Это Косово!»

И все тогда гадали, чем все это закончится. Предсказатели уверяли, что до конца тысячелетия произойдут два судьбоносных события: первое — конец света, второе — третье пришествие Виктора Степановича Черномырдина. Поговаривали, что для России эти события совпадут.

ЭПИЛОГ

Много дней миротворствовало НАТО — бомбило Косово. Специальная комиссия ООН все это время ездила и подсчитывала: достаточно уже разбомбили или еще по-бомбить? За понимание ситуации друг Билл обещал другу Борису (после официального замирения) выделить какой-нибудь участок в Косове — лично для него. Соток шесть-восемь.

Казалось бы, все друг Билл сделал правильно: одного не учел — нетерпения заядлого друга Бориса. Так захотелось тому скорее свой участок в Косове застолбить, что он тут же снарядил в дорогу на досрочные переговоры своего верного карманного Кота Леопольда — Виктора Степановича. Говорят, даже пообещал: добьешься мне досрочно хорошего участка в Косове — разрешу тебе к нему газ подвести.

Американцы нахмурились. Как можно досрочно замиряться, коли до положенной суммы не добомбили! Вечно Россия со своими инициативами как зуб в носу! Даже попытались затянуть переговоры. Однако вскоре выяснилось, что специально этого делать не следует, поскольку Черномырдин хоть и привез на переговоры свои предложения, но не смог их сформулировать. Особенно всех напрягал его ежедневный ответ журналистам: «Мы это делали... э-э... это делаем... э-э... и будем это... э-э... делать!» Очень пугало всех короткое, но грозное «это». Ведь российские люди целыми поколениями угрожающе пели: «И как один умрем в борьбе за это!»

Повезло американцам с нашим спецпредставителем. Пока его расшифровывали, поднатужились, добомбили! Молодцы! Евровалюту опустили до евровалютки. В предвкушении нового витка бизнеса поделили Косово, как говяжью тушу в мясной лавке. Американцам, естественно, вырезку, французам — кореечку, немцам — подреберье, русским — рога и копыта да немного требухи. Повеселели все. Колонны из танков и другой военной всячины оцетинились, выстроились у границ Сербии, заурчали довольно моторами, вот-вот поползут...

Как вдруг, совершенно неожиданно — можно сказать, вдруг откуда ни возьмись, — узнают, что русские войска уже в Косове! И не где-нибудь, а на аэродроме, в самом сердце, заместо положенной требухи. Как такое могло случиться?.. Не знают, бедаолаги, какой у каждого третьего россиянина опыт по самозахвату участков. Друг Билл вообще об этом узнал по Си-эн-эн из «Новостей» через час после разговора с другом Борисом по телефону. Попытался связаться с тем опять, а с тем уже не связывают, потому что тот сам от радости ничего не связывает.

Англичане чуть не плачут: русские на нашем месте сидят! Мы собирались входить как миротворцы, под прикрытием стрелков с минометами и смертниками из Непала впереди, а русские уже там с цветами и бабами на танках! И их встречают как освободителей, хотя мы

столько дней бомбили. Не понять, говорят, умом Россию! А чего понимать? Историю знать надо. Суворов тоже неожиданно для всех со своим войском во Францию с Альп съехал на копчике.

Даже западные компьютеры растерялись. Во-первых, откуда у русских солярка взялась до Косова добраться? Во-вторых, как русские за полночи переокрасили все танки в правильные натовские цвета, так что само НАТО этого не заметило! Опять-таки не знают, неучи, какой у русских опыт по переокрашиванию ворованных средств передвижения.

Шум в мире поднялся: «Это безобразие!» И все на российского министра иностранных дел глядят. А тот сам удивляется: «Наши войска в Косове? А вы уверены? Не может быть такого! Наверное, ошибочка произошла. В другое место, видать, ехали — промахнулись. Скорее всего, на охоту и на перекур остановились. Не волнуйтесь. Найдем виновного — накажем». А как виновного найдешь, ежели виновный до сих пор к телефону не подходит?

И опять все тогда гадали: кто этот наш коллективный Суворов, который ночью, говорят, разбудил друга Бориса и, пока его семья спала, доказал, что надо немедленно на помощь сербам войска вводить? Военные утверждают: если бы и впредь наш президент по ночам решения принимал, пока его окружение спит, они бы честь нашу в мире быстро восстановили.

И действительно, сразу все в мире так уважительно с Россией разговаривать начали, мол: «Не ушли бы вы, пожалуйста!» А наши военные только головой качают: «Мы бы ушли, но солярки на обратную дорогу нет... Хотите, дайте». А у натовцев все рассчитано. Они тоже руками разводят — мол, у нас тоже нету. Наши им предлагают: «А вы у нас купите. Нам челноки навозят, мы вам продадим, вы нам отдайте!»

Друг Билл друга Бориса даже на саммит пригласил. Это по-западному «саммит». По-русски — «сходняк». Друг Борис прилетел. Все в мире этот сходняк авторитетов смотрели. И друг Борис не подкачал: такими новыми выражениями лица порадовал! Один глаз, навывкате, бычьим взглядом глядит, второй за первым в узенькую щелочку подглядывает. Но больше всего друг Борис напугал друга Билла, заявив: «Не дадите нам свой участок в Косове — не возьмем у вас кредит». Американцы очень этого испугались и на все пошли. И хвалили друга Бориса, и желали ему здоровья, долгих лет жизни до самых выборов. И друг Борис не остался в долгу. Подарил другу Биллу секретнейшие документы из архивов КГБ, благодаря которым совершенно очевидно стало, что Кеннеди был убит. Друг Билл даже прослезился.

На этом все и успокоилось. Несмотря на множество покалеченных в мире жизнью и судьбой, сильные мира сего повеселели и стали готовиться к новому шоу — российско-мусульманскому. О Косове среднестатистический мировой обыватель стал быстро забывать, потому что Косово больше не показывали по Си-эн-эн. Российский же обыватель стал готовиться к выборам. Во-первых, поскольку он всегда готовится к выборам. А во-вторых, сам кое-кто всеми своими последними действиями доказал, что еще не один указ подпишет, не приходя в сознание. Но, главное, уж он-то до выборов доживет! А значит, надо и нам как-то до них дожить.

Мамы и войны

Когда я приезжаю в Ригу, мы с мамой часто смотрим вместе телевизор. Маме уже за девяносто. Она никогда не была ни в одной партии, не состояла в профсоюзе, комсомоле, не пела хором патриотических песен. Ни с кем не шагала в ногу, не меняла взглядов в зависимости от смены портретов на стенах, не сжигала партбилетов и наглядно не раскаивалась в преданности предыдущим портретам. Поэтому, несмотря на возраст, до сих пор рассуждает трезвее многих наших политиков. Посмотрев однажды репортаж из Севастополя, она сказала: «Теперь турки могут потребовать у Украины Крым. Ведь по договору с Россией они не имели на него права, пока он был российским». Но больше всего из новостей ее волнует Чечня. Мой дедушка, ее отец, царский офицер, служил в начале века на Кавказе. Мама родилась в Майкопе, потом жила в Краснодаре.

— Не будет в Чечне ничего хорошего, — настойчиво повторяет она, слушая даже самые оптимистические прогнозы и заверения доверенных правительству лиц. — Они не знают кавказцев, не знают истории.

Мама наивно полагает, что политики и генералы, так же как она, беспокоятся о Родине, но все время ошибаются, потому что получили неаристократическое образование.

Иногда, очень мягко, я пытаюсь доказать маме, в чем ее главная ошибка. Она оценивает наших руководителей, помещая их в свою систему координат. Они же существуют в совершенно другом измерении.

Как это ни глупо, я начинаю рассказывать ей об олигархах, о ценах на нефть, о войне как сверхприбыльном бизнесе. Что еще глупее, от таких разговоров я часто за-вожусь, забывая о своей маске циника, и фантазирую пылко на разные исторические темы.

Как правило, от моих фантазий мама, сидя в кресле, начинает дремать, при этом продолжает кивать головой, словно в знак согласия со мной. На самом деле это ее не испорченный излишней политизированностью мозг находчиво отгораживается дремой от того мусора, которым переполнены сегодня головы среднестатистических россиян. И моя в том числе.

Ну и хорошо, хоть не видит, что в «Новостях» в очередной раз показывают обугленных людей, отрезанные головы, матерящихся солдат, воющих женщин. Правда, к подобным кадрам у нас привыкли даже дети. Называют их ласково: расчлененкой, страшилками, кровавой накачкой.

За последние годы даже я не раз закрывал глаза, смотря «Новости», как в детстве на страшных фильмах, которые по сравнению с сегодняшним телевидением — сказка о Красной Шапочке. Впрочем, я уверен, что если бы нашему телевидению пришлось сегодня снимать «Красную Шапочку» и фаршировать ее рекламой, то это была бы история о потомственной путане, которая по совету своей матери, тоже знатной шлюхи в третьем поколении, отравила волка-сутенера пирожками из расчлененной бабушки.

Фантазировать на эти темы сатирику можно бесконечно. Но какими бы больными ни

казались подобные фантазии, смотреть на реальную жизнь все равно больнее. Мама иногда сквозь дрему приоткрывает глаза и, словно испугавшись увиденного на экране, тут же их снова закрывает. Во время одного из своих выступлений я сказал: «Такое ощущение, что наше телевидение называется «Останкино», потому что все время показывает нам чьи-то останки». И на фоне этих останков вот уже какой год помощник президента успокаивает российское население тем, что прорвавшийся к казарме грузовик со взрывчаткой, расстрелянный пост милиции, попавшая в засаду колонна десантников — это все последняя агония противника. У помощника президента глаза никогда не смотрят в камеру. Они всегда лгут профессионально — в сторону. Этим умением он овладел в совершенстве, еще рассказывая нам несколько лет подряд о насморке предыдущего президента и о том, что у того опухшее лицо в течение месяца потому, что он по ночам беспробудно работал с бумагами, а по утрам снимал накопившийся синдром подписыванием свежих указов. Видимо, за это бывший пресс-атташе был повышен. Теперь ему дозволено говорить о наших потерях на Кавказе. Ему всегда доверяют самое сокровенное — нездоровье президента и жертвы в Чечне! Его хозяева всегда в нем уверены. Такой не подведет, только глаза в сторону отведет, но, как всегда, останется настойчиво преданным.

Невероятно, но в слове «преданный» сразу два смысла, причем взаимоисключающие друг друга: преданный кому-то и преданный кем-то. Вроде как для нас разница всегда была столь несущественна, что не надо было придумывать лишнее слово. Например, народ, преданный правительством, или народ, преданный правительству. Думаю, чтобы никогда не ошибаться, надо всегда говорить: мы, русские, народ преданный.

Интересно, наши оповестители событий заметили, что за последние полгода три раза рапортовали нам о победном завершении военных действий в Чечне и семьдесят раз о последней агонии противника?! Так при советской власти ЦК КПСС неоднократно объявлял нам о наступлении победного завершающего этапа построения социализма. Потом, оказывалось, что это был лишь первый завершающий этап, а впереди еще два завершающих. Впоследствии и первый завершающий делился на три: начальный завершающий, конечный и бесконечный.

КОГДА Я СЛУШАЮ НАШИХ КОММЕНТАТОРОВ С МЕСТА СОБЫТИЙ ИЗ ЧЕЧНИ, МНЕ ХОЧЕТСЯ ИХ ПОСАДИТЬ НА ДЕТЕКТОР ЛЖИ, СОВМЕЩЕННЫЙ С ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СТУЛОМ.

- - *

Мой друг, актер, кинорежиссер, в прошлом также рижанин Борис Галкин сейчас снимает документальный фильм о Чечне. Он рассказывал мне о том, что в Чечне не осталось ни одной неизнасилованной русской женщины в возрасте от пятнадцати до шестидесяти лет.

«Неужели нет выхода?!» — после каждой очередной вспышки агонии противника восклицает уставшее от стрессов российское население. Тут надо уточнить. Население в России делится на две части. Одна — всегда надеется на царя-батюшку (генсека, президента, губернатора), вторая — на пахана-авторитета (генсека, президента, губернатора). Поэтому

наше население, по сути, едино, оно всегда надеется на кого-то. И критикует всех и вся, никогда ничего не предлагая, кроме, в крайнем случае, смены царя-пахана. Так и хочется спросить: когда же мы наконец перестанем чувствовать себя просто населением, почувствуем себя людьми мыслящими, а не просто людьми прямоходящими? Еще точнее: когда каждый станет человеком, который не только догадался поднять с земли палку и махать ею в разные стороны, но и задумался, по какому адресу ее точнее применить?

Еще в начале первой чеченской кампании мама, чтобы я понял ее слова «в Чечне не будет ничего хорошего», посоветовала мне почитать российский энциклопедический словарь прошлого века Брокгауза и Ефрона, перечитать повесть Льва Толстого «Хаджи-Мурат», освежить в памяти хрестоматийные стихи Лермонтова и внимательно изучить карту Чечено-Ингушской Советской Автономной Республики.

Спустя полгода после того, как я закончил читать «Хаджи-Мурата», мне случайно встретился в одном из тусовочных московских кафе известный журналист Александр Минкин. Разговорились о наболевшем: президенте, правительстве, губернаторах, паханах и, естественно, о Чечне. Саша прочитал мне, как он сказал, отрывок из одного журналистского очерка. пожаловался, что некоторые редакторы отказываются очерк печатать. В отрывке я тут же узнал фрагмент повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат», в котором Толстой сто с лишним лет назад описал карательный набег русских на чеченский аул во время Первой Кавказской войны.

«Вернувшись в свой аул, Садо нашел свою саклю разрушенной. Крыша была провалена, и дверь, и столбы галерейки сожжены, и внутренность огажена. Сын же его, тот красивый мальчик с блестящими глазами, был привезен мертвым к мечети на покрытой буркой лошади. Он был проткнут штыком в спину. Благообразная женщина в разорванной на груди рубашке, открывавшей ее старые обвисшие груди, с распущенными волосами, стояла перед сыном и царапала себе в кровь лицо и, не переставая, выла. Садо с киркой, лопатой ушел с родными копать могилу сыну. Старик дед сидел у стены разваленной сакли и тупо смотрел перед собой. Он только что вернулся со своего пчельника. Бывшие там два стожка сена были сожжены. Были поломаны и обожжены посаженные стариком и выхоженные абрикосовые, вишневые деревья. И главное, сожжены все улья с пчелами. Фонтан был загажен, очевидно, нарочно, так что воды нельзя было брать из него. Также была загажена и мечеть. И мула с муталимами очищал ее. Старики хозяева собрались на площади и, сидя на кирпичях, обсуждали свое положение. О ненависти к русским никто не говорил. Чувство, которое испытывали все чеченцы от мала до велика, было сильнее ненависти. Это была не ненависть, а неприятие этих русских собак людьми. И такое отвращение, гадливость и недоумение перед нелепой жестокостью этих существ, что желание истребления их было как желание истребления крыс, ядовитых пауков и волков, таким же естественным чувством, как чувство самосохранения...

Старики помолились о помощи и единогласно решили послать к Шамилю послов, прося его о помощи...»

Когда я сказал Минкину, откуда этот отрывок, он не столько удивился, сколько обрадовался:

— Наконец-то! Хоть ты узнал Толстого! Кому из сегодняшних политиков и военных я ни показывал эти строчки, все говорили одно: лучше сейчас об этом не писать. Журналист явно преувеличивает, наверняка куплен Западом. Представляешь, ни один из них не читал Толстого!

Я был горд! Как все-таки полезно бывает, несмотря на возраст, порой найти в себе силы, чтобы послушаться родительского совета.

— Мало того, — добавил я. — Они и Пушкина не читали, и Лермонтова... Да что там... По моему, даже в энциклопедию не заглядывали. Иначе хоть один из них задал бы себе вопрос: сколько раз можно наступать на одни и те же грабли?

Еще великий ученый Павлов, который исследовал человеческий мозг, любил говорить, что у большинства наших людей отсутствуют способности к установлению причинно-следственных связей. Но это мудрено. Это поймут лишь те, у кого эти причинно-следственные связи не нарушены. А для тех, у кого они нарушены, могу перевести на более современный язык. Павлов утверждал, что большинство наших людей может бесконечно наступать на одни и те же грабли.

- - *

Один военный чиновник однажды мне сказал: «Чечня — это наш геморрой!» Правда, при этом почему-то провел себе рукой под подбородком, по шее. Очень правильно подмечено. И находится Чечня на карте примерно в том же месте. И вроде по размеру воспаление небольшое, но о каком общем выздоровлении может идти речь, когда с такой запущенной стадией ни сесть, ни встать, ни помечтать о светлом будущем. Поскольку, несмотря на все достижения фармакологии, наша медицина перед геморроем бессильна, я поинтересовался у одного заезжего восточного Махатмы, с чего же надо, по его мнению, начинать лечить эту болезнь, чтобы избавиться от нее навсегда? Он мне ответил: «С головы». Причина геморроя всегда в голове. Поэтому, прежде чем начать лечение, надо спросить у головы: она согласна на это лечение или нет?

Интересно, какого бы ответа дождался восточный Махатма от нашей головы? Не могу отвлечься от профессии сатирика и не представить себе отвечающую мудрецу от лица России голову помощника президента и не понимающую ее мудреные ответы голову мудреца. Конечно, я не восточный мудрец, но каждый день, когда смотрю «Новости» и от двух минут репортажа из Чечни у меня, как и у многих других телезрителей, портится настроение на весь вечер, я хочу нашей голове от имени всего нашего дряхлеющего туловища задать все тот же вопрос: вы правда хотите покончить с чеченской войной? Если да, то почему вы не организуете у себя в Кремле коллективное прочтение «Хаджи-Мурата», не присмотритесь к карте Чечни с умом, а не по-военному, и не изучите историю этой болезни?

Страна — это организм, война — ее болезнь. Древняя медицина, вобравшая в себя опыт человечества за тысячелетия, справедливо настаивает на том, что у каждой болезни есть

первопричина. Скажем, головная боль не болезнь, а симптом, который сигнализирует нам о том, что нарушился обмен веществ. Она же подает знак, мол, я предупреждаю, перестань объедаться, пить, курить, завидовать, зловредничать, обижаться, издеваться надо мной таблетками. Иначе скоро заболит что-нибудь другое, более важное. Недаром в древности многие болезни считались друзьями человека. Если их понимать, расшифровывать и слушаться, можно дожить до двухсот лет, от акушера до священника, минуя хирурга.

Есть древняя притча. Господь Бог помиловал душу разбойника, а наказал душу врача. «Прощаю тебя, — сказал он разбойнику, — потому что ты отнимал деньги у тех, кто обирал народ. А тебя, врач, не могу простить. Я посылаю людям болезни, чтобы они задумывались над тем, как они живут, а ты их вылечивал, и они продолжали жить по-прежнему».

БОЛЕЗНЬ — ЭТО ВЗГЛЯД ГОСПОДА НА ТОГО. КОМУ МНОГО ДАНО. НО ОН. К СОЖАЛЕНИЮ. ЭТОГО НЕ ПОНИМАЕТ.

Я часто обращаюсь за советами к древней медицине, потому что в древности не было денег. И целью целительства было исцеление. Недаром у всех этих слов общий корень — цель!

Если бы гималайский мудрец пощупал сегодня пульс России, посмотрел ей в глаза, поговорил с ней по душам, то первопричиной всех ее болезней он бы наверняка назвал истощение нервное, физическое, полное нарушение обмена веществ. Поэтому и не осталось мышц, лишь небольшой жировой слой, который в виде новых русских так анекдотично смотрится на дистрофичном теле российской экономики. Этаким скелетом в целлюлите. Все, что осталось за десять лет от бывшего культуриста после того, как в погоне за демократией, в силу своей недообразованности, он угодил в компанию алкоголиков, воров и наркоманов. О чем постоянно и сигнализирует наш геморрой-Чечня.

Сегодняшнее общество, как наше, так и западное, к сожалению, лечит симптомы болезни, а не ее причины. Действительно, зачем копошиться лишней раз в организме и искать какие-то скрытые проблемы в душе или сознании, если болит всего лишь такой пустяк, как голова. Да забросил в нее пару таблеток, она и притихла. Правда, от этих таблеток еще больше нарушился обмен веществ, снижен иммунитет. И то и другое взбодрили уже горстью таблеток. От такой химической атаки растерялись почки. Их отрезвили парой уколов. От уколов опухла часть мозга. Ее вырезал знатный хирург, после чего организм стал не здоровее, а счастливее, поскольку наконец-то ему нечем стало сигнализировать о накопившихся в душе проблемах. И уже можно объедаться, курить и зловредничать, завидовать, обижаться на всех и вся, не комплексуя.

Чем чаще хирург вмешивается в наш организм, тем ближе мы становимся к одноклеточным. Если же учесть, что за каждую таблетку, укол, не говоря уже об операции, надо заплатить, то станет понятно, почему выгодна именно такая медицина!

Таким же выгодным для наших горе-лекарей стало и постоянное «лечение» Чечни!

•

○ *

Многие сегодня, понимая выгодность этой войны для наших врачей, считают, что те сами ее придумали, организовали, срежиссировали от взрывов домов в Москве и других городах до выборов нового президента. Превратили войну в послушную, дрессированную, которая, когда надо, дает прибыль, а когда надо — повышает правильный рейтинг.

При всем своем цинизме профессионального сатирика я в это не верю. Не потому, что считаю нашу власть порядочной, а потому, что считаю ее не столь одаренной, чтобы она смогла такое срежиссировать. Кто всегда старается пролезть во власть? Те, у кого не хватает способностей стать настолько профессионалом в своей области, чтобы получать удовольствие от профессии. Во власть идут, чтобы не работать. Глупо спросить у депутата: «Кем ты работаешь?» Еще нелепей получить ответ: «Я работаю депутатом». Или: «Я работаю губернатором». Любой из нас от такого ответа улыбнется, но совершенно серьезно отнесется, если ему ответят: «Я не работаю — я депутат». Или: «Я не работаю — я губернатор». Не пойдет в министерство работать врач, который каждый день видит улыбающихся, выздоравливающих пациентов. Писатель, если его выберут мэром, на третий день сбежит из нового, навороченного кабинета в мэрии к своему ненавороченному писательскому столу. Художник не променяет на Думу светлый чердак, где он за красками забывает о времени.

Чиновники — это те, кто не может ничего сконструировать, не может лечить, не может водить самолеты.

ЧИНОВНИКИ — ЭТО НЕ АКТЕРЫ, НЕ ПИСАТЕЛИ, НЕ ХУДОЖНИКИ, НЕ ЛЕТЧИКИ, НЕ ВРАЧИ...

Если они лишаются своей чиновничьей работы, они — никто. В этом их беда. Такая же, как потеря туловища для паразитов: глистов, вшей, блох. Единственный выход из положения — успеть перескочить с гибнущего организма на другой, более живучий. Я всегда говорю маме: не взывай к чиновничьей жалости. В первую очередь у паразитов атрофируются органы сочувствия, а потом и остальные. У глистов нет даже органов зрения и слуха, остались только части тела для получения удовольствия от еды и размножения. К сожалению, то же от долгих лет государственной службы происходит и с чиновниками. Хотя попадают порой в государственные организации вполне достойные люди, но потом очень быстро все их достоинство растворяется, как будто в Кремле издревле засела какая-то зараза, какой-то микроб. Или Кремль и Дом правительства построены на очень гепатогенных зонах. Так что не чиновники организовали и срежиссировали эту войну. Они ею воспользовались как истинные паразиты.

Когда мама слышит от меня подобные высказывания, она очень беспокоится и говорит: «Только не вздумай об этом говорить по телефону даже с друзьями». Это означает, что она думает так же, как я, но ее поколение приучили не высказывать согласие впрямую.

— Конечно, конечно, — соглашаюсь я с ней. — Я не буду обсуждать наших чиновников по телефону даже с друзьями.

И действительно, я не собираюсь ни с кем их обсуждать по телефону, потому что все, что я о

них думаю, хочу сказать по телевидению.

•
○ *

Не верю я и в то, что военные затеяли эту войну. Для того чтобы ее затеять, надо уметь принимать решения. А наши штабисты как раз этого делать не умеют. Впредь я заменю слово «военные» на «штабисты». Поскольку слово «военные» для меня, в силу моего уважения к российской истории, означает честь и достоинство. «Штабисты» — наоборот. Впрочем, как и большинство сегодняшних генералов. Русский офицер, между прочим, и на дуэль мог вызвать. Согласитесь, нелегко представить себе наших штабистов и генералов, защищающих свою честь на дуэли. Такое возможно только в карикатуре. Дуэль — не теннис. В ней не поддашься.

Как-то Жванецкий в своем выступлении очень точно заметил: «Наши военные умеют начинать войну, но не умеют ее заканчивать». Правильно! Они же получали звания еще в Советском Союзе. За то, что аккуратно проводили политинформации, тщательно оформляли красные уголки, занимались самодеятельностью, крепили мощь нашей армии лозунгами и стенгазетами. Перед приездом начальства заставляли солдат красить траву и подметать лес. Я никогда не забуду, как наш прапорщик в ракетных частях под Псковом перед встречей местного генерала обязал провинившихся рядовых на кухне протирать бархоткой для сапог глаза селедке, чтобы они в честь такой встречи были радостными. Единственное, что умели всегда делать наши генералы с достоинством — это вовремя отдавать честь. Когда случился Даманский, все местные дальневосточные военные чиновники растерялись. Подобные мероприятия не предусматривались утвержденным на пятилетку планом развития Дальневосточного военного округа. Долго ждали указаний сверху, а пограничники гибли. Наконец не выдержал один из полковников, отдал приказ накрыть «Градом» все, что на восемьсот метров по ту сторону границы.

Полковник за то, что спас столько жизней, был награжден какой-то медалью 6-й степени чего-то и одновременно наказан — уволен в запас за то, что спас эти жизни без спроса. Так наши штабисты еще раз указали самостоятельно мыслящим офицерам, что военная честь не то, что надо беречь, а то, что следует вовремя отдавать.

Казалось бы, Даманский не имеет к Чечне никакого отношения. А на самом деле согласно все той же древней мудрости это была наша первая головная боль, первый знак, что наша армия не столь сильна, сколь надута важностью, как генеральское пузо. Если бы тогда этот знак был понят, потом не случилась бы такая беда, как Афганистан. Однако, даже потеряв ни за что в бессмысленной чванливой войне убитыми столько, что до сих пор никто не решается назвать точную цифру, наши генералы не поумнели и не подумали хотя бы на этот раз убрать с дороги все те же грабли. В первую чеченскую кампанию бывшие афганские командиры, желая в очередной раз выслужиться, продолжали посылать в бой с чеченцами-профессионалами солдат-первогодков. Чечня — это эстафетная палочка, переданная нам Афганистаном. Дамокловым мечом над нашей армией нависло проклятие матерей, вдов и детей из всех российских закоулков. Но генералам-то что! Их же детей ни одна война не тронула. Их дети были освобождены всегда от армии как неполноценные. Они были

полноценными только для бизнеса и высших генеральских постов в стране!

Надо отдать должное, многие генералы оказались очень способными. И после развала Союза многому научились самостоятельно. Например, строить дачи из материалов разобранных ракетодомов, торговать оружием и обмундированием, начиная с самолетов и заканчивая украденными с гарнизонного склада солдатскими трусами с клеймом Советской армии, при виде которого у западных покупателей до сих пор в крови повышается адреналин. Когда случилась беда с «Курском», оказалось, что были списаны на металлолом и проданы за бесценок спасательные подводные лодки, и даже костюмы глубоководных водолазов умудрились продать в различные фотоателье. В этих костюмах с парашюта питерской набережной «кореша» прыгали для забавы в Неву.

Многие люди считают: вот только раз украду, потом схожу в церковь на исповедь и больше воровать не буду, снова заживу честно, с достоинством. Наверняка так думали при расформировании наших частей в ГДР многие генералы. В конце концов, что потеряет Родина, если я отпишу на металлолом пару слегка заржавевших подводных лодок или десяток зенитных установок. У Родины этого добра навалом, не убудет. Да, но у Родины оказалось и генералов навалом, которые так думают.

- - *

Однажды в конце 70-х годов мы шли по Волге из Куйбышева в Тольятти с большой писательской группой, а на палубе сидел и смотрел на Жигулевские горы, как всегда с грустинкой, Булат Окуджава. Я тогда уже начинал выступать. Причем, если я ездил с писательской группой, я читал со сцены одни рассказы, более, как я считал, утонченные, а эстрадным артистам отдавал другие, те, которые сам читать в то время стеснялся. Артисты, исполняя по телевидению мои монологи, называли мою фамилию. Тогда на палубе Окуджава меня спросил, зачем я пишу для артистов такие пошлости. «Вам бы надо было самому читать то, что вы пишете, и самому выступать». Желая показать, какой я уже дальновидный, несмотря на возраст, я ответил, что просто хочу довести авторские за исполнение моих рассказов до двухсот рублей в месяц, чтобы потом я мог, уже не думая о деньгах, сидеть дома и писать все то, о чем желаю. Окуджава усмехнулся, ответил, что так не бывает. Он видел многих молодых способных людей. Все, кто думал, что они только раз напишут на потребу, потом уже никогда не могли впредь писать от души. «Эстрада вас может затянуть, если еще не затянула, — сказал он. — Вы рискуете на всю жизнь остаться обычным эстрадником». Прошло 20 лет, и я понял, что Окуджава оказался прав. Только писатель, уступив своей корысти, предает себя, а военные — тех, кого они должны защищать. Жертвой предательства художника становится душа художника. А жертвой предательства военных — тысячи жизней других людей.

Вряд ли наша военная верхушка задумывалась над этим. Она просто продолжала жить жизнью страны. Кому-то в борьбе за доступ к якобы заржавевшим подводным лодкам пришлось устранить конкурента, кому-то разобраться с пытливым журналистом, кто-то послал в бой за своей новой очередной звездой солдат-первогодков. И никто не подумал, что началось все просто с украденных однажды с гарнизонного склада трусов и алюминиевой

посуды, потом формы, погон, орденов, знамен, а закончилось продажей противнику оружия и маршрутов движения колонн десантников в горах.

Интересно, что, когда наша армия жила по законам атеизма и ее генералы были безбожниками, они меньше грешили, чем теперь, когда вера в партию резко сменилась верой в Бога. Как для истинных безбожников, для наших чиновников Страшным судом могли быть только реальные организации. И выражение «Гореть вам в геенне огненной» перестало на них действовать сразу после развала КГБ.

Словом, если выписать все грехи нашей армии, то станет ясно, что за последние годы она нарушала все заповеди. Если б восточный мудрец был еще и сатириком, что возможно лишь в фантазиях самого сатирика, он бы сказал:

«КАРМА РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВЫРОСЛА НАСТОЛЬКО, ЧТО УЖЕ СТАЛА ВЫВАЛИВАТЬСЯ ДАЖЕ ИЗ ГЕНЕРАЛЬСКИХ ШТАНОВ!»

- - *

Однажды я получил письмо из Тулы от одного военного. Когда-то я работал в журнале «Юность» помощником редактора. Мне поручали разгребать мешки с письмами. С тех пор я по почерку и по первым фразам, а также размеру письма могу угадать, какого умственного развития автор письма и что он от меня хочет. Если первые строчки: «Уважаемый Михаил Николаевич, мы Вас очень любим всей семьей, не пропускаем ни одной Вашей встречи, Вы лучше всех остальных», — значит, просят деньги и такие же письма разослали всем остальным, кого считают лучше остальных. Если письмо начинается с перечисления титулов автора, его почетных грамот, вплоть до участника переписи населения, значит, какой-то своей шуткой я попал непосредственно в него, и теперь он попытается запугать меня своими званиями и знакомствами.

Письмо из Тулы было короткое. Без лести. Начиналось с фразы: «Матери погибших в Чечне десантников из Тулы обращаются к Вам. потому что прочитали Вашу статью в «Аргументах и фактах» о черной воровской слизи в нашей армии. Может быть, хоть Вы нам поможете».

У автора письма, который написал его от имени матерей, в числе тульских десантников в Чечне погиб брат. Написал автор грамотно. Нигде не хвастался своими званиями. Просто упомянул, что в прошлом тоже был военным. Чувствовалось, почерк когда-то был ровным, но из-за постоянных стрессов буквы стали разваливаться в разные стороны.

«Какое же отчаяние должно быть у этих людей. — подумал я. — если они написали жалобу не в государственную организацию, а сатирику?»

В письме было прямо сказано, что десантников предали. Автор сам ездил в Чечню, расспрашивал тех, кто остался в живых. Потом матери погибших обращались в военную прокуратуру, чтобы там разобрались. Но сначала чиновники увертывались, уходили от разговора. А потом и вообще перестали их принимать у себя.

«Странное совпадение, — подумал я. — Через десять дней у меня как раз должно быть выступление в Туле». Я позвонил автору и предложил ему встретиться за час до концерта. Ехал в Тулу я с тяжелым предчувствием. И не зря.

В мою закулисную комнату пришли автор письма и мать одного из погибших. Он высокий, седой, рукопожатие, как и почерк, когда-то было уверенным. Она — из тех женщин, которых мало кто замечает и с кем чиновники особенно не считаются. Может, доярка, может, прачка, может, бухгалтер. На голове мужская шапка меховая, зимняя. Видимо, шапка сына. Может быть, так она чувствует себя ближе к нему. Классическое совдеповское пальто из нашего прошлого. Узенький меховой воротничок скорее больше похож на ошейник. Она была из тех женщин, которые быстро свыкаются с мыслью, что жизнь их не удалась и все свои надежды впредь вкладывают в детей. Такие женщины часто в России рожают без мужей, чтобы у них появился смысл в жизни. Несмотря на то что прошел год со дня гибели сына, она все время держала носовой платок около глаз. Она плакала так же постоянно, как и дышала.

Сначала с опаской, недоверием она глядела на меня из-под шапки, не совсем понимая, зачем этот бывший военный пригласил ее на встречу с каким-то сатириком.

Говорить начал автор письма. Сначала сбивчиво. Волновался.

Колонну десантников должны были пустить по одному маршруту, но в последний момент маршрут изменили. Прикрытие авиационное сняли, сказали, что вертолеты сломались. Сам выход колонны тоже задержали на целый день. Как будто ждали кого-то. В пути остановились фотографироваться. Хотя это нарушение инструкции. При этом один из офицеров перегородил дорогу своим грузовиком, поставив его поперек, чтоб нельзя было быстро выехать. И когда фотографировались, все началось.

Постепенно к нашему разговору присоединилась и мать погибшего:

— За что? Я растила его... На институт накопила. Мне потом его друг рассказал. Друг почему-то в живых остался. Говорит, догадался откатиться в кювет и спастся, а Дима не успел. Но он наврал. Я знаю. На них напали 23-го, а смерть у Димы наступила 24-го. Мне его историю показывали. И две пули в коленке. Значит, над ним издевались, пытали...

Она не могла продолжать. Я понял, что ей до сих пор мерещится эта страшная картина.

Счастье наших предателей в том, что они не верят в перерождение души. Иначе бы они знали, что отныне их род будет проклят их предательством на несколько поколений. И потомки их будут мучиться, не зная, за что расплачиваются.

— Она не поехала на опознание. — чтобы прервать неловкое молчание, говорит автор письма. — Не смогла. А я поехал. Вы не представляете... В морге, — он сделал паузу, чтобы выбросить из воображения виденное, — там наши ребята в холодильниках. Там жареным мясом пахнет. Большинство тел обуглены. Узнать никого невозможно. Все одинаковые. И запах. Запах горелого. Это преисподняя! Я туда с первого раза зайти не смог. Несколько раз

кругами ходил. Потом выпил для храбрости. И зашел. А ведь я в прошлом военный. Но это страшно, поверьте.

Нет, я не прав, когда пытаюсь представить себе следующую жизнь наших предателей-штабистов. У них ее не будет. Нет такого наказания, которое могло бы искупить подобные грехи. Их души будут расформированы. На языке христианском это означает вечный ад, вечная сковородка. Как там. в морге, где пахнет жареным мясом преданных ими солдат. Самое страшное наказание — не жить больше. Быть приговоренным к «никогда». Что-то вроде надетого на душу вечного противозачаточного.

— А еще мне летчик рассказывал. — продолжает брат погибшего. — Однажды они полетели на задание уничтожить несколько отмеченных на карте нефтяных мини-заводов. Разбомбили, развернулись, летят обратно. Смотрят, еще два в стороне. Их тоже взорвали. Только приземлились — тут же начальство накинулось: «Вы что наделали, кто вас просил? Это заводы, которые платят Москве».

Что я могу ответить? Подобное я слышал и от Бориса Галкина. Он тоже рассказывал, что и Басаева пару раз задерживали, но из Москвы приходил приказ: отпустить. Чуть ли не от самого бывшего премьера.

Но самое сильное отчаянье у моих собеседников оттого, что никто их даже выслушать не хочет. В газете и то намекнули, чтобы они больше не приходили. Надоели. Один чиновник просто сказал: «Ну что вы все время фантазируете. Нам доподлинно, из достоверных источников известно, что вашего сына никто не пытал, его убили сразу, так что не волнуйтесь».

— Почему тем, кто с «Курска», родственникам и деньги выплатили, и психологов дали? А с нами даже говорить не хотят. Мне, например, нужен психолог. Мне денег уже не надо, — говорит мне Диминая мама. — Они у меня остались от накопленных для Димы, для института. Почему все разговаривают со мной так, будто Димы никогда у меня и не было? Будто я его придумала. Но ведь он у меня был. Я точно помню. Я же его в институт готовила...

Она смотрит на меня такими страшными глазами, как будто хочет понять: я верю ей, что у нее был сын?

Да, цена смерти! Сколько стоит, где погибнуть. Как в меню. Вроде как «Курск» — несчастье, а Чечня так, во имя идеи. За Родину!

К концу нашего разговора мои собеседники уже начинают успокаивать меня:

— Не волнуйтесь, даже если у вас не получится помочь нам, уже спасибо, хотя бы за то, что выслушали.

Я советую Диминой маме сходить в церковь. Она отмахивается и коротко отвечает:

— Пробовала, не помогает. Священник одно твердит: «Радуйся, сын твой в раю». А как я могу радоваться — я его в институт готовила? А не в рай...

Мне нечего ей ответить. Даже среди священников уже появились чиновники от церкви с отмирающими органами сочувствия.

— Тогда сами разговаривайте почаще с ним. Ему сейчас это важнее всего.

— Я все время говорю с ним. Фотографию вон с собой для этого всегда ношу.

Она показывает мне фотографию. Молоденький. Худенький. Взгляд дерзкий. Такой взгляд бывает у наших молодых ребят, после того как они насмотрятся западных боевиков, и им кажется, что они тоже супермены и могут выбраться из любой ситуации. Но жизнь — не кино.

Мои посетители уходят от меня длинными обшарпанными, облупившимися, как и их судьбы, коридорами военного Дома культуры. Я смотрю им вслед и думаю: и нужно им не так уж много сегодня. Просто чтобы их выслушали. Но у власти пока нет органов слуха.

•
○ *

Когда смотришь сегодня на нашу армию, которая от имени многомиллионной страны не может справиться с двумя тысячами боевиков, даже не верится, что раньше мы считали ее непобедимой. Так нас учили в школе. В пример приводили Куликовскую битву, Полтаву, позже Великую Отечественную войну и, конечно же, победу над непобедимым Наполеоном.

Действительно, в конце жизни на острове Эльба даже Бонапарт признался, что его главной ошибкой стал поход на Россию. Собираясь начать войну, он был уверен, что так же легко расправится с ней, как с другими странами Европы, с которыми он расправлялся всегда по одной и той же формуле. Вошел в страну, которая приглянулась. У границы его уже ждет армия противника, которая сейчас будет защищаться. Для него — гения и профессионала — предстоящее сражение всегда было радостью, как для ребенка игра в солдатиков, в которой он всегда побеждал. Несколько дней, как правило, требовалось Наполеону, чтобы завоевать любую страну, получить с поклоном ключи от столицы, превратить потомственного короля в своего «шестерку»-вассала и въехать в его дворец под аплодисменты толпы, которая нередко приветствовала его как освободителя.

Единственной страной, где эта формула не сработала, оказалась Россия. Вошел в нее — а русской армии нет. Не ждет его. Не уважает. Он за ней. Она от него. Он — вправо, Барклай-де-Толли — влево. Наполеон — влево, русская армия — вправо.

Обидно стало гению. Зря, что ли, шестисоттысячную армию себе набирал, со всех стран «лимитчиков» призывал? Он за русскими в глубь страны, русские от него еще глубже. И засасывает, засасывает его Россия, как болото. Уж все сроки, отпущенные на завоевание, просрочены. Корм для лошадей кончается, погода портится. А сражения все нет. С

продуктами и кормом для лошадей тоже беда. Из-за таких расстояний обозы из Франции запаздывают. Не случилось такого ранее ни в одной европейской стране. Там все само собой складывалось. Кончился корм для лошадей, зашли солдаты в любую деревню, отобрали у крестьян корм, заодно и лошадей. А тут зашли в деревню — лошадей нет, корма нет, все, что на полях посеяно, выжгли, чтобы антихристу не досталось. Крестьян и то нет, все по лесам попрятались. Только ночью с косами подкрадутся, покосят пару батальонов «лимиты» и обратно в лес.

Очевидцы рассказывают: Бонапарт действительно радовался, как ребенок, когда наконец увидел на рассвете русскую армию у деревни Бородино. Глаза заблестели, оживился. Теперь-то благодаря науке мы знаем, что это у него разыгрался в организме мужской гормон — тестостерон.

Позже там же, на Эльбе, он называл сражение при Бородино самым жестоким в своей жизни. Один раз во время этого сражения его видели со слезами на глазах, когда умирал его любимый генерал. Сколько раз в течение дня докладывали Наполеону о победе и разгроме русской армии, а русские пушки продолжали стрелять, армия Кутузова не отступала, в который раз французы брали артиллерийский редут Раевского и в который раз русские возвращали его себе благодаря какому-то неизвестному генералу Ермолову.

Кто-то из наполеоновских генералов сказал императору во время этого сражения: «Русские солдаты продолжают сражаться, будучи убитыми. Я восхищен ими!..»

Да, не вычислил Бонапарт России, хотя и считался гением. Его агенты и дипломаты много лет доставляли ему сведения о русских бездарных генералах, о нерешительном мямле-царе, о проворовавшемся дворянстве и о вялонедовольном властью народе... Он даже потребовал от своих дипломатов историю Пугачевского бунта. Но одного не могли заметить в российском народе его агенты и дипломаты. Достоинства! Потому что люди с достоинством не могут быть фискалами. Западным людям вообще трудно заметить в нас то, чего нет в них самих.

Так что зря Бонапарт ждал ключи от Москвы и восторженных взглядов из толпы, когда он будет въезжать в Кремль. Он был для русского народа оскорбителем! Оскорбителем веры, полей, домов... До сих пор историки не могут прийти к общему мнению, кто первым поджег Москву? Или кто отдал приказ поджечь ее — царь, Кутузов или комендант Москвы? Потому что не было приказа, не было этого одного первого поджигателя. Москва загорелась от энергии ненависти, от оскорбленного чувства достоинства всего народа. Не ожидал Бонапарт, что в целом народе может быть достоинство, которое, он считал, есть только у него одного. Сначала это достоинство за варварство принял. Он же пришел как освободитель от крепостного права. А они его гонят огнем, косами... И еще радуются! Варвары! Как можно радоваться, когда такие ценности вокруг горят. Собственную столицу подожгли и гордятся этим... Дикари! Нет, не может западный человек умом высчитать то, что русские делают от души и что достоинство и честь могут быть ценнее всех ценностей! Уверен был Бонапарт — только до границы погонит его этот обезумевший народ. Но опять не угадал. До Парижа антихриста погнали. Ты у нас в Москве побывал, теперь наша очередь побывать в Париже. Иначе нечестно получается. И потом, все-таки Париж! Кафе, театры, француженки! Когда еще такая возможность представится русскому мужику во Францию без визы сгонять?

Три раза, пока его гнали, Бонапарт успевал возвратиться в Париж, набрать армию и разбивал русских вместе с их союзниками в пух и прах, а те все гонят и гонят его. Ничего не может понять Наполеон. Неужели им так в Париж хочется? Нет, просто очень обидел он нашего человека. Поэтому и проиграл. А еще потому, что у него во Франции люди закончились. А в России они никогда не кончаются.

В последний раз он все-таки признался — обхитрили его русские. Уже у самой границы с Францией обошел российскую армию с тылу, решил неожиданно в спину ударить. А русские посмотрели на этот маневр, говорят: «А что с ним опять драться, он же нас опять поколотит, тем более что дорога на Париж свободна». Пошли и взяли Париж! Практически без жертв!

Это правда, русская армия всегда была непобедимой, когда защищала свою Родину и достоинство, когда армией становились все, от царя до крепостного, и когда даже аристократическая тусовка на время превращалась в интеллигенцию.

ЧЕЧНЯ — НЕ НАША РОДИНА. ПОЭТОМУ ЧЕЧЕНСКАЯ ВОЙНА — БЕЗ ДОСТОИНСТВА.

Чечня — не Родина Димы, погибшего десантника из Тулы. Эта война защищает не интересы народа, а интересы государства. Пока в России, к сожалению, эти интересы расходятся.

У меня нет злости к коммунистам. Коммунисты меня никогда не обманывали, потому что я никогда им не верил и на них не надеялся. А демократам я верил. Как и многие другие. Но они меня обманули.

Я не считаю Ельцина плохим или злым человеком. Но он спутал два понятия: тщеславие и достоинство. Достоинство не терпит лести, а тщеславие лестью питается. В результате власть в стране перешла к тем банальным льстецам, которые просто научились пользоваться президентом как неким инструментом для своего казнокрадства. Хотя самого Ельцина лично я не могу представить себе на Поклонной горе в смиренном поклоне с ключами от России. Но я могу представить себе, как это делает любой из его бывшего окружения. Причем не просто подносит ключи, а еще и оправдывает свой поступок: дескать, Бонапарт поможет нам прямо от крепостного права перейти к рынку, к реформам, и при нем в Россию потекут настоящие инвестиции.

●

○ *

Навряд ли мы в ближайшее время узнаем, из-за чего началась эта последняя чеченская война, что послужило поводом. Из-за того, что наши военные оставили чеченцам оружие, а те денег за него не вернули? После чего наши генералы, решив на них «наехать», растревожили, растеребили президентское достоинство-тщеславие? Мол, они же вас не уважают, отца нашего родного. Да вы же у нас как Петр I! Неужели потерпите? И покатались на следующий день танки на войну.

Думаю, что не скоро узнаем мы и причины гибели «Курска», и всех остальных катастроф. Потому что причина у всех сегодняшних российских бед одна.

ЗА ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ТЕХ, КОГО МЫ СЧИТАЛИ ДЕМОКРАТАМИ, РОССИЯ БЫЛА ПЕРЕВЕДЕНА НЕ НА САМОУПРАВЛЕНИЕ, КАК НАМ ОБЕЩАЛИ, А НА САМОВОРОВСТВО.

Вместо писателей и поэтов, как это всегда было на Руси, совестью страны стали олигархи и финансисты. А для финансистов, как говорил еще кардинал Ришелье, предательство — дело времени. Спекуляция перестала считаться чем-то недостойным. Бывшие уголовники превратились в наших учителей, эмигранты — в наставников. Все честные, невооруженные люди были унижены, лишены даже надежд на сносное будущее.

За несколько лет по России прокатилась скрытая гражданская война. От одних бандитских разборок погибло столько людей, как на войне. А сколько полегло в Чечне? Да и все другие признаки гражданской войны налицо. По всему миру рассеяны лучшие умы, ученые: биологи, медики, инженеры космической промышленности, компьютерщики, химики. Во всех странах, как в восемнадцатом, российские нищие. Самым доходным на сегодня российским экспортом стали нефть и проституция. От русских в бывших республиках СССР отмахнулись как от назойливой мошкары. Даже слово новое для них придумали — «соотечественники». Вроде как не наши, не родные, а так, просто похожие на «отечественных». Бюджетников отлучили от зарплаты настолько, что их тоже можно уже называть «соотечественниками». Заводы и предприятия умудрились продать иностранцам так, что еще остались им должны. Образование и культура стали предметом импорта, как цыплячьи ножки и «Стиморол». Армия, мышцы государства, превратилась в кожу и кости. Космос утопили в Тихом океане. Гордость советской космической науки и техники — «Буран» — приспособили под ресторан. Наконец, экономика была приведена в состояние гармонии с речью премьера, который говорил правду только тогда, когда не понимал, что говорил.

Поэтому старая власть так спокойно и уступила место новой. Она понимала, что уступает место на капитанском мостике «Титаника», из-под которого уже показалась верхушка айсберга.

Это ли не есть нарушение обмена веществ? В нем и причина Чечни, и всех остальных катастроф. И если это не понять, то главная катастрофа еще впереди.

НЕДАРОМ РОССИЯ СВОИМИ КОНТУРАМИ НАПОМИНАЕТ ПОДВОДНУЮ ЛОДКУ!

И не надо Скулить, за что Чечня на нас свалилась. Чечня — это наше проклятие, нажитое нами изнутри. Это болезнь-друг. Если б не было Чечни, мы бы не знали, насколько мы больны.

- - *

После беды с «Курском», пожара на Останкинской башне и взрыва на Пушкинской, терактов в Чечне во многих городах служили молебны, чтобы Господь Бог наконец пожалел Россию. Каждый снова почувствовал себя абсолютно незащищенным, а я смотрел на молебны и думал:

неужели мы ни на что больше не способны, кроме как молить Бога о том, чтобы он защитил Россию от напастей? Лично мне порой кажется, что Господь посылает нам все эти тяжкие испытания одно за другим, потому что все еще надеется на нас. Он рассчитывает на Россию, как на свою помощницу в тех будущих встрясках, о которых только ему одному заведомо известно. Он-то понимает, что сможет вернуть себе Запад, только если разместит на долларе свою фотографию. А в России есть еще, как сказал Солженицын, «спасительные задатки». Поэтому Господь и трясет ее. И говорит: «Ну, встряхнись же! Илья Муромец, слезь, наконец, с печи. Разуй глаза — неужели тебе еще один Наполеон нужен, чтобы вспомнить, что достоинство важнее инвестиций?»

И, как ни странно, похоже, что Всевышнему сегодня кое-что уже удастся. Во всяком случае, первая переоценка у тех, кто в эту «гражданскую» выжил, уже началась. Недаром Запад о России больше ничего хорошего не говорит — первый и вернейший признак оживления нашего достоинства. Есть и другие признаки выхода из комы.

Снова зрители потянулись в театры, в кино. Появились отечественные кинофильмы без мата. В прокатах уже чаще спрашивают их, а не западные боевики. В книжных магазинах толкучка, как в электричке в час пик. Еще не сложилась новая литература, но уже бывшие бандиты настолько зарылись в бизнес, что начали заниматься книгоизданием. Проститутки стайками потянулись из развитых стран обратно на родину. Заработок на родине больше, клиенты душевнее. То ли краб какой-то выпустил Россию из своей клешни, то ли кто-то сверху начал поливать ее живой водой.

Власть делает первые попытки защитить русскоязычное население в бывших республиках. Воровство становится более упорядоченным. Похоже, новая власть пытается привести экономику к «евростандарту» воровства, трезво представляя себе, что если воровство прекратит полностью, то российское государство развалится. Как писал поэт Евтушенко, если «казнить всех малых и больших воров, Россия станет как пустыня Гоби».

Словом, есть положительные симптомы, доказывающие, что больной стал легче дышать. Недаром недовольны журналисты и та часть так называемой элитной тусовки, которая всегда передвигается в направлении, где бесплатно кормят.

Наконец, все, кто при старой власти воровал прямо из казны, убеждают нас, что становится еще хуже. Это значит — точно становится лучше.

Но самый главный признак сегодняшнего отрезвления — то, что народ даже вспоминать не хочет о первом российском президенте, которого сам выбирал два раза. Он словно мечтает выкинуть его навсегда из памяти вместе с его временем, забыть все, что произошло за эти годы. Как будто народу стыдно, что он сам его выбирал.

Хотя я считаю — это несправедливо. Надо отдать должное бывшему Президенту России. Благодаря гремучей смеси его ошибок и заходов не туда нам всего десять лет понадобилось, чтобы понять, что дружба с Западом для нас западня, а демократия — это власть денег, выбранная на деньги ради денег, и что пора наконец начинать лечиться и налаживать общий обмен веществ. А для этого прежде всего необходимо покончить с кавказским недугом. А

как? Ему же более двухсот лет.

ЧЕЧНЯ — ЭТО АНТИКВАРНЫЕ ГРАБЛИ РОССИИ.

Медики хорошо знают, что покончить с хроникой всегда сложнее, чем с острым заболеванием. Тут особенно важно внимательно присмотреться к истории болезни, что мне и посоветовала в свое время сделать моя мама.

- - *

Должен сказать: первое, что приходит на ум, — в этой более чем двухсотлетней войне никогда не было победителей. Ведь дружно Россия и Чечня жили только до конца XVIII века, потому что ничего друг о друге толком не знали. У чеченцев не преподавали в школах географию, поскольку у них не было школ. У русских же где-нибудь в Петербурге или в Москве спрашивать о чеченцах в то время было так же бессмысленно, как нынче у американцев про нивхов и коряков.

Да и слово «чеченцы» к тому времени только что закрепилось за горским племенем «нахчо» по названию их аула Чечен. Несмотря на то что когда-то в этих местах расположилось древнее, достаточно цивилизованное царство Аланья, племя «нахчо» сумело сохранить незамаранным свой первобытно-общинный строй. Даже татаро-монголы, разрушившие царство, не тронули племя — видимо, не заметили его. Так и жило оно в веках, запертое горными хребтами, от нечего делать враждующая между собой родовыми кланами и рождая детей для поддержания главного завоевания своей культуры — кровной мести.

В свободное от подобных развлечений время пасли на горных лугах скот и вспоминали, кто еще остался неотомщенным. Земледельческая равнина за Тереком их мало интересовала. О нефти под ней они не догадывались, а представить себе чеченца, сеющего хлеб, так же нелепо, как еврея, помешивающего сталь в мартене.

Зато эта равнина была спасательным кругом для беглых российских крестьян, вольноотпущенных и казаков. Недаром названия сёл на ней русские. И лишь в горах чеченские аулы. Именно в степь и на плодородные земли веками бежал энергичный российский люд, для которого удовлетворить порывы своей безразмерной, как и Россия, души во всегдашней неразберихе российских законов было так же невозможно, как вдохновенному художнику писать картины на пленэре в наручниках. Поэтому все они и бежали за одним — за волей!

Воля — это особое чувство, известное только нашим предкам. Недаром в других языках такого слова нет. И переводится оно обычно как «свобода». Но свобода — жалкое подобие воли. Это воля, запертая в конституцию западной демократии. Воля так же отличается от свободы, как уха, приготовленная на берегу реки из только что выловленной рыбы, с затушенной для аромата прямо в котле головешкой, отличается от бульона из рыбных кубиков.

БЕГЛЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И КАЗАКИ — ДРОЖЖИ РОССИИ.

Благодаря и тем и другим Россия распухала и, как тесто из тесной кастрюли, вываливалась из своих предыдущих границ. Крестьяне распахивали для нее все новые просторы. А казаки, сами того не ведая, оберегали своими разбойничьими шайками эти стихийно возникшие границы. На окраине России каждого могла встретить вместо таможи какая-нибудь банда очередного казацкого атамана и обчистить посерьезней любого таможенника.

КАЗАЦКАЯ БРАТВА — ЭТО САМООКУПАЕМАЯ РОССИЙСКАЯ ТАМОЖНЯ ЭПОХИ ЕВРОПЕЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Даже турки в период османской спеси, мечтая стать нашим новым татаро-монгольским иггом, не смогли пробиться сквозь множество казацких «таможенных терминалов».

Шло время, и эта полубуйствующая, полупьяная граница России доползла вплотную до Кавказа. Особым удовольствием для казаков стало двинуться походом на какое-нибудь ханство, благо этих ханств в горах, как сусличьих нор в степи. Потрясти казну какой-нибудь орды, увести княжну, а то и весь гарем считалось у казаков особой доблестью, таким VIP-развлечением! Потом, собравшись с братвой, написать благодарственное письмо самому хану с признанием прелестей его любимых жен. А княжну-другую по пьянке просто выбросить за борт ради тоста за дружбу с корешами. Все это считалось у казаков защитой отечества или называлось двумя взаимоисключающими словами «навоевать добра». Так они и погибали тысячами от сабель ханских охранников, у сундучков с восточными драгоценностями, выкрикивая в момент отлета души в мир иной: «За Русь нашу православную!» Не зря же народные сказки и былины с детства воспитывали в них чувство романтической агрессии в борьбе с неверными.

Я понимаю, многие представляют себе казаков сегодня по кинофильму «Тихий Дон» этакой сплошной дисциплинированной конницей. Другие, те, что помоложе, думают, «казаки» — современная маскарадная забава безработной части мужского населения юга России. Всегда в маскарадных костюмах, с импотентно висящими у ног музейными нагайками и лихо подкрученными к небу усиками-сабельками. При этом с глазами, вечно просящими у государства денег на организацию своего потешного войска. И, судя по всему, небезуспешно. Иначе как объяснить, что среди есаулов в наши дни появились такие фамилии, как Рабинович, Швеллер и Драхман... Правда, как сказал один из остряков писателей-евреев в ресторане Дома литераторов, это вполне возможно только из чувства ностальгии еврея по нагайке.

На самом деле в те давние времена казаки были самым буйным, не поддающимся воспитанию российским сословием. Недаром даже детская игра называется не просто «Казаки», а «Казаки-разбойники». Дети — наши экстрасенсики, правильно ощущают историю. Самым ззорным у казаков всегда считалось работать. Одна моя знакомая, потомок казачьего рода, рассказывала, что однажды ее дед, отчаявшись, в 30-х годах пошел работать грузчиком на пристань. Так его друзья-казаки в знак презрения выстроились на причале и дружно показали ему голые зады.

Петр и казаки — два главных пугала европейских стран запоздавшего российского средневековья. До сих пор многие на Западе представляют русских по образу казака-разбойника! Полудиким, степным кентавром с генами скифов и печенегов. До сей поры у поляков и венгров не развенчали этот образ русских даже Достоевский, Толстой, Пушкин и Гоголь. Зато очень удачно его подкрепили разъехавшиеся по всему миру «новые русские кореша» со скифским золотом на пальцах и шеях.

•
○ *

Горцы тоже не оставались в долгу перед казаками-разбойниками. Отныне у них появились новые удовольствия: украсть в станице скотину, пострелять по бегущему за Терекон человеку. Принести скальп казака к домашнему очагу невесты стало у чеченской молодежи признаком совершеннолетия и доказательством, что жених созрел, налился силой для медового месяца.

Наверное, эти две взрывоопасные смеси — казаки и горцы — еще долго продолжали бы искриться, потираясь друг о друга немаркированными границами, если бы в это время совершенно неожиданно не попросилась в состав России Грузия. Попросились грузины добровольно и этим перехитрили даже хитроумных армян, понимая, что они, как и русские, тоже православные, значит, им не откажут. Снизу Грузию подпирала Османская империя, грозила устроить когда-нибудь резню. С других сторон теребили мелкие кочевые племена. К концу XVIII века почти все они приняли мусульманство, принеся этим общую клятву вечно дружить против вываливающейся на них из своих объемов России.

Я уже не раз замечал, что грузины хитрее армян настолько, насколько ежик хитрее лисы. У армян все хитрости на лице, как у лисы. Сначала в дверях появляется хитрость, а за ней уже входит сам армянин. А по ежику никогда не скажешь, чего он хочет. Главное для него — вовремя ошетиниться. Грузины вовремя поняли, что дешевле ошетиниться российской армией, чем своей. Тем более что собственная армия всегда напоминала нечто среднее между армией и хором. А защищаться от турок хором бесполезно.

Руководствуясь со времен Петра имперскими замашками, Россия тоже обрадовалась грузинскому предложению. Она всегда была рада расширить свои границы на дармовщинку. И тут же вошла в дружбу с Грузией своей армией и погранзаставами, а Грузия в ответ внесла в этот новый союз чувство благодарности, клятву в вечной преданности и рыночные мандарины.

Все это было б полбеда, если бы в это время не попросился в состав России еще и Азербайджан. Видимо, азербайджанцы слышали, насколько после объединения веселее запели в горах грузины, и тут же сообразили, как это выгодно дружить с соседом, который верит заверениям и клятвам и тащится от мандаринов.

И все в этой трехсторонней дружбе было бы хорошо! Кроме одного... Вернее, кроме множества кавказских племен и народцев, которые этакой невыбиваемой прокладкой засели в горах между подружившимися, а сами дружить дружно отказывались. А на унижительные

предложения построить им в будущем театры, музеи, школы и, самое страшное, завести когда-нибудь свою консерваторию с радостью выбросили топор войны!

На выброшенный топор Россия ответила: ей дешевле насильно усыновить толпу беспризорных племен, чем в отсутствие авиации дружить через них. Россия всегда считала войну самым дешевым способом разрешения исторических проблем. Ведь для российских правителей единственная бесконечная величина — это российский народ. Так началась первая Кавказская война.

Обе стороны были втайне довольны новому этапу развития «добрососедских» отношений. Во-первых, и те и другие делали богоугодное дело — боролись с неверными. Во-вторых, у мужской части кавказского населения наконец на долгие годы появилось настоящее мужское занятие помимо кровной мести, а у России еще одно место, куда можно было сослать зарвавшихся в своей дерзости после победы над Наполеоном офицеров и расхулиганившихся поэтов.

Поэтому возглавить всю эту кавказскую мясорубку было поручено одному из самых дерзких генералов, герою Отечественной войны 1812 года Ермолову. Мало того, что во время Бородинского сражения без соизволения высшего руководства он повел в атаку солдат, спасая бригаду Раевского, он еще и надерзил самому государю. Когда царь, желая наградить отличившихся в войне офицеров, спросил у Ермолова, какую бы награду он хотел получить, Ермолов ответил: «Государь, произведите меня в немцы». Смелость в бою есть отвага, смелость в свете — дерзость. Царь принял ответ как насмешку над всем, к тому времени полнокровно немецким, родом Романовых и наказал генерала, назначив его губернатором всего кавказского неповиновения.

До сих пор при воспоминании о Ермолове чеченцы готовы выкалывать глаза на его портретах, предавать шариату его бюсты и отрезать уши от его памятников. С ним было очень неудобно воевать. Его офицеры не подрабатывали продажей оружия на сторону, не выдавали противнику маршруты движения армейских колонн. Сам генерал, воспитанник Суворова, не строил в Подмосковье дачу из привезенного с войны кавказского известняка.

Более того, он сначала думал, потом действовал, что для русского штабиста было очень необычным.

Ермолов очень быстро понял, что карательные экспедиции в глубь гор, которыми до сих пор «грешила» Россия, только разжигают темперамент противника, умеющего всегда вовремя улизнуть от так называемой нынче «зачистки» в так называемую «зеленку». Поэтому генерал приступил к делу по-суворовски непредсказуемо. Он начал планомерное продвижение в глубь гор с одновременной «зачисткой» не только противника, но и самой «зеленки», вырубая в лесах широченные просеки, с которых леса просвечивались словно рентгеном. Ермоловская тактика поршнем выдавливала горцев из лесов и гор на прозрачные равнины, где те просто вынуждены были жить по немилым их сердцу российским законам и заниматься тягостным для них земледелием. Первыми выдавились и согласились на окультуривание и даже на свой краеведческий музей не столь кровожадные ингуши и еще несколько племен.

Чтобы усыновленным впредь не захотелось вернуться к своим общинно-родовым манерам, Ермолов построил три крепости с угрожающими названиями: «Внезапная», «Бурная» и «Грозная». Особенно пугала всех последняя. Тогда никто не предполагал, что она станет столицей Чечни с нефтеперерабатывающим заводом. За что сегодня чеченцы должны были бы извиниться перед памятниками Ермолову и все отколотые ранее уши и носы аккуратно прилепить на прежнее место.

Наверное, война вскоре закончилась бы полной зачисткой неприятеля и вырубкой лесов. А если бы у Ермолова была современная техника, то и выравниванием горных хребтов. Но славный защитник природы, следующий государь Николай I, вовремя отозвал опального генерала. За все содеянное для Отечества наказал почетной пожизненной пенсией и усадьбой в Подмосковье.

Интересно, что как только следующие за Ермоловым губернаторы и главнокомандующие отказались от его плана и, щадя леса, вернулись к карательным мерам, горцы начали одерживать одну победу за другой, словно доказывая, что бороться с ними можно только ермоловским поршнем.

Уже отшумели декабристы, сменилось два царя, началась и закончилась Крымская война, был подписан унижительный для России Брестский мирный договор, а Кавказская война все продолжалась, унося жизни все новых и новых солдат, офицеров и опальных литераторов. Как ни пыталась русская армия поймать главного бунтаря, предводителя мюзитов (первых мусульманских экстремистов, объединенных общей идеей уничтожения иноверцев) имама Шамиля, ей это никак не удавалось. Шамиль стал народным кавказским героем. О нем рассказывали легенды даже среди русских.

Казалось бы, история повторяется. Опять неуловимый Шамиль. Но нет, они очень разные, эти Шамили. Тот Шамиль не прятался за беременных женщин, не прикрывался младенцами и не считал геройством изнасилование.

О плане Ермолова вспомнил наконец Александр II, который очень не хотел быть похожим на своих родителей с их ошибками. Переброшенными с Крымской войны армейскими корпусами стала медленно, по-ермоловски, сжиматься петля вокруг Шамиля. Есть легенда, что его брали в одном из аулов и что русские солдаты появились в этом ауле так же неожиданно, как когда-то Суворов во Франции, съехав на копчике с гор.

Конечно, не обошлось и без подкупа близлежащего окружения и охраны Шамиля. Как сказал когда-то римский император Август, любую крепость может взять любой осел, если осла правильно нагрузить золотом. Война длиною в два поколения наконец закончилась. Царь лично принял плененного Шамиля как достойного противника и отправил на поселение в Калугу, выделив ему дом с садом и огородом и наказав мирно доживать свой век, разводя цветы в саду и выращивая редиску в огороде. Такая пытка для Шамиля не могла долго продолжаться, и он вскоре скончался. Успев, правда, написать завещание, в котором наказал чеченцам и дагестанцам никогда впредь не воевать с Россией. И даже, говорят, в конце сделал приписку, что нет ничего страшнее, чем смерть на садово-огородном участке.

Царь же в знак примирения набрал себе в гвардию отъявленных чеченских головорезов, красиво их одел, превратив в парадных секьюрити, наивно полагая, что таким образом навсегда решил чеченскую проблему.

Довольно надолго в истощенном войной крае наступило затишье. Кавказу требовалось время, чтобы нарожать новых сыновей и внуков.

- - *

Самим племенам поначалу даже понравилось в составе России. Во-первых, их стали называть народами. Во-вторых, от полууправляемой богатой ископаемыми России им всегда что-то перепало... Появились такие диковинки, как школы, музей, театр, магазины, деньги, часы, железная дорога с расписным пестрым железнодорожным вокзалом и даже придавшие степному пейзажу некую изюминку нефтяные вышки, с которых всегда можно было умыкнуть пару ведер шлягерной уже в то время жидкости.

Казакам тоже постепенно становилось не до горцев. Россия решила их приручить. Отныне казаки боролись за максимальную выгоду от этого приручения, превращаясь из нарушителей в усмирителей. Их конно-нагаечные ряды стройнели, усы пышнели и еще лихастее подвинчивались к небу, щеки наливались холестерином, прикормленные государством животы начинали выпадать из седел, станицы наливались добром. В конце XIX века выкрик в толпе «Казаки!» означал — спасайся кто может, а то прольется кровь. Наконец-то казачество нашло выход своей генетической энергии удали и буйства в рамках государственного законодательства. После Кровавого воскресенья, подавления восстания рабочих 1905 года, мятежей в Прибалтике, Польше и Финляндии и множества еврейских погромов в народе появились выражения: «Казак — орудие производства гробовщиков» и «Казаки лежащих не бьют, они их добивают».

Особую ненависть и презрение у казаков вызывали пролетариат и евреи (хотя одно с другим казалось несовместимым). Пролетарии скорее всего тем, что работали, а евреи тем, что они якобы пользовались результатами этой работы. Порой создавалось впечатление, что мечтой казаков было вымарать и тех и других навсегда из истории России. Они, словно ясновидящие, предчувствовали, что когда-нибудь и те и другие объединятся в своей закомплексованности и сведут с ними счеты. Действительно, пришедшие вскоре к власти и те и другие решили, что разгром казаков в Гражданскую войну был явно недостаточным и что гораздо спокойнее будет на свете, если вообще стереть их, как резинкой, не только из истории, но и из географии России.

Особенно преуспел в этом деле будущий «отец всех народов». Заодно с казацким сословием он решил вымарать из генетики и народную тягу к воле по всей России от самых южных гор до северных морей. В три недели «отец» выселил и без того обессиленных казаков с их земель, растворил в общей банке «братских народов», прибавив тем самым еще один ген вечного буйства к хромосомному набору будущих российских поколений. Не веря в генетику, он оказался величайшим генетиком. До сих пор почти в каждом русском по пьянке в ресторанах, саунах, на презентациях, дискотеках и лесных полянах оживают гены казаков,

которые многие, не зная истории, опрометчиво принимают за благородные гены гусар.

Но величайший генетик, «отец всех народов», был еще и величайшим мастером пытки. Причем не только физической, но и психологической. Чтобы никого из казаков впредь не тянула к себе память земли, он решил эту память подредактировать и подарил исконно казацкие земли их исконным врагам — горцам. Новый лоскуток на карте назвал автономией, присвоив ему самое дорогое для чеченцев — свой цвет на карте. Бывшую крепость Грозную, ставшую к тому времени городом, назначил работать столицей лоскутка. И одним росчерком пера решил затянувшийся спор племен-народов, какую письменность им, наконец, выбрать для их будущего — арабскую или латынь, подарив лично от себя с грузинским великодушием русский алфавит.

Надо сказать, от природы мысли у горцев быстры, как их кони и реки. Они сразу же сообразили, что такому подарку лучше обрадоваться. И обрадовались. Из последних сил. Поняли — иначе «отец» и их растворит в этом же многонациональном растворе. Они своим общинно-родовым чутьем людей природы почувствовали в нем своего. То есть даже не отца, а пахана всех народов. Потому что он не уговаривал их дружить. Он им дружить приказал!

Все-таки Сталин был романтиком! Он верил в воплощаемость своих невоплощаемых идей. Я думаю, что и Сталин, и Гитлер, и Наполеон, и Македонский — все были романтиками. И даже Нерон! Они все верили, что могут изменять законы природы. И все любили об этом мечтать. У них была очень мощная энергия мечты. Просто их мечты были со знаком «минус». Я всех романтиков делю на романтиков-«светильников» и романтиков-«гасильников». Они были романтиками-«гасильниками». Однако, как и подобает любым романтикам, они наверняка тоже мечтали перед сном. Только о завоеваниях, уничтожении народов, о власти над миром, душами...

Пахан всех народов был одним из самых ярких и мощных романтиков-«гасильников». Он романтично верил в то, что с выселением казаков на их земле навсегда наступит спокойствие. Верил, что с открытием отдела атеизма в краеведческом музее чеченцы тут же сменят веру в Аллаха на веру в социализм с человеческим лицом. Что во вновь открытых библиотеках чеченцы будут учить наизусть стихи Багрицкого и Демьяна Бедного, петь овцам в горах песни Лебедева-Кумача, а по вечерам танцевать в парусиновых брюках и соломенных шляпах под духовой оркестр на танцплощадках домов отдыха, а потом на кухнях за чаем под музыку Дунаевского обсуждать его личную новую Конституцию.

Среди чеченцев он назначил не только секретарей партячек, комендантов, заведующих складами, но и драматургов, композиторов, писателей, поэтов. Приставил к ним переводчиков, которые по приказу партии научились переводить три запева с чеченского в девять-двенадцать поэм на русском. Наконец, пытаясь выиграть в споре с генетикой, снял фильм о любви русской барышни-свинарки и чеченского джентльмена-пастуха, который заканчивался хеппи-эндомским поцелуем на ВДНХ, а начинался шагающим стадом коров с гор под песню «Шагай вперед, комсомольское племя». Говорят, когда в аулах фильм показывали чеченцам, те хохотали, думая, что это комедия.

Он был романтиком-монстром. Он верил в дружбу народов, которые будут дружить, если из

них периодически выстригать тех, кто дружить не хочет. Единственное, во что он не верил, это в генетику — в этого самого мощного режиссера истории, поэтому и стал главным минером нашего будущего, объединив и замкнув в общих границах немало самовоспламеняющихся смесей.

У всех романтиков-«гасильников» есть общее. Они все относятся к людскому роду, как к послушному им министерству, которому можно ежедневно спускать сверху инструкции. Они даже считают, что могут гасить генные коды какого-либо народа или всего человечества, ссылая, расстреливая и сжигая. Но ни одному из них это не удалось, потому что огонь генетики — единственный вечный огонь. Если он затаится хоть в одной хромосомке, он все равно когда-нибудь оживет. Так произошло и с «вечным чеченским огнем». Во время Второй мировой войны откуда-то из глубины множества спиралек ДНК вдруг дала о себе знать мирно дремавшая до подхода немцев к Грозному спиралька, обиженная еще Ермоловым. Множество чеченцев тут же перешли на сторону немцев, полагая, что уж немцы-то точно помогут им провести вендетту ермоловским потомкам, которые столько лет унижали их школами, алфавитом, библиотеками, музеями, консерваториями, планетарием и прочими ужасами.

Правда, Грозный так и не попал в руки немцев. На этот раз они не учли огня в генетике русского солдата, у которого неизвестно что откуда порой берется.

Пахан народов тоже знал основы вендетты, поскольку тоже был истинным горцем. Он был далек от философии непротивления злу насилием. И очень не любил подставлять правую щеку, когда ударят по левой. Уже в 1944 году Сталин выделил из действующей армии более ста тысяч солдат и офицеров. Несмотря на жесточайшие бои на фронте, ввел в Чечню отборные силы НКВД и в те же, уже традиционные три недели «растворил» чеченцев вслед за казаками по закоулкам своей империи. Правда, превратившись за многие годы из мастера психологической пытки в художника этого дела, сохранил за ними те земли, которые сам же им подарил. Мол, они — ваши, но любить их будете отныне издали. Так строгий отец дарит непослушному сыночку новую игрушку и тут же прячет ее в шкаф. Мол, она твоя, но не отдам, пока не поумнеешь.

Несмотря на то что монстр становился с годами все циничнее, он все-таки оставался романтиком. На этот раз он поверил, что «растворенные» чеченцы никогда уже не вернуться на подаренные им земли, что история будет развиваться по его инструкциям. Он даже в страшном предсмертном сне не мог предположить, что когда-нибудь начнется перестройка созданного им «министерства» и следующие за ним отцы-романтики как саперы-самоучки начнут разминировать заложенные им мины, по очереди наступая на каждую из них!

Надо отдать должное чеченцам. На чужбине они не стали растворяться, как казаки, прибавляя к хромосомной коллекции русского народа еще одно несочетание. Несмотря на долгие годы в изгнании, постарались сохранить свое самосознание по различным мафиозным структурам. Это им удалось настолько, что даже в те жесткие годы майоров Прониных в различных уголках России многие родители говорили своим детям: «В тот дом вечером не ходи. Там живут чеченцы!»

Интересно, что самое спокойное время на беспокойном чеченском лоскутке наступило после того, как с этого лоскутка выселили и чеченцев и казаков. А тех, кто остался жить, просто не хватало для образования взрывной критической массы. Нельзя же разжечь костер из одних спичек.

- - *

Есть люди, которые понимают только силу. Они считают, что если ты в чем-то идешь им навстречу, делаешь уступки или вообще что-то хорошее, значит, ты или дурак, или нездоров, или у тебя не хватает сил, чтобы диктовать свои условия.

Многие считают, что сила — основная черта мусульманского мира. Мол, даже в Коране приветствуется убийство иноверца. Неправда. Пророк Мухаммед сформулировал такую же нравственную религию, как и все остальные пророки. Мусульмане, в частности наши татары, которые живут по Корану, могут быть примером для многих сегодняшних христиан. Они чисто плотны, почитают своих родителей, старших, соблюдают посты, молитвы, помогают бедным... Пророк Мухаммед запрещал алкоголь, азартные игры, призывал строго карать за измену, воровство и убийство. В мусульманской религии, как самой поздней из религий, другая беда. К тому времени, как появился на свет Мухаммед, христианство и буддизм не приняли те народы, которые не были готовы к вере в одного бога, задержались в язычестве. Сознание многих из этих народов не могло понять учения нового пророка. Были среди них и такие, которые приняли мусульманство лишь потому, что оно разрешало многоженство. Они приняли удобную для них обрядовость, не вдумываясь в смысл проповедей Мухаммеда. Поэтому в мусульманском мире так скоро развились экстремизм, ваххабизм и другие секты. Между экстремизмом и мусульманством такая же разница, как между христианством и инквизицией. Любой мусульманин, признающий кровную месть, не мусульманин, а экстремист, поскольку пророк мусульманства Мухаммед кровную месть категорически отрицал.

С мусульманами можно жить мирно, а с экстремистами нельзя договориться. Их можно только выдавливать ермоловским поршнем. Это особенно хорошо знает сегодня Израиль. У них своя Чечня под боком. Причем не за две тысячи километров, а рядышком, как у нас в Подмосковье. Их последний конфликт вспыхнул, потому что под напором Америки Израиль хотел договориться с экстремистами по-хорошему. Значит, у Израиля ослабла армия — тут же сделали вывод экстремисты. И начались взрывы, террористические акты.

- - *

Ермолов утверждал, что с чеченцами-экстремистами договариваться бессмысленно. Если с ними садишься за переговоры, они считают, что у тебя «кончились патроны»!

Ваххабиты, ненавидя Ермолова в первую очередь за его высказывания, всеми своими силами и теперь доказывают, что, к сожалению, он был прав. И как только первый сапер-самоучка, отец перестройки, позволил им вернуться на исконно не их территории, они тут же решили,

что у русских «кончились патроны». Следовательно, с русскими можно теперь не считаться. Вряд ли кто-то из них в тот момент вспомнил о построенных Россией для них библиотеках, музеях, школах, железнодорожном вокзале, консерватории, фильме «Свинарка и пастух» и о вере еще одного романтика-перестроечника в то, что они, вернувшись, будут отныне заниматься выпечкой хлебобулочных изделий и вышивкой крестиком на пальцах.

Ну, а когда следующий наш отец, он же дедушка русскоязычной демократии, начал, бросая по всем закоулкам бывшей империи «русскоязычных соотечественников», выводить отовсюду войска, втайне надеясь, что ему за это дадут Нобелевскую премию, как и его предшественнику за развал Берлинской стены, они и вовсе уверились, что на Россию можно больше не оглядываться. «Даже оружие побросали, нам оставили. Значит, боится, боится нас Россия!»

•
○ *

Невольно после такого прочтения истории болезни русско-чеченской хроники напрашивается вопрос: а на кой черт нам вообще эта Чечня нужна? Мне лично она не нужна, моим знакомым не нужна, не нужна друзьям моих знакомых, знакомым друзей... Так когда-то проводили субботники под руководством коммунистической партии: тебе это надо? Нет. А тебе? Тоже нет. Это никому не надо. Но раз надо, значит, надо! Интересы Родины!

Понимаю, очень хочется отомстить за все теракты, взрывы, за погибших, покорить, или, как говорили у нас во дворе, «дать по соплям». Скорее всего при нашей жизни вся история этим и закончится. Недаром сегодня, почувствовав нашу силу, даже многие чеченцы-экстремисты стали переходить на нашу сторону. И делают вид, что нам верят, после чего мы делаем вид, что верим им, а они делают вид, что верят нам, что мы верим им.

Но, учитывая двухсотлетнюю историю, мы забываем, что, покоряя Чечню, лишь заглушаем на время симптомы болезни и тормозим ее историческое развитие. Более двух столетий мы мешали чеченцам развиваться по их законам. Если же учесть, сколько беды мы принесли в их горы своими вековыми карательными зачистками и мародерством, то станет понятно, как они нас ненавидят всем своим общинно-родовым хромосомным набором. Несколько поколений наших обоюдных варварских народов должны жить параллельно друг другу, чтобы изжить обоюдную ненависть из озлобленного хромосом. Мы довели их до того, что многие из них уверены — за убийство русского его душу в раю будут обслуживать сорок невинных девушек.

Очередное укрощение Чечни — очередное преступление против исторической мудрости. И зачем оно нам? Грузия-ежик клянется теперь в верности НАТО. Мечтает ошетиниться их иголками, российские нынче — не колючие. Азербайджан — с Турцией. А мы — с оставшимися от дружбы с ними племенами-прокладками, как с гантелями на ногах, — шагаем в наше светлое капиталистическое будущее. Для чего они нам? Чтобы снова начать строить им школы, библиотеки, консерватории? Но люди, которые считают геройством изнасилование, мужеством — захват роддома, не знают толком проповедей собственного пророка Мухаммеда, вряд ли будут трудиться библиотекарями и музейными работниками.

Перед Новым годом в одном из отрядов боевиков в честь праздника развесили на деревьях гирлянды из отрезанных ушей. Такие люди все равно будут заниматься работоторговлей, воровать нефть, грабить банки, создавать мафии и заниматься любимым для них горно-обогатительным делом, что означает: спустился с гор, обогатился и обратно в горы. Развитой рабовладельческой строй — их светлое будущее.

Да, они тоже любят порассуждать о том, как им нравится демократия. Но она им нравится, когда они в нее заезжают ненадолго, как по туристической, повеселиться, оттянуться, приодеться. Наша и западная демократии для них — развлечение, что-то вроде казино. Дома они все равно будут жить по законам шариата и будут продолжать нас с радостью взрывать. А Запад будет нас винить и клеймить позором за нарушение прав человека, за неадекватные наши действия!

Однажды на концерте меня в записке спросили: как бы я решил проблему Чечни, если бы мне дали власть? Я ответил:

Я бы подарил ее тем, кто за нее хлопочет и ей помогает: Грузии, Турции, Америке, Совету Европы и, конечно же, странам Балтии.

Но вернул бы им не тот подаренный Сталиным лоскуток, а исконно их, чеченскую территорию в горах, где испокон веков жило племя нахчо! Сталинские законы считаются преступными против человечества. Поэтому ни один Гаагский суд не сможет это решение опротестовать. И не надо будет беспокоиться о русских в Чечне. Все русские живут на исконно русских казацких равнинных землях. В горах русских никогда не было.

Установил бы границы по Тереку и по горам, как это было в позапрошлом столетии до начала Кавказской войны. Отгородился бы от вечного бунта этаким частоколом из всего наследства былой советской мощи. Сунулись на нашу равнину — сработали фотоэлементы и на километр накрыли все, выровняли вместе с горами. Терек вскипел — не переплывешь.

Когда в 1994 году началась очередная чеченская война, я возглавлял фонд помощи русским людям в ближнем зарубежье и тогда написал письмо премьер-министру, в котором предлагал перевезти всех русских из Чечни, дать им статус беженцев, после чего оттеснить чеченцев за Терек и разделиться. Кто-то из советников от имени премьера ответил мне: «Это нам невыгодно». Я не сразу понял, насколько точен был его ответ. Действительно, ИМ это было невыгодно. Выгоднее было бомбить Чечню, потом посылать деньги на восстановление, потом снова бомбить уже якобы восстановленное. А ведь сделай в то время по моему совету, сколько бы денег могло сэкономить государство и насколько спокойнее мы восстанавливали бы сегодня наш обмен веществ.

Интересно, в тот вечер моих фантазий со зрителями ни один человек из двухтысячного зала не прислал мне обвинения в непатриотизме или гневного возражения: мол, нельзя создавать прецедент. Другие республики тоже захотят независимости: Татарстан, Башкортостан и прочие «станы». Видимо, среди зрителей не было чиновников и штабистов, а люди мыслящие прекрасно понимают, что после такого раздела Чечне придется выпускать свою валюту, паспорта, самим учиться выращивать хлеб, строить дома, школы, открывать свои

производства и, страшно сказать, протягивать свой нефтепровод. Зачем это нужно Татарстану, если у Татарстана есть наш нефтепровод, наши производства? Как только республики увидят, что произойдет с Чечней после отделения, «все «станы» будут в гости к нам». Ведь все они кормятся дружбой с нами, а не войной.

Те, кто мечтает отомстить Чечне, должны понимать, что отделение ее будет самой страшной нашей мезтью. Ведь если война закончится, большинству мужского населения Чечни нечем будет заниматься, кроме как воевать друг с другом за право стать главенствующим родом. Другое дело, как это сделать, когда столько людей сегодня живет и кормится от войны. Тут должен вмешаться наш президент и намекнуть своему окружению, что на этот план будут выделены немалые средства из бюджета, и нужно немедленно организовывать разные фонды помощи новой стратегии. Но сразу предупредить, что украсть разрешается не более десяти процентов, как это принято в цивилизованных странах. Иначе цивилизованные страны опять обзавидуются и не простят нам наши долги им.

ВОЙНА ПРЕКРАТИТСЯ СРАЗУ, КАК ТОЛЬКО МИР СТАНЕТ ВЫГОДНЕЕ НАШИМ КОРМЛЕНЦАМ!

Я понимаю, те, против кого я сейчас фантазирую, назовут меня «непатриотом». Но благодаря патриотизму политиков, президентов, королей, римских пап, паств, разнообразных конфессий и просто народных зомбированных толп история Европы — сплошная непрекращающаяся мясорубка. Если два патриота своих дворов встречаются в подворотне — это верные синяки. Если не могут разойтись политики-патриоты — это тысячи, а то и миллионы погибших людей.

СЛУШАТЬСЯ ПАТРИОТОВ — ЭТО ЗНАЧИТ ВСЕГДА ВОЕВАТЬ.

Кстати, об этом писал в своих дневниках еще Лев Толстой.

Конечно, все эти фантазии сегодня так и останутся фантазиями. Я это понимаю. И не только я. Многие сегодня вообще стараются не думать о Чечне, отмахиваются от мыслей о ней, как от навозной мухи. Им даже нравятся подредактированные государством и его помощниками нынешние чисто совдеповские позитивные репортажи из Чечни. Мол, да, жертвы есть, но могло быть и хуже.

Однако невозможно забыть о Чечне, пока гибнут наши солдаты, пока матери не понимают, какую Родину защищают их сыновья. О проблеме нельзя забыть, ее можно только решить. А как гласит опять-таки древняя мудрость:

НЕРЕШАЕМЫХ ПРОБЛЕМ НЕТ! ПРОСТО, ЧТОБЫ РЕШИТЬ ЛЮБУЮ ПРОБЛЕМУ, НАДО СНАЧАЛА РЕШИТЬСЯ ЕЕ РЕШИТЬ.

На это наша голова и не способна. Поэтому и приятно бывает хотя бы пофантазировать. Например, о том, что Чечня уже не наша, войны нет. Молодые люди с таким же задиристым выражением лица, как у Димы, первого сентября направляются в институты, а не на войну. Граница с Чечней на амбарном ядерном замке. Москва чиста от чеченской мафии. На

улицах столицы не сидят орлами на корточках, отдыхая, как на зоне, кавказцы. Пару раз, наткнувшись на запертую границу, энергия воинствующего чеченского пыла хлынула в направлении хлопотавших за них стран. По всей Турции крупной рассыпались чеченские мафии. Они же рэкетируют грузинские рынки и угоняют американские самолеты и набирают рабов в Совете Европы. Правда, из членов Совета Европы рабы получатся квелые. Раб ведь работать должен, а не говорить. Чеченцы быстро разочаруются в них и потянутся за более профессиональными рабами в страны Балтии, где даже улицы названы именами их боевиков-командиров. В Риге улицу Космонавтов и ту переименовали в улицу имени героя Дудаева.

А разве не приятно пофантазировать, что уже через пару лет Америка с Турцией проклянут наш «подарок». Грузия попросится обратно в состав России, вспомнит о своем неocenимом вкладе в дело развала Союза с помощью Шеварднадзе. И даже, может быть, в Латвии поймут в результате такой дружбы с чеченцами без посредников, что Гагарин все-таки больше сделал для человечества, чем Дудаев.

Думаю, очень скоро после нашего развода чеченцам, как и новорусским корешам, перекроют въезд в большинство стран, запретят вход в мировые казино и не будут их подпускать уважающие себя банки. Поэтому можно даже нафантазировать, как довольно скоро чеченцы сами предложат нам свою дружбу и поклянутся в верности нам, потому что без банков им будет совсем невмоготу. Тем более без российских, которые так способствуют развитию творческо-финансовой мысли. К тому же среди самих чеченцев все больше появляется таких, кто хочет, чтобы их дети учились в школах и в консерваториях, а не в лесах под зеленкой. Да и Россия к тому времени без геморроя-гнояника восстановит быстрее обмен веществ и сможет войти в новый виток дружбы не с войной, а с красиво упакованной колбасой, гамбургерами, цыплячьими ножками и не столь строгой, как на Западе, финансовой системой — лучшим залогом дня политической дружбы.

Кстати, подобные неожиданности потепления уже случались даже в новейшей истории России. В тех же странах Балтии очень скоро после «развода» коренное население в быту стало гораздо лучше относиться к нам. Латыши начали снова смотреть российское телевидение, ходить на гастролирующие у них российские театры. Литовцы, попав под американский пресс, возненавидели американцев пуще русских. Даже эстонцы стали потихоньку вспоминать русский язык, понимая, что иначе много не заработаешь. Финны взятки не дают, а русские из чувства патриотизма дают их, только если с ними говорят на родном русском языке. Многочисленные евреи, уехав от волн советского антисемитизма, даже в западных, богатых колбасным счастьем странах поголовно ностальгируют теперь по России. У кого ни спроси, ответ один — мы любим Россию, нам ее не хватает. Видимо, нас пока можно любить только издали. Но, конечно, только пока. Пока мы не научимся осуществлять свои фантазии и мечты и решаться решать наши проблемы!

Словом, какие только глупые фантазии не баламутят воображение, когда часто смотришь телевизор. Я чаще всего смотрю его в Риге вместе с мамой. Если во время «Новостей» мама задремлет, то ненадолго, к концу просыпается. На десерт в «Новостях» всегда рассказывают о чем-то, как это принято говорить, «позитивном». Суровый, с горчинкой в начале

«Новостей» голос диктора к финалу передачи добреет. Он становится похожим на голос советского диктора, который рассказывает нам о наших индустриальных успехах, о том, сколько выплавили стали и чугуна и произвели соды на душу населения. Поскольку нынче о душе забыли, то диктор тем же голосом сказочника рассказывает нам о родившемся в Московском зоопарке бегемотике или свадьбе цыганского барона. Однажды мама открыла глаза, когда показывали Московский бал шляп.

Да! В далеких российских городах похороны десантников, голод, радиация, повышенный градус ненависти, беспросветное будущее, нелогичная жизнь, а на экране бал шляп! Каких только шляп здесь нет! И похожих на колеса, и на тлеющие на голове костры, и на клумбы, и на кимоно, и на ветки каких-то диковинных растений, и на соломенные крыши. После того что мы слышали в начале «Новостей», такой бал шляп представляется некой фиестой в сумасшедшем доме. Разгул русского целлюлита: здесь и бизнесмены, и их жены, чиновники и даже священники. Когда-то также шел бал на Аничковом мосту. На нем были Пушкин, Гончарова, царь. Потом был застрелен Пушкин, были написаны стихи на его смерть Лермонтовым, и Лермонтов, в свою очередь, погиб на кавказской войне.

Увидав священника на бале шляп, мама востепенулась. «Уладить все конфликты в мире могут только главы конфессий, — говорит она мне. — Ты подай эту идею кому-нибудь, когда у тебя будут брать интервью».

Я соглашаюсь: «Действительно, война между народами невозможна, навоевались! Теперь если и будет мировая война, то между паствами. Ты права. Надо об этом упомянуть в каком-нибудь интервью».

А сам думаю: мама уже не верит в государственное мышление государственных работников, правда, она еще верит в священнослужителей. Это все-таки здорово! Я не буду переубеждать ее. Мне не хочется рассказывать ей, что Церковь торгует сигаретами, имеет таможенные льготы на нефть, цветные металлы и что проверять их боится даже налоговая полиция — вдруг отлучат от Церкви.

Словно в подтверждение моих мыслей, кто-то из жен бизнесменов хвастается своей шляпкой, похожей на лист лопуха с гнездом для ворон наверху! Она с гордостью рассказывает телезрителям о том, что ее шляпку освятил ее личный друг-владыко, который эксклюзивно отпускает ее эксклюзивные грехи в своем эксклюзивном бутике-храме. и она рассчитывает поэтому на балу на один из эксклюзивных призов.

— Слава богу, что на этом балу хоть нет самого президента. — говорит мама.

Она верит нашему президенту, она постоянно приводит мне доказательства его преданности России. Мне тоже хочется ему верить, но я пока боюсь. Мне надо, чтобы сначала кончилась война.

2001–2005

Скелет в мониторе

В девяностые годы в Москве на различных предприятиях работало довольно много вьетнамцев. Это была самая дешевая в России рабочая сила. Так как во Вьетнаме жизнь еще беднее, чем в России, то, улетая к себе домой, они готовы были захватить для дома, для семьи даже украденные с завода или выкрученные в общежитии винтики, гайки, гвозди, инструменты... А поскольку их чемоданы на таможне тщательно проверяли, то старались распахать это все по карманам пальто. Таможня, естественно, хорошо знала их мелко воровские привычки, и, если вьетнамец улетал домой в пальто, это означало, что его подкладка увешана украденными «шпунтиками».

В то время в Шереметьево множество молодых вьетнамцев в своих сереньких пальтишках напоминали шныряющих из угла в угол мышек с испуганными заранее глазами. Наши таможенники вообще любят с иностранцами корчить из себя «Иванов Грозных». С вьетнамцами у них это получалось особенно удачно. Проверять их было особым удовольствием, как для кошек проведение кастинга мышек.

Во время осмотра очередной «мышки» таможенник, похожий на располневшего от зажиточной жизни кота, посмотрел на свою жертву и грозно приказал:

— Буду проверять все. Давай, загружай все, что у тебя есть, на ленту.

Сам же уставился в монитор. И вдруг видит, на экране проплывает скелет, причем скрюченный в форме зародыша — целый, вместе с черепом. У «кота» чуть усы не отпали от ужаса.

Оказывается, не очень хорошо знающий русский язык вьетнамец подумал, что таможенник решил посмотреть и его тоже, и сам залез на транспортер, свернувшись в позу эмбриона.

Надо отдать должное, таможенник быстро сообразил, в чем дело. Остановил транспортер так, чтобы «скелет» оставался на мониторе, и начал созывать всех своих друзей посмотреть на это чудо.

Англичанка и VIP по-русски

Англичанка, хорошо знающая русский язык, решила лететь перед самым Новым годом, 31 декабря, домой, в Лондон, Аэрофлотом. Все-таки Аэрофлотом дешевле, чем британскими компаниями.

Пришла в зал VIP — дело было во второй половине дня, — а там, за регистрационной стойкой, сидит в «лоскуты» пьяная наша администратор. Как-никак 31 декабря! К тому же время послеобеденное.

Англичанка, естественно, возмутилась:

— Вы же пьяны!

Наша ей отвечает по-нашенски:

— Ну и че тебе-то?

— Я буду жаловаться!

— Кому?! Тебя проводить к начальнику?

— Да, проводите.

Пришли в кабинет к начальнику. А там за накрытым столом-поляной сидит начальник — в те же «лоскуты». С галстуком набок и пиджаком, застегнутым не на ту пуговицу.

Англичанка, с чувством, не свойственным северным народам, аж вскрикнула:

— Как? И вы пьяны?!

— Я пьян?! — искренне вознегодовал начальник. — Да вы еще экипаж не видели, с которым полетите!

С испуга англичанка в тот день в Лондон не полетела и встречала Новый год в Москве!

На ошибках учатся!

Произошло это в обычной банальной российской глубинке. Парень познакомился с девушкой. Распалились пивом. Он ей предложил пойти к нему. После того как она согласилась, он ей признался, что вообще-то у него квартиры нет. Есть только гараж.

Она была нашей девахой. Не боязливой. Коня на скаку остановит, в гараж, если надо, пойдет.

Пришли в гараж. Для того чтобы гараж показался гостиничным люксом, пива они выпили недостаточно. Он предложил сгонять за водкой.

— Только если недолго. — предупредила она. — Я тороплюсь.

Парень оказался недоверчивый. А вдруг сбежит? На всякий случай запер ее в гараже. Сам же так торопился, что, когда перебежал через улицу, его зацепило капотом проезжающей машины. Слава богу, остался жив! Однако в реанимацию его отвезли. Продержали там дня три. Когда очнулся, вспомнил, что у него в гараже девушка. От таких воспоминаний отключился еще на пару деньков. Когда пришел в себя окончательно, позвонил другу:

— Выручай. У меня баба в гараже уже неделю сидит. Очень тебя прошу, заезжай ко мне, возьми ключи и выпусти ее.

Зря друг согласился быть спасателем! Деваха была не просто русской женщиной, а еще энергичной и по-нашенски упитанной. А там, в гараже, была лопата. Она уже трое суток ждала с этой лопатой в позе «девушка с веслом». Лишь бы кто-нибудь открыл ей дверь. И ей было все равно кто! Требовалось только одно: на чем-то или на ком-то сфокусировать накопившуюся за неделю не совсем положительную энергию.

В общем, друг попал в ту же реанимацию. Положили их рядышком. Лежат и ухохатываются над случившимся.

Правда, тот, который все «замутил», ухохатывался лишь до того момента, пока его не выпустили из больницы и он не вошел в свой гараж. Там помимо лопаты еще была отличная западная дрель. Все эти дни деваха от нечего делать развлекалась тем, что сверлила этой дрелью корпус машины — машина превратилась в огромный дуршлаг!

Поскольку эту историю мне рассказывал сам «герой», я его спросил:

— Ну, ты сделал какие-нибудь нравственные выводы из этой истории?

— Конечно, — ответил тот, не задумываясь. — Никогда больше не буду держать дрель в гараже!

Пацан-патриот

Наши пацаны порой бывают значительно патриотичнее, чем политики. Одному из таких пацанов настолько осточертело немецкое скупердяйство, с одной стороны, с другой — их постоянное хвастовство своими машинами, что он не выдержал:

— Что вы все время хвастаетесь — «Мерседесами»? Вон смотри, у меня «трехсотый». Но я могу, например, взять отвертку и дырок набить прямо в нем, понял?

Немец, естественно, возмутился:

— Ты не сделаешь этого. Я не верю. «Мерседес» — это же лучшая компания в мире!

Тогда хитроумный пацан предложил ему спор:

— На 1000 долларов, согласен?

— Согласен! — обрадовался немец, не веря в возможное унижение немецкой автомобильной гордости. Ему уже мерещилась заработанная на халяву тысяча долларов. Но он не знал наших.

Пацан залез на крышу своего «трехсотого» и со всей силы отверткой настучал в ней множество дырок. Немец побледнел, отдал 1000 долларов. Пацан поехал в автосервис и прорезал в этом месте люк всего лишь за 300 долларов!

Официант

Официант долгое время работал в ресторане провинциального города. Главными клиентами были пацаны, кореша, братаны... Подзывали официантов, как правило: «Эй, ты, поди сюда». Так случилось, что родители официанта переехали вскоре в Москву. Он с ними. Устроился работать в дорогой ресторан. Первое время не мог понять общепринятых жестов. При этом старался быть как можно приветливее, чтобы его не выгнали. Однажды, когда посетитель-

иностранец, желая его подозвать, помахал из-за столика рукой, тот, вместо того чтобы подойти к нему, с улыбочкой, как учили, помахал ему в ответ.

Сообразительный!

Двое наших ребят ехали на мотоциклах по какой-то провинциальной дороге. На перекрестке за городом их остановил милиционер. Как и подобает, начал спрашивать по всей строгости предписания:

— Почему без шлемов? Шлем, между прочим, выдерживает удар до пяти тонн. Опасно ездить без шлемов!

Прочел целую лекцию и, естественно, оштрафовал.

Оштрафованные и уже менее радостные, они поехали дальше. Заехали в свою деревню. Сделали дела. Пора возвращаться. Причем той же дорогой. Они размышляют:

— Он же нас опять оштрафует. Где мы в нашей деревне возьмем шлемы?

И тут один из них сообразил:

— Смотри, у меня в сумке мяч для водного поло. Давай разрежем напополам и наденем на головы. Издали мент примет их за шлемы.

— Давай.

Надели пополамки от мяча на голову. Чтоб не сдуло, привязали их изоляционной лентой вокруг шеи. Наши все могут склеить с помощью смекалки, мата и изоляционной ленты.

Едут. Но, поскольку все-таки пополамка от мяча на шлем не очень похожа, тот, что поопытней, сказал своему другу:

— Когда мимо мента поедем, ты гони порезвее, понял? Чтобы «мусор» не успел заметить наши головы в пупырышек.

Они развили скорость, и у одного из них все это сооружение с головы сдуло. Причем по закону подлости перед самым постом милиции. Мент был начеку, тут же затормозил, выкинул свой царственный жезл. А поскольку он уже принял «сто грамм радости» на деньги, доставшиеся от предыдущего штрафа, ему очень хотелось с кем-нибудь поговорить. Он уже не просто спросил, почему вы без шлемов, а опять начал читать гораздо более подробную лекцию, мол, шлем выдерживает удар более чем в пять тонн! Только на этот раз решил еще и проиллюстрировать свой лекционный материал.

— Смотри, твой друг же надел шлем — молодец! Зато теперь любой удар выдержит.

И в доказательство со всей силы ударил того палкой по голове, вернее, по тому, что казалось ему шлемом.

Результат — легкое сотрясение мозга, недолгая реанимация и увлекательный рассказ о случившемся на всю жизнь.

Висяк по-русски!

Везли свиней в товарном вагоне. В Питер. Но, как это у нас, к сожалению, частенько случается, их украли на первом же из перегонов, потому что транспортная милиция, которая должна была свиней охранять, напилась. Наутро, протрезвев, ребята сообразили, что за свиней им придется отвечать, платить. Весьма находчиво, всего лишь за бутылку, они нашли свидетеля, который подписал бумагу, что он видел, как свиньи сами спрыгивали с состава.

Однако! Поскольку транспортная милиция отвечает еще за полтора метра по обе стороны от полотна, то за вторую бутылку они нашли и второго свидетеля, который подписал еще одну бумагу, будто бы он видел, как свиньи прыгали дальше, чем на полтора метра. То есть неслабое толчковое копытце было у каждой свинюшки. Да и разбег, видать, брали по всему товарному составу.

Тем не менее бумага сработала, и дело было передано наземной милиции. Наземная милиция сразу сообразила, что на нее сбросили так называемый «висяк» — то есть гиблое дело. Впрочем, и они тоже оказались не лыком шиты. Нашли своего свидетеля, который вообще подписал бумагу, что он видел, как свиньи прыгали из состава прямо в Финский залив.

Поскольку свиней никто больше с тех пор нигде не видел, пошел запрос в Финляндию: «Не появлялись ли у вас русские свиньи?»

Финны — ребята аккуратные. Слово «висяк» для них непереводаемо. Со своей финской дотошностью они неторопливо обшарили свои берега, однако следов не нашли. И прислали ответ: «Видимо, русские свиньи утонули по дороге в Финляндию».

У нас все по фэн-шую!

Гена, я тебе чего звоню? Ты это... Ты к нам в гости больше со своей женой не приходи. Почему? Как тебе объяснить... Понимаешь, ты у нас, я знаю, продвинутый. Моя жена тоже. Неадекватная. Правда, она считает, что она просветленная. Как и твоя. Знаешь, когда первый раз ей это просветление в голову вступило? После того как ты лет шесть назад оставил у нас брошюру «Очистка кармы крапивой». Тебе смешно, Гена, а моя месяц по этой брошюре мне карму чистила. До сих пор вся карма в пупырышек.

Потом твоя жена дала ей почитать кулинарную книгу «1200 блюд из сырого лука от всех болезней». Я целый год плакал, но ел! Я тогда тебе ничего не сказал. Хотя к тому времени у нас уже целая библиотека твоих просветленных даров скопилась. И «Свекла улучшает дыхание», и «Сельдерей для потенции», и «Йога за рулем», и «Ритуальные танцы тай-чи при встрече с ГАИ», и «Морковка от одиночества».

А эту брошюру помнишь — «Как улучшить зрение и слух с помощью капустного листа»? Не

помнишь? Я тебе напомним. Надо неделю. Гена, понимаешь, неделю — каждый день на 10–12 часов надевать на лицо капустный лист с прорезями для глаз и ушей. Ты представляешь, как на меня смотрели мои коллеги по работе? А в метро? До того, как я стал ездить с капустным листом в общественном транспорте, я себя, Гена, человеком считал. Таких слов в свой адрес, как в ту неделю, я не слышал даже... от мужиков-водителей в адрес женщины за рулем, которая едет в левой полосе, соблюдая все правила дорожного движения!

Ты не смейся. Гена. А будешь смеяться, я твоим детишкам тоже что-нибудь продвинутое подарю! Например, «Как из мебельного гарнитура с помощью топора сделать индейский шалаш для медитации».

Я, Гена, остался тебе другом даже после сборника откровений люберецких махатм под названием «Как открыть третий глаз». А вот после твоего последнего подарка мое терпение кончилось. Скажи честно, ты зачем в прошлый день рождения моей подарил китайскую энциклопедию под названием «Фэн-Шуй»?

Сначала я не обратил на этот подарок внимания, думал — такая инструкция к фэн-шуй, который произвели в Шуче. Оказывается, это древнее китайское учение, Гена, по которому китайцы становятся счастливыми, всё переставляя в квартире. Но я, Гена, не китаец, понимаешь? Ты не смейся, Ген, а слушай. Ты пробовал когда-нибудь спать по фэн-шуй — с правильной ориентацией на четыре части света: почками на север, пятками на восток, кадыком на юг? Это не смешно, Гена, каждую ночь штопором завинчиваться! А чтобы снились счастливые сны, оказывается, спать надо на самом юго-западе квартиры. У нас на юго-западе только балкон. Застекленный полиэтиленом. Летом еще ничего. А с начала февраля, ты знаешь, легкий дискомфорт от сосулек в носу. Чтоб твои дети, Гена, всю жизнь жили по фэн-шуй! Причем на твою фэн-шуйскую пенсию...

Почему? Потому что моя даже входную дверь и ту по твоему фэн-шуй переставила. Она же у нас выходила на закат. А с заката, оказывается, в квартиру может зайти негативная энергия старения. Так что для продления молодости дверь должна выходить строго на восход. У нас на восход — только окно. Было. Теперь это дверь. Ты вообще, Гена, представляешь окно с дверным глазком? А коврик для вытирания ног на подоконнике? Что-что? Окно где? Окно, Гена, чтобы энергия «ци» наполняла тебя, должно смотреть на юг! Мы его туда и прорубили. На юге у нас соседская комната оказалась. Причем кладовая. Теперь, когда проветриваем, от энергии «ци» очень тянет соседским нафталином.

Зато все по фэн-шуй!

Люстры торчат из пола, поскольку свет должен струиться строго снизу. Они к паркету прикручены, при ходьбе позвякивают, качаются сухостоем и наполняют тебя «музыкой ветра». Посреди люстр моя поставила фэн-шуйский талисман — дракон, защищающий дом от воровства И точно, в марте нас ограбили через нашу новую входную дверь. Причем украли все! Даже коврик с подоконника. Одного дракона не взяли. То есть от воровства он, конечно, защищает, но только самого себя. Воры даже записку оставили: «Извините, этого уроду оставляем вам».

А в последней главе твоей энциклопедии мудрости, Генуля, написано, что в вентиляционных трубах всегда поселяются бесовские энергосущности. И чтобы их оттуда изгнать, надо читать прямо в вентиляционное отверстие по ночам священные мантры. Представляешь мою, орущую ночью в вентиляционную трубу мантру: «Ом-Ма-Не-Пад-Ме-Хум!» И что ты думаешь? Сущности ей ответили! Тоже начали кричать: «Эй, придурки! Кончай орать в 2 часа ночи!» Причем этих сущностей оказалось так много! И все такие сквернословы.

Наконец, главное условие для растущего богатства — сложить в одну кучу все деньги в доме и на них посадить китайскую ритуальную жабу — символ богатства. И каждый день этот символ целовать. Ты не подсказешь, Гена, как мою зарплату в кучу сложить? Короче, мы пошли в зоомагазин, купили жабу... Все деньги, что были в доме, по копейке разменяли, сложили пирамидкой, потом, как сказано: посадили жабу на эту кучу, и давай целовать. Месяц целовали. И ты знаешь, Гена, я вскоре почувствовал, что поцелуи стали взаимными. И только потом мы прочитали, что жаба-то, оказывается, имелась в виду китайская фарфоровая статуэтка. А жаба уже привыкла и без поцелуев не может. Да и мы, честно говоря, тоже!

Короче, Гена, я чё тебе звоню. Самое главное по фэншую — это желать друзьям добра. Я тебе по-доброму желаю: не приходи больше со своей к нам в гости! А если придешь и продолжишь мою просветлять, я все-таки подарю твоим детишкам пособие для продвинутых детей просветленных родителей «Занимательная микрохирургия глаза в домашних условиях, пока папа спит».

Трудное детство

Врач-стоматолог поставил пациенту зубы и просит:

— А теперь, чтобы нам убедиться, что все в порядке, прополощите, пожалуйста, рот и скажите: «Сколько стоит сегодня стог сена?»

Пациент: Что сказать, доктор?

Доктор: Сколько сегодня стоит стог сена?

Пациент: Откуда ж я знаю?

Доктор: Что откуда вы знаете?

Пациент: Откуда я знаю, сколько он стоит? А вам зачем надо знать, доктор, у вас корова?

Доктор: Нет у меня никакой коровы, просто как же вам это объяснить? Мне надо, чтоб вы внятно и разборчиво, так, чтобы я вас понял, произнесли: «Сколько сегодня стоит стог сена?» Ну?

Пациент: Доктор, с вами все в порядке? Вам помощь не нужна? Нет?

Доктор(начинает замечать волноваться): Со мной-то все в порядке, а с вами — не уверен. Давайте говорить!

Пациент: Что говорить?

Доктор: Сколько стоит стог сена. Сегодня. Ну?

Пациент: Я и вчера не знал, сколько он стоит. Я не понимаю, доктор, вы что, сеном торгуете? Как вам не стыдно? Вам вашего заработка не хватает? Вы бы еще стропы парашютные вязать начали.

Доктор(сдерживаясь из последних сил): Послушайте, я вам в последний раз говорю. Я сеном не торгую, у меня нет коровы. У меня даже в детстве ее не было. У меня было тяжелое детство! Я из детдома, понимаете? Из детдома я!

Пациент: Я не понял, вы мне что, угрожаете, доктор?

Доктор: Нет, я объясняю. Мне, лично мне, совершенно все равно, сколько стоит стог сена и сегодня и сколько он стоил вчера. Но это мне, лично мне надо, чтобы вы немедленно сказали: «Сколько стоит стог сена?» Причем сегодня.

Пациент: Доктор, вы сейчас сами поняли, что вы сказали?

Доктор(почти кричит): Я-то понял. А вот вы давайте говорить немедленно, почему сегодня сено?

Пациент: Почему немедленно? Оно подорожать должно?

Доктор: Господи, ты зачем послал мне этот шедевр кунсткамеры?

Пациент: Ну, хорошо, хорошо, не волнуйтесь так, доктор. А большой или маленький?

Доктор(удивленно): Что большой — маленький?

Пациент: Стог сена.

Доктор: Средний! Немедленно говорите, сколько стоит средний стог сена. Сегодня. Стог. Средний. Почему?

Пациент: Хорошо, я скажу. Только сначала вы мне честно, доктор, скажите, сегодня выгодно сеном торговать? Я-то, дурак, торгую кроссовками, а, наверное, надо сеном, да?

Доктор: Вы сумасшедший, как можно торговать сеном? Это — трава. Понимаете? (Кричит.) Трава! Травка!!! Понимаете?

Пациент: Еще как понимаю! Травкой как раз и можно сегодня торговать. Тем более если такими объемами.

Доктор: Какими?!

Пациент: Стогами! Клянусь, доктор, первый раз слышу, чтоб травкой торговали стогами.

Доктор: При чем тут травка? Я вам про сено говорю, понимаете, сено!

Пациент: Ну вы извращенец, доктор! Сено курите?!

Доктор: Это вы — извращенец! Вы единственный пациент, который отказывается сказать, почему сегодня трава. В смысле травка. То есть сено!

Пациент: А что, все вам говорят, почему оно?

Доктор: Да!

Пациент: Во времена пошли, народ стогами траву курить начал... А у меня к вам встречный вопрос, доктор: вы пару кроссовок у меня не купите?

Доктор: О боже! Скажите честно, вы придуриваетесь?

Пациент: Да, придуриваюсь. Вы думаете, я сразу не понял, что вы хотите? Вы взятки берете! Это нормально. Но меня возмутили размеры этой взятки — стогами!!!

Доктор: Боже, нет сил. Идите отсюда. Или я заберу свою работу обратно!

Пациент: Нет уж. Теперь я не уйду, пока вы у меня кроссовки не купите. Хотя бы одну штуку. У нас, доктор, сейчас скидки — кто купит одну кроссовку за 250 долларов, вторая — в подарок!

Доктор: Вон, вон и еще раз вон!!!

Пациент выходит. Рядом с кабинетом сидит другой пациент.

Первый пациент: Извините, а вы можете сказать, сколько сегодня стоит стог сена?

Второй пациент(сильно шепелявя): Жаплосто! Школько шегодня штоит штог шена.

Первый пациент: О-о! Еще один придурок! Может, сегодня магнитные бури? Ну, этому экземпляру доктор долго будет объяснять, что у него было трудное детство.

Российский допинг

Сразу после распада Советского Союза у меня мелькнула мысль: «Как же мы теперь будем побеждать в Олимпийских играх?»

Во время Олимпиады в Греции Россия действительно отстала от Китая и Америки по золотым медалям. Но, во-первых, не намного. Во-вторых, если к российским медалям

прибавить медали, завоеванные спортсменами из бывших советских республик, то американцы останутся далеко позади. А если приплюсовать награды тех русских спортсменов, которые стали призерами, выступая за другие страны, скажем, за Израиль? Или русскоязычных казахских немцев из сборной Германии? Или детей брайтоновских и сиднеевских эмигрантов с именами Джон и Сэм вместо Ивана и Семы? Шутка ли, даже у американского пловца, завоевавшего пять медалей, дедушка оказался одесситом с Дерibasовской! Это ли не успех нашей спортивной советской генетики!

Лично меня охватывала неподдельная гордость, когда два боксера, их тренеры и судья на ринге разговаривали и ругались друг с другом по-русски!

Наконец, к этому списку можно приплюсовать еще тех олимпийцев-победителей, которых воспитали по всему миру бывшие советские тренеры, уехавшие из России! Если это все проанализировать и просуммировать, то получится, что почти все медали наши!

Невольно напрашивается вывод: для талантов и спортсменов Россия настоящая — плодородина.

Занять столько призовых мест, живя в стране, где с момента развала Советского Союза не было построено ни одного стадиона, где детские площадки во дворах родители собирают из фанерных ящичков, искореженных досок, кусков ржавой проволоки... где бассейны с застоявшейся, почти болотной водой и бескондиционерными раздевалками. Где полуразвалившиеся дворцы спорта отданы под шоу-бизнес и автосалоны. Где на стадионах, словно турецко-китайское иго, раскинулись шатрами и киосками полувосточные рынки. Где главный символ спортивной гордости России — Лужники — народ прозвал — «Нужники»! Где спортивные школы сдаются в аренду под залы игровых автоматов и дети накачивают мышцы джойстиком. Где родители недоедают, чтобы учить детей, будущих наших чемпионов, в дорогих спортивных секциях. При этом причитают: «За что мне Бог послал такое наказание — ребенка-вундеркинда?»

Да, наверно, мы бы получили гораздо больше медалей, если б в олимпийские виды спорта включили стрельбу из рогатки, борьбу с однорукими бандитами, взламывание чужих сайтов на время, обворовывание квартир через форточку с препятствиями и, конечно же, толкание речей!

Я вообще не понимаю, как можно было умудриться занять столько призовых мест, упражняясь в фехтовании в подъездах. Учась нырять с пеньков в лесные речки, когда вода достигает самого высокого уровня в дни паводка — по колено, а спортивной ходьбе обучаются с детства, пехом добираясь до сельских школ из своих безавтобус-ных сел и деревень. Наконец, женщины со спортивным шестом успешно упражняются только в стриптиз-барах.

Недаром у нас оказалась лучшая в мире российская команда стрелков. Их подготовила сама жизнь! Только им было где тренироваться. Потому что вся Россия — сегодня один большой тир! Широкоформатное стрельбище! Стрельба для России — это уже не спорт. Это быт. Как для эскимосов снег! Простой таксист стал чемпионом Олимпийских игр по стрельбе,

тренируясь ежедневно у себя на даче. вовсе и не мечтая об Олимпийских играх. Он просто тренировался, чтобы суметь защитить себя и свою семью в государстве, которое никого не может защитить, кроме своих казино, рынков, банков, ресторанов и залов игровых автоматов... Я не знаю, где тренировались остальные наши стрелки, но говорят, что после Олимпиады цены на услуги российских киллеров в мире мгновенно подскочили.

Откуда же берутся российские спортсмены, способные выступать на мировом уровне?! Да еще как выступать!

Наши девушки-бегуны порой бежали быстрее даже американок. И без всяких мыслей о спорте как о бизнесе. Просто бежали! От души, по-нашенски... Потому что если наша спортсменка, по примеру американской, задумается о своем спорте как о бизнесе, то ей придется решить задачу с неизвестным количеством неизвестных: как премиальные деньги за полученную медаль растянуть на всю оставшуюся жизнь, чтобы в старости эту олимпийскую медаль не заложить в ломбард?

Сколько же у нас талантливой молодежи!

Только наш русский паренек мог пять минут идти марафонским шагом с тепловым ударом, практически без сознания. О чем он думал в этот момент: о промоушине нашего государства, о флаге, о гимне, о том, будут выбирать президента на третий срок или нет? Вряд ли. Скорее, он просто хотел порадовать своих родителей. Они и так мало видели радости за свою вечно перестроечную жизнь. И дошел! Порадовал!

А наша женская волейбольная сборная? Во главе со своим незаменимым долгоиграющим тренером! Только он, единственный из всех тренеров мира, уже много лет умеет подобрать в самый ответственный момент такие вдохновенные русские слова, которые взбадривают его подопечных энергичнее, чем любой западный допинг. И при этом не засекается ни одним антидопинговым суперприбором!

Хочется сказать похвальные слова и гимнасткам. Они ведь боролись не только с соперницами, но и с судьями. Но как верно сказал спортивный комментатор: «К сожалению, все судьи живые люди!» Зато всего один наш гимнаст, которому болельщики разных стран, встав со своих мест, вопреки оценкам судей, в течение десяти минут аплодировали, сделал в этот день для нашей Родины больше, чем всё Министерство иностранных дел после развала Советского Союза. Это ж как надо было уронить спортивный авторитет страны, чтобы его, стоя на не наших трибунах, защищали три тысячи не наших болельщиков!

Я думаю, количество русских фамилий среди победивших из разных стран произвело такое неожиданное и неизгладимое впечатление на тех же американцев, что после Олимпиады непонятно откуда взявшийся и грозящий им тайфун они весьма символично назвали русским именем «Иван».

И не надо винить сборную России по плаванию, мол, она провалилась. В конце концов, никто из наших пловцов не утонул!

Я упомянул не всех наших олимпийцев, кто заслуживает добрых слов, — не все репортажи видел.

Низкий вам всем поклон!

Если б не ваши имена, как и имена наших ученых и людей искусства, о русских людях судили бы в мире по нефтепродуктам, сжиженному газу, разлетевшимся по миру проституткам, а также по Чубайсу, Березовскому, Абрамовичу, Басаеву и Жириновскому... И думали, что Россия — это такая беспринципная баба, которая дает кому ни попадя своими нефтяными скважинами.

Хочется похвалить и наш Олимпийский комитет. Его руководители все-таки сумели выделить какие-то средства для нашей олимпийской сборной, даже билеты купили спортсменам в Грецию! И обратно!

Однако особую благодарность хочется выразить Президенту России! Хороших он нашел для себя избранцев спортивного руководства. Нет-нет, я не оговорился, именно избранцев! Поэтому, учитывая их психологию не кормильцев спорта, а кормленцев от него, я бы позволил дать ему один совет. Если он хочет, чтобы наша сборная в будущих Олимпийских играх порадовала свою Отчизну и ее болельщиков, чтобы к нам вернулись наши талантливые спортсмены и тренеры из других стран, чтобы им было где и на что впредь тренироваться, чтобы появились стадионы, бассейны, гимнастические залы, фехтовальные дорожки, ему надо САМОМУ немедленно заняться плаванием, легкой атлетикой, фехтованием, начать играть в футбол... И, конечно же, принять участие в синхронном плавании вместе со своей Администрацией!!!

Дневник американского солдата

E-таiлы с фронта

E-MAIL № 1

Здравствуй, дорогая. Сегодня у нас на военной базе праздник — летим в Ирак! Это очень далеко. Ребята говорят, даже дальше, чем Мексика. Командование предупредило, что война будет тяжелой, потому что там очень жарко. Сержант утверждает, что Ирак находится на самом юге Африки. Но полковник, который раньше преподавал географию, сказал, что сержант неуч и что Ирак не на юге Африки, а на севере Индии.

А утром к нам с речью обратился президент по пейджеру. Он объяснил, что иракский лидер не хочет делиться нефтью. Это значит, что он против демократии. Теперь главный долг Америки — принести иракцам демократию, поскольку мы — американский народ — главный разносчик демократии в мире!

Мы все уверены в скорой победе, потому что у нас самое современное оружие: противопехотные памперсы, взрывчатка со вкусом лесных ягод. Только одного не можем понять: как все-таки правильно говорить — Ирак или Иран?

Не волнуйся за меня. На этой войне со мной все будет в порядке — я взял защитный крем от солнца!

E-MAIL № 2

Здравствуй, милая. Мы прилетели в Ирак. Здесь действительно очень жарко. Судя по всему, это все-таки не Индия — жители совсем не похожи на индейцев. Зато полковник уточнил в командовании, что правильно страну называть Ирак. А Иран, оказывается, такое радиоактивное вещество «иран-238».

Сержант предупредил нас, что завтра начнутся боевые действия. Это он узнал по радио. Еще он сказал, что с нами будут воевать англичане, испанцы и поляки и еще какие-то литовцы и латыши. Но не сказал, на чьей стороне они будут воевать.

Конечно, нас напутало командование тем, что на этой войне будут нечеловеческие лишения: в блиндажах нет кондиционеров, окопы без душевых... но мы — американцы — герои! Мы выдержим все! Даже если во время боя не будут разносить кока-колу со льдом.

А вечером в лагерь с песнями и визгом въехали камуфлированные телеги с волами. Это прибыл воевать украинский батальон химзащиты. Они очень красиво смотрятся на фоне пустыни в своем лесном камуфляже. На всех зеленые маскировочные костюмы, на головах ветки от деревьев, у офицеров — пеньки. Чтобы их можно было отличить во время бомбежек.

E-MAIL № 3

Сегодня мы вышли впервые на позиции. Иракцы оказались настоящими дикарями, не понимают, что мы занимаем их деревни легитимно, с одобрения Сената США. Позавчера они вообще вероломно обстреляли наш самолет, мирно бомбивший их города. Командование строжайше предупредило нас, чтобы никто в плен не сдавался. Иракские военные страшно наших пытаются: не дают попкорна, отбирают DVD-плееры, запрещают пользоваться ниткой для чистки межзубного пространства...

Зато мы чувствуем себя героями. Говорят, весь мир уже откликнулся на войну с Ираком. Бритни Спирс учит иракский язык, а Мадонна отрастила бороду и выпустила новую книгу «В постели с Хусейном».

Но самое страшное — нам раздали украинские противогазы. Они так пропахли салом и чесноком, что мы решили — лучше будем дышать ипритом и заринном.

Скажи сыну, что папа обязательно вернется живым, если ему не наденут украинский противогаз.

E-MAIL № 4

С каждым днем нам приходится здесь все тяжелее. Уже месяц мы чувствуем по запаху чеснока, что где-то рядом находится украинский батальон химзащиты. Если в ближайшие

дни ветер не переменится — нам конец! Вчера у нашего сержанта от этого запаха так закружилась каска, что он упал с бронетранспортера. Медсестра хотела сделать ему противостолбнячный укол. Но он подал на нее в суд за сексуальное домогательство.

Иракцы же оказались совсем варварами. Они не знают, что мы сильнейшие в мире, и все время продолжают на нас нападать. Наши новейшие лазерно-позитронные устройства для сбоя вражеских прицелов не работают, поскольку у этих дикарей нет прицелов. На прошлой неделе нам прислали сверхновые вертолеты, которые летают так низко, что не засекаются никакими системами слежения. Так позавчера какой-то иракский крестьянин, которому этот вертолет мешал обрабатывать поле, сбил его мотыгой. Пентагон подал на него в суд за использование оружия, несанкционированного ООН. Президент уже выпросил у Сената пять миллиардов на противомотыжную защиту и противолопатную доктрину, поскольку прошлая доктрина — антисовковая — устарела

E-MAIL № 5

Сегодня самый страшный день: где-то заблудилась походная попкорница и полевой «Макдоналдс». А наступление наших танков приостановилось, так как у самого Багдада на светофоре загорелся красный свет. Оказалось, у этих дикарей испортились светофоры. Мы же простояли на перекрестке до самого вечера. Сержант утверждает, что, если бы не было иракцев, мы бы давно их победили

E-MAIL № 6

Вплотную подошли к Багдаду. По пути встретили много сухих деревьев со скрюченными листьями, множество дохлых птиц, насекомых и кротов с выпученными глазами. Значит, здесь проходил украинский батальон химзащиты. Он нас и выручил: не выдержав запаха лука, иракские войска бежали из города. После чего наши войска в него геройски вошли!

E-MAIL № 7

Дорогая, можешь нас поздравить. Благодаря находчивости сержанта мы захватили тридцать четыре Хусейна. Это на одиннадцать Хусейнов больше, чем захватил соседний с нами взвод. Мы их узнавали по усам. Украинцы вообще захватили всего восемь Хусейнов, из которых две женщины и один кот.

Президент прислал нам всем на пейджер SMS-ки — поздравил с успешным завершением операции. Он подчеркнул, что мы — Америка — миролюбивая держава. Поэтому не оставим мир в покое! Он так и сказал. Америке нужен мир. Весь мир! Поэтому скоро понесем его в Северную Корею. Сержант объяснил нам, что Северная Корея — это озеро в Тихом океане. Но к войне с нами она еще не готова, туда пока не завезли фанту.

P.S. (Вечер того же дня).

В Багдаде началось мародерство. На нас неожиданно напал украинский батальон химзащиты. Он попытался у нас отобрать все, что мы отобрали у иракцев. Оказалось,

украинцам вообще не платят зарплату. Сказали: «что в Ираке добудете, то и ваше». Таких сильных боев не было за всю войну.

Если я не вернусь, скажи сыну, что его отец был настоящим американским миротворцем — героическим разносчиком демократии!

Адреналин по-русски

На берегу Амура под Хабаровском мужики принимали баню. Настоящую, русскую. С вениками. В отличие от людей западных наши любят, чтобы все было ядрено. И пар, и выпивка, и закуска, и веники можжевельниковые чуть ли ни с колючей проволокой для адреналина. Но и это все показалось им недостаточным. Тогда один из них предложил: «Давайте прямо из парной выбегать и нырять в крапиву. Говорят, очень хорошо выводит шлаки». Идея понравилась. Первому же нырнувшему в кусты сильно обожгло крапивой лицо. Тогда кто-то из них предложил для безопасности надевать на головы ведра. И вот где, как только у нас, трое мужиков могут с разбега из парной нырять в крапиву в ведрах на головах.

Один из них с таким энтузиазмом разбежался от парной, что ударился ведром об камень в зарослях. Ведро погнулось. Снять его сами поддатые побоялись. Вызвали «Скорую помощь». Отвезли пострадавшего в больницу, где ему помятое ведро, конечно, сняли, но, главное, в истории болезни записали: «Голова в инородном теле».

Сумасшедший дом Вселенной

Всё смешалось в нашем земном доме. Всё перепугалось...

Лучшие джазисты — белые.

Лучшие гольфисты — черные.

Лучшие гонщики в «Формуле-1» — финны!

Земля превратилась в сумасшедший дом Вселенной!

На Нобелевскую премию выдвигают за изобретение «Виагры».

В Китае — капитализм под руководством коммунистической партии.

В России — диктатура демократии.

На самой популярной долларовой банкноте написано: «Мы тебе доверяем. Господи!»
Удобно! Господь и доллар — «два в одном».

В Иране сожгли чучело Колумба.

Кубинцы умоляют Фиделя Кастро баллотироваться на вторые 50 лет!

Американцы гордятся тем, что они разгромили Гитлера во время вьетнамской войны в Ираке!

Такое ощущение, что у человечества сбилась программа!

В Украине появились новые украинские фамилии: Миколазабийстрилку, Тарасворуйгаз...

Страны Балтии переписывают историю. Латыши утверждают, что Россия в древности еще отделилась от Латвии. А все языки произошли от латышского, потому что первый человек на Земле был латышом! Его звали Адамс.

Литовцы не согласны. По их данным, первого человека звали Адамкус.

Армяне оскорблены. У них есть все доказательства, что первым человеком на Земле был Адамян. И, если понадобится, они могут представить живых свидетелей этого события.

Однако более всего программа сбилась у человечества российского.

Где диетологи толстые.

Где косметологи в прыщах.

Экономикой занялись юристы, которые, судя по всему, страной не руководят, а по привычке ее приговаривают. Причем не просто приговаривают, а к высшей мере наказания. Только они могли продать бывшие государственные заводы иностранным инвесторам так, что остались этим инвесторам должны.

Все, все спуталось! Поэты торгуют, ученые и академики водят маршрутки, артисты потянулись в бизнес, бизнесмены открывают бутики своим женам, чтобы они тоже уставали. Те гордо называют себя бизнес-леди, при этом путают доход с прибылью.

Дети в школах учатся прятаться от ядерного взрыва между партами. В детских садах на ночь остается воспитательница, чтобы на случай, если появятся террористы, она их прогнала. Ей для этого разрешено пользоваться шваброй.

Молодежь более не мечтает о космосе и авиации. Самые романтические вузы — финансово-экономические... Летчики и космонавты уступили место менеджерам, брендистам, дилерам, импрессарио, олигарх-френдам...

Старушки на рынках и те назначают цену на картошку в зависимости от дневного индекса Доу — Джонса. При этом называют его Даун Джонсом.

— Почему, бабуся, у тебя сегодня такие дорогие семечки? Дороже, чем вчера?

— Так ведь, милый, баррель подорожал!

Евроремонт в сумасшедшем доме!

Кофе — без кофеина. Пиво — безалкогольное. Депутаты — без образования.

Власть успешно борется только с пенсионерами.

Армия стала опасна только во время маневров. Особенно для тех, кто живет в районе этих маневров. Напасть такая армия ни на кого не может. Ведь чтобы напасть, надо бежать. А современный бегущий генерал — это хряк в балетной пачке!

Природа и та взбесилась! Гольфстрим уже не понимает, куда ему течь. Дикае утки не улетаю на юг, вразвалочку топчутся по помойкам. Коты орут круглый год. Мошь питается средством от моли. Православные храмы реставрируют турки. Ёлками перед Новым годом торгуют кавказцы. Спонсор спортивных соревнований — пиво! Воду с приятным запахом называют туалетной. Любимый народный праздник — Старый Новый год! Футбольные болельщики, каждый раз болея за сборную, верят, что наши ребята еще смогут победить за 37 секунд до конца матча, даже если счет 6:0 не в нашу пользу.

Врачей заменили экстрасенсы, у которых от переработок уже появились синяки под третьим глазом. Мечта всех врачей: чтобы бедные никогда не болели!

Олигархи начали строить собственные храмы прямо на своих загородных участках. Решили, что эту жизнь они уже обустроили, пора обустраивать загробную — договариваться с Господом! Ищут для этого посредников. У каждого уважающего себя олигарха должен быть теперь свой крутой бульмастиф и не менее крутой домашний батюшка.

— Скажи, отец мой, я правильно живу?

— Правильно, сын мой, но зря!

Церкви стали офисами: со своими счетами, факсами, сайтами... Молитвы элитные. Освящение векселей на VIP-алтаре. Маршрут крестного хода заказывает сам клиент прямо по участку. Освящение пузырьков в джакузи. Отпущение грехов по SMS-кам. Колокольные звоны на ваш мобильный — «скачай сразу десять!».

Бандиты стали настолько верующими, что стараются замочить своих врагов до Прощеного воскресенья.

А главное, все научились каяться! После того как изменил жене, обворовал соседа и заказал начальника: «Прости меня, Господи, что я в пост съел два перепелиных яичка!»

Плюс и минус поменялись местами, и человечество коротнуло!

Женщины потянулись в футбол, в хоккей, в бокс... В банк ворвался грабитель, все мужчины подняли вверх руки. Одна кассирша не испугалась, схватила сейф и, размахнувшись им, ударила бандита по голове. После чего на руках отнесла ушибленного в милицию.

Ин и Янь поменялись местами!

Меньшинство стало большинством. Мужчинам даже стало модно присутствовать при родах. Видимо, потому, что многие из них отсутствовали при зачатии.

Единственное, что осталось логичным, это наша современная символика: символ главной российской политической партии «Единая Россия» — медведь! Удивительно точный символ! Летом разоряет улья, птичьи гнезда, в цирке катается на мотоцикле и танцует барыню, а главное, полгода спит и сосет собственную лапу!

Великая миссия

Я недавно понял, почему мы живем так неустроенно: веками, поколениями... Потому что у нас — славянских народов — величайшая миссия: сохранить жизнь на Земле после того, как наступит конец света!

Западные люди, если какой-то катаклизм случится, не выживут. Денег же после конца света не будет. Как они будут жить без денег? А нам какая разница? Как жили, так и будем продолжать жить!

Вообще, что такое конец света? Это взрывы, землетрясения, грязь, слякоть, бездорожье, повсюду мусор... Отопление, газ, электричество — все отключится. То есть практически во многих наших северных городах приход конца света даже не заметят.

Магазинов тоже не будет. В том числе продуктовых. Что без магазинов будут делать люди на Западе? Паниковать! Они ж не знают, что можно, к примеру, пойти в лес и поесть. Причем поесть то, что в этом лесу есть: веточку с ягодами обглодать, грибков насобирать...

Как сможет западная биопопуляция пережить конец света, если у них даже нет своих огородов? Большинство уверены, что салат растет в полиэтиленовых упаковках, а тыква — ломтиками и со штрихкодом. Один из западников как-то увидел в России горох в стручках, повертел в руках и ничего лучше не нашел, как похвалить нас, русских: «Молодцы! Такую остроумную упаковку для гороха придумали!»

А что они будут делать без лекарств без аптек? У нас же большая часть населения давно ни лекарствами, ни врачами не пользуется. Я лично прочитал в книжке полезные советы российских целителей: «Если у Вас болит голова, лягте на кровать, возьмите кошку или енота, положите себе на голову и лежите так, пока животное не начнет мести хвостиком по вашей голове».

Я вообще считаю, что у нас особая сообразительность и повышенный градус живучести благодаря всем нашим бесконечно меняющимся правительствам. И хоть они не надолго задерживаются, у всех этих высших эшелонов власти есть общее: во-первых, этой власти всегда эшелоны, во-вторых, им народ мешаает самим фактом своего существования. Особенно когда требует выплаты зарплат. В эти моменты нашим верхам кажется, что народ эти деньги пытается отнять у них лично. Уже и взрывали, и войну затеяли, и голодом морили, и травили, и радиоактивными отходами окучивали... Ничего не берет! Даже радиация. Такой повышенной выживаемости нет ни у кого в мире. Разве это не миссианство!

В Новом Орлеане во время торнадо, к сожалению, погибло много европейских и американских студентов. Были во время бедствия там и наши, российские студенты. Все остались живы! Разве это не доказательство умения выжить в любой ситуации? В конце концов, что они, наводнения не видели? Поднялись, как обычно, на крыши домов, чтобы не случился солнечный удар, сделали из газеток на головы панамки, взяли запас минеральной воды на случай, если долго ждать придется... Американские же студенты сидели на крышах домов без воды, не прикрыв головы, и ждали, когда прилетит Брюс Уиллис — крепкий орешек! И сдует наводнение. Прогонит бейсбольной битой торнадо.

Конечно, японцы, в отличие от американцев, тоже считаются выносливыми. Но не в сравнении с нашими. Они же перед едой все продукты проверяют на радиоактивность. Смешно! А наши из соседних с Чернобылем деревень родственникам письма шлют: «Приезжайте, такие крупненькие яблочки в этом году созрели. Поедим! По грибочки сходим. Грибочки — объедение, с тремя головками!»

Еще одно доказательство того, что я прав, — всего тысяча с чем-то человек в мире умерли от вируса атипичной пневмонии! Паника была на весь мир. Хотя от гриппа в то же время погибло в десятки раз больше людей. Одна страна не паниковала — Россия! С чего паниковать? У нас одиннадцать лет во многих городах холерная палочка сочится из водопровода. И ничего — все живы-здоровы!

Иностранцы к нам приезжают, даже в лучших отелях зубы чистят покупной минеральной водой. Боятся отравиться. Мне же милейшая девушка в Севастополе сказала: «Я пью воду только из-под крана — не хочу к нежности приучать желудок». Понятно? Интуитивно готовит себя к продолжению рода на Земле в непригодных для этого условиях.

И никакими новостями о мутирующих вирусах нашего человека не запугаешь. Мы сами кого хочешь можем запугать нашими собственными «Новостями»: тут плотину прорвало, там вертолет за верхушку дерева зацепился — дерево слишком выросло! Комиссия приезжала, во всем разобралась, дерево наказали, срубили, чтобы больше вертолеты за него не цеплялись. В Подмоскowie подъезд взорвался. Сам! Местная администрация за неуплату долгов пустила газ по вентиляционным трубам...

Удивительно живучий народ. И, мягко выражаясь, не очень требовательный. Замечали, по телевидению вечером сообщают, что где-то там, на Камчатке, разом отключились вода, газ и отопление?.. Люди, конечно, разозлились, вышли на улицы с лозунгами, плакатами, требованиями, криками и воплями. Приехала комиссия из Москвы, прижала где-то в углу губернатора, застрашала президентом и вертикалью... Наказала виновных: одного сантехника, двух электриков... Через месяц воду дали — и сразу все поправили, успокоились. Довольны — никаких демонстраций! А о том, что электричество по-прежнему отключено и отопление не работает, и не вспоминают. Спасибо, что хотя бы дали воду.

Так что пускай приходит ОН — конец света! Ну, будет торжественное сообщение по телевидению: «На Дальнем Востоке уже наступил конец света! Он победно шагает по стране». Репортажи пойдут о том, как его в каком городе встречают, наливают, тосты в его честь поднимают... И все хохочут! Ведь только наши умеют о своих неприятностях говорить

смеясь! Наводнение в Ростовской области по телевидению показывали. Женщина в платочке жалуется и при этом хихикает:

— Ой, нас затопило по самый чердак. Вон, видите, поросята на крыше, гребут к лесу!

Так что мы должны благодарить нашу власть за нашу сообразительность, выживаемость... За то, что она держит нас во всегдашней готовности к любому катаклизму, развалу, теракту... А также за то, что научила нас в любой момент из ничего сделать все, что нам надо! На Дальнем Востоке много лет назад захожу в одну староверческую деревню. Очень туго открывается калитка. Спрашиваю у хозяина:

— Куприян Кондратьевич! Почему так трудно открыть калитку?

А он мне хитренько, со староверческим прищуром, отвечает:

— Зато Вы зашли, а у меня в доме ведро воды налилось!

Ну? На кого Земля может еще надеяться, ежели всё отключится? В тех же западных странах сообщение о том, что завтра выпадет снег, вызывает панику, движение останавливается, экономика впадает в кому... Отменяются спектакли, концерты — зрители не могут вести машины — не знают, как ими управлять, когда запорошило разделительные пунктирные линии на дорогах. А у нас? Гололед — минус 25 — четверо бегут за автобусом! Правда, добежал только один. Старикан. Опытный! Вскочил в автобус с лязгом рыцаря Тевтонского ордена. Все смотрят ему на ноги. У него к ногам привязаны... ТЁРКИ!

Так что мы Землю-матушку не подведем — что бы ни случилось, сохраним род людской! Нам будет проще это сделать, чем остальным: мы сразу тёрки на ноги, марлевую повязку от радиации на все лицо вместе с глазами — и в лес на ощупь по грибы о трех головах, с енотом на голове, который будет смахивать хвостиком с ушей быстрые нейтроны.

И главное — все это весело, смеясь! Потому что нам к концам света не привыкать. Мы их навидались: и в 17-м, и в 37-м, и в 41-м, и в 93-м и 96-м. Апокалипсис для нас девальвировался, как российский рубль! У нас уже десять лет каждую пятницу в газете пишут, что в понедельник наступит конец света. И тут же под этой статьей печатают телевизионную программу на следующую неделю!

2005

Сказка — ложь,

да в ней намек!

В детстве я очень любил читать русские народные сказки. Перечитывал некоторые по несколько раз. Мне казалось, в них заложена какая-то тайна. Особенно хотелось понять, что это за полное расчудесных чудес царство — тридевятое-тридесятое? Где оно находится? Я даже искал его на карте. Спрашивал у папы:

— Австралия может быть таким царством?

— А Берег Слоновой Кости?

— А Гренландия?

— Нет, — каждый раз, разочаровывая меня, отшучивался папа. — Государство с таким мудреным названием может быть только у нас!

«Значит, на Камчатке!» — твердо решил я для себя. Камчатка явно за тридевять земель. Там тоже есть горы, моря, океаны... Может быть, даже кисельные берега и молочные реки... Я был уверен, что Конек-горбунок тоже живет на Камчатке. Когда по радио — телевизоров еще не было — докладывали об успехах советских китобоев, очень переживал, чтобы они его не загарпунили. И так горбунок!

Не прошло и пятидесяти лет, как я понял, где нужно искать это царство. В названии! Тридевятое-тридешатое!

Почему оно составлено из цифр? Может, потому, что в древности, когда сказки сочинялись, люди каждому числу придавали особый магический смысл. Например, название царства начинается с цифры три!

ТРОЙКА

Тройка издревле почиталась всеми народами как символ гармонии. Но гармонии не бытовой, а духовной! У христиан это главная святыня — Святая Троица. В китайской Книге перемен — треугольник душевного равновесия человека — Космос, Земля, я. В Каббале, которая появилась задолго до Библии, число три было связано с Творцом, его творением и духом, который их связывает. В первых на Земле святых книгах «Ведах» говорится о том, что в жизни каждого человека есть три главных жизненных цели: обязанности, потребности и удовольствия. На этих трех поплавках держится здоровье, долголетие и счастливое равновесие человечества.

Именно с появлением третьего члена семьи — ребенка — в молодой семье наступает новое, более духовное качество жизни. Когда родители уже получают удовольствие не только от удовлетворения потребностей, но и от исполнения обязанностей.

Наконец, у большинства древних народов Земли мир покоился на трех китах, трех слонах, трех аллигаторах... Те, у кого воображение было похуже, представляли его на трех столбах. У кого получше — на трех атлантах. Действительно, если поверхности дать три опорные точки, она обретет спокойствие и устойчивость. Чтобы стол или стул не падали, им достаточно трех ножек.

Именно тройка гармонизирует любое произведение искусства. Композиции мировых шедевров живописи составлены из невидимых непрофессиональному глазу треугольников. Любое драматическое неграфоманское произведение имеет три части: завязка,

кульминация, развязка... В народных сказках и притчах всегда три основных поворота. Именно три пирамиды в пустыне под небом более всего притягивают туристов всего мира посмотреть на их направленные острием в небо треугольные грани и облагородиться, прикоснувшись душою к божественному: почувствовать восточный треугольник равновесия: небо, земля, я!

Недаром многие из тех, кто учился по государственной программе в советской школе на тройки, потом превращались в гениев литературы, музыки и театра.

Надо сразу отметить, что особенно почитали цифру три на Руси! Например, волхвы, они же астрологи и целители, всегда ходили по трое. Видимо, по троеони быстрее соображали, что кому наволховать. Скорее всего, тогда и появилось известное выражение «соображать на троих». Позже оно приобрело несколько иной смысл, поскольку из-за нехватки знаний у народных российских масс изменилось значение слова «соображать».

Даже в непростые советские годы тройка умудрялась выполнять свою задачу: гармонизировала общество. Недовольные убогим бытом и работой за бесценок советские люди после работы разбивались по трое, скидывались по рублю, и в их душе ненадолго наступала безразличное равновесие.

Я иногда думаю, что именно цена на водку — трирубля — долгое время держала советское общество в устойчивом состоянии. А все серьезные недовольства начались сразу после того, как цену повысили до четырех с лишним рублей. То есть согласно индуистской философии нарушилась равнобедренность треугольника: потребности, обязанности и удовольствия. Скидываться на удовольствия больше, чем по рублю, было уже не по возможностям, а более чем на троих — не по потребностям.

Так что тройка — это прежде всего гармония и равновесие! Резонанс души с Космосом. Кто об этом помнит, у того открывается третий глаз!

В общем, те, кто любит цифру три, не изменяйте ей! Иначе вас будет ожидать такой же скоропостижный развал, как и нашу Отчизну, и переход на рыночную экономику души.

Однако вернемся к названию царства. Если учесть все вышесказанное, то вполне можно пофантазировать, что цифра три в начале названия намекает нам на то, что жизнь в этом царстве может быть задушевной, спокойной и гармоничной. Но почему-то сочинители присоединили к тройке еще и девятку? Тридевятое!

ДЕВЯТКА

Теперь я попрошу насторожиться тех, кого в жизни окружает много девяток. Девятка — число необычайно обаятельное. Я знаю одного бизнесмена, который за три тысячи долларов купил себе номер мобильного телефона, состоящий практически из одних девяток. Интересно, что чаще всего девятка встречается в номерах телефонов у политиков, чиновников и бизнесменов. Похоже, они относятся к ней как к символу карьеры и удачи в бизнесе. Однако лицемерие девятки в том, что, с одной стороны — это тройка, умноженная

на тройку, — гармония в квадрате — практически совершенство! С другой — просто перевернутая шестерка! Поэтому, чтобы глубже исследовать девятку, придется сначала изучить шестерку.

ШЕСТЕРКА

Пожалуй, в наше время это самая легендарная цифра. Она не входит в название царства, но имеет к нему самое непосредственное отношение. Прежде всего, прошу не пугаться тех, у кого в номере паспорта и на номере машины много шестерок. Только в современном христианском мире число шесть считается любимым числом бесов. Согласно библейскому Апокрифу, властелин тьмы рождается на земле хорошеньким мальчиком, с ангельским личиком, но с тремя шестерками на затылке. Этим сюжетом Голливуд не раз пугал доверчивое американское народонаселение и довел его до того, что многие американские обыватели при рождении ребенка прежде всего заглядывают ему в затылок и копошатся в нем — нет ли там трех шестерок?

Однако, как ни парадоксально, в древности число шесть было символом не бесовщины... а трудолюбия! Именно шесть дней Господь трудился, создавая мир, указав тем самым, что и нам надо работать с одним выходным в неделю, если мы хотим достичь такого же, как он, успешного результата.

Интересно, что все успехи Советского Союза в тяжелой промышленности, космосе, науке, спорте и в балете были достигнуты именно в те времена, когда в стране была шестидневная рабочая неделя и когда лучшим токарям и слесарям за трудовые достижения присваивался высший разряд квалификации — шестой! А развал экономики, трудовой дисциплины начался с переходом страны, вопреки советам Творца, на два выходных.

Кстати, на Востоке отношение к шестерке до сих пор сохранилось как в древности. Китайцы работают и теперь шесть дней. В результате наделали своим трудолюбивым миллиардным населением столько товаров, что если и впредь не перейдут на два выходных, то вскоре и мерседесы, и боинги будут производить в Китае. И они будут так же трещать по швам, как китайские льняные брюки на бедрах сочных российских женщин.

Именно Китай лучше всего иллюстрирует тайный смысл цифры шесть. Недаром китайцы до сих пор чтят своего великого философа Конфуция, который главный свод законов о труде, дисциплине и поведении человека назвал «Шестикнижие». Интересно, что во многих арабских странах, когда хотят кого-то похвалить за трудолюбие, говорят, он работает за шестерых. Мы же говорим — за двоих. Поскольку для нас и за двоих-то работать перебор!

Словом, число шесть — это число, символизирующее трудяг-работяг. Которые с утра до вечера крутятся, как шестеренки. Китайские рабочие кули — самые типичные представители цифры шесть. Они работают послушно, не для подвига. Выражаясь современным языком, цифра шесть — это труд рутинный, без бунта фантазии. Шестеренке гарантирован успех и долгая жизнь, если она кропотлива, проворна и скромна, как китайский кули. Пьер Безухов стоял шестым в списке на расстрел, вел себя смирно, не лез на рожон, поэтому остался жив. Если число шесть себе изменяет и начинает пиариться, ее

ожидает «палата № 6»!

Как же случился такой парадокс, что на трудолюбивом Западе к числу трудолюбия стали относиться как к любимому числу бесов? Судя по всему, отношение к цифре шесть в Европе изменилось во времена инквизиции, когда стали уничтожать в людях тонкое, духовное чувство мира. Западное трудолюбие стало потребностью ума, а не души. Люди сами помогли бесам завладеть шестеркой. Ведь Бог — в душе, в уме — бесы! Недаром про одного человека в народе говорят: он делает все по-божески, от души. Про другого — дьявольски умен! Так что на Западе число шесть символизирует не бесов, а подключение к ним поголовной потребности ума, которому, в отличие от души, всегда мало! В результате трудолюбивый ЗАПАД стал запитываться от темного бесовского канала, как гигантский завод от атомной электростанции, создавая обманчивый мир виртуально-денежного благополучия!

Может, поэтому на ранней стадии христианства и появился такой библейский Апокриф, превратив трудолюбивую шестерку в некое пугало!

Надо отметить, что особенно тонко чувствовали число шесть издревле на Руси. Именно у нас тех, кто честно трудился, часто называли словом «шестерка». А когда мы превратились в страну уголовной романтики, на зонах шестеркой стали называть тех, кто прислуживает авторитетной нечисти. И даже появился синоним слову «работать» — шестерить.

Однако вернемся к девятке.

ТРИДЕВЯТОЕ

Теперь понятно, почему девятка так нравится тем, кто находится ближе к власти. Они самонадеянно думают, что они само совершенство, гармония в квадрате! А на самом деле — просто оборотни — перевернутые бесовские шестерки! И лицемерны, как ценник, на котором написано 999 рублей вместо тысячи.

Кстати, когда построили Тольяттинский автомобильный завод, все советские трудяги старались купить себе шестую модель «жигулей», а бандиты и рэкетеры — девятую.

Итак, продолжая следовать сакральным знаниям древних, получается, что тридевятое царство — это царство, в котором все могло быть в гармонии, но что-то сочинителей насторожило, и они тревожатся, как бы это царство не стало лицемерным государством оборотней. На причину своей тревоги они намекнули в продолжении зашифрованного названия — тридесятое! На этот раз к тройке «прилепили» еще и десятку.

ДЕСЯТКА

Десятка в те давние-предавние времена не входила в ряд магических чисел. Ее, как теперь, не почитали. В так называемый золотой век истории, когда люди не воевали, не было парламентов, недвижимости, таможен, попсы, папарацци, залоговой приватизации и вторичного вложения ваучеров, трудяга-человек пользовался шестеричной системой счета.

Единственное воспоминание, которое докатилось до нас о том счастливом времени, это деление часа на шестьдесят минут, а минуты на шестьдесят секунд.

Видимо, цифры шесть нашему далекому предку вполне хватало, чтобы пересчитать свое имущество попредметно, так как он владел только теми предметами, которые создал своим трудом. То есть их было совсем мало. До сих пор даосские аксакалы утверждают, что для счастья человеку достаточно всего шести вещей. Конечно, они не уточняют, каких. Для одного — это в первую очередь зубная щетка и молитвенник, для другого — кредитная карточка и остров в Тихом океане.

Однако в какой-то момент истории, скорее всего, когда человечество так расплодилось, что появились первые соседи, а вместе с ними и первое чувство зависти, своего имущества людям стало не хватать, понадобилось еще и чужое. Причем понадобилось — какое точное старинное русское слово — позарез! Образовались первые дружины. Якобы для охраны. На самом деле, готовые ради чужого зарезать любого. Аппетиты росли, дружины напухали до армий. Именно первые войсковые подразделения начали делиться по десять человек! А вскоре войны стали настолько модным и популярным занятием мужской части населения, что самодостаточная трудяга шестерка безнадежно устарела. Она стала немодной, как не модны нынче у молодежи бывшие трудовые профессии инженера, сталевара, токаря 6-го разряда. Новое поколение выбрало десятку! Десятка удачно научилась отнимать то, что было создано шестеркой. Золотой век попрощался с человечеством, у которого, выражаясь современным языком, сбилась программа самодостаточности. Выражение «попасть в десятку» стало означать «быть точным в стрельбе» или «находиться в первой десятке княжеской дружины», то есть ближе к награбленному.

Тут подоспело и основное ноу-хау бесов в мировой истории человечества — деньги. Как правильно их назвал кто-то — помет нечистой силы, которым хорошо удобрять свою жизнь, но не превращать ее в хранилище помета. Деньги окончательно закрепили рейтинг десятки. Поскольку, согласитесь, очень неудобно пересчитывать миллион шестерками.

Вот так бывшая в золотой век истории тихоня-десятка стремительно и напористо завладела миром, как раскрутившаяся и пропиаренная поп-звезда овладевает наивно-агрессивным большинством. И пока цифра десять будет править, главным удовольствием человечества так и останется воевать и пересчитывать деньги.

Теперь понятно, почему авторы сказок дали такое мудреное название своему волшебному царству.

ТРИДЕВЯТОЕ-ТРИДЕСЯТОЕ!

Это мифическое царство, в котором, конечно, все могло быть задушевно, гармонично и спокойно, но в нем сбилась программа! Жизнь в этом царстве стала суетной. Все мечтали попасть в десятку! В результате волшебное царство превратилось в традиционное государство!

ШИФРОВКА

Когда я все это себе нафантазировал, я с ужасом подумал, а что, если это вовсе не фантазии? Что, если сочинители сказок были мудрецами, а не сказочниками? И хотели нас, потомков, о чем-то известить, предупредить, уберечь... Когда корабль терпел в старину кораблекрушение, моряки запечатывали перед гибелью послание в бутылку и бросали ее в море. Надеялись, что кто-то найдет, прочтет их послание и узнает, от чего они погибли.

Может быть, когда духовный мир человечества треснул, стал рушиться, когда программа начала сбиваться, те, кто понимал причины этого крушения, решили послать нам, потомкам, весточку. Но запечатали ее не в бутылку, а в сказку. В увлекательный сюжет. Понимали: обыватель будет пересказывать это послание-предупреждение в веках, только если в нем будут цари, волшебники, чудеса, скатерти-самобранки, молодильные яблоки, ковры-самолеты... Но когда-нибудь людям станет так тошно от их сбившейся программы, так они сами себе опротивят, что будут искать выхода во всем. Тогда и сообразят, что сказки, легенды и мифы — это все шифровки из глубины тысячелетий. И за банальными, затрепанными историческим обывателем образами смогут разглядеть весьма полезные советы. Не случайно же их послание нам заканчивается известной всем с детства присказкой: «Сказка — ложь, да в ней намек!»

И я решил пофантазировать далее — в чем намек? В конце концов, это всего лишь фантазии... Даже если я не прав, на фантазию никто не сможет подать в суд!

ЦАРЬ-БАТЮШКА

Жил в этом царстве, естественно, царь. Заметьте, царь, а не король! Король — это не более чем власть, деньги, войны... А царь, в переводе с языка наших древнейших предков, означает властелин законов природы. Гордый лев — царь зверей, а не король! Основная разница между царем и королем в том, что царь выходит из дворца, чтобы что-нибудь дать людям, а король — чтобы у них что-нибудь отнять. Недаром в народе говорили: царь-батюшка. Согласитесь, нелепо было бы назвать французского Людовика XV батюшкой. Кстати, королевским до сих пор называют все то, что связано с неким оттенком бессовестности и беспредела: королева красоты, королева бензоколонки... Снежная королева — тоже не самое альтруистическое существо. А царевна, так — лягушка. Зато от любви расцветает всей душою! Даже лицом хорошеет и туловищем преображается до неузнаваемости. С вечера вроде лягушка-лягушкой была, а после того как царевич приголубил, к себе в царскую спальню взял, наутро превратилась в царевну-красавицу. Поэтому, кстати, эта история и называется сказкой. Только в сказке женщина наутро может выглядеть лучше, чем с вечера! Однако в государстве, где сбилась программа, мало кого интересует душевная красота. Согласитесь, весьма забавно звучало бы в наше время — «Конкурс духовных красавиц». Невозможно было бы найти спонсора.

Впрочем, вернемся к сюжету...

ДУРАК?

Было у царя-батюшки три сына. Старшие два жили согласно сбившейся программе. Поэтому в государстве, где сбилась программа, считались умными. Как и большинство, почитали не

Родину, а Государство. Порядочность заменили законопослушанием, нравственность путали с юриспруденцией, спекуляцию называли бизнесом. В женской красоте ценили косметику, людей уважали не за талант, а за рейтинг. Во всех своих проблемах и невзгодах обвиняли недоразвитое начальство и соседей. (Евреев тогда еще не было.) А любовь заменили браком! Только в государстве, где очень сильно сбилась программа, совместную жизнь двух любящих людей могли назвать производственным словом, означающим недостаточное качество — «брак».

Третий же сын с таким положением вещей в батюшкином хозяйстве согласен не был. Поэтому он все время думал. Точнее, даже медитировал. На Руси всех, кто много думает, всегда считали дураками. Тем более тех, кто медитирует. Тех считали дураками показательными! Поэтому большинство населения царства на него пальцем показывало и говорило детям: «Если не будешь заниматься бизнесом, а будешь думать, таким же дураком вырастешь!»

Неведомо было большинству, что наш царевич-дурак был счастливее всех! Наблюдал он из окошка мир, созерцал природу, смену времен года и думал над извечно русскими вопросами: как быть, что делать и как бы никогда не работать? Ну не хотел он создавать и приумножать мир виртуального благополучия. Думал, естественно, на печи, поскольку хорошей сантехники в то время к нам, в Россию, еще не завезли. Так бы и просидел наш небанальный царевич всю жизнь, бесперспективно нагревая свою нижнюю чакру кундалини и заряжая ее бесполезной богатырской энергией огня отечественной печи, если б вдруг ни с того ни с сего не учудил его папаня!

СВЕТЛОАУРОВЫЙ!

Далее необходимо сказать пару ласковых слов о царе-батюшке. Дело в том, что Господь весьма забавно с ним пошутил еще при рождении. Несмотря на царское происхождение, наделил его светлейшей — совсем не царской — аурой. Так, для эксперимента, мол, посмотреть, что получится? Когда дело касалось человека, у Господа всегда было хорошо с чувством юмора. Просто человек в истории не всегда его шутки понимал. Царь наш, батюшка, тоже не сразу понял. Поэтому с самых пеленок чувствовал в себе раздвоение личности. С одной стороны, как и подобает царскому имиджу, был по-царски грозным, с другой — добрейшей души человеком. Никак не могли в нем ужиться золотая корона, доставшаяся по наследству, с солнечной аурой — подарком Господа. Конечно, корона своим блеском, как правило, затмевала слабое свечение ауры. Но иногда аура вспыхивала, бунтовала, и тогда корона царю-батюшке начинала жать, как испанский сапог. В таких случаях он ее снимал и тут же из царя превращался в батюшку. Правда, ненадолго. Но и этого времени ему хватило, чтобы натворить несуразно добрых дел.

Кстати, аура как раз и была тем главным наследием, которое перешло от него к младшему сыну. Старшим братьям досталась недвижимость и доля от казны, а младшему — аура и долги совести. Именно долги и начали с возрастом тревожить царскую душу. Вроде и армию завел, и податью народ обложил, и налоговая полиция справно эти налоги собирала... Однако именно своей аурой чувствовал он, что-то в царстве его не заладилось. Хотя и реки вроде молочные, и берега кисельные... А что-то не так! Понимал, пора что-то делать. А что?

Понять не мог. Не было в то время такого точного выражения — восстановить программу. Впрочем, нашему человеку, чтобы начать действовать, не обязательно понимать, ради чего. Поэтому сформулировал царь-батюшка свою царскую директиву по-нашенски, от души!

ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА,

ПРИНЕСИ ТО — НЕ ЗНАЮ ЧТО!

Первые два сына, как это услышали, решили: у бати начался рассеянный атеросклероз. Или какая нехорошая примета привиделась: например, дорогу перебежала черная кошка с пустым ведром. К кому из юристов не обращались, все в один голос отвечали — указ не легитимный!

Дурак же на призыв откликнулся сразу. На то он и дурак, чтобы откликаться, когда умные отмалчиваются. Я вообще думаю, подвиги — удел дураков! Умные, просчитывая любое свое движение, каждый раз приходят к выводу, что подвиги для них бесприбыльны. Согласитесь, нелегко себе представить наших олигархов, идущих на подвиг. Олигарх может лечь на амбразуру, но только если это понадобится для предвыборной кампании и в амбразуре не будет пулемета. Причем перед ним для надежности на эту амбразуру упадет охранник.

Нет, для подвига нужен не мозг, а интуиция. У дураков, в отличие от олигархов, она суетой не подавлена. По сравнению с интуицией дураков, мозг любого умника — музейный арифмометр. Только полному дураку интуиция могла подсказать, что где-то, неизвестно где, что-то, неизвестно что, но очень важное, все-таки существует. И на поиски этого неизвестно чего он должен немедленно отправиться туда, куда глаза глядят. Умный на такой подвиг не способен.

Кстати, наш дурак выбрал очень неглупый маршрут: за тридевять земель! То есть за пределы государства, где сбилась программа!

Сначала ехал темным лесом. В сказке конкретно сказано: долго ехал в потемках, то есть совсем не понимал, с какой стороны подобраться к папиной задаче. Правда, надежды не терял. Кто бы мог подумать, что его надеждой окажется Яга?!

БАБА-ЯГА

Баба-яга, надо сразу сказать, персонаж небанальный и неоднозначный. Во-первых, это женщина с несложившейся судьбой и с огромным комплексом неполноценности. Мало того, что лицом не вышла. Правда, лицом не вышла уже к старости, а в молодости была очень даже красивой. Но, несмотря на это, — способной. О ней уже тогда говорили: красивая, зато умная! Еще одна шутка Господа.

Я понимаю, нелегко теперь представить себе Бабу-ягу молодой. Однако была! И повторяю: особым даром наделила ее матушка-природа: видеть и ведать то, что не видят и не ведают остальные. То есть была она мощнейшим экстрасенсом! Правда, в то время таких мудреных слов не было. Поэтому говорили просто — ведьма. Кстати, слово «ведьма» появилось в

народе как похвальное, от слова «ведать». От этого же слова произошло и название первых святых книг на земле — Веды. Более того, ведьмами называли добрых женщин-целительниц, которые ведали разные секреты, и относились за это к ним в народе, как к святым. Интересно, что злых колдуний, занимающихся черной магией, называли тогда феями. Но во времена инквизиции бесы — наперсточники человеческого духа — очень находчиво сумели поменять плюс и минус местами: пропиарили минус как плюс. И человечество закоротило! Так и живет оно до сих пор в коротком замыкании собственного разума: двигателями истории считаются политики, военные, бизнесмены... Теми, кто что-то создает, руководят те, кто продает. Элементарные шабашки называются: форумы, симпозиумы, сессии, встречи на высшем уровне... Мудрецов считают юродивыми и убогими. Хотя само слово «убогий» бесы прозевали, и оно осталось очень точным и до сих пор означает того, кто остался у Бога, не поддавшись бесовщине.

К сожалению, наша Баба-яга «убогая» оставаться не пожелала. Хотя благодаря своим необыкновенным способностям могла стать продвинутой целительницей, открыть неформальную клинику нетрадиционной, то есть небизнесовской медицины.

Но в молодости у нее случилась обычная для юных лет беда — она встретила Кощея. С тех пор вся жизнь ее пошла наперекосяк. Хотя мама обо всем предупреждала. Мама не одного Кощея повидала за свою жизнь. Но Яга ее не послушала. Строен был Кощей, высок, чертовски собою хорош и — вот он гениальный русский язык — дьявольски умен! Что только ни вытворял, чтобы подключить все 96 лепестков ее нижней божественной чакры кундалини к своему бесовскому источнику бесперебойного питания. И на ковче-самолете катал, и поляны накрывал скатертью-самобранкой. Однажды даже приволок простыню-самобранку! Такого Бэтмена из себя корчил! Метлу подарил с наворотами, ступу последней модели... Тут она и сдалась! После ступы. Отсюда и выражение — оступиться! Стала служить верой и правдой их общему «кривдинному» делу. В результате Божьего дара и лишилась. Так часто бывает даже с известными талантливыми артистами, которые идут в политики. Они тут же начинают петь менее задушевно, хотя и громче. И у них не только третий божественный глаз перестает видеть, но и своих два закрываются. Поскольку талант — он всегда от Бога. И служить им Кощею — есть кощунство.

Так и с Бабой-ягой произошло. Распереживалась она из-за того, что никому ее талант в жизни не пригодился, никому не помогла, никого не вылечила... От переживаний, как всегда в таких случаях бывает, быстро состарилась: превратилась из незаурядной красавицы в заурядную бабу, да еще Ягу.

Многие женщины сегодня должны ее понять и посочувствовать, потому что у Кощея вскоре новые бабки-ёжки завелись, помоложе. Чтобы без шума от нашей Яги отделаться, он ей небольшую недвижимость подарил. Избушку. На курьих ножках. Небольшая недвижимость, зато на краю света! Чтобы ей проблемно было к нему в центр добираться. Это не только женщины, но и мужчины понимают. А на курьих ножках — потому что умный был дьявольски! Знал — Земля-матушка добром заряжает. Лишил Ягу заземления! Да еще пригрозил, мол, если не будет впредь служить верой и правдой их общему «кривдинному» делу, лишит бессмертия, которое даровал в период былого очарования.

БАБЬЯ МЕЧТА

Затаилась с тех пор Баба-яга! Какой-никакой все-таки бабой была. Мечтала только об одном: как бы Кощею за все отомстить! За несложившуюся судьбу, за то, что замужем ни разу официально не была, за то, что обещал в бессмертие молодой взять, а сам отправил в вечность старухой... За то, что отдала этому абсолюту зла лучшие столетия своей жизни! А чтобы Кощей о мечте ее не догадался, продолжала делать вид, что все его задания справно выполняет: всех пугала, страшала, каждого встречного съест обещала. Хотя ни в одной сказке, между прочим, своего обещания не сдержала и даже в печку никого толком не засунула. Так только, вокруг избушки косточки разбрасает, да и то куриные. Для отчета. Приписками занималась!

Сама же, чтобы силы в себе духовные возродить, третий глаз оживить, перешла на вегетарианскую еду, занялась йогой. Поэтому ее и прозвали — Баба-йога. От растительной еды лицо еще сильнее сморщилось, гормонов удовольствия — серотонина — явно не хватало. Замечали, у всех, кто в старости на вегетарианскую еду переходит, резко меняет отбивную с пюре и компотом с булочкой на ночь на рис с сельдереем круглосуточно — лицо становится, как грецкий орех без скорлупы. Из всех частей тела у нее кости повылазили. Особенно жалко стало на ее ноги смотреть: хоть анатомию коленных чашечек и менисков изучай. Точь-в-точь два стебелька сельдерея. Поэтому ее и прозвали — Костяная нога. На самом деле это были обычные ноги престарелой йогини, переевшей петрушки, обильно припорошенной ванилью, по индивидуальному генокоду!

БОГАТЫРЬ!

Зато как только она увидела своим восстановленным третьим глазом незапятнанную тугую и энергичную, как натянутая тетива, ауру Ивана-царевича, его готовую к подвигам, перегретую на печи чакру кундалини, тут же поняла — простил ее Господь за все ее грехи — послал исполнителя мечты! А главное, с точки зрения бесов, такого дурака, что ни у кого из них даже подозрений не вызовет. При этом настоящего богатыря! В то время слово «богатырь» слагалось из двух слов: «Бог» и «тырить». Только слово «тырить» означало «копить». Это значительно позже слова «копить» и «воровать» слились в одном процессе. Святослово пусто не бывает! Сейчас трудно представить себе, чтобы кто-нибудь накопил что-нибудь приличное, не воруя. Так что богатырем в то время называли того, кто накопил в себе бога. А не того, кто по-голливудски хрестоматийно накачал мышцы. Потому что тот, кто накачал себе мышцы, тот не богатырь, а качок!

Однако, прежде чем отправить Иванушку на подвиг, начала обучать его уму-разуму. Из бунтаря превращать в просветленного. Поскольку знала главную аксиому Творца: бунтарь без просветления опасен, как даун, играющий с высоковольтными проводами. Кроме того, с бунтарями Кощей быстро расправлялся. Ведала она тайну тайн:

для зла опасна не сила, а просветление!

Для такого просветления, чтобы с Кошеем схлестнуться и одолеть его, царевичу еще надо было, как завещал великий Махатма из далекого будущего: «Учиться, учиться и еще раз

учиться!»

Прежде всего приобщила Баба-яга царевича к йоге. Обучение у них проходили на ковре. Иванушка способным оказался. Быстро научился перемещаться астральным телом в любую точку пространства, не сходя с ковра. Порой и вместе с ковром. Среди обывателей тут же поползли слухи о загадочном «ковре-самолете». К концу просветления и вовсе приноровился нырять в астрал без всякого «ковра», даже не переодеваясь в спортивное, как есть в одежде и сапогах. Так к «ковру-самолету» добавилась еще и мечта лентяев всех будущих поколений — «сапоги-скороходы».

Многим, многим премудростям обучила Яга-гуру своего ученика. Когда же наконец поняла, что созрел «хлопец» до истинного подвига, поведала ему секрет секретов, тайну тайн — как зло, то бишь Кощея окаянного, лишит бессмертия!

МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ

— Прежде всего, — сказала она, естественно, телепатически, поскольку ведала, ангелы слышат мысли, бесы — слова, — тебе нужен меч-кладенец!

Тут надо заострить внимание еще на одном волшебном словосочетании — «меч-кладенец». Меч и в древности, как и теперь, означал оружие. Кладом же тогда называли самые тайные знания, до которых очень трудно докопаться. Зато про того, кому это удавалось, говорили, он — кладезь мудрости! Так что меч-кладенец первородно означал точь-в-точь название популярного советского журнала «Знание — сила».

— Так вот... Сначала ты должен мечом-кладенцом, то есть силой своих теперешних знаний, рассеять тело Кощея. Не ищи его на краю света. Кощей так хитер, что спрятался в самом укромном месте — в каждом из нас! Затаился в самых потайных уголках и клеточках нашего туловища. Поэтому именно оно каждый раз втягивает нас во грех. По себе знаю... — на этом месте Баба-яга задумалась, видимо, вспомнила что-то очень приятное из своего бесовского пропитого, но тут же отогнала незабываемые воспоминания... и продолжила: — Мысленно отсеки свое туловище мечом-кладенцом, освободись от его лишних греховных потребностей. Избавься от Кощеевых пут, чтобы они не мешали тебе заглянуть глубже — в себя! Там ты увидишь сундук. Это твое ментальное тело! Твои мысли. Отсеки темные, греховные... У каждого из нас их так много, что душе тесно в этом темном Кощеевом сундуке. Смело руби его кладенцом! Из сундука вылетит утка — твое астральное тело! Твои чувства, ощущения... Дай им волю! Они помогут тебе почувствовать самые сокровенные законы мироздания, Космоса... Без души ты не познаешь их ни телескопами, ни синхрофазотронами.

Баба-яга еще хотела добавить «ни камерами Вилсона», но, увидев глаза царевича, сдержалась, вспомнив вовремя еще одно назидание Творца: «Не грузи — не загрузим будешь!» И продолжала, перейдя уже практически на телепатический шепот:

— Вселенная — это природа! Символ Вселенной — яйцо. Недаром, когда природа оживает, люди дарят друг Другу раскрашенные яйца. Яйцо ты найдешь внутри утки. Разбей его.

Законы Вселенной есть в каждом из нас. Только очень глубоко. Мы их подавили и загнали на самое дно наших клеточек. И хоть их многое-множество, они такие хрупкие и тонкие, что уместились в одной иголке! Иголка — последнее убежище Кощея! Будь внимателен. Игла — любимая защита бесов! Неспроста говорят: посадить на иглу. Сломай её! Раз и навсегда соскочи с бесовщины. И ты познаешь глубину своих самых чистых природных родниковых чувств, а значит, победишь Кощея! В себе! И чем больше людей ты этому научишь, тем быстрее нам всем удастся лишиться зло бессмертия! — Тут глаза у Бабы-яги загорелись, уже не по-бабьи, а по-бабски. Так часто бывает с женщинами, которые чувствуют, что скоро, очень скоро отомстят!

И побрела она от царевича со своею ступою сама собой в вечное старческое бессмертие. Зато счастливая! Наконец-то кто-то ее выслушал, кому-то пригодилась! Если так и дальше пойдет, может, и замуж кто вскоре возьмет. Какой-нибудь раскаявшийся леший, решивший начать новую жизнь и тоже подсевший на раздельное питание: ягоды и грибы отдельно от заблудившихся ягодников и грибников.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вернулся домой Иван-царевич радостный, просветленный. Царю-батюшке обо всем рассказал. Царь очень доволен остался сыном. Тут же от радости нацепил на разломаченную ауру свою крутую корону и по всему царству издал крутой указ: всем подданным немедленно и поголовно раскаяться! Для этого иглы внутри себя переломать, сундуки, уток и яйца перерубить! Тем, кто предписания не исполнит, — сечь головы. За послушание — почетные грамоты, премии, отгулы...

Невиданная кампания развернулась в царстве! Специальная комиссия была создана для регистрации раскаявшихся. Сломанные иглы народ должен был свозить на организованные заготпункты при царских собиркомах и торжественно опускать их в специальные корзины, которые народ уже тогда назвал — урнами! И даже лозунги над НИМИ висели: «НАШЕ БУДУЩЕЕ В УРНАХ!»

Вот только одно «но»...

Меча-кладенца ни у кого, кроме Ивана-дурака, не было.

Поэтому даже швейные иголки народ переломал, а что батюшка-царь своей директивой сказать хотел, никто так и не понял. А со временем вообще стали пересказывать царский указ как некую потешную сказку. В таком виде она до нас и докатилась.

Зато царевна из другого царства полюбила Ивана за его просветленную душу. Они поженились. Он просветлял ее весь медовый месяц! Даже дал в первую брачную ночь поддержать меч-кладенец. После чего стали они жить-поживать, добра наживать! То есть делать добрые дела, а не тырить векселя с ваучерами. Поскольку жизнь свою сверяли не по Карнеги, а по Бабе-яге! И знали, что слово «богатый» произошло от двух слов — ты и Бог. То есть в ком Бога много, тот и богатый. А в ком Бога нет, того ждет беда. Тот — бедный. У кого же денег много, тот не богатый, тот коллекционер.

Тут и сказочке конец, кто намек понял — молодец. Тот должен набраться терпения. Потому что быстро сказка сказывается, да, к сожалению, не скоро дело делается. А кто не понял, тоже ничего страшного. Тому еще проще! Тот может продолжать искренне, без всяких дураков, считать, что все в жизни зависит от Центризбиркома, Собиркома или какого другого «кома», а виноваты во всем неудачные выборы, соседи и евреи!

Египетские ночи

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ

Верблюда называют кораблем пустыни. Он действительно похож на корабль: гордый, несуетливый... Покачивается. Шея похожа на бушприт фрегата.

Самое неприятное, что есть в арабских верблюдах, это их хозяева-арабы. Они суетливы, приставучи... Чтобы вытащить из туристов лишние деньги, не гнушаются ничем. Например, чтобы залезть на верблюда, называют одну цену — два доллара. А когда залезешь на него, объявляют, чтобы слезть, надо заплатить тридцать долларов. При этом будут дергать за ногу сидящего на верблюде и жаловаться на трудную жизнь. Причем не только свою, но и верблюжьую, который не ел со дня своего рождения. Если вы на английском языке попытаетесь объяснить хозяину верблюда, как это неблагородно заниматься вымогательством, будете взывать к чувству его достоинства, к чести, он ответит вам на вполне сносном английском, что по-английски он ничего не понимает. Не было денег на образование. И будет клянчить уже не только на пропитание, но и на обучение. Причем и на верблюжье тоже. И, конечно же, будет гарантировать, что всего за два-три лишних доллара Аллах на том свете устроит вашей душе сервис по разряду пятизвездочного арабского отеля.

Я заметил, что, когда не очень хорошо знающие историю туристы попадают впервые в Египет, первая мысль, которая возникает у большинства: как могли те древние египтяне, с гордыми фресочными спинами, создавшие полную достоинства державу, выродиться в таких попрошайек?

К сожалению, многие даже не предполагают, что сегодняшние египетские арабы никакого отношения не имеют к тем древним египтянам, достоинство которых ощущается даже в их скукожившихся мумиях. Хромосомный набор древних и сегодняшних египтян не пересекается ни одной ДНКовской загшулинкой-извилилкой.

Арабы завоевали эту землю значительно позже. Когда оценили, что завоевали, тут же назвали себя египтянами. Сами поверили в то, что это они строили величественные пирамиды, храмы... Стали гордиться ими как своими собственными святынями. Я бы сказал, что арабы завоевали не землю, а историю и культуру Египта. Как способный народ, научились кормиться вокруг этой великой культуры толпами туристов, отелями, ресторанами, многочисленными сувенирными лавками. Но история безжалостна! Она отомстила завоевателям, превратив отважный народ скотоводов и земледельцев в народ мелких лавочников и потрошителей туристов. Главная причина потери достоинства сегодняшних египтян в том, что они кормятся вокруг того, что сами не создавали. Пирамиды и Суэцкий канал стали для египтян таким же наказанием, как нефть и газ для России!

В любой точке пустыни вас найдет высохший, как корень верблюжьей колючки, араб, мечтающий продать вам бусы. Любой присланный из местного турбюро гид или гидша, доложив голосом отличника-заучки о том, какой высоты какая колонна, пирамида, сколько куда ушло тонн камня, краски, заклепок, постарается как можно скорей закончить экскурсию и уговорить вас зайти в ювелирную лавку, где хозяин, естественно, его друг детства и у него самое качественное и дешевое в мире золото. Русским он вообще продает дешевле, чем покупает. Потому что русских до сих пор уважает в память о бывшей ненависти Советского Союза к Израилю.

Если вы откажетесь, — мол, золото вас не интересует, ваш гид-абориген тут же вспомнит, что у него есть еще один друг детства, у которого самое качественное и дешевое в мире серебро. Откажетесь от серебра — найдется друг детства по бронзе. Я понял: все арабы — торговцы и гиды — друзья детства! Не заинтересуют металлы — будут соблазнять папирусами. Единственной лавкой в мире, где продаются не современные банановые папирусные подделки, нет, а настоящие древние папирусы времен самого Эхнатона и Рамзеса, а чтобы вы не сомневались в их подлинности, они изготавливаются прямо при вас во дворе этой же лавки.

Наконец, при выходе из отеля, если вы хорошо и дорого одеты, на вас стайкой пираний налетит местная арабская детвора не с просьбой — с требованием милостыни. Эта детвора уже с пяти лет узнает свою добычу по швейцарским часам и итальянским кутюрье. Мой совет нашим зажиточным туристам — отправляясь в Египет, купите у какого-нибудь бомжа лохмотья. Или оденьтесь во все отечественное, что в принципе одно и то же. Судя по всему, отцы-арабы и впрямь воспитывают своих детей в цыганском духе.

В один из свободных от музеев дней, будучи на Синае, я решил отправиться с англоязычным арабом-проводником в глубь пустыни до бедуинского поселения. Предстояло качаться на корабле-верблюде около десяти километров.

Вела мой корабль под уздцы девушка-арабка лет десяти с фигурой щепки. Необычайно подвижная, бойкая, босоногая. Лепешки грязи на ступнях защищали ее ноги от горячего песка, а заодно и от скорпионов не хуже, чем мозоли защищают ноги верблюда.

Верблюду ее слушался, и было странно, как такой большой слушается такую маленькую. По ее знаку он приседал, она заскакивала на него с разбега, даже скорее взлетала на его горбинки, и окриком, понятным только им обоим, мигом пускала его рысцей. Этим полетом невозможно было не любоваться. В белой арабской накидке она летела по пустыне, как чайка летит над морем. По-английски уже знала все слова, связанные с деньгами. Естественно, умела пересчитывать их прямо при клиенте. Мне не хотелось портить в своем воображении образ чайки. Поэтому через своего проводника я постарался объяснить ей, что если она не будет меня отвлекать от созерцания пустыни своим попрошайничеством, то в конце путешествия я дам хорошую премию, и не только ей, но и ее верблюду лично в зубы.

Она обрадованно замолчала минут на пять, и мы лениво поползли по пустыне между барханов.

Я помню это многочасовое путешествие! Небо над нами было высокое, как лоб мудреца с мелкими морщинками перистых облаков. Темные, похожие на грозовые тучи горы со всех сторон у горизонта окаймляли пустыню, как бы брали ее в кольцо. И все эти горные цепи были похожи в профиль на лежащие на спине у горизонта мумии, которые смотрят в небо с надеждой, что их когда-нибудь оживят.

Если бы мы шли на корабле, а не на верблюде, если бы это была не пустыня, а море, моряки бы сказали, что наступил полный штиль. Закатное солнце забрало жару с собой за горы. Взамен жары пустыня наполнилась умиротворенностью и равновесием. Песочные волны замерли. Коршун завис в полете. Небо и пустыня, как две чаши весов, уравнивали друг друга в абсолютном спокойствии. Верблюды ступали осторожно, как на цыпочках, словно боялись нарушить это равновесие. И не верилось, что Земля сейчас кружится и летит в Космосе!

В отличие от меня, моей маленькой проводнице вся эта гармония спокойствия была так же в тягость, как для меня жившие когда-то в квартире этажом выше алкоголики-меломаны, которые под музыку по ночам падали на пол вместе с мебелью.

Уже минут через десять после моего предупреждения не трогать меня и не дергать за ногу она начала дергать за ногу моего проводника. Чтобы он обратился ко мне, можно ли ей поговорить со мной если не о деньгах, то хотя бы о жизни. Потому что молчать она не может. Тем более когда впереди ее ожидает такая радость, как премия для ее верблюда. К тому же в бедуинском поселке ее прозвище Радио.

За время нашего путешествия я узнал по Радио все новости их нелегкой бедуинской жизни. У ее отца 300 верблюдов, и всем нечего есть. В школу отец ее не пускает — говорит, нечего зря тратить время. Надо работать. Он хочет купить еще 300 верблюдов. Им тоже нечего будет есть. Никто из ее сестер не умеет так зарабатывать, как она, несмотря на то что они старше. Но они-то не Радио! А с туристами молчать нельзя, тогда туристы вообще денег не дадут. Я спросил у Радио:

— Может, тебе дают деньги, чтобы ты помолчала?

Радио в ответ хихикнула, как бы согласилась с тем, что я разгадал ее хитрость. Причем тут же похвасталась тем, что, во-первых, в этом году ей удалось заработать как никогда. Во-вторых, еще я ей дам премию. В-третьих, — самое главное — ей скоро исполнится одиннадцать лет, а в школу идти не надо!

— Похоже, — закончила, — жизнь начинает складываться.

Мой переводчик-араб, переводя ее слова, явно гордился, что такая маленькая умеет так находчиво выкачивать деньги из туристов, или, как сказали бы у нас, «разводить» клиентов. Он считал это достоинством своей нации. Спасительным задатком подрастающего поколения.

В общем, весь этот арабский табор вскоре довел меня до того, что мне искренне стало жаль

тех израильтян, которые пытаются договориться со своими соседями. Невозможно по хорошему решить ни один вопрос с тем, кто принимает твое желание договориться за слабость.

Ни в одной стране я не чувствовал себя постоянно столь растерянным. Когда раздражался, впадал в истерику, сам начинал кричать на пристававшего, на меня смотрели как на врага всего египетского народа. А когда сдавался и покупал очередную дикарскую погремушку у очередного торговца, чувствовал себя сильно разведенной простоквашей.

Понимаю, по большому счету я не прав. В любой стране есть свои халявщики, но есть и ученые, врачи, артисты, писатели... Однако лично я после многочисленных поездок по Израилю и путешествия по Египту при слове «араб» вижу теперь лавочника с бусами посреди пустыни рядом с грустным, недоедающим и облезлым, словно побитым молью, верблюдом, у которого не осталось сил даже на то, чтобы прилично кого-то оплевать. А рядом транспарант с надписью на английском (который я видел лично): «Кто хочет сфотографироваться с верблюдом, подойти к верблюду и спросить фотографа».

ЗНАНИЯ УСУГУБЛЯЮТ СКОРБЬ!

Надо признаться, что я готовился к путешествию в Египет как бывший добротный советский студент, первый раз выезжающий за границу, и которому предстоит пройти перед поездкой партком, профком и сдать экзамены на знание страны назначения самому страшному «кому» — комиссии ветеранов.

Помню, когда я впервые выезжал с группой студентов МАИ в Польшу, меня спрашивали всерьез на райкоме партии, какие удои молока давала среднепольская корова в 39-м году на душу среднепольского населения. И, что самое удивительное, кажется, я ответил на этот вопрос правильно!

Сегодня об этом смешно вспоминать. Но в те годы бронированного советского занавеса, благодаря первым поездкам за границу, ради которых мы были готовы на все, я узнал: какой по счету американский самолет сбили вьетнамские зенитчики из Узбекистана, какую внеплановую лабуду собрали с близлежащих болот румынские беспризорники к двадцатому съезду партии и сколько пар могилевской обувной фабрики 46-го размера было поставлено голодающим детям Парагвая. Хотя я не понимаю до сих пор, зачем голодающим детям Парагвая понадобилась наша обувь.

Вот такой ерундой были забиты головы советских туристов в то незабываемое время товарного дефицита и нравственно-моральной устойчивости. Зато изучение страны назначения теперь навсегда зафиксировано в каком-то чипе моего генетического кода и достанется от меня моим наследникам вместе с моими фотографиями.

Собираясь в Египет, по старой советской традиции я решил: чтобы не позорить Отчизны и не выглядеть невеждой в глазах гидов, прочитать хотя бы учебник истории за 6-й класс. С очень красивыми картинками пирамид.

Надо признаться, из этого учебника узнал для себя много нового. Прочитанным поделился с друзьями. Друзья были поражены, спрашивали: откуда я так много знаю? Вдохновленный успехом, я перешел к более сложной литературе — приложению к детской энциклопедии «Мифы и легенды Древнего мира» с картинками.

Вскоре друзья начали избегать встреч со мной. Они закомплексовали, поскольку поддержать разговор со мной не могли и беседа превращалась в монолог. Никто не мог понять, неужели я не шучу, когда так пылко рассказываю о божественной любви египетской богини Изиды к ее брату Осирису. Многие со мной перестали встречаться. Я же, в свою очередь, стал пересказывать им прочитанное по телефону. Естественно, слегка подглядывая в текст. Поэтому сыпал таким количеством имен и дат, что мне кто-то посоветовал сойти с диеты немедленно, потому что у меня начался явный приступ обострения памяти. Несколько человек откровенно посетовали на то, что в России бесплатные телефонные разговоры. Перед самым отъездом я окончательно напугал всех тем, что по возвращении покажу им слайды.

Я давно заметил, что, если вы начинаете нервничать из-за того, что у вас допоздна задержались гости, самый верный выход из положения — начать развешивать на стене простыню, приговаривая: «А сейчас давайте посмотрим слайды нашего путешествия с детьми в Турцию». Гости тут же начинают собираться по домам — мол, неотложные дела в два часа ночи.

Как бы там ни было, но я ехал в Египет подкованный. Меня не смог бы засыпать не только совет наших, но и египетских ветеранов. Даже комитет фараонов-мумий оценил бы мои знания!

Ведь я прочитал не только традиционных историков, но и труды самых продвинутых. Тех, кто называл себя контактерами. Один из таких контактеров, например, установил связь с мумией в Эрмитаже. И та нашептывала ему все секреты человечества, когда они оставались наедине. Из всей этой истории меня заинтересовало — как им удавалось в Эрмитаже остаться наедине?

Другие контактеры получали информацию непосредственно из Космоса, куда выпадали периодически в астрал. За что я называл их про себя астралопитеками.

У одного из них в предисловии я прочитал фразу, отдающую некой космической эротикой: «Я был в контакте с Бетельгейзе». Слава богу, благодаря пятерке по астрономии в школьном прошлом я знал, что это звезда, а не немецкая актриса-куртизанка.

И вот когда, извините, он находился на этой Бетельгейзе, ему поведали, естественно, бетельгейзеры, что пирамиды на Земле построили их предки. Это были пульта управления термоядерными реакциями в ядре Земли. Через эти пульта они нас включали и выключали. Настраивали на правильную волну. Но это было давно. Сейчас плюнули и улетели. Сказали: «Бесполезно. Выключай не выключай, все равно у землян энергия не по вектору. Что-то в программе сбилось». И отлетели они дружно в мир иной, оставив на Земле в летающих тарелках лишь своих наблюдателей, как ООН в Чечне. То есть мы для Космоса, как Чечня

для России — геморрой.

Но больше всего мне понравилась версия некой астралопитечки, которая с непреклонностью женщины постбальзаковского возраста доказывала, что пирамиды построили пришельцы с Сириуса — сириусяне или сириу-сята — не важно. Важно, что в то время (давно это было) они были главными в Космосе, как в Москве теперь солнцевские. Они на Землю ссылали своих провинившихся. Как бы уголовников. Как бы на поселение. «На химию». То есть Земля для них была как бы зоной. А пирамиды — как бы вышками, на которых находились как бы вертухай.

Наши допотопные предки их приняли, естественно, как бы за богов, потому что те показывали разные чудеса: лазерные фонарики, наушники в ушах, телевизоры в ногтях...

В общем, уже задолго до путешествия меня интересовало все!

Например, почему пирамиды строились для погребения фараонов, при этом до сих пор ни одной мумии фараонов в них не найдено? Почему все, кто пытался проникнуть в тайны пирамид, пробраться к их недрам, закромам, погибали потом от болезни или от какой-нибудь случайной катастрофы? По какому закону продукты, помещенные на дно пирамид, остаются всегда свежими, как в морозилке, а лезвия ножей самозатачиваются? Наконец, куда смотрит умоляющим взглядом сфинкс? Как будто окаменевший небожитель не успел вовремя стартовать с гибнущей цивилизации и теперь ждет, когда за ним прилетят? Наконец, за что и кто отбил ему нос? А главное, зачем?

Но больше всего меня потрясла книжка не историка и даже не контактера, а просто нашего российского врача, который утверждал, что расстояние между всеми нерасшифрованными шедеврами древности одинаковое. Ну, например, между египетскими пирамидами и мексиканскими. Мексиканскими и статуями каменных богов на острове Пасхи. Между гималайскими пирамидами и египетскими, египетскими и Стоунхеджем в Великобритании, и так далее... В эту схему даже вписывался у него злополучный Бермудский треугольник, на дне которого, ученые тоже предполагают, есть пирамида. Причем равно это расстояние числу, от которого не просто содрогаешься, а оторопь берет — 6666 километров! И трех-то шестерок многие люди избегают, говорят, что такое сочетание лишь у дьявола на затылке, а четыре шестерки — на номере московской машины Бориса Березовского!

Как признался сам автор книжки, он измерял эти равноудаленности не по земле, нет, — по глобусу! Чуть ли не мягким швейным сантиметром. Только российского человека могло осенить сделать подобное!

Я вообще думаю, что, когда ученые скрупулезно накапливают много информации, они начинают в ней путаться как в паутине, и тогда для какого-нибудь сногшибательного открытия требуется дилетант. Дилетанту легче фантазировать. Он спортивной легкой походкой идет туда, куда отяжелевший от груза знаний ученый никогда не пойдет. Недаром именно дилетант Шлиман открыл в девятнадцатом веке Троя. До него все уверены были, что мифы — это сказки. А Троянская война — миф. Шлиману повезло. Его не приняли в общество археологов. Сказали — недоучка. И это было началом его успеха. Он и до провала

был упорным, а стал еще упорнее. Несколько раз подряд внимательно перечитал Гомера, предположив, не без основания, что Гомер не сочинитель, а летописец. Не Радзинский, а Нестор. Изучил, как прилежный школьник: каким путем двигалось войско Агамемнона на Трои? Какие светили этому войску звезды? Куда дули ветры? Справедливо рассудил, что в мире меняется всё: государства, народы, языки, традиции... А звезды светят и ветры дуют всегда в одном направлении. И пошел он путем войска Агамемнона на Трои. И попал! Попал успешнее самого Агамемнона! Нашел то, что тот только мечтал найти. Сокровища Трои. С тех пор археологи стали относиться к мифам не как к небывицам, а как к руководству, где копать! И начали перечитывать мифы, легенды с вниманием детей, которые читают приключенческие книжки о пиратах, где авторы точно рассказывают, под какой горой пираты зарыли свои сундуки.

Надо признаться, я сначала не поверил в такие необъяснимые совпадения равноудаленности при четырех шестерках. Тоже купил себе глобус, мягкий сантиметр, понимая, что линейкой по глобусу измерять — кощунство над бывшим инженерным прошлым. Заперся в кабинете, как в детстве, когда тайком от родителей запирался, чтобы поглядеть альбом художника Рубенса. Для нас Рубенс тогда был эдакой бессовестной эротикой. Короче, стесняясь того, что кто-нибудь застанет меня за этим не самым логичным занятием — измерением глобуса, я закрылся в кабинете и приступил к проверке. Естественно, умножая на масштаб. Действительно, шесть тысяч шестьсот шестьдесят шесть! У меня было такое чувство, будто в открытом Космосе разгерметизировался скафандр и начали шевелиться волосы в невесомости.

В это время позвонил телефон. Звонил тот самый приятель, который советовал мне сойти с диеты.

— Что делаешь? — спросил он.

Находясь все еще в шоке, я ответил, не понимая, какую вызову реакцию:

— Измеряю глобус!

Приятель немножко помолчал и очень осторожно спросил:

— И как?

— Все сошлось! — гордо ответил я за наших русских дилетантов-первооткрывателей.

Он вдумчиво и долго молчал. После чего не нашел ничего лучше, чем спросить меня:

— Ты еще на диете?

— Да, а что?

— Сойдешь — перезвони! А до тех пор, прошу, не удручай и не грузи меня!

Короче, после всего прочитанного перед поездкой мое воображение опухло. Оно не давало

мне спать, давило на мозг, как давит диафрагма после обжорства Мне снились по ночам сириусенок Осирис, его внебрачный сын Александр Македонский, мать Александра, в прошлом воплощении богиня Изида, которая была сослана на Землю «на химию» собирать кукурузу, захотела сбежать, а ее летающую тарелку в районе Бермудского треугольника съело лохнесское чудовище с четырьмя шестерками на затылке.

ЭКСКЛЮЗИВНОЕ ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Почему нас так тянет к загадкам истории? Потому что, поняв, что было в прошлом, мы можем понять, что случится с нами в будущем. История — это спираль, упирающаяся в бесконечность своей вершиной, по которой медленно, божьей коровкой, карабкается человечество. Важно только определить, до какого витка «букашка» докарабкалась. Тогда не будешь смеяться над своим прошлым, понимая, что это твое будущее!

Надо признаться, я никогда не был особенно скромнен. Поэтому, собираясь на свидание к первому чуду света, был уверен, что уж я-то разгадаю загадку загадок, тайну тайн, как только прикоснусь к ней взглядом, точнее, душой. Конечно, я не контактер, в астрал последний раз выпадал в студенческие годы и ненадолго.

Однако у пирамид меня ожидало разочарование. Народу в пустыне было! Не меньше чем в советское время в ГУМе, когда выбрасывали в продажу польские кроссовки. Хотелось мировой души, а вокруг была мировая толпа.

Японцы крупной рассыпались по пустыне и повсюду фотографировались. На каждом доступном выступе каждой пирамиды, с охраной, с проводниками, стоя рядом с верблюдом, сидя на верблюде, в обнимку с верблюдом... Путешествуя по разным странам, я каждый раз удивлялся, сколько в мире японцев-туристов! Как будто на земле перепроизводство их, а не китайцев. И все увешаны фото-видео-киноаппаратурой, как новогодние елки подарками.

Правда, надо отдать им должное — они самые дисциплинированные туристы в мире. Подъехал автобус, все рассыпались по достопримечательностям, сфотографировались и по команде, как пионеры, дружно всосались обратно в автобус. У старика Дурова был такой аттракцион — мышьяная железная дорога. Мыши по его команде очередью заползали в вагоны поезда, поезд трогался, а удивленные мышки тихо глядели из окошек.

Японцы, как мышки: сдержанные и тихие. Они так же смиренно и внимательно смотрят из окошек туристических автобусов всего мира. Никогда не кричат, как наши, через всю пустыню: «Ты чего, придурок, батарейки у фотоаппарата не поменял?» У японцев всегда заряжены все батарейки! Главная задача для них — сфотографироваться рядом с каким-нибудь шедевром. Я видел, как в Лувре японец фотографировал свою жену на фоне Джоконды, а она его — прислонившись к Аполлону Бельведерскому. Для них Лувр был чем-то вроде фотоателье. Но, в отличие от наших, они все-таки не пытаются в этом фотоателье обнять Венеру Милосскую, приставить к ней свои руки или примерить голову жены к туловищу Ники Самофракийской.

Другое дело итальянцы. Итальянцам не обязательно фотографироваться. У них и своего

антикварного добра и развалин дома навалом, чтобы, как японцы, еще унижаться перед чужими. Поэтому итальянцы путешествуют по миру, чтобы шуметь! Они больше всего похожи на нас по духу: любят тусоваться, от излишнего темперамента тоже разговаривают руками... Если, скажем, в Берлине или в Каннах ночью вы издали заметите шумную толпу, это или итальянцы, или русские. Если бы наших кавказцев одеть попримечнее и сильно подушить, получились бы итальянцы.

Англичане путешествуют мало. Похоже, у них за два столетия колониальных войн истощилось желание таскаться по миру.

Меньше путешествующих англичан я видел только шведов. Им и так хорошо у себя в Швеции. Как в пансионате для престарелых. Скандинавам вообще путешествовать незачем, у них и дома пива достаточно.

Путешествующих испанцев, наоборот, много. Испанцы — почти итальянцы. Но одеты беднее. Они еще меньше любят работать. Самая длинная сиеста в мире — в Испании. Так что им просто не хватает времени на производство хороших товаров. У них даже есть такая примета: если вступишь на улице ногой в собачью мину — это к счастью. Им легче придумать примету, чем убрать на улице. Впрочем, не нам их за это судить.

Китайцы по лицам похожи на японцев. В плавках на пляже китайца от японца отличить невозможно. Но это на первый взгляд. А взглядишься — у китайца значительно напряженнее спина. Чувствуется: за этой спиной исподтишка наблюдает Коммунистическая партия Китая.

Самые напряженные лица и спины у северных корейцев. Одеты они так же бедно, как вьетнамцы: точь-в-точь, как наши ученики в ПТУ. Кстати, путешествующих вьетнамцев я не видел нигде в мире, кроме как спящими на газетках в аэропорту Шереметьево.

Немцы тоже любят пошуметь, но только после пива. То есть во второй половине дня. В первой немцы больше напоминают финнов. На пляже рядом с большой компанией немцев лучше не располагаться. Потому что на пляже они пьют пиво с утра и к обеду уже заглушают даже итальянцев. Немцы всегда одеты в спортивное, рослые и этим отличаются от таких же блондинистых финнов.

Финны в прошлом лесорубы. Лес удобнее рубить, будучи приземистым. В отличие от немцев, финны напиваются сразу даже пивом и шумят недолго. Быстро обмякают и превращаются в полуаморфные тела. Им очень подходит кликуха, данная российскими путанами, — «Финики»: мягкие и годные к употреблению.

Французов в путешествиях, как и японцев, почти не видно и не слышно. Они не унижаются, не самоутверждаются ни шумом, ни излишествами в моде. Они просто презирают все остальные народы мира уже хотя бы за то, что у остальных нет Парижа. К тому же у них, французов, было самое большое количество революций, Людовиков, Наполеонов... Они законодатели моды в вине, еде, одежде... У них самый сексуальный язык в мире, как считают только они. Еще им удалось внушить всему миру, что у них самая красивая в мире

башня — Эйфелева! Хотя издали она похожа на гигантскую ногу для высоковольтной линии передач.

На самом деле все это высокомерие мгновенно сбивается с любого из них, если к нему хотя бы обратиться на его родном языке. Достаточно всего двух слов: «Силь ву пле, месье» или «Силь ву пле, мадам». Француз тут же станет приветливым, как тайландская массажистка. И готов будет перейти с вами даже на английский — язык его врагов со времен Орлеанской девственницы.

Поэтому французы сразу отворачиваются, когда видят наших или американцев. Американцев они презирают за то, что те приходят в самые дорогие рестораны в шортах, смачно сморкаются и разводят бордо пепси-колой. Русских сторонятся, поскольку русские не могут выучить даже «Силь ву пле». Ну не уместается в русской голове даже два иностранных слова. Поэтому русские обращаются к французам исключительно на русском, а чтобы французы поняли, стараются говорить как можно громче: «Слышь, где тут можно пожрать?»

Для меня загадка: зачем путешествуют американцы? Взбираясь на Акрополь, они жалуются, что там нет закусочной или пиццерии около Парфенона. Американская молодежь во всех уголках мира в наушниках: перед пирамидами, в горах, на берегах морей, на Эйфелевой башне... Я видел американскую тинейджерку, которая на французской комедии в «Комеди франсез» слушала плеер, шуршала поп-корном и пританцовывала, сидя на стуле.

Американцев очень легко узнать в любой стране мира по фигурам. Благодаря гамбургерам и антибиотикам, которые они едят одновременно, большинство из них расширены книзу, как будто у всех в штанах памперсы. Философы считают, что у американцев никогда не будет революции, потому что у них для этого недостаточно времени между приемами пищи.

В отличие от французов, которые гордятся собой скрыто, американцы, наоборот, гордятся открыто, напоказ. Они даже слово «Я» пишут с большой буквы, в то время как большинство народов пишут с большой буквы «Вы». Да! Они главные на Земле! Их все должны слушаться. Иначе они пожалуются своему президенту, и тот прикажет разбомбить любую страну, обидевшую их туристов! Самые нелепые вопросы, которые мне приходилось слышать в путешествиях, задавали гидам американцы. Например: «Фараон Хуфу, когда строил пирамиду, считал, сколько ему это обошлось в долларах?»

Уже через 15 минут, стоя напротив пирамид, я с грустью ощутил, что ничего не чувствую, кроме раздражения на мировую толпу. Точнее, на самого себя. Хотелось быть романтиком, а я оставался сатириком. Правильно сказал кто-то из моих друзей: «Сатирик — это уставший романтик».

Невероятным усилием воли я попытался выдавить из себя сатирика и присоединиться к мировой толпе, стать ее частичкой, хотя это не так легко было сделать. Ведь я был одет суперэкслюзивно! По сравнению со мной все вокруг выглядели как портянки. Впрочем, мне — бывшему советскому инженеру — это было простительно! Самую темпераментную часть жизни я провел в бесцветном инженерно-советском прошлом. Как мы одевались? В

серые, как спецовки, костюмы фабрики «Большевичка». Врачи, инженеры, артисты, летчики — мы все были похожи не на население, а на персонал огромного рабочего цеха под названием СССР. Обувь носили двух фабрик: «Буревестник» и «Скороход». Когда эти туфли стояли на полках обувных магазинов паре к паре, то изяществом исполнения напоминали сложенные на стеллажах снаряды зенитно-пускового комплекса.

Теперь мы все — выходцы из нашего советского детства — мстим нашему серому прошлому, одеваясь уже с утра в самое дорогое. Только наши женщины в гостинице на завтрак приходят в золоте, а мужчины даже в горах на лыжах иногда катаются в галстуках.

Поэтому неудивительно, что, отправляясь в пустыню, как и подобает выпускнику закомплексованной советской юности, я нарядился во все самое откутюристое, как будто пирамиды будут со мной особенно откровенны, если увидят на мне шорты от Ферре и очки от Гуччи.

Подражая мировой толпе, естественно, первым делом я решил сфотографироваться на фоне пирамиды. Причем на слайдовую пленку, чтобы потом было чем выгонять из дому засидевшихся гостей. Правда, сфотографироваться хотелось как-то прикольно, не как все. И я полез на пирамиду с грацией объевшегося медведя-гризли в очках Гуччи.

Мучаться пришлось недолго, уже через минуту ко мне подбежал какой-то араб несчастной внешности и, махая на меня руками, как ветряная мельница на Дон Кихота, стал снизу кричать, что залезать на пирамиду строго запрещается. Лицо у него было такое, как будто по египетским законам мне за это грозило пожизненное заключение в каирской тюрьме, по сравнению с которой наша нижнетагильская зона — парижский клуб. Он был в гражданском. Пояснил, что тем не менее начальник охраны. Хотя напоминал скорее бомжа, живущего в каирской канализации. Правда, при этом настаивал на том, что поставлен сюда от имени государства. Я, естественно, понял это как вымогательство и предложил ему денег, чтобы он меня сфотографировал сам. И тут произошло невероятное: араб отказался от денег! Даже извинился — мол, не положено. Хотя один раз, так и быть, сфотографирует! Но бесплатно. Исключительно из уважения к тому, что я русский! Ведь его папа был летчиком и летал на русских самолетах. А то, что я из России, он догадался по моим шортам Ферре и очкам Гуччи. Больше никто в такой одежде на пирамиды не пытается забраться.

«Какой благородный араб!» — порадовался я и предложил уже денег чуть больше. Чтобы он сфотографировал меня еще раз. Но он снова отказался! Правда, за мои намерения осчастливить его проникся ко мне таким уважением, что предложил посмотреть неподалеку не какие-нибудь банальные пирамиды, а тайные, сегодняшние, свежайшие раскопки. Туда туристов еще не возят, но для меня, как для русского, он сделает исключение. Тем более что у меня глаза, как и шорты, человека непростого, а значит, я смогу по достоинству оценить эти раскопки. Я не понял, о каких раскопках вообще шла речь. Английских слов он знал столько же, сколько и я. Но почему-то это были другие слова.

Он сразу подчеркнул, что за такой осмотр придется заплатить. Но не ему, а тамошним охранникам. Правда, они тоже денег не берут, но ради русского возьмут, потому что их папы тоже летали на русских самолетах.

— Куда идем? — спросил я в надежде, что хоть что-то увижу эксклюзивное, соответствующее моим звездным шортам.

— На запад! — ответил сын летчика и показал рукой точь-в-точь, как Саид в «Белом солнце пустыни».

Мы прошли по пустыне на запад всего метров пятьсот. Раскопки появились неожиданно, вынырнув буквально из-под земли. Это были похожие на сморщенные в песках траншеи. Кое-где темнели входы в подземные катакомбы, словно норы анаконд. В них чертовски хотелось заглянуть.

Мой гид, не замедляя движения, провалился в одну из этих нор так ловко, как будто проделывал это по нескольку раз в день. Я последовал за ним, но менее элегантно, сняв очки и боясь за шорты.

— А кому платить? — спросил я. — Что-то не видно никого.

— Отдадите позже. Я им передам. Они все ушли на обед... где-то до ужина!

Мой импровизированный гид включил фонарик, и мы пошли вдоль его лучика в каком-то потустороннем мире. Вдруг он остановился и с максимальной важностью, шепотом, сказал мне:

— Смотрите. Стену видите? Вот! Это очень древняя стена! Вам нравится?

На мой вопрос, какого века подземелье, он ответил: настолько древнее, что, когда родилась его бабушка, оно уже было подземельем!

Наконец «гид» завел меня в глубь загадочного лабиринта, который, судя по всему, арабы вырыли специально, чтобы заводить жаждущих эксклюзивных зрелищ русских туристов. Мы находились, естественно, в очень древней комнате. В ней пахло сыростью и плесенью истории. Она была абсолютно пустая. Земля сверху давила, и можно было только порадоваться за мумии, которые не боятся клаустрофобии.

Вдруг мой гид закричал таким голосом, словно увидел тень отца Рамзеса Второго:

— Смотрите, смотрите, вот сюда, вниз, на пол!

Я посмотрел. В зайчике его фонарика полз маленький жучок.

— Это очень редкий жучок! — начал он объяснять мне с выражением лица орнитолога, которому в сачок попался птеродактиль. — Вам сегодня очень повезло, что вы сюда спустились, иначе бы никогда в жизни не увидели этого жучка! Он назвал имя жучка — оно было длиннее, чем полное имя Бена Ладена.

— А какого времени жучок? — спросил я, потому что надо было что-то спрашивать.

— Очень древний. Вы всю жизнь будете гордиться тем, что его видели.

После этого утверждения мой гид сделал серьезное лицо государственного работника и постарался объяснить мне, что за такую экскурсию надо платить не меньше пятидесяти долларов, потому что эти раскопки сторожат пятьдесят охранников. Все-таки то, где мы находимся, египетская государственная тайна. А египетская тайна в Египте меньше, чем за пятьдесят долларов, не продается. Причем платить надо именно сейчас. Иначе, судя по его тону, я рисковал навсегда остаться здесь и сам превратиться в мумию, покрытую исторической плесенью. И, что самое страшное, — никому не смогу рассказать, что видел жучка.

Журналисты меня часто спрашивают: «Над вами когда-нибудь смеялся кто-нибудь так, как вы смеетесь над другими?» Теперь я знаю, что я буду им отвечать. Смеялся! Египетский секьюрити — сын летчика. Он до сих пор наверняка смеется! Во всяком случае, когда мы вышли из катакомб, у него улыбались не только глаза, но и уши. Он тут же побежал от меня восвояси, отдавать пятьдесят долларов другим сыновьям летчиков. А я грустно пошелестел по барханам обратно, переживая не столько за пятьдесят долларов, сколько за испачканные навсегда пылью вечности шорты Ферре... А еще за то, что не успел сфотографироваться на слайд... с жучком!

ЧУДЕСА НА СВЕТЕ СЛУЧАЮТСЯ...

Дня три я переживал из-за того, что мое свидание с пирамидами оказалось неудачным. Правда, нет худа без добра. Я невольно стал скромнее. Очки Гуччи разбились, шорты Ферре истрепались. На арабских рыночных развалах я купил самую дешевую туристическую дерюгу, на которую местные египетские кутюрье специально для наших туристов из глубинки пришили этикетку с надписью русскими буквами «Адидас».

Зато теперь, когда я выходил из гостиницы, местные бомжи не только не приставали ко мне, но и смотрели на меня с жалостью.

Правильно сказал кто-то из моих коллег: «Будь скромнее, и люди к тебе потянутся. Причем правильные люди!» Уже на следующий день после покупки дерюги мне повезло с правильным гидом. Нет, не повезло... Я не прав. Скорее всего, Бог Ра мне сделал подарок за мои переживания.

Новый гид абсолютно был не похож на предыдущих. Молодой, неживотастый, веселый, его глаза не играли в прятки, пытаюсь меня одурачить. Он даже не чесал рукой под брюками в области паха, как это постоянно делают арабы прямо на улице. Казалось, что он спрыгнул с какого-то фрагмента древней фрески. Действительно, оказался не арабом, а коптом. Потомком тех древних, настоящих египтян, которые еще сохранились в Египте и основное занятие которых с утра до вечера делать вид, что они дружно уживаются с арабами. С последними его роднило только то, что его мама тоже училась в Москве и до сих пор, как он сказал, тащится от русской литературы и сейчас читает Пелевина.

Он очень неплохо говорил по-русски, хотя в России ни разу не был. Уже знал такие слова,

как «разборка», «новый русский», «развести», «лох». Видимо, мама зачитывала ему вслух страницы из Пелевина. Даже знал выражение «в натуре». Но пристраивал его в своей речи совершенно некстати. Например, спрашивал меня: «Как вас, в натуре, звать?» И я ему, в натуре, отвечал, как меня, в натуре, звать.

Он сказал мне, что русские туристы ему нравятся, они веселые, общительные, но иногда он чувствует себя лохом, потому что не знает, чего от них, в натуре, ожидать. Например, один из его клиентов поздно вечером выпил в баре, после чего сказал: «Надо бы как-то повеселиться. Пойти, что ли, соседу по номеру морду набить?»

Другой наш турист, напившись, ночью после бара прыгнул в одежде в бассейн. Просто разбежался и прыгнул. От радости. Начал в бассейне кричать, бить руками по воде, булькать под водой, забрызгал все вокруг бассейна. Проходящие мимо немцы за него испугались, думали, человек тонет. Начали вытаскивать. От радости, будучи мокрым, принялся всех обнимать. Они решили, что так он выражает им благодарность за спасение. Наутро устроили скандал администрации гостиницы, что вокруг бассейна ночью не вытирают. Скользко. Русский турист даже свалился в воду. Им же на ум не могло прийти, что прыгнуть в бассейн в одежде можно просто от веселья. В результате администрация гостиницы перед нашим извинилась. Ему в номер принесли бесплатно фрукты и шампанское. С тех пор он каждый вечер прыгал в бассейн в одежде, и ему каждое утро приносили фрукты!

Мы совершили с моим новым знакомым этакий бартер. Под строжайшим секретом я поведал ему, что у русских вообще мощнейшая энергия, но она без вектора. Тем не менее мы научились кое-чему у Запада. И у наших новых русских уже появились в речи неопределенные и определенные артикли: неопределенный — «типа», а определенный — «конкретно»! Объяснил также, что означают новые, внушающие уважение любому русскому словосочетания типа «дуть в уши», «колбасить в кислоте»...

За это копт поведал мне тайные слова, после которых даже арабы с бусами должны были меня уважать настолько, чтобы бежать от меня восвояси. Я не знаю, что означали эти слова. Их было трудно перевести на русский так же, как объяснить арабам, что означают наши выражения «колотить понты», «навинтить гайку», «серпом по рейтингу», не говоря уже «лохматить бабушку»... Похваляюсь лишь тем, что уже через три дня я научился эти арабские слова произносить почти без акцента. Арабы застывали вместе со своими ювелирными изделиями в руках, превращаясь в монументы самим себе. Провожали меня взглядом, в котором сквозь ненависть, как сквозь два ситечка, просачивались уважение и непонимание, как это я — иностранец, а не лох. Я считаю, израильтянам эти слова надо преподавать в начальной школе.

Забегая вперед, скажу, что мой новый молодой друг вскоре похвалил меня. Он отметил мое хорошее чувство юмора и даже сказал, что мне надо быть юмористом. Еще сказал, что я не похож, в натуре, на нового русского туриста, потому что в историческом музее ни разу не обратился к нему с вопросом: с кем можно поговорить, чтобы купить что-то из сокровищницы Тутанхамона?

— Нет, вы не новый русский, — закончил он мне свое признание. — Не надо мне колбасить

в кислоте!

И я во второй раз отправился с ним к пирамидам!

Вечерело. Солнце нехотя обогревало пустыню. Нехотя вез нас таксист.

— Уже поздно, — объяснил он. — Вас не пустят.

— Куда не пустят? — насторожившись, спросил я. — В пустыню?!

— Да, — ответил он, — ворота в нее закрываются в пять.

Действительно, когда мы подъехали к пустыне, я увидел ворота. Хотя забора не было. Просто посреди пустыни стояли ворота. Этаким натюрморт для Сальвадора Дали.

В этот вечер Бог Ра сделал мне второй, самый чудесный подарок: он испортил погоду! Причем настолько испортил, что отсек пирамиду на весь вечер от мировой толпы. Вдруг подул ветер, который в литературе обычно обозначается словом «нехороший». Еще с дороги видно было, как он поднимает в пустыне первые угрожающие вихри и выдувает ими из пустыни последних туристов. Вихри взвивались от пирамид вверх, словно пытались сорвать с неба покрасневшее солнце, которое начинало остывать быстро, как электрическая плитка, которую выключили из розетки.

Зато пирамиды оживали на глазах! Их рабочий день закончился досрочно! Они не были больше фотоателье и первым чудом света. Они радовались гудящей непогоде и как будто хороводили вместе с песочными вихрями, которые срывались с барханов, точно брызги с морских бурунов в бурю.

И за всем этим непогодным беспокойством в пустыне опять чувствовалось вращение Земли, и пирамиды маленькими грузиками уравнивали это вращение. Может, они всегда и были гирьками на весах трехмерной истории человечества, одна из осей которой — вечность тонкого мира.

Мой гид-копт все эти новые теории контактеров, фантазеров и прочих ведьмаков считал кошунством над прахом его дедушек. С особой тщательностью рассказывал, как строились пирамиды, какие использовались людьми рычаги, как клались друг на друга плиты... В конце концов, словно обиженный ребенок, выпалил: «Это был труд многих тысяч наших предков. А вашим ученым пора закрыть вентиль, понятно? Это-это-это, — он долго пытался подобрать правильные слова и, наконец, подобрал: — Это базар фуфлометов! — И с боязнью переспросил: — Я правильно сказал?»

— Еще как правильно!

Я вдруг ощутил разгадку пирамид за этими случайно сказанными от обиды словами моего молодого египетского друга. Конечно же, пирамиды созданы нашими всеобщими предками — землянами. А все теории про их инопланетное происхождение выдуманы теми недоучеными, которые никогда не держали в руке ничего тяжелее компьютерной мышки и

не в состоянии поэтому себе представить, что люди могут столько работать, чтобы создать такое чудо.

Когда я об этом подумал, мне показалось, даже сфинкс подмигнул мне своим подбитым глазом, а от пирамид теплым приветом прилетел порыв ветра. Они разрешили прикоснуться к ним душой! Они были со мной согласны. Вот уже много веков стоят они на планете как памятники нашим человеческим возможностям, напоминанием о том, сколько в нас сил заложено. И о том, что чудеса на свете случаются, но над этим надо много работать.

А все загадки легко и реально объяснимы. Почему они поставлены в таких загадочных точках планеты? Так и церкви стоят на каких-то особых местах, и мы тоже пока не знаем, по какому закону? Есть же на теле человека особые точки, которые задействуют иглами, чтобы восстановить энергетические меридианы. Так и у Земли. Она ведь тоже живая, наша матушка Земля. Просто мы еще очень мало о ней знаем.

Почему продукты сохраняются в пирамидах? Да потому, что там внутри холодно, как в холодильнике! Вот и вся загадка! Почему ни в одной пирамиде не найдено ни одной мумии фараона? Потому что фараоны требовали хоронить себя вместе с их нажитым добром. Большая ошибка! Сколько народов, армий в истории из-за этого добра далеко не хирургическими методами вскрывали внутренности пирамид. Неудивительно. Говорят, в начале 90-х в Москве, столице уголовной романтики, похоронили кореша с тремя его мобилками в золотых корпусах, с браслетами размером с рыцарские латы, с цепью и нательным на ней крестом, чуть ли не снятым с колокольни Иоанна Великого. На следующий день могилу разграбили, несмотря на то что у могилы стояла охрана. Почему так быстро разграбили? Потому что сама охрана и разграбила.

Так что прав мой арабский копт — не надо, ребята, дуть в уши! Разгадка в самом простом: одни люди шедевры строили, а другие их обворовывали. Самый что ни на есть банальный конфликт истории. А потом нашли виновного — Наполеона. Вроде бы он с пирамид даже золотую обшивку снял. Лично мне в это не верится. Наполеон хоть и тираном был, но гением. Гений и вор не сочетаются. Посмотрите, в нашем правительстве или в парламенте нет ни одного гения!

И нос у сфинкса отбили не наполеоновские солдаты, а мамлюки. Потому что мамлюкам не разрешалось смотреть на лицо божества с носом. Мол, с носом оставить может. У разных народов в истории разное отношение было к анатомии человека. Одним запрещалось ниже пояса смотреть, другим — на лица. Это зависело от развития. Более развитые уже не стеснялись нижней половины туловища, а скорее боялись заглянуть в глаза друг другу.

Шедевр тем и отличается, что он показывает человеку, каков его внутренний мир. Например, смотрят люди на Джоконду, а потом один говорит: «Она мне ухмыльнулась», другой: «А мне злорадно улыбнулась», третий: «А на меня посмотрела с надеждой». Поэтому она и гениальна, что каждому показывает, кто он есть и что втайне о себе думает. Ученые про шедевры потом загадки выдумывают. Чтобы пиариться! Однажды мне довелось прочитать в одной из статей, что написали о загадке Джоконды ученые-медики. Они доказывали, что у Моны Лизы, судя по лицу, множество заболеваний и улыбка у нее не

загадочная, а злобная. Более того, за плотно сжатыми губами она скрывает кариес и несвежее дыхание, потому что глубоко беременна, никак не может разрешиться от бремени, и от этого у нее начался атеросимптоматический кардиосклероз с хроническим бронхитом пониженной секреции! Отчего и появилась на лице такая кривая улыбка.

От мыслей и размышлений меня отвлекла неизвестно откуда взявшаяся охрана.

— Вам пора освободить пустыню! Иначе не выйдете! Закрываем ворота!

Солдаты действительно закрывали ворота, которые без забора смотрелись так же забавно и одиноко, как раздетые манекены в витрине магазина. Зато они создавали видимость порядка в витрине государства!

ПОДВОДНОЕ ШОУ

Я не согласен с выражением: если хоть раз побывал в Венеции, можно считать, что жизнь удалась. Для полноты ощущений я бы еще советовал поплавать с аквалангом в Красном море.

Правда, в первый раз, как и с пирамидами, мне не очень повезло с Красным морем. Местный инструктор по дороге с упоением рассказывал мне о чудесах местного подводного мира. Из-за нехватки английских слов пытался жестами описать, какие бывают там рыбы, моллюски, изображал лицом кораллы. Растопыривал руки, стараясь стать похожим на водоросли. Вращал, как краб, глазами. Это несколько скрасило двухчасовую дорогу в безрессорном, пыльном микроавтобусе к тому месту, где это все водилось. В конце дороги мы уперлись в какой-то мол, куда для ныряния свезли, по-моему, всех итальянских туристов со всей Синайской округи. Подводное царство буквально кишело итальянцами, как старый пруд планктоном. Интересно, что итальянцы умудряются быть шумными даже под водой. Они распугали всю рыбу. Казалось, в этом безрыбном пространстве в масках и ластах они просто охотятся друг на друга. Я плавал между их ногами в надежде увидеть хоть что-нибудь из того, что хлопоча лицом, обещал мне гид. Но похоже было, что от такого гвалта расползлись даже кораллы.

Словом, говоря о подводном мире, самое сильное впечатление в этот день у меня осталось от мимики инструктора, который на обратном пути изображал мне те чудеса, которые я так и не увидел.

Зато на следующий день мне опять повезло. За завтраком в ресторане гостиницы меня узнала русская официантка Таня из Днепропетровска. Первым ее желанием было накормить меня булочками, потому что, по ее словам, арабы худых не уважают. Если ты худой, значит, глупый: не можешь заработать себе денег, чтобы достаточно и качественно поесть. Поэтому она, к сожалению, каждый день вынуждена есть местную выпечку. Хотя ее друг не местный, не араб. Он шотландец, инструктор подводного плавания. Но поскольку здесь работает много лет, то рассуждает уже как настоящий абориген. Ему тоже нравятся девушки, похожие на булочки.

Я рассказал Тане о своем неудачном опыте подводного плавания между итальянскими ногами. Таня без доли иронии ответила, что сейчас сезон итальянцев. Для меня «сезон итальянцев» прозвучало, как будто итальянцы — это рыба такая, которая тянется в Красное море на нерест. «Тем не менее, — сказала она, — есть места, где их нет. Ее друг знает, где это, и сделает для меня все правильно. Он же европеец».

Европеец оказался мексиканцем, который долгое время жил в Ирландии. Поэтому Таня называла его шотландцем. К тому же он был не инструктором, а любителем подводного плавания. Правда, любителем профессиональным. Но таким полным, что не верилось, что вода его не вытолкнет вместе с аквалангом, как понтон. Его круглое лицо напоминало поджаренную мексиканскую пиццу с помидорами. Но самое приятное, весь этот понтон был наполнен интернациональным чувством юмора и латиноамериканской веселухой.

— Конечно, он большую часть жизни проводит под водой, — жаловалась на него Таня. — Практически живет среди рыб. Я бы посмотрела, как он веселился, если б поработал с мое среди людей! Да еще в Днепропетровске!

Мексиканский шотландец сказал, что действительно знает места, где нет итальянцев. Прежде всего, это очень глубоко под водой. А так как там очень опасно, сначала нужен тщательный инструктаж по технике безопасности, после которого я должен буду сдать ему зачет. Тщательный инструктаж он проводил минуты четыре. Языком полужестов, полуглавных слов.

— Первое и главное. Под водой никого и ничего руками не трогать. Опасно. Как и у людей: чем привлекательней выглядит какой-нибудь гад, тем он ядовитее! Один раз погладишь, всю жизнь будешь мучиться.

Я вспомнил свою жизнь и согласился с ним.

— Второе. Опустимся глубоко. Если вдруг под водой тебе станет плохо, покажешь мне рукой вот так. — Он повертел кистью, как будто закручивал в люстру электрическую лампочку. — Я же тебе покажу в ответ три знака. Первый, — он поднял вверх два пальца — указательный и безымянный, разведенные буквой «V». — Этот знак, — сказал он, — будет означать кредитную карточку «Visa». Следующий знак, — он опустил вниз три средних пальца, — будет означать «Master card». — Затем изобразил, как он ест.

— «Dinner club card», — догадался я.

— Смышленный, — одобрил «сэнсей». — А это что такое? — Он расставил руки и ноги и стал похож на заплывшую жиром английскую букву «X».

— Не знаю.

— Это главный знак — «American Express». Если тебе под водой станет плохо, я покажу тебе по очереди три знака, ты на один из них мне кивнешь, и я пойму, какой карточкой будешь расплачиваться наверху, если я тебя спасу. О...кей?

— О...кей! — ответил я.

После самого сложного в моей жизни экзамена мы нырнули с ним в долгожданное безытальянское безмолвие.

Когда люди смотрят на что-то очень пестрое, они говорят: «Все цвета радуги». К подводному миру Красного моря это выражение может употреблять только дальтоник. Радуга по сравнению с ним — скряга и скупердяй. Она по законам физики не может расщедриться бананово-кардамоновыми оттенками с бирюзово-гранатовыми вкраплениями и зеленовато-малиновыми отливами сверкающего в свете софитов маскарадного костюма поп-звезды.

Многие рыбы действительно были разукрашены, как мировые звезды эстрады на сцене. Но неэстрадная тишина придавала им более философский и умный, чем у эстрадных звезд, вид. Рыбы не унижались, не заискивали перед зрителями излишней дергательной и трясучкой. Они плавали очень важно, неторопливо, сознавая собственную красоту. Рыб и всех этих чудовищ было столько, что казалось, от них можно отталкиваться ногами.

Коралловое дно вперемешку с водорослями было похоже сверху на расстеленную ткань для японского праздничного кимоно, из которого с удовольствием пошили бы себе рубахи горячие кавказские кореша и наши иммигранты на Брайтоне. Выражаясь современным языком, подводный мир кишел наворотами. Это было настоящее немое подводное шоу!

Водоросли развеваются как в замедленной съемке. Из водорослей выглядывает какая-то рыба, толстая, похожая на автобус. Глаза огромные, как две линзы. Смотрит на нас внимательно, упрямо, точно хочет сглазить. Под ней скала в жабо.

Проскользнула мимо стайка рыбешек таких цветов, которых нет даже в аквариумах у российских финансистов. Какие-то подводные овощи, вроде как грядка патиссонов. У каждого внутри пещерка-ловушка. Выбросишь вперед руку, пещерка, как на фотоэлементе, захлопнется.

Морские ежи и морские огурцы, как начинающие артисты, надулись важностью от сознания красоты собственного костюма.

Кораллы-рога, кораллы-мозги, рыбы-шарики, рыбы-пузыри, рыбы со свинячьими носами, рыбы с индюшачьими хвостами... Медленно проплыло, обогнав нас, какое-то чудовище в юбке-кринолине. Моллюски-блины, моллюски в шипах, точно куски разорвавшейся зимней резины от нашего КамАЗа.

Нет, на такие чудеса нельзя охотиться! Таких рыб нельзя есть, как нельзя есть елочные игрушки. Их можно касаться только взглядом.

Правда, вся эта замедленная добропорядочность подводного мира царит только, пока не приглядишься. А посмотришь внимательнее — какая-то плоская очередная тварь стелется по дну, точно подводная лодка. Думает, ее не видно. Судя по всему, уже что-то натворила. Краб

дал от нее деру. Огромная рыбина погналась за более мелкой. У самого берега черепаха, отправляясь в свое двухсотлетнее путешествие, чего-то испугалась и втянулась в панцирь. Фиолетовые цветы с желтыми оборочками на выступе скалы заманивают сорвать их. Но прикоснешься — обожжешься. Каракатица прикинулась на всякий случай камнем. Над ней веревками развеваются чьи-то щупальца с присосками.

Вот так миллионы лет существует этот замедленный хищный мир, прикрытый красотой и космическим спокойствием. Мир, недоступный для человека, хотя и живет по тем же законам!

КАК ОТМЫТЬ ГРЕХИ

То, что в Египте есть пирамиды и Красное море, знают все. Но далеко не все знают, какая легендарная гора есть на Синайском полуострове. Правда, многим туристам не известно, что и сам Синайский полуостров находится в Египте. Он зубом мудрости вдается в Красное море. Весь в горах и в пустынях. Со стороны Красного моря оторочен пляжами и морским прибоем. Сюда съезжаются туристы со всех континентов покупаться, погулять по ресторанам, попить дешевого вина и нахлебаться псевдо-голливудской жизни за деньги профсоюзов всего мира.

Синай — что-то вроде египетского Крыма. Так же как вокруг Крыма, идут споры, чей он. Арабы, естественно, считают, что Синай был арабским еще до того, как они его заселили. Пылко доказывают, как во время последней войны с Израилем героически разбили евреев и вернули себе исконно арабский полуостров. Евреи не менее убедительно рассказывают, какое сокрушительное поражение в этой войне они нанесли Египту. И только после победы подарили Синай арабам из-за своей вечной еврейской щедрости!

Но, в отличие от Крыма, на Синай тянутся туристы совсем другого толка. Это те христиане из разных стран, которые если и не соблюдают заповеди, то хотя бы знают, что они есть. Знают также, что заповеди, согласно легенде Ветхого Завета, пророк Моисей получил от Всевышнего во время восхода солнца на вершине одной из самых высоких гор Синая. Поэтому многие между собой эту гору называют Горой Моисея.

Каждый вечер с наступлением темноты несколько тысяч паломников со всего мира собираются у ее подножия, чтобы совершить восхождение и, подобно Моисею, встретить рассвет на вершине.

Наверняка каждый надеется, что ему на восходе солнца Господь тоже шепнет что-то заветное и укажет оттуда на его Землю обетованную. И он, наконец, начнет новую жизнь с первого же понедельника.

К такому испытанию большинство готовится заранее. Берут с собой теплые вещи. Ночью на горе очень холодно. Еще каждый берет с собой фонарик — идти предстоит лишь при свете звезд.

Дорога, точнее, тропа, осталась не тронутой со времен Моисея. Гора высокая и крутая,

закрывает собой часть неба, как будто на звездную карту наложили ее силуэт, вырезанный из картона. До вершины более двух тысяч метров. Но это если на вертолете. Или если тебя встряхнут и поднимут за шиворот наверх, как мешок с картошкой. А если пешком, петляя, километров одиннадцать. Где идти, где карабкаться, где почти ползком. Главное — успеть к рассвету! Иначе можно пропустить заветное слово. Повторять для опоздавших Всевышний не будет. Это не производственная пятиминутка.

Тот, кто ленится, может нанять верблюда. Правда, верблюд пройдет только первые километров пять, а дальше начнется такое, что не только черт, но сам верблюд себе ноги переломает. Эту последнюю часть пути сможет пройти только самое выносливое животное в мире — человек!

Зато, согласно поверью, тому, кто пройдет все эти трудности восхождения не на верблюде, поднимется на гору сам. Господь во время восхода солнца простит все его предыдущие грехи. Кто-то спустится с горы уже как очищенный от излишней информации файл и будет готов к его заполнению новыми грехопадениями.

Очередной нанятый мною англоязычный проводник-араб, этакий Дерсу Узала, сказал, что надо начинать подъем ровно в двенадцать ночи.

— Не раньше? — несколько раз переспросил я его.

«Дерсу» меня успокоил. Он поднимается на эту гору с такими, как я, каждый день, поэтому не надо его учить. Все сделать успеем — и встретить восход, и отмыть грехи!

Когда же мы встретились с ним у подножия горы ровно в двенадцать, он мне тут же заявил, что надо нанять верблюдов, потому что опаздываем, слишком поздно встретились и можем к рассвету не успеть. Грехи останутся неотмытыми! Мне ничего не оставалось делать, как подавить в себе в очередной раз разведенную гордыню и нанять двух верблюдов. Иначе я бы не успел к рассвету на вершину горы и остался бы с неотмытым «черным налом» грехов на всю оставшуюся жизнь. А во второй раз, клянусь, приезжать в Египет мне уже не хотелось. Потому что Египет — замечательная страна, но в ней есть один существенный для меня недостаток — арабы.

Впрочем, так можно сказать про любую страну. В Америке очень раздражают американцы. В Германии слишком много расплодилось немцев. Италия была бы значительно менее суетной без итальянцев. Если бы из Франции убрать французов, Париж стал бы самым интернациональным городом мира. Единственная страна, которой не подходит такая метафора, — Россия. Уберите из нее русских — останется одна грязь. А с населением — грязь, но веселая!

В темноте верблюд шел мягко, но быстро, хотя у него не было фонарика. Теперь главное было — не смотреть вниз. Я понимал, что верблюд выбирает самый короткий для него путь, но почему он все время жался к пропасти? Обходя камни и валуны, раскачивался так, словно пытался катапультировать меня в эту пропасть. Что бы и произошло, если бы меня от страха, когда я смотрел вниз, так плотно не заклинило между его горбами. Мне все время хотелось

сказать верблюду: «Смотри, подлец, себе под ноги!» Но верблюд гордо смотрел вверх. Может, поэтому и не боялся пропасти, что просто не видел ее. Опустить голову было ниже его фрегатного достоинства.

Есть святое правило. Если, скажем, на приеме у английской королевы вы не знаете, как вести себя за столом, следите за тем, кто умнее вас в этой ситуации. Лучше всего за самой королевой, и просто старайтесь за нею обезьянничать. Здесь, на Синае, синайский верблюд был настолько же умнее меня, насколько я умнее его на российской сцене. Поэтому я стал подражать ему и тоже гордо смотреть вверх, туда, на вершину темного силуэта горы.

Тоненькой космической спиралью заползали на эту гору тысячи грешных фонариков. Мерцающая и подрагивающая, они карабкались по темному силуэту горы и там, в вышине, превращались в звезды, плавно перетекая в Млечный Путь — главный большак нашей Вселенной.

БЕДНЫЙ ПРОРОК,

ИЛИ ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

О пророке Моисее я вспомнил, когда дорога круто изогнулась вверх, как спина испуганной кошки. Даже верблюд начал упираться, фыркать в ответ на понукание, как будто это был не верблюд, а осел. Он недоуменно глядел вверх на звезды и не мог понять, зачем его заставляют карабкаться на небо, он же не цирковой.

Целые группы паломников уже останавливались, чтобы перевести дыхание. Были сошедшие с дистанции. Они возвращались обратно вниз со взглядами футболистов, проигравших ответственный матч.

«Бедный Моисей», — подумал я. Он ведь, в отличие от нас, несколько раз поднимался на эту гору. И без фонарика. Один.

Перечитывая перед поездкой Ветхий Завет, адаптированный для самых маленьких, я пришел к выводу, что все пророки у евреев были очень беспокойными. Они никогда не давали спокойно пожить своему народу. Все время их гнали куда-то. Но самым непоседливым был Моисей. Шутка ли, в одиночку уговорил шестьсот тысяч человек уйти из Египта на поиск Земли обетованной, о которой даже толком рассказать не мог.

Тут у любого логически мыслящего человека возникнет вопрос — как вообще в Египет попало шестьсот тысяч израильтян? Причем сразу. Хотя Египет с Израилем до этого никогда не воевали по одной простой причине — Израиля не было. Было что-то вроде деревни Израйлевки.

Дело в том, что в те давние времена практически правил Египтом сбежавший из Израйлевки Иосиф. Фараон Иосифа очень любил за то, что тот умел разгадывать его сны и, в отличие от фараонова окружения, в уме умножал на десять. За это фараон назвал Иосифа Мудрейшим из Мудрейших и доверил ему управление страной. Себе оставил только два дела: есть и

спать. И оба они поначалу справлялись со своими обязанностями. Судя по всему, Иосиф был в истории первым ученым-евреем при правителе. Потом этим изобретением многие пользовались. А в то время это ноу-хау было как настоящее хау-ноу.

И начали будущие евреи перебираться друг за другом потихоньку к Иосифу под его крышу из своей Израйлевки, где им на всех счастья и золота уже тогда не хватало. Не ведали они что: «Несчастен не тот, у кого мало, а тот, кому мало!»

Иосиф оказался верным своему неустроенному народу: всех пристроил на теплые местечки, подарил художественные салоны по расписыванию храмов, организовал новые великие ударные стройки пирамид, открыл шопы, бутики... Вот как в истории бывает — евреев еще не было, а еврейские традиции уже обозначились.

В общем, так хорошо стало переселенцам в Египте, как помидорам в теплице, и стали они очень быстро размножаться. Это не очень-то понравилось местным аборигенам, которые к тому времени тоже научились в уме умножать на десять. Недаром считается, что евреи — умственные дрожжи любой страны. Начались волнения. Фараон от решения возникших проблем укрылся в самом укромном месте — на том свете. На смену прежнему правителю пришла новая династия фараонов — совершеннейших антисемитов. Новая администрация и Иосифа, и всех евреев с их насиженных мест погнала, страшно сказать, на физические работы! Физическая работа уже тогда для евреев была равносильна плену. Более того, пришедшая к власти династия отняла у них все права, по-современному — лишила гражданства. И стали евреи в Египте негражданами. Сокращенно — неграми. Так что первые негры в Африке были евреи.

Что такое кризис? Как говорил, хитро прищурясь, дедушка Ленин: «Кризис — это когда верхи не могут жить по-старому, евреи — не хотят!»

Тут и появился Моисей! Однажды он сидел у подножия будущей горы имени его памяти, обдумывал свои тезисы. Вдруг неподалеку от него загорелся куст! Позже человечество назовет этот куст неопалимой купиной. Поскольку, после того как он вечером сгорел, наутро снова вырос. И до сих пор цел! Так мне сказал один монах, очевидец событий времен Моисея. Вокруг куста в шестом веке был построен первый в мире православный монастырь Святой Екатерины. Горы окружили его со всех сторон, и небо между их вершинами голубым нимбом высвечивает его неприступные стены.

В монастыре две достопримечательности, ради которых идут в него паломники христианских церквей. Первая — куст неопалимой купины. Тот самый, что загорелся еще при Моисее. Правда, сам куст увидеть нельзя. Только дырку в полу, под которой он растет, цветет и, естественно, пахнет. Народ со всех мировых уголков едет на эту святую дырку посмотреть, и щупает ее руками, и заглядывает в нее. Там под дыркой — колодезная тьма и подвальные запахи. Но в истории так много народа туда заглядывало, что уже не имеет значения, есть там куст или нет. Дырка намолена, и к ней обращаются, как к иконе, и просят у нее здоровья, счастья и хорошие проценты в банке.

Вторая достопримечательность — Охранная грамота, выданная монастырю самим пророком

ислама Мухаммедом. Она висит в рамке у входа в монастырь. Вызывает необычайное уважение мусульман и негодование русских туристов, которые возмущаются тем, что Моисей писал какими-то клинышками — прочитать невозможно. Не мог, что ли, написать по-русски, без заморочек?

Но все это будет позже. А тогда Моисей услышал из горящего куста голос самого Всевышнего:

«Иди немедленно в Египет и уводи оттуда своих соплеменников из рабства. Скажи им, это я, их Господь, приказываю. Будут они избранным мною народом, если отрекутся от поклонения золотому тельцу, и будут верить только мне одному, и будут этой вере учить другие народы! Тогда я покажу им их Землю обетованную. Очень хорошая земля! Поверь! Плодородная — полна ископаемыми! Воткнешь в нее палку — через год с этой палки будут сыпаться помидоры, апельсины, лимоны или бананы — у кого что!

Чтобы соплеменники поверили твоим словам, я, во-первых, разверзну твои уста — нельзя с таким косноязычием как у тебя в большую политику соваться. Еще научу разным фокусам. Запомни, ни одному пророку ни один народ не поверит, если он не умеет показывать фокусы».

Короче, сотворил Господь из Моисея эдакого Копперфильда. Но на фараона этот пиар не подействовал.

Не впечатлили его и Моисеевы фокусы. У фараона среди жрецов своих дворовых Кио было тогда больше, чем теперь в мексиканском сериале рекламных пауз.

Разозлился Моисей не на шутку и учинил фараону такую разборку, о которой до сих пор все человечество помнит. За то, что тот не захотел отпускать евреев на Землю обетованную, наслал на весь Египет десять египетских казней. Причем почему-то не на фараона казни наслал, а на египетский народ: жабы, крысы, змеи полезли изо всех щелей в домах египтян... Голод начался, мор, град побил урожай...

Вот так всегда — правитель накуролесит, народ расплачивается.

Причем интересно, все эти жабы и змеи выползали только из щелей египетских домов. К евреям ни одна не заползла! Видимо, они как-то по языку различали, где чьи дома. Даже когда с неба сажа повалилась, точно вокруг еврейских домов попадала. Сообразительная сажа была! Тьма и та покрыла только египетские дворы. В еврейских — в это же время светило солнышко. Но самой умной оказалась саранча. Все, что у египтян коренных выросло, поела, а от еврейских хлебов отворачивалась, говорила: «Не будем есть израильские хлеба». Такая антисемитская саранча оказалась!

Не сдавался фараон.

Тогда по Моисея просьбе Господь на Землю командировал ангела, который должен был в ночи поразить всех египетских первенцев. Ангел оказался очень хорошим организатором.

Он сразу Моисею сказал: «Пускай евреи пометят кровью, желателью крестиком, все свои двери, чтобы я, когда в раж войду и буду душить детишек, не дай Бог, случайно вашего не задушил». Вот такие ангелы святые в то время были! Главным для них было не того не задушить.

Не выдержал фараон, понял: его разрозненная многоавторитетная языческая «крыша» от Моисеевой единой «крыши» не уберезет. Сказал: «Чтобы я вас больше никогда не видел. Никого!»

Тогда уж сам Господь решил испытать избранный им народ. Подготовить к Земле обетованной. Проверить, готовы ли они быть избранным народом и учить другие народы единобожию? Начал он с помощью Моисея водить всех кругами по пустыне. Кто испытание пройдет, тому Земля обетованная и достанется!

Не ожидали евреи такого подвоха. Людям любое испытание всегда кажется несправедливостью. Начали они своему пророку закатывать скандал за скандалом: «Сколько можно нас дурачить? Ты зачем увел нас из сытого пятизвездочного рабства?»

Пригорюнился Моисей, сидит у подножия той же горы, и вдруг опять загорается куст. Слышится голос ангела. Слава Богу, другого, не того, который детишек душил.

«Плохо справляешься ты со своим заданием. Даже близкие тебе люди перестали верить твоим речам. Новый пиар пора организовывать. Поднимайся к рассвету на вершину, там Творец научит тебя новым фокусам».

Несколько раз бегал ночами Моисей на вершину горы на курсы повышения квалификации для пророков.

«Прежде всего, — сказал Сам, — передай своим от меня заповеди! А чтобы они тебе поверили, не забывай о своем жезле — волшебной палочке».

Так Моисей и сделал. Захотят евреи пить — ударит он жезлом в скалу, треснет скала, а из трещины польется ручей чистойейшей воды. Доволен народ. Вот это Бог, вот это Моисей! Целый день искренне верит народ в Творца. Пока ручей не высохнет. Наутро проголодаются, пить захотят, опять сомневаться начинают. Роптать! Основное занятие в этом странствовании евреев было роптание на пророка. Мол, Моисей, мы голодные уже, куда твой Бог смотрит? Избранные мы, в конце концов, или нет? И давай опять золотому тельцу поклоняться. Хоть идол, но золотой!. Конкретный. Его пощупать можно, выпросить что-нибудь полезное. Снова выйдет Моисей в центр толпы, возденет руки к небу, скажет пароль «Помоги мне, Господи», и с неба посыпятся куропатки. Причем уже жареные, с приправой. Практически куропатки-гриль. Так что первая в мире микроволновка была изобретена еще Моисеем. Но евреям и этого мало. Они опять роптать. «А где хлеб? — спрашивают. — Это что, мы без хлеба есть должны?» Моисей опять руки к небу — пароль — и с неба сыплется манна небесная!

Кое-как, благодаря всем этим пиаровским ходам, убедил-таки пророк своих соплеменников

в том, что пора с язычеством заканчивать. Последний раз ему довольный Господь там же, на горе, сказал: «Молодец! Наградой тебе и твоему народу будет Земля обетованная. Вон видишь ее там, за горами? Сам же ты до этой земли не дойдешь. Замучил ты меня. Заберу я тебя лучше к себе. Иначе ты меня достанешь со своим народом и постоянным для него попрошайничеством».

Повезло Моисею, что забрал его к себе Всевышний до того, как соотечественники увидели обещанную им землю. Разорвали бы на части, хоть он и ведущий пророк. Не то что с палки лимоны не сыпятся, палку воткнуть некуда — камень сплошной.

Смотрели евреи на эту землю, и ни один из них не мог тогда предположить, что всего через каких-то три с небольшим тысячи лет все эти камни покроются цветами. Каждому туристу местные гиды будут с гордостью говорить: «Смотрите, к каждому корешку этих цветочков через компьютер вода иглой впрыскивается. А ведь в этой земле ничего раньше не росло». И множество туристов из разных стран будут уважать и любить Израиль за эту трогательную, подведенную к корешкам жизни воду.

А тогда рассердились евреи сильно на Моисея! Чуть в Боге, который их избрал, окончательно не разуверились. Обидно стало даже самому Творцу, и решил он: «Не буду больше им ничего советовать, не буду их учить и наставлять не буду. Пускай до всего собственным умом доходят. Мучаются пускай и умнеют сами. А поскольку многие из них все еще своему тельцу золотому поклоняются, пускай пройдут самое страшное в истории испытание — золотом! Может, тогда вспомнят, что избраны были мною для того, чтобы другие народы заповедям учить, а не для того, чтобы просто считать себя избранными! Вот когда это поймут, тогда и обретут Землю обетованную. В душе своей».

Сами евреи собственным безверием привели себя к своему еврейскому счастью. Поверили бы Моисею, Господь бы их сразу привел в Швейцарию. Недаром теперь есть гипотеза: настолько Всевышний за их вечное роптание на них рассердился, что сорок лет водил по пустыне, потому что искал место, где нет нефти!

Вот такие великие события разыгрались на той горе. И начало человечество свое восхождение к заповедям. Как по той горе, медленно, в темноте, с препятствиями, с валунами на пути, с пропастями по краям, но... с фонариками!

МИРОВАЯ ДУША

Последние километры в темноте, на крутом подъеме, пришлось карабкаться самому, без верблюда. Перепрыгивать с камня на камень. Хотелось бросить все, развернуться — и туда, вниз, обратно, к комфортабельному верблюду, который покорно ждал возвращения перед последней финишной кривой.

Болели суставы, ныли мышцы, жаловался на свою участь мозг, просился обратно в постель. Так рано утром в автобусе студент по дороге на лекции представляет себе, какую бы позу он сейчас выбрал в постели, каким бы эмбриончиком сложился под одеялом, и щечки, как хомячок, положил на лапки, если б не институт.

Но невозможно было даже остановиться, чтобы пофантазировать или передохнуть. Дышали в спину, как в метро. Подталкивали сопением. Сзади, как на демонстрации, чувствовались колонны людей. На обочину нельзя было сойти, потому что обочины не было. Были горы и пропасть. Прямо за мной карабкался в поднебесье старый японец лет шестидесяти-восьмидесяти. Трудно по японцам определить, сколько им лет. Одно я мог сказать точно — он был хромой и с палкой. Но хромал так ловко и быстро, что мне стыдно было ему уступать дорогу. На час с лишним он стал моей совестью! Он буквально гнал меня своей палкой и еще, — что было совсем противно, — успевал по дороге фотографироваться. «Где он научился так хромать по горам? — думал я. — Может, тренировался по утрам на своей Фудзияме». Он заставлял меня переводить дыхание прямо на ходу и, чтобы выдержать этот темп, напевать про себя песню Высоцкого: «И можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь!»

Уже несколько раз мне казалось, что мы на вершине. Но за очередной скалой начинался очередной подъем.

Неожиданно вместе с японцем-погонялой мы буквально вынырнули почти с отвесной тропы на самую макушку горы. Наверное, такое же ощущение было у Садко, когда он поднялся на поверхность с морского дна. Небо было очень близко. Звезды висели на созвездиях-ветках, как спелые яблоки.

От фонариков и звезд вершина казалась освещенной. Правда, скуповато. А от количества людей в полутемноте напоминала дискотеку, в которой вот-вот заиграет музыка.

Жизнь кипела. Значит — арабы торговали! Они даже здесь открыли свои лавки. Не лень им было из-за своей копеечной прибыли забраться в такую высь. Собранные где-то из досок, где-то из фанерных ящиков их арабские лавки напоминали будки наших пенсионеров на садово-огородных участках. Чайные и закусочные больше походили на спортивные раздевалки, в которых пахло потом, снятыми башмаками и перетренировавшимися спортсменами.

Но все это было такой мелочью по сравнению с тем счастьем, которое испытывал каждый взошедший. Успел! Добрался! Значит, все-таки услышу, что шепнет мне Господь! Если б я поглядел на себя в зеркало, я бы сказал, что у меня было выражение лица бухгалтера, у которого сошелся годовой отчет. Чертовски здорово казалось сидеть на фанерном ящике, попивать чаек среди мировой туристической толпы в скупом свете арабской лампы волшебника Алладина. Арабы и те казались после такого испытания удивительно симпатичными. Непонятно было, почему евреи не могут с ними договориться. Сели бы вот так вместе на фанерный ящик, попили чайку. Но для этого надо было сначала совершить восхождение.

Только я об этом подумал, как действительно увидел еврея, не нашего, настоящего, израильского: черного. Он мирно что-то обсуждал с арабским лавочником. Какие-то сорта чаев. Я не понял какие, потому что они говорили на понятном только им израильско-арабском английском.

Француз и американец устроились рядышком, на бревне! Американец был очень большой, бочкотелый и общительный. Всех спрашивал, бывали они в Америке или нет? Как им Америка — о'кей или не о'кей? Итальянцы руками ему показывали, какой большой о'кей Америка. Японцы хихикали и фотографировались группой на фоне этого американца. В тридцатых годах были такие фотографии: группа летчиков на фоне дирижабля.

Даже француз и тот сказал, что Америка — о'кей. Американец спросил, а как француз прибыл в Америку? Француз ответил: «На самолете».

— А почему не на машине? — переспросил «дирижабль».

— Вообще-то, океан между нами, — ухмыльнулся француз.

— Но вы же прорыли какой-то туннель, разве это неправда? — переспросил американец.

— Это туннель через Ла-Манш, — смутился француз.

Американец задумался. Видимо, пытался вспомнить, что означает слово «Ла-Манш». Тут его еще больше удручила белорусская семья, которая подсела на соседний с бревном ящик. Он, она и мальчик лет двенадцати, который вообще не мог понять, зачем его сюда в ночи затащили. Грехов вроде нет — две мухи убил за свою жизнь. Глаза у него были сонные, удивленно-выпученные, напоминали два перекачанных анаболиками фрукта!

— А вы откуда? — спросил американец, явно жалея ребенка.

— Белараша! — на чистом университетском английском ответила мама.

Американец очень напрягся от загадочного слова. Он и РАША-то не знал толком где... Где-то между Францией и Монголией!

— What is that? — спросил он, — Белараша?

Тут уж обиделся глава семьи:

— Скажи ему, — попросил он свою жену, — ученые недавно вычислили, что Белараша — это самый центр Европы!

Она перевела.

Трудная ночь выдалась у бедного американца. На этот раз он молчал долго. Потом хихикнул и сказал:

— Это шутка, я понял. Думаете, я не знаю, что центра не может быть, потому что Земля круглая!

Даже при всей моей иронии к американцам этот сильно выросший лилипут после восхождения здесь, на горе, казался мне симпатичным. Разве он виноват, что у них в

Америке такое образование? Зато он пытается в чем-то разобраться. Шел на эту гору, к чему-то стремился. Все-таки Америка не безнадежна, пока у нее есть такие наивные и чудные «дирижабли».

И арабы небезнадежны: араб-лавочник переключился с еврея на группу немцев. Шутил с ними. Они дружно смеялись. Правда, из последних сил, не гогоча, как обычно: не как немцы, а как эстонцы.

Я заметил, что немцев и финнов могут рассмешить даже самые незамысловатые шутки турков и арабов. Например, на пляже в Турции турок — разносчик мороженого — бросил немцу в плавки кусочек льда. Все немцы давились от хохота. Лишь тот один, кому достался лед, извивался аскаридом на сковородке, а остальные ухахатывались. Неизысканное, прямо скажем, чувство юмора. Не наше. Попробовали бы нашему бросить в трусы кусочек льда? Недолго бы смеялись!

Наверное, гора действительно была волшебной! Здесь все были симпатичны и интересны друг другу. Восхождение, как трудно прожитая человеком жизнь, приближала взошедших к заповедям.

Однако было очень холодно. Минус три-четыре градуса. Дул ветер. А что, собственно, ему еще было делать ночью в горах? Он по-своему радовался общению с многотысячной толпой. Несмотря на взятые с собой теплые вещи, я купил у араба два полосатых матрасика размером с прикроватные коврики, чтобы закутаться в них и верхней, и нижней половиной туловища. После чего стал искать себе место, как ищут в театре, когда билеты проданы, а места на них не обозначены. Дело оказалось непростым. Самые умные забрались сюда с вечера. Они заняли первые ряды «партера», «амфитеатра», сидели на выступах и в пещерах, как в правительственных ложах. Мне досталось не самое плохое место в первом ряду галерки. Место стоячее — один шаг — и бездна!

Чтобы матрасы держались на мне крепко, я обвязал один из них вокруг себя купленной у арабов веревкой. Другой матрас держал руками кульком на голове. Мне жалко было, что никто из этой темной бездны не может меня сейчас сфотографировать. Люди же все прибывали и прибывали!

Начинался переаншлаг!

Если бы вход на гору был платный, там, внизу, уже должны были спрашивать лишний билетик. Странно, как местные арабы до этого не додумались?

Кого тут только не было. Немцы восстанавливали потерянную жидкость, естественно, пивом. Уставшие итальянцы отряхивали от грязи свою модную одежду. Причем я впервые видел, как они что-то делают молча. Японцы, естественно, фотографировались на фоне взошедшей Венеры. Уверены были, что их японская вспышка достанет и до Венеры.

Мне как всегда повезло. За спиной послышалась русская речь. Скорее, русско-украинский говорок — Черновцы или Харьков. По этому говорку в любой точке мира можно

безошибочно узнать наших эмигрантов. Он появляется у них только, когда они от нас уезжают. Ни в России, ни в Советском Союзе, ни в Украине я не слышал такого акцента, который больше подходит для комедий, поставленных по Шолом-Алейхему в самодеятельной оперетте.

— Ну что, Сара, будем молиться на рассвете? — спросил мужской, сильно грассирующий голос, как будто всю жизнь отрабатывал скороговорку «четыре черненьких чертенка».

Сара не ответила.

Второй, не менее шоломалейхевский мужской голос начал рассказывать подробности из жизни Моисея.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил первый.

— Я вчера прочитал на личном сайте Моисея! — ответил второй, не подозревая, что говорит это через матрас на ухо мне! И этим практически уже попадает в мировую историю!

Они втроем стали обсуждать Моисея, иудаизм, выкрестов и Арафата одновременно. Тот, который говорил обо всем с уверенностью профсоюзного работника, заявил, что, по последним данным, Арафат на самом деле советский еврей-десантник. Был заслан на Ближний Восток Комитетом государственной безопасности. Когда прыгнул с парашютом с самолета, промахнулся, попал в Палестину. Ветром отнесло. Чтобы его не опознали, надел на голову полотенце и с тех пор удачно косит под араба.

Но вот небо начало светлеть, и на горе стали проявляться люди, как проявляются в темной комнатке фотографа цветные фотографии. Многие, оказалось, пришли сюда в своих народных костюмах. Негры-христиане в белых одеяниях, экскурсия из Латинской Америки — словно с бразильского маскарада, человек тридцать японцев. Одеты одинаково в теплые оранжевые жилеты. Напоминают издали наших шпалоукладчиц на БАМе. Японцы заняли целый выступ горы и держали перед собой ноты, словно собирались вот-вот что-то запеть, но ждали сигнала. Стали проявляться постепенно и цепи гор, которые ветер волнами гнал к нам из-за горизонта. Начиналась предрассветная увертюра цветов! Даже в шуме ветра слышалась ее музыка.

— Сара, ты видишь, вон там Земля обетованная, — послышался снова сильно грассирующий голос. — Отсюда Моисей ее увидел впервые. Именно такой она изображена на его сайте!

Чем светлее становилось небо, тем приглушенней слышались голоса, словно каждый готовился к чему-то очень важному. Бледнели все звезды, кроме Венеры. Венера словно вытягивала солнце из-за горизонта. Оно уже было где-то совсем рядом. Темнота сопротивлялась его лучам из последних сил. Но лучи пробивались, как пробиваются травинки через асфальт. Уже подрумянились горы и загорелся над горизонтом солнечный нимб, точно указав, где сейчас появится аура бога Ра.

И вдруг голоса мгновенно стихли!

На горе словно никого не было. Солнце дожидалось именно этого момента. Мгновения тишины! Оно осторожно высунилось, сначала одним своим лучом полоснув по остаткам тьмы, и поводья невидимой колесницы бога Ра вытянули его. И вдруг... в этой тишине раздались аплодисменты!!! Как в театре. Аплодировали на горе все. Аплодировали свету, победившему тьму! Аплодировали богу Ра! И верилось, что на свете есть все-таки одна чеховская мировая душа. Аплодировали люди разных национальностей, конфессий, люди разных языков, культур. Это был единственный момент в жизни, когда мне поверилось, что люди когда-нибудь начнут жить по-человечески, то есть — по заповедям!

— Сара, я все-таки помолюсь, — сказал тот же голос совсем шепотом.

Запели японцы. Не для кого-то. Им было все равно, слушали их или нет. Они пели для себя. Их мелодия была красивая, видимо, очень древняя. Наверняка была посвящена свету. Арабы никому не навязывали бусы. Понимали: сейчас их покупать никто не будет, не до них. Немцы замерли, как в стоп-кадре, с пивом в руках. Молчали итальянцы. Негр в белом был похож на привидение. Он раскрыл Библию и что-то бубнил себе под нос.

Солнце выбиралось из-за горизонта легко, по-спортивному. Оно было удивительно огромное. Мне казалось, что я смотрю на него сквозь увеличительное стекло: совсем рядом, перед глазами, ближе, чем на ладони. Всего несколько минут, и гора начала согреваться, как будто сковородку нагревали электрической плитой. Я скинул с себя ужасные матрасики. Ветер стих. Представление окончилось.

И таким глупым казалось отсюда, сверху, думать о том, что где-то там, внизу идут споры, чья конфессия правильнее, чья обрядовость точнее. Все это имело значение только там, внизу, в городах. Потому что это был спор за паству, а не за веру. С той ночи, которую я провел на горе Моисея, когда я слышу подобные споры, я думаю, сколько вокруг меня было людей со всего мира, сколько языков и костюмов. Как это было красиво! Так и религии — они должны быть разными на земле, удобными для своих народов и обряженные в разные одежды. Как цветы на поле! Если целое поле будет состоять из одних цветов, пускай это даже будут розы, смотреться будет вызывающе и скучно.

У паломников есть свои приметы. Например, если после встречи восхода солнца спустишься с горы, ни разу не оступившись, значит. Господь простил тебе все грехи. В противном случае расслабляться рано. Скажу честно, на обратном пути я два раза чуть не сломал ногу. Но я особенно не расстраивался. Во-первых, даже если мне отпущена половина грехов — это немало. Во-вторых, мне очень нравится, что сказал Гоголь: «Нашего русского человека надо благодарить хотя бы за его намерения!» А намерения у меня были!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Со времени моего путешествия по Египту прошло несколько месяцев. Впечатления начали бледнеть за ежедневной суетой, которая с удивительным упорством обряжает нас ненужными обязанностями. Устав от суеты, я уехал на Рижское взморье. Один мудрец, не индус — наш — (но тоже очень умный) посоветовал мне хотя бы раз в месяц, когда накапливается усталость, проводить один день в полном молчании: «Молчать вообще

полезно. Кто знает, молчит, а кто не знает, пускай помалкивает. Причем начинать этот день надо обязательно с восхода солнца. Без молчания новую жизнь начать не удастся. — И добавил: — Кто встает за час до восхода, тому открываются тайные мысли. Кто на восходе, тот успевает сделать многое и никогда не болеет. Кто просыпается час спустя после восхода, тот успевает сделать мало и все время болеет. А кто потягивается в постели до десяти, тому можно уже не вставать».

Я помню, после такого нравоучения я вышел на пустынный осенний юрмальский пляж. Выдохнул накопившуюся суету и ненужные мне обязанности. Их понесло от меня ветром куда-то в море. Дождался первого солнечного лучика. Показалось солнце. Я и раньше, в юности, видел много рассветов. И на Курильских островах, и на Северном морском пути, и на склоне Авачинской сопки на Камчатке, и на лесопилке в дебрях Сихотэ-Алиня во время похмелья. Теперь, после первого в моей жизни восхождения, выползающее из-за сосен солнце было как никогда родным. Оно казалось мне намного ближе, чем раньше. Но — что было особенно приятно — оно тоже узнало меня! И проскользнувшим по нему облачком по-юношески прикольно подмигнуло мне, как бы напоминая о главном. Чудеса на свете случаются, но над этим надо много-много работать!

Размышлизмы

О ЖИЗНИ ВСЕЛЕННОЙ И ТВОРЦЕ

Бог создал материю, чтобы ему было чем любоваться во Вселенной. Материя — мебель Вселенной. Нимбы — короны праведников. Северное сияние — аура Земли, а чайки — плавки ангелов.

- - *

Бог дождем освящает землю!

- - *

Надо любить жизнь, а не ее смысл.

- - *

Если хочешь хорошо относиться к людям, не требуй, чтобы они хорошо относились к тебе.

- - *

Есть ученые люди, а есть — мудрые. Ученые — это те, которые много знают. А мудрые — которые понимают то, что они знают.

○ *

У советского герба был тайный смысл. Помимо двух классов рабочих и крестьян он еще объединял две могущественные конфессии: серп символизировал мусульманский месяц, а молот — христианский крест. Две мощнейшие энергии двух классов и двух конфессий должны были дать силу новому государству. Кто был автором этого символа, опередившего время, я не знаю. Может быть, идея объединения двух конфессий была подсказана советским руководителям восточными мудрецами, с которыми у молодой советской власти были тайные связи? Более того, такие рассуждения можно считать мистикой. Но стоило отказаться от этого герба, и в тот же год в Советском Союзе вспыхнул первый межрелигиозный конфликт в Карабахе.

○ *

Когда я читал «Подвиги Геракла» в юности, мне непонятно было, зачем богатырю разгребать авгиевы конюшни? Не богатырское это дело копаться в навозе. И только много лет спустя, во время вынужденной лечебной голодовки, до меня дошло: Геракл не конюшни выгреб, а самого себя очистил. Я даже рассмеялся, когда представил его на своем месте. Авгиевы конюшни — точь-в-точь символ того, что творится в животах, суставах и сосудах обожравшегося человечества. В легенде точно сказано: никто годами конюшни не чистил. Разве это не наше человечество, где сердцем правит мозг, а мозгом желудок?

Когда же Геракл очистился физически, ему, естественно, захотелось такого же очищения духовного. Головы гидры — это пороки. Их нельзя отсечь по одному. Пороки дружны. Они цепляются друг за друга, точь-в-точь как головы гидры. Отсечешь один — другие его подтянут и оживят. Нельзя, к примеру, сегодня перестать воровать, но продолжать при этом убивать и мечтать о том, что надо будет бросить убивать непременно со следующего понедельника. Геракл показал, как надо избавляться от всех пороков разом. И этот подвиг совершить было посложнее, чем поставить себе полутораведерную клизму.

Однако самый сложный подвиг Геракла — победа над львом. Поскольку этого льва он победил в себе! Для современного человека догадаться о том, что ненасытный, рычащий, пугающий всех зверь находится в нем самом, уже есть подвиг.

Мне запомнился такой почти притчевый анекдот: известный своей агрессивностью боксер подбегает к тренеру после тренировки, тяжело дышит и требует: «Дай мне немедленно Тайсона, я сейчас в такой форме — разорву его!» Тренер ему отвечает очень спокойно: «Как же я тебе дам Тайсона, если ты и есть Тайсон». Многие смеются над тем, что Тайсон совсем соскочил с мозга, забыл, что он Тайсон. Нет! Анекдот не в том, что Тайсон дурак, а в том, что его тренер — мудрец. Тайсон в каждом из нас!

Уничтожив льва, Геракл уничтожил агрессию в себе! Это метафора. И вот когда, совершив 12 подвигов, он поборол, наконец, те свои несовершенства, которые свойственны большинству смертных, боги взяли его на Олимп. Точнее — в нирвану. По-современному —

в вечный кайф! Даровали бессмертие его душе. Так что Геракл — это просветленная душа, а не «ушуист накачанный»!

О РОДИНЕ, ГОСУДАРСТВЕ И ЧИНОВНИКАХ

Первыми по пути развития человечества всегда шли люди культуры. За ними торгаши, которые наваривали деньги на идеях людей культуры. И только в брешь, пробитую торгашами, уже ныряли политики. Они всегда пытались отнять деньги у торгашей, которые наваривали их на идеях людей культуры.

- - *

Люди делятся на три категории: просветленных, бунтарей и обывателей. Просветленные — это идеи, бунтари — двигатель, обыватели — топливо истории, точнее, удобрение! Значит, обыватели необходимы для развития. Без удобрения меньше родится бунтарей и просветленных. Так что не надо смеяться над обывателем, его надо беречь!

К сожалению, большинство людей заблуждаются в том, к какой категории они относятся. Например, политики считают, что они — идея истории. Юридически, может быть, это и правильно. Но историю вершат не юридические законы, а законы природы. Согласно им политики — всего лишь пенка на удобрении. Даже не бунтари. Чтобы обывателю стать бунтарем, ему необходимо сделать решительный шаг вперед. Для этого, как правило, требуется получить пинок в зад. Политики не чувствуют пинков. Потому что, следуя эволюционной теории Дарвина, у бесхребетных тварей самые жесткие панцири.

- - *

Украинский генерал однажды в Крыму сказал мне фразу, которой мог бы позавидовать любой старик: «Столько появилось законов, так трудно стало воровать, что уже ощущение, что работаешь!»

- - *

В конце девяностых годов Украина вляпалась в Кучму.

- - *

В советское время у правительства было две беды: урожай и неурожай. Времена изменились, но две беды в России по-прежнему остались... Только теперь это — низкая цена на нефть и высокая цена на нефть.

- - *

В Советском Союзе мы жили плохо. А потом демократы нас обворовали. Талант демократов в том, что они сумели обворовать нищих!

- - *

Ы наше время Питер с каждым годом становится все чище с точки зрения энергетики. Президент питерских чиновников забирает в Москву!

- - *

Наши власти всегда рассуждают о народе, забыв о человеке.

- - *

Точнее всего про наших чиновников все-таки высказался главный русский гений А. С. Пушкин. В не напечатанной при его жизни главе «Евгения Онегина» есть такая строка про одного из государственников:

«Он чином от ума избавлен!»

- - *

Есть две профессии позорить родину: чиновник и футболист.

- - *

Если арестовать Абрамовича и приговорить к какому-нибудь сроку с конфискацией имущества, то футбольная команда «Челси» станет российской. Причем чукотской!

- - *

Половину наших чиновников я бы вызвал на дуэль, но на оформление вызова уйдут годы, и я буду недееспособен.

- - *

Чиновники очень любят смотреть на морской прибой с берега: откат за откатом!

-

○ *

У известного восточного поэта и философа Омара Хайяма сформулирована такая мудрость:

«Если стадо баранов разворачивается и идет в обратную сторону, возглавляют шествие хромые бараны».

Такое впечатление, что как ясновидящий Омар Хайям расшифровал сегодняшние беды России, которая так часто разворачивается и идет в обратную сторону, что вперед никогда не успевают выйти здоровые бараны. В результате мы так и бредем вечно за больными, слабыми и хромыми, причем на всю голову!

О ВЫБОРАХ, ВЛАСТИ И ТЕХ, КТО ЭТУ ВЛАСТЬ ВЫБИРАЛ

Современная примета. Если через полгода после выборов вам еще не стыдно за того, кого выбирали, значит, вы на выборы не ходили!

●
○ *

Во время выборов ставка делается на подавляющее большинство, которое и подавляется.

●
○ *

Для нашей власти народ не роскошь, а средство к существованию.

●
○ *

Знаете ли вы, что:

...По инициативе партии «Единая Россия» подготовлена к изданию книга-подарок «Россия — родина Путина», а также диск DVD «Сборник речей Путина для караоке».

●
○ *

Символ партии «Единая Россия» медведь был подобран очень точно. Особенно если вспомнить сказку «Теремок». Кто только не поселился в теремке: и мьппка-норушка, и лягушка-квакушка, и зайчик-попрыгайчик. А потом пришел медведь, сказал: «Это я, мишка, вам всем крышка!» Сел на теремок, и тот развалился.

●
○ *

Если наш президент — гарант Конституции, то его администрация — гарантийная

мастерская.

- - *

Солженицын должен быть благодарен коммунистам. Они его так боялись, что сделали знаменитым на весь мир. Демократы оказались умнее. Они обезопасили себя от Солженицына тем, что превратили его в памятник. А памятник неподвижен.

- - *

Свобода слова — это когда народ имеет право говорить, а власть — такое же право его не слушать.

О РОССИИ, РОССИЯНАХ И РОССИЯНИИ

Чем русские люди отличаются от других народов мира? Чтобы добиться удачи, все в мире притворяются умными, а русские — дураками!

- - *

И в России, и в Украине бизнесмены и бандиты стали настолько похожи друг на друга, что их порой трудно различить. Только в России и те и другие похожи на бизнесменов, а на Украине — на бандитов.

- - *

В России все-таки появилась служба в армии на контрактной основе. Заключаешь контракт с военкоматом — и не идешь в армию.

- - *

9 Мая стал в России не менее любимым праздником, чем Новый год. Потому что — это единственный праздник, когда русские люди чувствуют гордость за Россию. У нас больше нечем гордиться: нет балета, нет футбола, нет такого, как раньше, хоккея, нет космоса, нет достойной армии, нет спортсменов, которым бы подражали в мире... У нас остались только наши ветераны! Только их не смогли победить российские реформаторы. Ветераны — это наша последняя гордость!

Когда нет настоящего — гордятся прошлым!

Только грустно, что самому молодому из ветеранов войны уже 80 лет... Живите, дорогие ветераны, подольше. Чтобы нам подольше было чем гордиться!

- - *

Совсем плохо стало нынче в России с мужиками. Одна половина пьет, вторая — сидит за компьютерами. И то и другое ведет к импотенции.

- - *

Мы шестая часть земного шара. Восьмая часть всей мировой суши. Цветы закупаем в Голландии. На курортах Черного моря хвастаются: «У нас рыба свежая, из Норвегии». Страна богатырского кваса залита фантой. Пролейте фанту на пол — пол придется циклевать. Страна, где бабушки готовят самое вкусное варенье, покупает во Франции джемы. Джемы, на которые не садятся даже мухи. Чеснок закупаем в Германии. Чеснок без запаха. Хрен, не вызывающий слез?! На такой хрен даже стыдно послать.

- - *

Если мы хотим избавиться от преступности, надо на все главные посты в МВД назначить наших самых отъявленных авторитетов. Тех, кого называют «ворами в законе». Они гораздо честнее, чем «законные воры». У них есть хоть какие-то понятия чести. Кроме того, они быстрее соображают, у них лучше машины, современнее оружие, они спортивнее, точнее стреляют... Наконец, в народе им больше доверяют. И что самое интересное, даже вывеску не придется менять на отделе в МВД: «Отдел организованной преступности».

- - *

Из всего Великого поста большинство из нас соблюдает лишь Пасху и Масленицу.

- - *

Народ, который, несмотря ни на что, все эти годы хранит деньги в Сбербанке России, поистине бесстрашен!

- - *

Частные банки в России отбирают у людей деньги, а частные вузы — будущее.

- - *

Неужели есть какой-то сакральный смысл в том, что гимн России написал баснописец?

- - *

В России удалось сказку сделать былью. Только очень страшную сказку.

О ЛЮБВИ, О ЖЕНЩИНАХ

И МОДЕЛЯХ ЖЕНЩИН

В результате выросшего в мире модельного бизнеса женщины разделились на тех, кого можно любить, и на тех, с кем можно красоваться, пиариться... Сегодняшняя формула женской красоты с фигурами шнурков-мутантов пропиарена модельерами и дизайнерами, потому что большинство из них геи. Только им могут нравиться женщины, у которых не за что подержаться. А мы, мужики, на это поймались. В результате уже двое моих знакомых бизнесменов живут с моделями, а изменяют им с маленькими и полненькими. И, конечно же, стесняются даже друзьям признаться не в том, что изменяют женам, а что изменяют с таким несовершенством.

- - *

Если женщина говорит «нет», это значит «да», но позже.

- - *

Даже на красивую женщину мужчина закрывает глаза, если он сидит в метро, а она стоит рядом.

- - *

Разница между мужчиной и женщиной: женщина ради любви готова даже заниматься любовью, а мужчина ради того, чтобы заниматься любовью, готов даже любить.

- - *

Любовь убивает не ложь, а правда!

- - *

Мужчина долго остается под впечатлением, которое он производит на женщину.

- - *

Слово «замужество» очень точно делится на два слова: «за» и «мужество»! Можно давать такую медаль за выслугу лет в браке «За мужество!».

О ШОУ-БИЗНЕСЕ, ТЕЛЕВИДЕНИИ

И ДРУГИХ УЖАСАХ

Сегодня среди нашей интеллигенции считается хорошим тоном ругать эстраду. Мол, это все невозможно смотреть! А потом друг другу подробно рассказывать, что именно невозможно смотреть.

- - *

Представляете, пройдет много лет, наша дискотечная молодежь состарится, теперешние девушки — фанки попсы — будут сидеть на завалинках или на лавочках у дома, к ним будут подсаживаться оставшиеся в живых старички, которые были в юности диск-жокеями. А что обсуждают, как правило, в пожилом возрасте? Песни, которые пели в юности, танцы, на которые ходили... Ну? И что старушка будет напевать своему старичку? «Му-си-пуси, миленький мой»? Или: «Мои губы колышутся на ветру»?

И после каждой исполненной песни добавлять: «Вот в наше время какие были все-таки лирические и содержательные песни. Не то что теперь!» Остается лишь с ужасом фантазировать о том, какие песни будут у молодежи в то время, если на их фоне сегодняшние будут казаться лирическими и романтичными.

- - *

Благодаря попсовым клипам у большинства молодых людей мышление из непрерывного превратилось в пунктирно-клиповое. Большинство фанов попсы не могут непрерывно думать об одном и том же. У них тогда происходит перезагрузка матрицы. А когда целый зал людей качается в такт поп-звезде со свечками в руках, у меня ощущение, что в зал пустили музыкальный газ.

- - *

Я стараюсь как можно реже смотреть телевизор, потому что не люблю, когда у меня плохое настроение. А у нас — хочешь вышить «за упокой» — включи телевизор.

- - *

Теленовости в странах Европы можно смотреть под пиво с орешками. В России — только под водку и не чокаясь.

- - *

Есть ложь, есть ложь неприкрытая, а есть — теленовости.

- - *

Кто-то догадался поставить исключительно забавный эксперимент. В одной оранжерее с цветами играли классическую музыку, и все цветы в ней становились очень пышными, благоухали... А в другой оранжерее по громкой связи передавали современные рекламы. Все растения через пару дней засохли. А те, которые не засохли, сморщились, как будто сильно обиделись на жизнь.

Такой же опыт провели в коровнике. Ну, о том, что коровы дают больше молока, если им играют Моцарта или Бетховена, известно давно. А запускать в коровниках рекламы додумались недавно. В результате коровы стали давать сразу скисшее молоко. Причем со скисшими мордами. У некоторых уменьшилось вымя и скукожилось до размера теннисного мячика. Причем от настольного тенниса.

ОБ ОБРАЗОВАНИИ, МАГИСТРАХ

И ПОКЕМОНАХ

Реформа образования в России по западному шаблону — это перетянутый проволокой шланг с живой водой.

- - *

В нескольких столичных средних школах начали проводить реформаторский эксперимент. Как на Западе, знания учеников проверяют на компьютерах! Им задают тестовые вопросы. Причем не только по точным наукам, но и... по литературе!

Например: «Чем Отелло душил Дездемону?», возможные ответы: платком, полотенцем и др. Или на знание творчества Толстого. «Конечная станция следования поезда, под который бросилась Анна Каренина?» Еще бы спросили, под какой вагон она бросилась!

Неужели наши реформаторы не понимают, что литература — это ощущения, а не информация. И что ее нельзя отформатировать.

Но больше всего мне понравились вопросы в тестах о творчестве Гоголя. «На какой руке болел большой палец у Добчинского?» Причем самое интересное — возможных ответов на этот вопрос дано, как положено, три: на правой, на левой и др.

- - *

Объяснять губительность западной реформы для российской молодежи нашим чиновникам также бессмысленно, как пытаться объяснить глухому разницу между Моцартом и «Фабрикой звезд».

- - *

Во Владивостоке во время гастролей я у десятерых молодых людей спросил: кто такой Лазо? Восемь из них ответили, что это остановка автобуса. Но зато почти все знали большинство «выкидышей» всех «Фабрик звезд».

- - *

Мне так понравилось прикалываться во Владивостоке, что, вернувшись в Москву, мы с другом пошли на дискотеку. Поскольку и он и я — лица телевизионные, рейтинговые, нас вскоре заметили, и к нам стали подходить молодые люди и девушки с просьбами «сфоткаться». Одна из девушек была необычайно веселой и разговорчивой. Мой друг попытался с ней заигрывать, а так как он совершенно из другого поколения, не нашел ничего лучшего, чем спросить для завязки разговора: «Что ты читала за последнее время?» — «Я?» — с необычным удивлением переспросила девушка и, подумав, весело ответила: — За последнее время я читала только татуировки на спинах у мужиков».

- - *

Народилось поколение, воспитанное не учителями, родителями, стройотрядами, а Голливудом, попсой, клипами... У большинства в этом поколении клиповое мышление. Пунктирное и рваное, как текст телеграммы. Поэтому им тяжело читать. Они не могут, бедняги, сосредоточиться.

Многие уже считают, что попса — это поэзия, комиксы — живопись, Цветаева и Ахматова — лучшие текстовички «Фабрик звезд» начала XX века, а Бернард Шоу — английский шоумен по имени Бернард. Они с трудом отличают Снегурочку от Белоснежки, зато знают разницу между Телепузиком и Покемоном.

В Питере во время концерта я получил записку от девушки, которая учится в институте имени Бонч-Бруевича. Она писала, что первые два года учебы была уверена, что Бонч — это аббревиатура, как ГУМ, ЦУМ... А фамилия — Бруевич.

У молодой девушки-косметолога, которая приходит к моей жене, я спросил, знает ли она Евтушенко. Она уверенно ответила: «Конечно. Это прекрасный парикмахер-модельер». Когда я ее застыдил тем, что она не знает русского поэта, она ответила: «А что же это за поэт, если его именем не названа ни одна станция метро?» Но перл перлов мне довелось услышать от начинающей столичной модели на одной из тусовок. Высокомерно, с высоты своего роста, глядя на нас, недомерков, она заявила: «Я не люблю Паваротти, потому что он

поет песни Баскова».

А сколько молодых людей сегодня путают олигархов с олигофренами, считают, что Сара Бернар — это редкая порода французских собачек, не знают разницы между генеалогией и гинекологией. Мне лично дочка богатого сегодняшнего крутого финансиста за столом хвасталась тем, что у них в роду потрясающее гинекологическое дерево!

В кафе за соседним столиком сидели трое молодых людей. Разгадывали кроссворд. Кроссворд был с картинками. Один из разгадывающих посмотрел на портрет Моцарта и сказал: «Пиши — это Укупник». Тот, который должен был записать, тут же возразил: «Ты чего! Того? Количество букв не совпадает». «Тогда — Агутин», — уточнил третий. «Подходит», — ответил записывающий.

•
○ *

(Сегодняшнее молодое поколение из мира российских и советских добрейших мультяшек резко шагнуло в мир западных ужастиков и реклам. Петербургские дети уверены, что в Петергофе не Самсон разрывает пасть льву, а Самсунг. У моей бывшей одноклассницы внучке исполнилось четыре годика. Бабушка решила подарить ей значок, который она получала, когда вступала в октябрята.

Значок, естественно, с портретом Ленина. Внучка повертела его в руках и переспросила: «Баба, а что это за покемон изображен на значке?»

•
○ *

Моя дальняя родственница работает в библиотеке еще с советских времен. Ее жизнь прошла в книгах. Книги для нее — самое святое. Представляете степень ее возмущения, когда сегодня приходят к ней молодые люди и спрашивают стихи Чехова? Одна девушка попросила бестселлер Островского «Беспредельница». Кто-то поинтересовался, нет ли известного романа Экзюпери «Маленький шприц»? Десятиклассница настаивала, чтоб ей выдали роман Гюго под названием «Нотр дам де Парис». Когда моя родственница переспросила: «Это что за роман такой?» — та ответила: «Ну, в котором главный герой — Петкун». Молодой человек пожаловался, что они в школе проходят роман Чернышевского, который он никак не может достать: «Называется что-то вроде... «Как дела?»». Хорошо хоть не сказал, что название романа Чернышевского «How age your?».

Если так пойдет и дальше, то недалеко то время, когда будут спрашивать эротический блокбастер Толстого «Анна Каренина», кулинарный бестселлер корейской кухни «Собачье сердце», детектив-триллер об убийстве кота-маньяка, ограбившего обувной магазин «Кот в сапогах», историческо-эротический бестселлер о групповой распущенности в сексе среди дворян XIX века «Дворянское гнездо».

•

○ *

А что пишут в сочинениях?!

«Половцы вероломно напали на Советский Союз...»

«37-й год был настолько голодным, что майонез намазывали прямо на хлеб».

«Гоголь родился на Украине под Ленинградом».

«Чацкий сел в карету и приказал: «Гони в аэропорт!»»

Самая жалостливая цитата из школьных сочинений, которую когда-либо мне доводилось слышать, это:

«Герасим утопил Каштанку».

Всяческие реалити-шоу и конкурсы красавиц настолько вошли в нашу жизнь, что во время изучения «Евгения Онегина» один из учеников ответил на уроке литературы: «Онегин и Ленский поехали в деревню проводить кастинг среди сестер Лариных».

«На балу Наташа Ростова была в мини-юбке, из-под которой чуть выглядывали бальные башмачки».

Однако все рекорды побил девятиклассник одной из московских школ в контрольной работе по физике: «Молекулы притягиваются и оттягиваются».

●

○ *

Я слышал выступление по радио одного из отечественных продюсеров. Я не люблю слово «продюсер». Называть русского человека продюсером так же нелепо, как называть овощной ларек — бутиком. Тем не менее он сам себя всерьез называл продюсером и рассказывал о том, как будет сниматься фильм по роману Фадеева «Молодая гвардия». «Это будет настоящий блокбастер!» — несколько раз повторил он не без гордости.

На вопрос ведущей передачи, кто будет режиссером, тот ответил, что ведет переговоры с одним известным американским режиссером из Голливуда. Но его фамилию пока держит в секрете. Ведущая тут же не без иронии поинтересовалась, неужели в России нет режиссеров, которые могли бы снять «Молодую гвардию». Продюсер без тени улыбки объяснил, что только в Америке есть режиссеры, которые могут быстро и достойно снять экшн. Я тут же представил себе, какой экшн снимет голливудский режиссер по роману «Молодая гвардия». Олег Кошевой будет каратистом. Его друзья — ушуисты. Все стажировались в японской секте «Аум сенрикё». Во время пыток в фашистском гестапо с экрана в зал будет хлестать кетчуп имени Тарантино. Но, самое главное, раз это продукция голливудская, экшн будет заканчиваться хеппи-эндом!

В конце фильма к избитому, без зубов, со сломанными костями, без глаза, в пяти местах простреленному, но находчиво выплюнувшему вместе с зубами все пули Кошевому, который только что перебил... битой для бейсбола 48 эсэсовцев и покончил, наконец, с последним гадом, сбросив его с крыши Краснодарского небоскреба, подходят бойцы неожиданно взявшей город Красной армии. Да и как им было его не взять, если молодогвардейцы всех немцев в нем уложили, повязали... И погнали пинками за десять минут до этого.

— А ю о'кей? — спрашивает благородный генерал Красной армии у окровавленного туловища Кошевого.

— О'ес! Ай эм о'кей! — радостно отвечают остатки его туловища...

К нему подползают останки остальных молодогвардейцев... Все, кому есть чем. улыбаются, поют, танцуют... Звучит музыка... Титры!

•
○ *

Однажды мне посчастливилось быть ведущим вечера русского поэта Евгения Евтушенко. Когда, открывая этот вечер, я поделился со зрителями тем, за что люблю и уважаю Евгения Александровича, и пригласил его на сцену, весь шеститысячный зал Кремлевского дворца встал и аплодировал так, как на Западе аплодируют только президенту страны. Я думаю, что только у нас в России еще есть люди, которые могут встать перед поэтом! Причем немало — целый Кремлевский дворец!

Совестью России всегда были поэты и писатели, а не юристы и не политики.

Это был очень теплый вечер. Несмотря на огромный объем помещения Кремлевского дворца, в начале вечера Евтушенко с микрофоном вышел в зал и затеял со зрителями игру: он начинал читать свои стихи, а зрители их продолжали. В какой еще стране возможно такое знание поэзии? Я понимаю, что сегодня, безусловно, интерес к поэзии снизился, возрос интерес к юмору и сатире.

Когда у общества есть надежды на будущее, его кумирами становятся поэты, а когда надежд нет — сатирики.

Потому что сатира учит тому, что не надо любить, а поэзия — тому, что любить надо.

•
○ *

Этот вечер имел неожиданное и забавное продолжение. Через полгода на кинофестивале в Сочи мы обедали с Евтушенко и Леонидом Ярмольником на набережной. Сидящая за соседним столом девушка узнала меня, подошла к нам и, не узнав Евтушенко, сказала: «Дядя Миша, я была год назад на вашем концерте с этим, ну, с поэтом... Слушайте, я не помню его фамилии... Я пришла на концерт из-за вас... А тот дед оказался такой прикольный!»

У Ярмольника от таких слов вилка с курицей застыла в стоп-кадре и косичка дергаться начала. А девушка продолжила: «Я вообще не знала, что бывают такие классные стихи. После того вечера даже пошла в магазин, купила «Мастера и Маргариту»... Дед же про них рассказывал... Сначала мне не очень понравилось... Но потом просто не могла оторваться. Супер роман! Сейчас пытаюсь еще прочитать «Войну и мир». Пока трудно идет».

Когда она осеклась и сделала паузу в своем пылком монологе, Ярмольник тут же меня спросил: «Скажи честно, это ты ей текст написал?»

Девушка смутилась:

— Простите, я что-нибудь не то сказала?

К этому времени обрел дар речи Евгений Евтушенко:

— Да вы присаживайтесь к нам. Я как раз и есть тот самый прикольный дед.

- - *

Как падает градус образования, когда общество идет по западному пути развития, видно на примерах стран Балтии, где, как и на Западе, уже почти вся молодежь уверена, что Микеланджело и Рафаэль — это черепашки-ниндзя, а Бетховен — собака. При мне в Риге в книжный магазин пришел интеллигентного вида латыш, который, очевидно, получил образование еще во времена Советского Союза, и спросил у современного записингованного во всех местах продавца, нет ли повести Джерома Джерома Клапки «Трое в лодке (не считая собаки)»? На что продавец вполне серьезно ответил: «У нас по собаководству ничего нет».

- - *

У моих друзей в Риге две внучки: одной — три годика, другой — пять. Обе насмотрелись голливудской бесовщины. Бабушка целует трехлетнюю перед сном, а та ей говорит: «Бабушка, не занимайся со мной на ночь любовью».

Однажды трехлетняя после добрейшей российской мультяшки подошла к пятилетней и обратилась к ней, как в сказке: «Ваше высочество!» Но пятилетняя-то уже подседа на американский мультяшечный экшн и отвечает ей: «Не называй меня высочеством. Я сегодня просто шлюха».

В Риге у латышского тинейджера ведущий новостной программы спросил, знает ли он, кто воевал во Второй мировой войне. «Точно не знаю, — ответил тот, — но знаю, что победили латыши!»

- - *

Подражание ЗАПАДу для нас — ЗАПАДня!

- - *

В моем возрасте принято во всем винить молодежь. Она никудышная, недообразованная, ее ничто не интересует, кроме попсы и наркотиков. Это не просто консервативная точка зрения — это мнение людей с законсервированным мышлением, у которых в жизни ничего хорошего, кроме молодости, не было.

Я много шатался по России, побывал во многих ее закоулках и видел множество талантливых и светлоауровых молодых людей. Но их лишили маячков, на которые им можно было бы ориентироваться. Они тоже хотели бы много знать, понимать классическую музыку, путешествовать... Но, во-первых, образование стало сегодня достаточно дорогим, не говоря уже о путешествиях. А на дозу денег всегда хватает. Принял немного «дури» — и ты в Париже! Вернувшись со своим спонсором из Парижа, одна из моделей поделилась впечатлениями с подружками, что особенно ей запомнилась во Франции: «Ой, там есть такая прикольная штучка!..» Она имела в виду Эйфелеву башню.

- - *

Сказать сегодня в компании западников, реформаторов и демократов, что в советское время у нас было лучшее в мире образование, так же неприлично, как снять в обществе штаны. Тем не менее тогда наша молодежь не баловалась наркотиками. Даже толком не знала, что это такое. Потому что образование было настолько широкоформатным, что у молодежи проявлялись разные интересы и они в детстве проявляли любознательность! Только интересы могут защитить молодого человека от «дури». Образование, интересы и любознательность — это иммунитет! Тому, кто увлечен музыкой, путешествиями, спортом, кто кайфует от чтения, тащится от живописи, наркоманить просто скучно. Для него это не есть удовольствие!

- - *

К сожалению, молодежь сегодня даже не знает, насколько пьянство лучше наркотиков. Ведь оно, в отличие от наркоты, развивает чувство юмора. Нельзя же наутро без юмора относиться к тому, что делал по пьянке вечером. В Советском Союзе было необычайно развито чувство юмора, потому что это была пьющая страна. Я бы сегодня даже провел такую акцию «Пьянство — против наркотиков!». Во всяком случае, она была бы честной. А сегодняшние мероприятия-аттракционы под названием «Попса против наркотиков» такая же фальшивка, как «Карлсон против варенья» или «Украинцы против сала».

Тем более глупость арестовывать наркоманов. Наркомания — болезнь, а не преступление! Тогда давайте сажать людей за гастриты, тонзиллиты... Болезни не опасные — одного года

тюрьмы за гастрит вполне достаточно. А вот за подагру, цирроз печени, язву желудка можно дать срок и поболее!

- - *

Я считаю, чтобы наши дети перестали смотреть американские блокбастеры, им ни в коем случае нельзя запрещать их смотреть. Надо учитывать тинейджеровскую упертость и русское желание с детских лет противоречить всему, что предлагают школа, родители и государство. Я же помню себя в 12 лет. Перечитал всего Мопассана лишь потому, что родители мне запрещали его читать. Ничего не понял, но прочитал от корки до корки.

Так что, если мы хотим, чтобы американские фильмы нашим детям опротивели, надо их, наоборот, приговаривать к ним. А еще лучше в школах заставлять писать сочинения на темы:

«Человек-паук — герой нашего времени».

«Бэтмен — луч света в темном царстве».

«Годзилла — ум, честь и совесть нашей эпохи».

- - *

Если б я был президентом, я бы все возможные средства выделил сегодня не на армию, а на восстановление советской системы образования в наших средних школах. Может быть, даже сделал его, как и раньше, бесплатным. И даже, более того, платным. Но платил бы тем, кто учится. Потому что в образованных людях равнодушно государство нуждается.

Такая страна, как Россия, сегодня должна быть сильна не армией, а культурой и духовностью! В истории известно, что страну, которая все время вооружается, в конце концов начинает так распирает изнутри от собственной значимости, что она лопається. Кроме того, зачем нам нужна сильная, но необразованная армия? Она опасна только для нас самих.

Сейчас, пока американцы корчат из себя на Земле главных и пока они не лопнули, как передутый первомайский шарик, у нас есть время заняться своим образованием и культурой. Тем более что на нас никто не собирается нападать. А если и нападет, то нам даже не надо сопротивляться, надо просто сказать: «Ребята, заходите!» — и дожидаться первой зимы! Любой сбежит. А мы продолжим заниматься своим образованием, и его у нас уже никто не отвоюет никаким супероружием.

И ДР... И ПР...

Китайцы могут не бояться, что их когда-нибудь завоюют американцы. Даже если это случится, то все американцы, которые завоюют Китай, уже через пятьдесят лет станут китайцами.

- - *

В казино выигрывает только тот, кто владеет этим казино.

- - *

Говорят, женщины любят ушами. Можно себе представить, как бы повезло крокодилу Гене, если б Чебурашка был женщиной.

- - *

Когда Питер был столицей, Россия всегда была державой интеллектуальной: писательской, научной, театральной... Как только столицей становилась Москва. Россия тут же превращалась в финансовую, купеческую и продажную. Эта разница в градусе интеллекта питерцев и москвичей чувствуется даже сейчас. Нырнешь в московский переулок, какие там магазины? «Одежда», «Антикварный», «Ювелирный»... «Ювелирный», «Антикварный», «Одежда»... А в Питере завернешь за угол с Невского: «Книги», «Очки»... В Питере сохранилась настоящая интеллигентная русская речь. Там еще можно услышать: «булошная», «четверьг», «конешно», «после дождя»... Когда у питерцев возникают проблемы, они говорят: «головная боль», а москвичи говорят: «это геморрой».

- - *

Москва сегодня напоминает бомжа, который сделал себе маникюр, педикюр, надел на грязное белье смокинг и пошел играть в казино.

- - *

Японские рестораны в России стали очень популярными. Пойти в такой ресторан означает нынче показать свою крутизну и приобщенность ко вкусам мировой цивилизации. При этом многие русские мужики просто не могут есть японскую еду: непривычно и очень трудно наесться суши или морской капустой до отвала.

Чтобы не терять клиентов, во многих российско-японских ресторанах стали готовить японские блюда под русский вкус: плов из морепродуктов, пельмени с креветками... Осталось рекомендовать нашим кулинарам научиться делать блины с устрицами, пироги с морской капустой, драники из мидий и сашими из шпрот!

- - *

Не люблю в праздничные дни ходить в гости к людям, которые требуют снимать туфли и надевать тапочки. Сразу портится настроение. Вроде как настраивался, надевал костюм, рубашку, галстук... Несмотря на демократичность нашего времени, многие до сих пор любят ходить в гости в галстуках. Женщины — на каблучках, чтобы ягодицы не катились колесиками по земле. Вдруг, после такой тщательной подготовки хорошего настроения на весь вечер, по приказу хозяев все надевают убитые этими же хозяевами тапочки с подмятыми задниками. Причем такая роскошь — хозяйские тапочки — достается только тем, кто пришел вовремя. А тем, кто припоздал, выдают уже пляжные вьетнамки. Мужчины в костюмах, при галстуках с силой запикивают в эти вьетнамки ноги в носках, в которые врезается перемычка между большим и безымянным пальцами стопы, после чего они напоминают гусей лапчатых. Не говоря уже о том запахе, который распространяется по всей квартире и смешивается с запахом салата «Оливье» и подгоревшей «Шарлотки». Наконец, тем, кто приходит последними, и этого добра не остается. Тогда из закровов прихожих появляются белые тапочки, украденные из турецких и тайландских курортных гостиниц с надписями «Хилтон». «Карлтон»...

Вот видуха! Мужчины в вечерних черных костюмах и в белых тапочках. Хоть в гроб клади! Пока все сидят за столом и едят, еще ничего... Но вдруг кто-то говорит: «А теперь потанцуем?» И тогда начинается самое интересное: танго во вьетнамках и рок в белых, постоянно шлепающих тапочках.

- - *

Футболисты сборной России играют заразительно плохо. С ними плохо играют все команды. Даже мирового класса. Они никак не могут понять, как надо с нашими играть. Их формулы работают против тех, кто бегают по полю. А наши изобрели новый вид спорта — спортивная ходьба с мячом. Между футболистами и чиновниками в России есть общее. Обе эти профессии созданы для того, чтобы позорить отчизну.

- - *

У моих знакомых на Рублевском шоссе за забором в особняке с арками, башенками и голубятнями живет один из крупных боссов современной таможни. У него бультерьер, который с утра лает на соседей, если они ему не дадут хотя бы кусочек еды. Зато, если его с утра покормить, он весь день спокойный, тихий и даже смотрит на соседей ласково и благодарно. Казалось бы, все в порядке, отношения налажены. Ан нет! С утра опять лает, пока не покормят. Как удивительно все-таки собаки перенимают черты хозяев.

- - *

Страны Балтии из кожи вон лезут, лишь бы делать все наперекор России. Вот была бы потеха, если б Россия вступила в НАТО первой! Страны Балтии вынуждены были бы принять мусульманство!

Но, к сожалению, в НАТО Россию не примут никогда. Потому что если Россия войдет в НАТО, то по самые Нидерланды!

Зато со странами Балтии натовцы еще хлебнут «непоняток». Они же географию учили не в Советском Союзе. Для них латыши, эстонцы, литовцы, русские — все на одно лицо, как для нас — киргизы с таджиками и туркменами. Они не знают, что больше половины призывников в их войсках окажутся русскими. Не дай бог какая-то заваруха с Россией начнется, эти солдаты будут стрелять совсем в другую сторону. Не говоря уже о том, что при таком количестве русских солдат половина натовских войск вскоре будет говорить по-русски. Во всяком случае, ругаться — точно.

Наглядный пример. Наши люди посылают в Англию своих детей обучаться английскому. И в предварилровке-райдере пишут: «Только не селите их с русскими». Потому что если двое русских детей в школе подружатся, то вся школа будет говорить по-русски. У русских детей особая энергия. Мне эстонцы жаловались: присылают на лето русских детей на эстонский хутор обучаться эстонскому. В результате к осени даже собаки лают по-русски. Англичане же — бюрократы, они исполняют точно все требования райдера: «С русскими не селить!» И селят их с казахами, украинцами, белорусами... В результате через год английская школа по речи ничем не отличается от эстонского хутора!

- - *

Западу рано хвастаться, что они нас во всем обыграли. Еще не вечер. Наша непредсказуемость для них не-вычислима. Например, только у нас человек, который едет по встречной полосе, может получить удар сзади. Да, мы сейчас сзади. Но они-то явно выехали на встречную полосу!

ИЛЛЮСТРАЦИИ

1949 год.

Мише задали вопрос: — Кем ты хочешь быть?

Авиационным инженером. Чтобы делать самолеты, которые летают вон там

А главное, я не понимаю, как из этого серьезного начинающего человека мог получиться несерьезный сатитрик?

Фотография сделана в кабинете моего отца

Моя мама Елена Мельхиоровна

Я выбрал себе родителей уже в тот момент, когда они познакомились. Что-то мне в этой их встрече понравилось!

Мой отец известный писатель Николай Павлович Задорнов

Он меня не пилит, а я пилю дрова

Миша с мамой. Рига, 1958 год

Драмкружок 2-го класса.

По-моему, я репетирую роль абрикосовой косточки

Пионер, ты в ответе за все!

5-й класс. «Первая вечеринка» в предвкушении шипучки, салатов и особенно белого танца

Я должен, должен прыгнуть выше головы!

Есть рекорд школы!

В теннис я играл и до Ельцина

10-й класс. А. Н. Островский. «Доходное место».

Даже я не знаю, кто из этих мужиков я, а кто Володя Качан

М. Светлов, «Двадцать лет спустя».

Качан — тот, который без усов. С недоверием слушает мои заверения о том, что «вся власть уже в наших руках»

Школа уже позади.

Подающий надежды молодой самоуверенный автор

Студент МАИ среди студенческого братства

Сценка из нашего студенческого спектакля, в котором я играл доброго грузина

БАМ. Наш театр на отдыхе между репетициями в какой-то избе, куда нас всех поселили

Будущий офицер ракетных инженерных войск, будущий писатель

Из всех журналов в юности я больше всего любил, простите за тавтологию, «Юность». Разве мог я предположить, что когда-нибудь буду в нем работать? И кем? Заведующим отделом сатиры и юмора. Заведующим! Правда, в моем отделе никого не было, кроме меня. Отдел одного заведующего! Если честно, я заведовал не людьми, а письмами. Отвечал на наиболее глупые под псевдонимом Галки Галкиной. Иногда в журналистской среде меня так и представляли: «Знакомьтесь, Галка Галкина». И на меня все смотрели с уважением. Но главное, в гостях у нашей редакции бывали все великие!

Вот и на этом снимке: рядом с Андреем Вознесенским юная Виктория Токарева, рядом с

Юнной Мориц — Булат Окуджава, а между закуривающим Аркановым и некурящим Виктором Славкиным стою я — пока еще Галка Галкина

«Литературную газету» все юмористы особенно уважали. Она учредила самую завидную для юмориста премию «Золотой теленок». Это была самая дорогая для того времени премия, в ней одновременно были и золото, и телятина

Благодаря передаче «Вокруг смеха», я познакомился с приличными людьми, на этот раз с Михаилом Боярским и с Вячеславом Малежиком

Когда знакомые смотрят на эту фотографию, они с нескрываемым сожалением восклицают: «Какие же вы были хорошенькие!» Поэтому я ее больше никому не показываю

Не знаю, чье выступление мы слушаем, но нравится даже Аркану! Это редкость

Евгений Петросян всегда был человеком благодарным. В частности, считал: авторы, которые для него писали, недостаточно оплачиваются по закону, и старался что-то для них сделать. Например, нас с Аркадием Хайтом (автором мультфильмов «Ну, погоди!», «Кот Леопольд») пригласил поехать на гастроли в Венгрию. Добился того, что нас «выпустили» под его ответственность.

А Венгрия в то время для советских людей была как некий огромный супермаркет для бездомных

С Викторией Токаревой в Юрмале. 1985 год

Учительница остроумная моя!

Наводнение на Амуре.

Отец подключает меня к земле-матушке. Отключает от того, что в будущем будет называться «гламуrom»...

1977 год, г. Хабаровск. Краеведческий музей.

Наш агиттеатр «Россия» и друг отца — писатель Всеволод Сысоев — охотник, природовед, таежник... Водил нас с отцом по тайге, сплавились с ним по рек Хору — притоку Уссури, жили в удэгейской деревне

Отец сам любил путешествовать, встречаться с разными людьми. На этой фотографии он со своими читателями — моряками в Советской гавани

Отец и его Амур-батюшка

Я думаю, что отец, если бы узнал о нашем путешествии по Африке, понял, что я все-таки кое-что понял

И мне удалось их воспитать тем, что они воспитывали меня

С моим другом Всеволодом Сысоевым у памятника отцу в Хабаровске на набережной Амура-батюшки

А моя дочь выбрала меня по профилю,

поэтому всегда отворачивается от фотоаппарата

или успевает надеть на лицо недовольство тем, что фотография у нее, как у человека природы, отнимает частичку души!

С мамой и ее сестрой в их квартире в Риге

С мамой на даче в Юрмале, 2000 год

Как мне надоела сатира!

Алтай подо мною

Хребет земли — Кордильеры

Мой личный гималайский мишка. Много «далей» и «весей» повидал он, сидя в моем рюкзаке

Вот так когда-то и отчалила Южная Америка от Африки

Школа на плавучих островах у инков в Перу на озере Титикака. 4500 метров над уровнем моря. Слева от меня, извините, учительница

Обычный заурядный вождь, который верным путем ведет свое племя. Рядом кто-то из родственников: жена или дочь. Разве их, вождей, поймешь?

В самом сердце «Бeverли-Хиллз». Самый гламурный гламур! Не хватает только красотишки

Отель на Синае. В нем не место «скоробудам»!

МИХАИЛ ЗАДОРНОВ — ПАПАРАЦЦИ

Учиться, учиться и еще раз учиться!

Жалко, что этих слоников нельзя увезти собой и поставить на комод!

Без комментариев

На первом теннисном турнире «Кубок Кремля» (снимок перепечатан из газеты «Московские новости»). Иностранный корреспондент узнал, что рядом с Ельциным Михаил Задорнов, и решил, что это член экономического совета, поэтому и поместил снимок в газете с

подписью: «Президент России с подающим надежды (опять подающий надежды!) экономистом»

Три товарища — с Володей Качаном и Леной Филатовым

Евгений Евтушенко у меня в гостях в Юрмале.

Наши дни рождения рядом! Решили отпраздновать вместе. Вечер назвали «День рождения на двоих»

У Александра Ширвиндта в шутке всегда только доля шутки! Остальное — правда

Наш первый теннисный матч с Никитой Сергеевичем. О счете умалчиваю сознательно

Алле Борисовне всегда (на ушко) кто-нибудь признается в любви, не замечая даже, что их сейчас фотографируют

Кто бы мог подумать в те далекие шестидесятые годы, что Наташа Варлей будет играть главную роль в моей пьесе «Куплю вашего мужа»?

С Василием Лановым за несколько минут до яичницы по-кипрски

С Михаилом Михайловичем мы всегда были в хороших отношениях, потому что никогда не дружили

С Максимом Галкиным мы до сих пор в хороших отношениях, несмотря на то что дружим! И довольно часто. Раза три в месяц, как минимум!

INFO

Задорнов М.

3-15 Антология Сатиры и Юмора России XX века. Том 53 / Михаил Задорнов. — М.: Эксмо, 2008. — 576 с.: ил.

ББК 84(2 Рос-Рус)6-7

ISBN 978-5-699-21729-8 (т. 53)

ISBN 5-04-003950-6

Литературно-художественное издание

Михаил Задорнов

АНТОЛОГИЯ САТИРЫ И ЮМОРА РОССИИ XX ВЕКА

Том пятьдесят третий

Ответственный редактор М. Яновская

Редактор Ю. Кушак

Художественный редактор А. Мусин

Технический редактор Н. Носова

Компьютерная верстка О. Шувалова

Корректоры Е. Сырцова, Е. Неделева

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.

Тел. 411-68-86,956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru

E-mail: info@eksмо.ru

Подписано в печать 12.02.2008.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Букмэн».

Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 30,24 + вкл.

Тираж 10000 экз. Заказ Ns 4003.

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822)44-52-03,44-50-34,

Телефон/факс: (4822)44-42-15

Home page — www.tverpk.ru

Электронная почта (E-mail) — sales@tverpk.ru

.....

Отсканировано Pretenders,

обработано Superkaras и Siegetower

FB2 — mefysto, 2023